

Юлия Набокова Побег из сказки

Текст предоставлен издательством «Альфа-книга» <http://www.litres.ru>
«Ю.Набокова Побег из сказки»: Армада, Альфа-книга; Москва; 2007
ISBN 5-93556-824-1

Аннотация

Когда серые будни вдруг оборачиваются феерическими приключениями, а жизнь превращается в сказку, не спешите ликовать. Вполне возможно, что уже через пару дней вам захочется из нее сбежать. Вот только выбраться из сказки куда сложнее, чем в нее попасть. Да и знания, почерпнутые из книг, оказываются совершенно бесполезны. Приходится рассчитывать только на свои силы и проявлять чудеса сообразительности. Провести танцевальный мастер-класс для русалок? Нет проблем! Отпугнуть продукцию сумасшедшей травницы? Легко! Побывать анти-Золушкой? Предупреждать надо! А все из-за своейвольной выпускницы Школы магии, сбежавшей со стажировки в средневековом королевстве и по неосторожности отправившей нашу современницу на свое место. Ах, начинающей волшебнице сейчас тоже несладко приходится? Ну и поделом ей! Будет знать, что с волшебством шутки плохи, а со сказками – тем более.

Юлия Набокова Побег из сказки

В средневековом королевстве Кукуй который день бушевали страсти. Крестьяне требовали повышения удоя и увеличения урожая. Аристократы жаждали любовных приключений и богатых невест. Даже король, и тот ожидал появления наследника и жаждал мира с мятежной Ассантой. И всем этим должна была заниматься она, официальная волшебница Кукуя!

– О времена, о нравы! – мрачно изрекла Кларисса, изучая очередь из роскошных карет,

крестьянских повозок, породистых лошадей и тощих кляч, выстроившуюся от ворот замка до самого Ясеневого леса. Собравшихся не смущал ни дождь (вопреки чистому небу), зарядивший с утра, ни объявление на воротах, гласившее, что сегодня приема не будет. Народ жаждал чудес и отказывался подчиняться какому-либо расписанию.

— О небеса! — простонала Кларисса, отходя от окна.— За что мне это? Так больше работать нельзя! Решено, беру отпуск! А что? Имею право!

Волшебница выдвинула ящик стола и выудила из груди пожелтевших свитков, тонких пергаментов и смятых бумажных оберток от конфет «Мишка косолапый» паспорт на имя Вольской Ларисы Андреевны, 1983 года рождения, уроженки Москвы.

Решено. Надо бежать из этого бардака куда глаза глядят. А куда им еще глядеть, как не в родную Москву? Лариса скользнула взглядом по пустым оберткам. Тем более, запас сладостей иссяк и срочно нуждался в пополнении. Девушка нервно прошла по кабинету. К тому же она на вредной работе. Не каждой современной волшебнице, окончившей Высшую школу магии, достается распределение в отсталое средневековье. Более того, она законопослушная чародейка и как честная труженица, согласно договору, имеет право на законный отпуск!.. Наверное... Надо бы как-нибудь все-таки почитать контракт. Хотя это не контракт, а какое-то многотомное издание романа «Война и мир», которое навевает скуку уже на первых пятидесяти страницах. А чего там читать? Одни обязанности и повинности, никаких тебе прав и премий. Нет, ну должно же у нее быть право на отдых?

Лариса щелкнула пальцами (совершенно бесполезный жест, не несущий никакой магической нагрузки, но ей нравился) и поменяла громоздкое платье из парчи на демократичные джинсы и короткую маечку с честной надписью «I'm a witch». И пусть потом не говорят, что она не предупреждала! Затем пошарила по карманам джинсов и обнаружила сторублевую купюру. Не густо. Девушка выгребла из шкатулки несколько золотых монет и драгоценных камней,— здешняя зарплата волшебницы,— бросила их в батистовый платок, который завязала в узел. Напоследок сунула в карман свой паспорт и сжала в ладони амулет перемещений. Сердце радостно ёкнуло, и волшебница приступила к последнему этапу ритуала. Теперь надо представить место в Москве, где бы она хотела немедленно оказаться. Живое воображение мигом нарисовало сияющие витрины ГУМа и лоток с самым вкусным в мире мороженым...

Тем временем неудачливая абитуриентка Глаша Коротоножко, только что с треском провалившаяся на вступительном экзамене в ГИТИС, забрела в ГУМ, чтобы заесть свою печаль ударной порцией пломбира и умереть в расцвете своих семнадцати лет, красоты и таланта назло привередливым преподавателям.

Вообще-то Гликерия мечтала о карьере журналистки, чтобы на полных основаниях иметь возможность совать свой любопытный нос в чужие дела, подслушивать, подсматривать, выискивать сенсации и собирать компромат. Она даже проштудировала на досуге несколько учебников и ознакомилась с правилами написания репортажей, проблемных статей и новостных заметок. Но с журналистикой у нее так и не сложилось. В одних вузах требовали от поступающих багаж из уже опубликованных статей («Странная логика! Если тебя уже печатают, зачем еще и учиться?» — недоумевала Глаша), в других — отличное знание иностранного, а с языками у мадемуазель Коротоножко тоже не заладилось. Так что Гликерия даже документы подавать не стала, решив попытать счастья на актерском поприще — уж что-что, а кривляться она всегда умела. Какие спектакли она закатывала перед учителями, чтобы отпроситься с контрольной, какие представления давала родителям, дабы избежать обязательной дачной повинности и провести выходные в городе, а не на пыльном огороде! Зрители не оставались равнодушными и принимали все за чистую монету. Глаша по праву могла собой гордиться. А вот комиссия актерского вуза ее старания не оценила. А она ведь едва лоб себе не отбила и все занозы на полу коленками собрала, когда читала монолог главной героини из пьесы Метерлинка «Принцесса Мален», соригинальничать хотела. Кто же знал, что профессора сплошь ненавистниками Метерлинка окажутся. Иной причиной их

решение Глаша объяснить не могла, ведь игра ее была бесподобной, сегодня она превзошла саму себя! Ну да чего уж там...

Девушка протянула деньги, взяла вафельный стаканчик, лизнула шоколадное мороженое, передумала умирать и повернулась к витрине ювелирного, собираясь поглазеть на красивые безделушки. Вот только вместо бриллиантов от Тиффани и кольца от Картье она уткнулась в глухую каменную стену, пахнущую сыростью и плесенью. Глаша повернулась к продавщице мороженого и с удивлением обнаружила пропажу белокурой толстушки и превращение современного прилавка в старинный кованый сундук...

Валентина Бабахина, работающая продавщицей мороженого, за пять лет своей сладкой службы видала всякое. К тому же зрением она была слабовата, да и давление скакало будь здоров. Поэтому, когда высокая рыжая девчонка, только что расплатившаяся за шоколадный пломбир, сделав несколько шагов к витрине ювелирного бутика, растворилась в воздухе, Валентина не особенно удивилась, сославшись на томительную духоту и разыгравшееся давление. Оглядевшись по сторонам и с удовлетворением заметив, что посетителей вокруг нет, Бабахина положила руку на пульс и собралась произвести нехитрые расчеты, как вдруг откуда ни возьмись на лоток налетела странная девица с взлохмаченными черными волосами и с узелком в руках.

— Куда прешь? — возмутилась Валентина, ухватившись за лоток и уткнувшись взглядом в голый живот смутьянки, который бесстыдно приоткрывала игривая маечка с надписью на другом языке. Иностранка что ли?

— Вау! — взвизгнула девица на чистом русском и впиалась глазищами в лоток с мороженым. — Хочу крем-брюле, пломбир и вот это, зелененькое!

Рассчитавшись мятой сторублевкой, покупательница поочередно вгрызлась в мороженое разных сортов, блаженно закатывая глаза, и зашагала по коридору между бутиками, вертя головой то направо, то налево.

— Ненормальная, — покачала головой Валентина и положила руку на пульс.

В дверь тем временем активно ломились. Осторожно приоткрыв тяжелый засов, Глаша чуть не отлетела в противоположный угол комнаты. В тот же момент внутрь ввалились трое чумазых бродяг и пятеро разодетых франтов. Все они в замешательстве вытаращились на Гликерью. Та потрясенно уставилась на странных туристов и нервно лизнула мороженое. Уж не в трагедию ли Метерлинка она попала? Что, если ее прочувствованный монолог так тронул дух великого драматурга, что тот принял ее за подлинную принцессу Мален и перенес во времена действия своей пьесы?

— Мериталь вандербру Кларисса?¹ — обалдело молвил низенький и круглый как колобок щеголь со смешным кружевным воротничком.

— Ду ю спик инглиш? — наивно поинтересовалась Глаша.

Ее рука дрогнула, шарик шоколадного мороженого скатился с вафельного рожка и плюхнулся вниз, оставив на пушистом белом ковре мокрое кофейное пятно.

Посетители попятились назад и с воплями исчезли в темном проеме коридора.

* * *

Лариса летела по коридору между магазинов, и душа ее пела. Она покинула Москву три года назад и все это время скучала по шуму и огням родного города. Но только сейчас, забегаая в бутики главного универмага столицы, примеряя диковинные беретки и безумные браслеты, вдыхая ароматы модных духов и перебирая пробники с помадой, глядя на загорелые тела столичных красоток и скользя в толпе празднующихся граждан, Лариса

¹ А где мадам Кларисса? (Пер. с кукуйского.)

поняла, как же сильно ей всего этого не хватало. Нежных духов, а не едкого одеколona с примесью фиалковой воды. Золотистого загара, а не бледной от густых белил кожи. Смешных береток, а не вычурных шляп, каждая из которых по виду может смело претендовать на предмет искусства, а по весу – на орудие пытки. Дешевых пластмассовых браслетов, а не дорогих антикварных украшений. Ведь она еще совсем молодая девушка, а не зрелая дама! В какой-то момент волшебнице захотелось закричать: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!» и больше никогда-никогда-никогда не возвращаться в скучный, безнадежно отставший от жизни сонный и провинциальный Кукуй.

Лариса перебирала вешалки с одеждой и стопки маечек, выхватывала с полок флакончики и разглядывала косметику, но не сделала ни одной покупки. Она могла бы купить весь магазин на один лишь камешек из тех, что лежали в ее узелке. Но зачем? В Кукуе ей негде носить короткие сарафаны и цветные чулки, а здесь всегда достаточно щелкнуть пальцами, представив образ желаемой вещи, и она тут же появится у нее в руках. Правда, коллегия магов такие фокусы не одобряет, потому что у подобного волшебства есть какой-то побочный эффект, который Лариса, как всегда, не помнила, предпочитая не забивать голову ненужной информацией. Но не так уж часто она к этому прибегает, чтобы вызвать нарекания у начальства.

Пожелав еще раз полакомиться мороженым, девушка вышла из магазина на Красную площадь с двумя стаканчиками пломбира в руках.

На противоположном конце универсама Валентина Бабахина ахнула, заметив пропажу двух порций крем-брюле. Продавщица завертела головой в поисках вора, но никому из посетителей не было дела до ее лотка, а последний покупатель подходил минут десять назад, аккуратно расплатившись за шарик ванильного, и Валентина точно помнила, что после его ухода крем-брюле было на месте. Бабахина на всякий случай ущипнула себя за локоть, но исчезнувшее мороженое не появилось. Тогда продавщица потрогала лоб, пробормотала: «Опять давление разыгралось!» и положила руку на пульс...

Съев мороженое на Красной площади, постояв у Храма Василия Блаженного и поглядев на чистое московское небо, Лариса быстро зашагала к метро. Несмотря на отсутствие грозowych туч, в небе уже появились первые, невидимые простому человеку вестники дождя. Не пройдет и двадцати минут, как мостовая заблестит от воды, туристы заторопятся в автобусы, а празднующая молодежь хлынет в ГУМ, искать убежища от ливня и лопать самое вкусное в мире мороженое.

По дороге Лариса завернула в ювелирный и обменяла самый мелкий, размером с вишню, рубин из своей коллекции на пачку бумажных купюр. Так-то лучше. Затем купила у скучающей лоточницы дешевый китайский зонтик и со спокойной душой нырнула в метро.

Волшебница ни секунды не сомневалась, куда отправиться. За три года в Кукуе она совсем отстала от жизни и страшно соскучилась по кино. Наверняка за это время Киану Ривз, Антонио Бандерас и Джордж Клуни успели сняться в паре-тройке интересных картин, и, если повезет, сегодня ей удастся попасть на одну из них.

Лара ступила на эскалатор и занялась своим любимым времяпровождением, а точнее – времяубиванием: рассматриванием лиц пассажиров, движущихся по соседней дорожке.

Если бы с ней была Ксю, она тут же выдала каждому из них по обстоятельному диагнозу. Ксения в их школе магии слыла талантливой целительницей и могла с первого взгляда определить наличие гастрита, плеврита и прочей хвори в организме. Иногда, когда они ехали в метро и болтали о лекциях и симпатичных студентах, Ксюша вдруг замирала, сканируя взглядом только что вошедшего пассажира, а затем наклонялась к нему и доверительно сообщала: «Проверьте почки!», «Будьте осторожней с холестерином», «Бросайте свою работу, иначе геморрой неизбежен». Обычно огорошенные люди вылетали из поезда на следующей же остановке или предпочитали забиться в противоположный конец вагона. Но попадались и такие, которые с жадностью набрасывались на Ксюшу, приговаривая: «А вот у меня еще сердечко пошаливает. Все ли с ним в порядке? А вот еще желудок беспокоит. А что бы вы посоветовали по поводу камня в желчном пузыре?» Тут уж

приходилось Ларисе с Настей спасать Ксюню. Хотя та, добрая душа, частенько с готовностью откликалась на просьбы, щедро раздавала консультации и номера телефонов их дипломированных целителей и нередко так увлекалась, что проезжала свою остановку, если рядом не было подруг, чтобы спасти ее из цепких рук болящих граждан. Интересно, где она сейчас? После выпускных экзаменов Ксюшку распределили в один из средневековых миров в самый разгар чумы, и Лариса очень надеялась, что той удалось победить опасную заразу и уцелеть самой.

Спуск в метро был долгим, девушка продолжала перебирать взглядом лица пассажиров.

Если бы рядом была Настя, она бы поставила пассажирам диагноз другого рода. Тот счастливо женат, этот разведен, блондинка в розовом безумно влюблена, а брюнетку в синем только что бросил парень. Глядя на бесстрастное лицо брюнетки и недовольную мину на личике блондинки, уткнувшейся в какой-то модный журнал, Лариса ни за что бы не догадалась, что творится у них на душе. А вот для Настасьи чувства и переживания окружающих были раскрытой книгой. Преподаватели прочили Настю в ряды «любовных фей», как, посмеиваясь, называли специалисток по любовной магии студенты, и Настена не имела ничего против, это было ее подлинное призвание.

В отличие от шарлатанов, промышляющих «стопроцентными приворотами» и «сексуальными привязками», выпускницы школы магии свою деятельность не афишировали, объявления в газетах не давали и предпочитали оставаться в тени. Но благодаря их стараниям число влюбленных пар и счастливых браков неуклонно росло. Иногда для этого было достаточно анонимного послания с нежным признанием или подножки в толпе метро. Бац! И неприступная сотрудница офиса уже нежно улыбается застенчивому менеджеру, подозревая его в авторстве. Опля! И мужчина, который только что чуть не прошел мимо, уже держит в объятиях свою вторую половинку. Дальше дело уже за ними. Феи не навязывали людям своих решений, они лишь подсказывали им верное направление и близкого по духу человека.

Будь Настя сейчас рядом, она бы развлекла Ларису тем, что подобрала хмурой брошенной брюнетке потенциального бойфренда из толпы на эскалаторе. Вряд ли бы он смог составить счастье всей оставшейся брюнеткиной жизни, для этого одной эскалаторной выборки особей мужского пола недостаточно, но в качестве промежуточного звена между подлым изменником и идеальным избранником вполне бы подошел и скрасил мрачные брюнеткины будни, осушил ее слезинки и вернул на уста улыбку. Иногда Лариса поражалась, как в Настасье, воплощающей в себе способность к самой романтической магии, уживаются романтика, и утонченный цинизм. Но, видимо, таковы «любовные феи» нового поколения: в отсутствие большой и чистой любви они признают и право подопечных на чувственную и головокружительную короткую связь. Интересно, где сейчас Настасья? Кажется, ей одной из всей их выпускной группы удалось избежать распределения в другие миры. Наверное, педагоги посчитали, что в современном мире с любовью дела обстоят хуже, чем в параллельных измерениях, и одинокие сердца сограждан нуждаются в участии «любовных фей» больше, нежели рыцари и прекрасные дамы средневековья.

Лариса сошла с эскалатора прямо в море спешащих пассажиров, людской поток подхватил ее и потянул за собой в фойе. Метро стирало индивидуальности: попадая туда, каждый становился лишь песчинкой в толпе. Гасли улыбки, тухли глаза, люди машинально надевали маску усталого пассажира и прятали лица за обложкой детектива или в газете соседа. Только Лариса чувствовала себя как рыбка в воде. Метро было под стать ее магии – магии перевоплощений. Ее коньком была смена личин, умение морочить головы. Редкий дар, когда-то казавшийся ей гнусным и бесполезным, отчего-то приводил в трепет преподавателей и вызывал восторг сокурсников. Попадая в школу магии, Лариса впервые перестала его стыдиться и с радостью демонстрировала свои способности к изменению внешности, представляя перед удивленной публикой то директором школы, то школьной буфетчицей, то одним из студентов.

Ее дар сыграл с ней злую шутку. Среди учащихся она пользовалась необыкновенной популярностью – девушкам хотелось вызвать зависть у подруг, появившись в компании под ручку с прекрасным по всем параметрам принцем или сфотографироваться с Брэдом Питтом, юношам – поцеловаться с Анджелиной Джолли или заставить ревновать неприступную соседку, прогулявшись под ее окнами с фантастически красивой незнакомкой. Поначалу Ларису это забавляло, и она шла навстречу желаниям знакомых (и не очень) студентов. Но со временем она поняла, что стала заложницей своего магического таланта: никто не видел в ней девушку, никто не интересовался ее личностью. Сама по себе довольно привлекательная и интересная, Ларочка была никому не нужна – ее ценили только за способность перевоплощаться в звезд и недоступных мужчин и женщин. Только Настя и Ксю стали ей настоящими подругами и никогда не пользовались ее даром в своих целях, остальные не упускали возможность злоупотребить безотказностью добродушной, не умеющей сказать «нет» Ларисы.

Она научилась говорить «нет» не сразу, постепенно. Перестала идти на поводу у легкомысленных однокурсников и соглашалась помочь только тогда, когда речь шла о по-настоящему важных вещах. Заменяла у одра умирающей матери беспутную дочь, которая отказалась прилететь из другого города. Выгнала из дома мужа-алкоголика под видом и по просьбе его слабохарактерной жены, у которой не хватало на это духа. Навестила школьницу, пытавшуюся покончить жизнь самоубийством из-за безответной любви к кумиру, в образе того самого кумира и проговорила с ней всю ночь, своими разговорами и поведением мягко убедив в том, что смазливый певец – не принц из сказки, а парень со своими тараканами, которые девчонке даром не нужны.

Именно к таким делам, способным изменить чью-то жизнь к лучшему, избавить от иллюзий и исцелить людские души, готовили Ларису преподаватели. Именно этим тайно занималась она в Кукуе, расстраивая придворные заговоры, предупреждая войны, низвергая злодеев, выводя на сцену новых героев и между делом улучшая жизнь простых кукуйцев. Официально же волшебница Кларисса вела прием населения, щедро раздавала чудодейственные зелья и творила нехитрую магию, которая входила в стандартный учебный план высшей школы. За два года обучения в ней неумелые и закомплексованные подростки, которых находили маги по всей стране, переставали стыдиться своих необычных способностей и превращались в успешных молодых специалистов в этой области. Их семьи оставались в полном неведении относительно истинных занятий своих детей и их дальнейшей работы: это было одно из важнейших правил обучения и дальнейшей работы в коллегии магов. Для каждого ученика существовала своя легенда, которая подкреплялась дипломом российского вуза. Родители были уверены, что их дети – обычные студенты, и даже не подозревали, что на самом деле представляют собой их «заграничные» стажировки. Так же как и потом не догадывались об их настоящей деятельности.

Помариновавшись в метро, насладившись ароматами подземки и наглядевшись на хмурые лица москвичей и гостей столицы, Лариса, доехав до «Курской», с наслаждением выпорхнула из метро, раскрыла зонтик и под кислотным городским дождиком, маневрируя между луж, зашагала к торговому центру «Атриум», на верхних этажах которого располагался многозальный кинотеатр. Давненько она здесь не была. Уже три года прошло. Сколько событий за это время потрясло тихий Кукуй, а тут как будто ничего не изменилось. Все так же спешат люди, все так же выбегают на крыльцо модницы с хрустящими бумажными пакетами в руках, все так же суетятся улыбчивые продавцы.

У дверей Лариса встряхнула зонт, оставив на асфальте цветную лужицу китайской краски, затем оглядела окрашенные в голубой цвет ладони и сунула изделие узкоглазых умельцев в урну. Когда она выйдет из кино, оно ей уже не понадобится. Небо будет чистым, и лужи на асфальте высохнут.

* * *

К вечеру весть о том, что Клариссу свергла еще более могущественная ведьма, да не где-нибудь, а прямо в ее личных покоях, взломав все возможные защитные заклинания и оставив от великой волшебницы одно мокрое место, облетела все объединенное королевство. Толпа у ворот рассеялась, предусмотрительно решив, что лучше присмотреться к новой колдунье на расстоянии, нежели пасть жертвой ее гнева, как и несчастная Кларисса.

Слуги, живущие в замке, забились по своим каморкам и нос наружу боялись показать. Глаша тем временем слегка отошла от потрясения, осмотрелась на месте в поисках духа Метерлинка или его телесного исполнителя, никого не обнаружила и решила поискать ответы за пределами комнаты.

Девушка как-то сразу поняла, что очутилась в средневековье, и с любопытством юного натуралиста побежала осматривать замок: от высокой башенки, в которой она оказалась, до самых его подвалов. Здание оказалось большим и старинным. Его потемневшие камни, уходящие в никуда темные узкие коридоры и особый аромат прошлого, который было сложно описать словами, исключали всякую возможность того, что Глаша попала в павильон Мосфильма или стилизованный под старину замок современного чародея.

Ей не было страшно, нет. Гликерья боялась другого – вдруг все эти потемневшие от веков стены с тускло подмигивающими факелами и тяжелыми дубовыми дверями исчезнут и она окажется стоящей посреди сладко пахнущего зала какого-нибудь банального магазина косметики, каких полно на первом этаже ГУМа, а ее приключения в средневековье закончатся, не успев начаться.

А возвращаться обратно она не хотела. Куда? Домой, в ее крошечную комнатку в хрущевке? К кому? К родителям, которые мигом поникнут, узнав, что дочку не взяли в актрисы? Правда, сейчас предки чешут по Алтаю и вернутся только через две недели... Но Глаша так и представляла себе, как папа ободряюще хлопнет по плечу: «Не расстраивайся, дочь! В следующем году поступишь!», а мама укоризненно покачает головой и скажет: «Надо было идти на социологический, там всего 0,8 человека на место». Смешно! Как на место полноценного студента может претендовать такая ущербная часть человека? Когда Глаша впервые про это услышала, она фыркнула, представив себе студента без головы, а рядом с ним соседа без руки или ноги. Это все и решило. Не могла Глаша быть такой, как все. Тем более не могла она быть хуже, чем остальные. А что может быть хуже, чем поступить на факультет, где для того, чтобы тебя приняли, достаточно быть ноль целых восемью десятками человека? Нет, амбициозная Глаша не могла оценить себя так низко!

И теперь ее душа ликовала: то, что с ней случилось, было лучшим доказательством, что она не такая, как все, и, быть может, даже одна на миллион! Иначе с чего бы это Метерлинк, или кто там, выбрал для ответственной миссии именно ее, Гликерью Коротоножку? «Дал же папаня имя и фамилию», – в который раз погрустнела девушка. Мало того что с детского сада за ней прилепился целый шлейф кличек, и дня не проходило без того, чтобы кто-нибудь не прокричал обидное «Рыжий-рыжий-конопатый, убил дедушку лопатой» и «Лукерья – растопырила перья», так еще и с фамилией так повезло! В садике и поначалу в школе было еще терпимо. Ну подумаешь, Глашка-коротконожка! Что тут такого? Ноги у нее и в самом деле тогда были коротковаты. А вот в старших классах, когда Глаша начала стремительно вытягиваться вверх и переросла всех девчонок-ровесниц, сделалось совсем тяжело. Теперь уже ее перестали дразнить именем и цветом волос, а всласть принялись склонять фамилию. Еще бы, Коротоножка с ногами длиной в метр двадцать, при общем росте 182 см, это сильно! Ладно бы дразнили, как всех, дылдой, оглоблей, колокольней или вешалкой, так каждый норовил снисходительно обронить: «Эй, Коротоножка!» И ведь сколько раз Глаша плакала в подушку и мечтала, как только ей исполнится шестнадцать, сменить издевательскую фамилию на какую-нибудь нейтральную Соловьеву или Петрову. Но мечты остались мечтами: она так и не решилась огорчить папу, добродушного рыжего великана, с гордостью носившего фамилию Коротоножка. Он всегда с радостью рассказывал о своих славных предках, среди которых были бесстрашный военный летчик, знаменитый партизан, талантливая оперная певица и героиня труда, и любил повторять: «Не фамилия, Глаша,

красит человека, а человек фамилию». И вот теперь и ей выпал шанс прославить их род. Нет, ну не просто же так она сюда попала! Это было бы слишком обидно, и девушка сразу отвергла такое нелепое предположение.

Тут и дураку понятно: она, Глаша, уникальна. И только она может спасти этот мир от вмешательства злых сил! Правда, в чем ее уникальность, Глаша пока не понимала, как спасти мир, не имела ни малейшего представления, да и со злыми силами встречаться ей прежде тоже не приходилось. Если не считать приемной комиссии, которая так недружелюбно закрыла перед ней двери театрального вуза и разбила мечты о киносъемках, покорении Голливуда и получении заслуженного «Оскара» за роль в фильме с Томом Крузом. Но ей, Глаше, этих нюансов знать и не обязательно. К счастью, фэнтези о перемещениях в мирах она читала (и предостаточно!) и была уверена, что вот-вот появится главный режиссер представления и...

1) расскажет о ее скрытых талантах (она бы предпочла магию умениям владения мечом, для девушки это как-то изящнее);

2) посетует на бедственное положение королевства, спасти которое от неминуемой гибели в лице распоясавшихся гоблинов (кровожадных вампиров сумасшедшего чародея, вменяемого злодея и так далее) сможет только она;

3) представит ей команду помощников, в которой непременно обнаружатся прекрасный принц, верная подруга, искусный маг (или, если не повезет и автор окажется шутником, волшебник-недоучка) и вредный, но незаменимый воин;

4) и, само собой, снабдит всеми необходимыми инструкциями по ликвидации врага и волшебными предметами, которые помогут приблизить день победы.

Правда, не во всех книгах все так гладко. Бывает еще и ироническое фэнтези, где ехидные авторы беспощадно издеваются над героями, выставляя их наивными дурачками и неудачливыми дурочками, не замечающими очевидных вещей, водящими дружбу с заклятыми врагами и порой даже помогающими тем не только вырыть собственную могилку, но еще и возвести вокруг нее оградку да камешков на памятник натаскать. Эти хулиганистые писатели никогда не раскрывают перед героем все карты, заставляя его бродить по свету, искать то, незнамо что, попутно убивая монстров и попадая в разные идиотские ситуации. А в конце еще оказывается, что герой, убежденный в собственной уникальности и неповторимости, попал в средневековое королевство с гордым названием Фигадуль по ошибке. Что его, собственно, никто не звал и таланты его ограничиваются приобретенным умением криво махать мечом, спастись бегством и собирать вокруг себя толпу таких же, как и он, неудачников, которые только по фантастической (несовместимой с жизнью) глупости неприятеля умудряются в конце одержать победу. Вот идиотство! Но уж Глаша-то никому не позволит сделать из себя дурочку и не разрешит водить себя за нос. С ее-то недюжинным умом и сообразительностью она мигом определит, кто друг, а кто враг, вычислит максимально короткий путь к победе и поведет свою команду к счастливому финалу – безо всяких продолжений. Они, как известно, испортили много хороших книг и кинофильмов.

Глаша уже успела обойти весь замок с верхних этажей до подземелья (правда, туда она заглядывать не стала... Вдруг там крысы?), заглянуть за забралом стоящему у дверей рыцарю (симпатичного юноши в доспехах не обнаружилось, а жаль!), сунуть свой курносый нос в котел на кухне (и не только сунуть, но и снять пробу с довольно вкусного наваристого бульончика), едва не подпалить рыжий хвост огнем факела (надо быть поосторожней... Какая же героиня без копны волос ниже пояса? Вовремя мама отговорила стричься) и выглянуть наружу, обзрев дворик, по которому беспрепятственно бродили куры и утки. Деревня! Но хорошо хоть не пустыня.

Странно, но никто не спешил выразить ей свое почтение и ввести в курс дела. Замок словно вымер. Хотя Глаша прекрасно слышала топот шагов, стремительно удаляющихся из зала, когда она к нему подходила. И бульон в котле был горячим, только что сваренным. И в камине весело потрескивал огонь. И куры выглядели сытыми и довольными жизнью. И, что самое подозрительное, комнаты, с крошечными дверками в левом крыле замка и с резными

дверями на втором этаже, были заперты. Проходя мимо, девушка вежливо постучалась в некоторые из них, но ответа не дождалась. Может, оно и к лучшему: что бы она сказала обитателям замка? Как там говорил смешной франт в жабо: «Мериталь вандербру?» И как ей прикажете с ними общаться? Она и фразу на английском-то выпалила совершенно машинально. Даже если бы франт ответил на чистейшем наречии Шекспира, она бы все равно ничего не поняла и поддержать беседу не сумела, а тут и вовсе какие-то «вандербру»!

Вот тебе и первое разочарование: она-то не сомневалась, что с перемещением в другой мир одновременно получит чудесный дар владения здешним языком, и это владение будет таким свободным, что она и не сразу заметит, что разговаривает на неведомом наречии. На лицо Глаши набежала тучка, но она тут же прогнала от себя мрачные мысли. Сейчас появится волшебник, щелкнет пальцами, и она обретет способности к языкам. Потом они поговорят о деле спасения мира и перспективах возвращения домой (естественно, после того, как мир будет спасен, а победитель обретет достойную награду).

Приободренная Глаша шаловливо щелкнула пустоголового рыцаря по шлему, отчего тот зазвенел как колокол, и решила еще раз обойти владения, все тщательно обследовать и законспектировать. Она вытащила из рюкзака блокнот и ручку, которые всегда носила с собой, перевернула исписанные чужими афоризмами странички и написала: «Средневековые заметки». Затем подумала и добавила: «День первый, московское время 14.07 (местное неизвестно), местоположение непонятное, старый замок».

Она вновь обошла все здание, срисовывая узкие оконца и узоры на стенах, фиксируя свои впечатления. Если бы дух архитектора замка заглянул в заметки высокой рыжеволосой девушки и смог перевести их, он был бы смертельно оскорблен. «Строил замок какой-то неумеха. Коридоры здесь узкие, потолки низкие, так что все время приходится наклонять голову, двери на первом этаже крохотулечные, словно здесь живут не люди, а гномы», – кропотливо записывала она.

А следующий комментарий нанес бы страшное оскорбление художникам, приложившим руку к замковым фрескам: «Рисунки, сделанные прямо на стенах, до того корявые и неумелые, что, сдастся мне, рисовал их или сам хозяин левой рукой, или его дети. Вот только непонятно, зачем он отдал им на растерзание стены в большом зале. Судя по огромному столу, широкому креслу в его главе и длинным скамейкам вдоль стен, зал является парадным, и здесь встречают гостей. Так что корявые рисунки с изображением охоты и войнушки здесь никак не к месту, рисовали бы себе в коридоре, где их никто не видит, кроме самих обитателей замка, или в детской комнате. Хотя, может, хозяин гордится каляками-маляками своих чад? Или у него просто не хватило денег, чтобы оплатить холсты и труд приличных живописцев?»

Обойдя весь замок, Глаша остановилась у крутой винтовой лестницы, ведущей в башню, к круглой комнате с дубовой дверью и белым ковром, испачканным шоколадным мороженым. «Странно, – отметила она в блокноте. – Мне казалось, что в башне прятались осажденные от врагов. Но если те люди, которые ворвались в комнату, были врагами, почему же они унесли сломя голову при виде меня?» Девушка огляделась по сторонам – замок был по-прежнему пуст и безлюден, но ей казалось, что десятки невидимых глаз следят за каждым ее шагом. Волшебник, вызвавший ее в этот мир, так и не появился, и Глаша решила подняться наверх в надежде отыскать какие-нибудь зацепки в башне. Ведь недаром она оказалась именно там, а не на заднем дворе или на кухне!

В тот момент, когда она вошла в комнату с белым ковром, где Кларисса принимала посетителей, во двор замка въехал всадник на гнедом коне.

* * *

Выбирая между «Тройным форсажем», «Пиратами Карибского моря-2» и «Возвращением» Альмодовара, Лариса решила остановиться на «Пиратах». Джонни Депп хоть и не Киану Ривз, да и Орландо Блум – это вам не Райан Филипп, но на «безРивзье»

сойдут. Да и вообще, она так соскучилась по темному залу кинотеатра и хрустящему солененькому попкорну, что готова пойти хоть на «Очень страшное кино-6» или какой-нибудь «Свадебный переполох-3». Хотя она бы предпочла фантастический блокбастер с компьютерными спецэффектами костюмированным «Пиратам», антураж которых вряд ли сильно отличается от кукуйских декораций, но таких, увы, в афише не было. Решив почувствовать себя обычным зрителем и обойтись без магических фокусов, Лариса протянула деньги в кассу:

– Один билет на ближайших «Пиратов».

Сидящая вполборота скучающая шатеночка радостно встрепенулась и защелкала мышкой. Лариса завистливо глянула на ее прямые, аккуратно подстриженные под карэ волосы со сложным мелированием – она себе такую роскошь позволить не могла. Мало того что волосы у нее с рождения вьющиеся и торчат в разные стороны, так что единственный способ их обуздать – отрастить ниже пояса, чтобы под тяжестью они немножко выпрямились, так они еще и насыщенного каштанового цвета, а уж в сочетании густой и длинной копны кудрей с карими глазами Лариса и вовсе похожа на шальную цыганку. Хорошо, хоть нос ей достался курносый, типично славянский, и кожа аристократически бледная, а не смуглая, но все равно в метро раньше приходилось чуть ли не каждый день бдительным милиционерам паспорт с пропиской демонстрировать, уж слишком подозрительной для москвички она им казалась. Да и будь у нее идеально гладкие русые волосы, о стрижке и модном окрашивании не могло быть и речи, пока она официальная волшебница Кукуя.

– Вы одна? – ласково переспросила кассирша, поворачиваясь к Ларисе всем телом и встречаясь с ней теплым взглядом серых, таких знакомых глаз.

– Настасья! – радостно вскрикнула девушка.

– Ларка! – аж подскочила в кресле подруга. – Ты меня как нашла?

– Да я вот в кино пришла...

– А ты давно вернулась? Я думала, тебе еще два года в своем Темноземье куковать, – удивилась Настя.

Темноземьем студенты их школы называли средневековые королевства, куда обычно и отправлялись отбывать обязательную практику выпускники.

– А ты что тут делаешь? – почти одновременно с ней воскликнула Лариса.

Девушки рассмеялись, обрадованные случайной встречей. Каждой из них было что рассказать подруге о том времени, пока они не виделись.

– Слушай, я как раз через пару часиков освобожусь, ты еще успеешь «Пиратов» посмотреть, – сказала Настя. – Подождешь меня?

– Конечно! – с радостью заверила Лариса.

А куда ей спешить? Родственников в Москве у нее нет, квартиру обещали дать только по возвращении из Кукуя. Честно говоря, никто ее здесь не ждет и никому она здесь не нужна. Хорошо вот Настасья объявилась!

– Тогда держи. – Подруга протянула ей картонный квадратик билета и отсчитала сдачу. – Я постараюсь освободиться к концу сеанса и поймать тебя на выходе.

Лариса купила самое большое ведерко попкорна и поспешила в зал, куда уже стекалась публика.

* * *

Поднявшись наверх и ступив на белый ковер, Глаша зажмурилась от яркого солнечного света, проникавшего в высокие, размером с человеческий рост, окна. После мрачных коридоров и темного зала первого этажа она даже ослепла на секунду. Потом глаза привыкли к солнцу, и девушка занялась обыском.

В комнате было не так много мебели. Половину круглой стены занимали окна, делая помещение похожим на аквариум или какой-нибудь современный пентхаус, здесь стояло

кресло, накрытое белой шкурой неизвестного происхождения. Другая половина стены была глухой. Тут находились дубовый письменный стол, сервант, заставленный разноцветными склянками, как витрина парфюмерного магазина, и подобие дивана. В витрину Глаша решила пока не соваться, а вот на столе ее внимание привлекла стопка писем. Покрутив в руках, она с сожалением положила их обратно. Почерк, которым были надписаны конверты, был безупречен, но слова не имели ничего общего с русским языком. Нечего даже было и думать о том, чтобы прочитать содержимое посланий. Какая досада!

Девушка потянула на себя ящик стола и обнаружила там пожелтевшие свитки, стопку тонких пергаментов и толстую книгу в кожаном переплете.

– Неужели колдовская? – обрадовалась она, осторожно вынимая книгу.

Кто знает, вдруг она кусается, как в фильме про Гарри Поттера? Но книга вела себя, как и подобает приличной книге: не вырывалась, не брыкалась, дурным голосом не вопила. Но и тайны свои выдавать не спешила: Гликерия с разочарованием уставилась на все те же незнакомые буквы и со вздохом захлопнула бесполезный талмуд. Книга была тяжелой и выпала из рук. По белоснежному ковру разлетелись разноцветные фантики. Глаша охнула, опускаясь на пол, подняла том, аккуратно сложив страницы, и недоверчиво уставилась на кусочки фольги и бумаги, засыпавшие пол. Не веря своим глазам, она протянула руку, нащупала клочок зеленой, чуть промасленной от шоколада обертки и прочитала:

– «Мишка косолапый».

Логотип кондитерской фабрики и конфетный вариант репродукции Шишкина прилагался. Другими бумажками оказались тщательно выпрямленные между страниц толстой книги фантики от конфет «Красная шапочка», «Белочка», «Трюфель», «Ну-ка, отними» и «Костер».

Глаша собрала фантики в стопку и положила на край стола. Ну и дела! Неужели предчувствие ее обмануло и весь окружающий замок – сплошная бутафория? Тогда куда же она попала? В замок, открытый для посещения туристов? В кинопавильон?

Девушка подошла к высоким окошкам и прижала нос к стеклу. Не похоже. Лес выглядит густым и настоящим, небо чистое, голубое, без белых дорожек от самолетов. Не видать ни столбов с электричеством, ни толп туристов, ни лавок с сувенирами, ни палаток с водой или мороженым. За стенами замка не припаркованы ни экскурсионные автобусы, ни автомобили актеров и киноработников. Да и вряд ли бы ей, посторонней девице, разрешили беспрепятственно слоняться по замку, и при этом киношники или сотрудники музея стали бы от нее бегать и прятаться. И как тогда объяснить кур, шастающих по двору, и бульон в котле?

Глаша отвернулась от окна и перевела взгляд на край стола. А как объяснить коллекцию фантиков от конфет, которые продаются в Москве в любом кондитерском?

Ящик стола был по-прежнему выдвинут, и любопытство подсказывало, что на его дне ее могут ждать новые сюрпризы и открытия. Глаша подошла к столу, отодвинула в сторону пергаменты и свитки и выудила книгу вполне современного вида. Книга как книга, толстенная и почти новая. Сразу видно, почти нечитаная. Так, может быть, открывали пару раз. А между тем название у нее прелюбопытное – «Магический кодекс», и, между прочим, на русском! Вот дела!

– Издательство Высшей школы магии, Москва, – прочитала Глаша на первом развороте, – год две тысячи третий. Доп. тираж 5000 экземпляров.

Ну и ну! Мало того что в Москве, оказывается, существует Высшая школа магии, во всяком случае, три года назад точно существовала и имела свое собственное издательство, так еще и о числе волшебников остается только догадываться. Если только дополнительный тираж составил 5000 экземпляров, то каким был основной? Десять, пятнадцать, тридцать тысяч? А ведь они живут с ней бок о бок, наверное, так же, как она, ездят в метро (ну не на метлах же они летают, в самом деле? И не на коврах-самолетах!) и чтят законы. Вот только законы у них свои, магические... А вкусы вполне людские – из книги выпало еще несколько фантиков от конфет. Гликерия уселась в кресло у окна и погрузилась в чтение.

Увлеченная кодексом, она не сразу услышала, как распахнулась тяжелая дубовая дверь. Она обернулась на шум и увидела низенький темный силуэт в залитом солнцем дверном проеме. Из-за яркого света ей не удалось разглядеть лицо гостя, но в первые же секунды слегка перетрусившая Гликерия просканировала его фигуру на предмет присутствия рогов или хвоста и немножко расслабилась. Ни рогов, ни хвоста незваный гость не носил. И на том спасибо.

– Мериталь Кларисса?² – напряженно спросил незнакомец, выступая из круга света.

Теперь Глаша могла разглядеть его достаточно ясно. Это был невысокий молодой мужчина лет двадцати пяти, одетый в старинный костюм, словно сошедший со страниц исторического романа. Брюнет с голубыми глазами – звучит романтично, а выглядит куда прозаичней. Его лицо было вытянутым и некрасивым, с крупными неправильными чертами, оттопыренными ушами и живыми лучистыми глазами. Внешность его не была отталкивающей, но и отнюдь не внушала симпатии. Глаша даже расслабилась – на героя ее романа он никак не тянет, значит, с этим проходным персонажем можно особенно не церемониться. В свою очередь незнакомец тоже не испытал особой радости по случаю встречи с молодой привлекательной девушкой, какой искренне считала себя самолюбивая Глаша. Его рука сжимала рукоять кинжала, заткнутого за пояс куртки, а напряженное как струна тело готово было в любой момент броситься на несостоявшуюся студентку ГИТИСа. По его словам Гликерия догадалась, что он спрашивает у нее то же, что спрашивал щеголь в жабо, и не нашла ничего лучшего, как повторить в ответ:

– Ду ю спик инглиш?

– Куа?³ – растерянно переспросил тот, не убирая ладони с кинжала.

– Ни куа вас не понимаю, – осторожно развела руками Глаша, всем своим видом демонстрируя дружелюбное расположение и желание сотрудничать.

– Келла вис Кларисса? Куа таво лейни дарни?⁴ – не сводя с нее подозрительного взгляда, продолжал задавать вопросы тот.

– Не понимаю, – быстро замотала головой Глаша, опасаясь, как бы этот галантный на первый взгляд кавалер не перешел в наступление. – Но я пришла с миром и готова вести переговоры – в присутствии переводчика. И адвоката, – подумав, добавила она.

– Фигаро балбесум⁵, – с досадой пробормотал он.

– Сам дурак, – не осталась в долгу Гликерия. Причем произнесла она это с такой милой улыбкой, что парень мог бы подумать, что ему признаются в любви.

От теплого взгляда лучистых серо-зеленых Глашиных глаз тот смягчился, наконец-то убрал руку с пояса и, сделав знак, чтобы девушка оставалась на месте, попятился к витрине со склянками. Дойдя до серванта, он распахнул его створки, поводит носом вдоль полок, дважды взял пару бутылочек, повертел в руках, покачал головой, поцокал языком и поставил на место. Потом наконец отодвинул передние баночки и выудил из недр шкафчика узкую, похожую на пробирку бутылочку с темно-синей, словно чернила, жидкостью. Незнакомец выдернул пробку, понюхал содержимое, довольно улыбнулся и подошел к девушке, предлагая взять склянку. Теперь настала пора Глаши недоверчиво хмуриться и сверлить ушастого подозрительным взглядом.

– И что мне с ней прикажешь делать? Пить???

Тот сделал вид, что опрокидывает бутылочку и пьет, и выжидающе посмотрел на

² Где Кларисса? (Пер. с кукуйского.)

³ Что? (Пер. с кукуйского.)

⁴ Кларисса жива? Что ты с ней сделала? (Пер. с кукуйского.)

⁵ Ничего не понимаю (Пер. с кукуйского.)

Гликерию.

– Нет уж, благодарю покорно, – вежливо сказала она, собираясь вернуть флакончик гостю.

Тот рассмеялся и изобразил целую пантомиму. Сперва схватил себя руками за горло, изображая отравленного, потом ткнул рукой в бутылку, которую Глаша по-прежнему протягивала ему, и кивнул головой, мол, правильно я понял, чего боишься? Девушка отпираться не стала и так же красноречиво постаралась изобразить, что пить подозрительную жидкость неизвестного происхождения не станет и под дулом пистолета.

Тогда незнакомец взял бутылочку и слегка пригубил ее содержимое, а затем вновь протянул Глаше.

«Знакомство, что ли, предлагает отпраздновать?» – недоумевала та, но флакончик взяла и тоже сделала глоточек. Чернила оказались по вкусу похожими на вишневый сок, без единой капли алкоголя.

Брюнет одобряюще кивнул и показал: «Пей до дна!» Затем молитвенно сложил ладони: «Пожалуйста!»

– Боже, что я делаю! – пробормотала Глаша, а затем запрокинула голову и выпила чернила со вкусом вишни до последней капли. В ушах зазвенело, на мгновение стиснуло виски.

– Канн... лава небесам! – донеслось до нее откуда-то издалека. – Надеюсь, я не перепутал зелья.

Глаша тряхнула головой, и приступ мигрени тут же прошел, сознание стало ясным как никогда, прекратился и звон в ушах.

– Блин, что за отраву я выпила!

– Сработало! – вскричал обрадованный «отравитель». – Меня зовут Оливье, маркиз Беруши, – представился он. – Кто ты и что тут делаешь? И где сейчас Кларисса?

Глаша пару секунд растерянно таращилась на гостя, а потом выдохнула:

– Я тебя понимаю!

– Вот и отлично, – поторопил он. – Так кто ты такая?

– Это чернила? Из-за них я могу тебя понимать? – спросила Гликерия, не сводя глаз с Оливье. Имя-то какое смешное, как у любимого салата ее мамы. А что за фамилия – Беруши? Нет, на кандидата в мужчины ее мечты он явно не тянет, с такой-то фамилией и с таким-то ростом! А может, он волшебник, который ее сюда вызвал? Вон и зельем ее как ловко опоил...

– И не только понимать, но и говорить, – тем временем кивнул он. – Так...

– Кто я такая? – усмехнулась девушка, перебив его. – Меня зовут Гликерия. Я из Москвы.

– Это же королевство, из которого родом Кларисса! – просиял Оливье. – Гликерия, ты ее подруга?

– Кто такая Кларисса? – в свою очередь удивилась Глаша.

– Кларисса – хозяйка этого замка, – в недоумении ответил маркиз. – Мы сейчас в ее комнате.

– Она колдунья? – Девушка покосилась на Магический кодекс, который по-прежнему лежал у нее на коленях.

Значит, любительница «Мишки» и «Белочки» – москвичка? Вот только с каких пор Москва стала королевством?

– Она волшебница, – обиженно возразил Оливье.

«Интересно, кем он приходится этой Клариссе?» – с любопытством подумала Гликерия, а вслух усмехнулась:

– А есть разница?

– Разница есть, – многозначительно произнес он.

– Я не знаю Клариссу и не представляю, где она может быть, – покачала головой Глаша.

Гость помрачнел, бросил взгляд на кодекс и о чем-то задумался. Что-то не похож он на

кудесника, который ее сюда вызвал.

– Хорошо,— произнес он.— Я верю, что ты не волшебница и у тебя нет враждебных намерений, иначе ты бы уже давно применила чары против меня. Тогда расскажи, как ты здесь оказалась.

Глаша с готовностью описала, как зашла в магазин поесть мороженого и как очутилась в круглой комнате с каменными стенами, и уставилась на Оливье, в надежде, что тот прояснит ситуацию. Но маркиз выглядел не менее озадаченным, чем она сама: склонил голову, обхватил подбородок рукой и задумался.

– Очень похоже на двойное перемещение,— наконец изрек он и снова глубокомысленно замолчал.

– И что все это значит? – окликнула его заинтригованная Гликерия.

– Что Кларисса сейчас в Москве, а ты оказалась здесь вместо нее,— пояснил он.

– Потому что я тоже волшебница и по силе равна ей?— возликовала девушка.— Вот здорово! Я так и подозревала!

– Потому что ты оказалась ближе всех от того места, куда переместилась Клэр,— разбил ее мечты Оливье.

Такое объяснение Глашу не обрадовало.

– Вот только не могу понять, почему Кларисса сбежала, не предупредив меня,— нахмурился ее собеседник.— И почему она не подумала о двойном перемещении? Ладно, с этим разберемся позже. Пока надо решить, как быть с тобой.

Гликерия с надеждой уставилась на средневекового аристократа, ожидая, что тот предложит ей план приключений на ближайшие пару недель, из которых ловля русалок и бал вампиров будут самыми безобидными.

– Так, сиди пока здесь и не высовывайся,— велел он.— Я пойду успокою слуг, а то они еще напридумывают себе, что ты и меня съела, как Клариссу.

– Что? – вытаращила глаза Глаша.

– Граф Брикун, который тебя здесь видел, уже растрезвонил по всем окрестностям, что Клариссу свергла более сильная ведьма, оставив от нее только мокрое место,— он кивнул на кофейное пятно на белоснежном ковре и вышел за дверь.

– Какой бред! – опешила девушка, но тем не менее подбоченилась.

Слухи – обязательный спутник знаменитостей. Раз о ней уже говорят, то ли еще будет! Она еще всем здесь покажет! Правильный пиар – уже половина дела. Остается надеяться, что этот Брикун не простой пустомеля и его словам люди поверят.

О том, как она будет подтверждать авторитет колдуньи, Глаша пока не задумывалась.

* * *

Разомлев в мягком кресле кинозала и опустошив все ведро с воздушной кукурузой, довольная Лариса выплыла в фойе последней. Настя, как и обещала, уже ждала ее у дверей.

– А я уж думала, ты мимо проскочила! – воскликнула она, звонко расцеловывая Лару в обе щеки.— Ну что, посидим в кафе? Ударим по тортам?

Лариса облизнула соленые от поп-корна губы.

– Посидеть посидим, но насчет тортиков – я пас.

– Неужели даже на тирамиссу не соблазнишься? – подмигнула Настасья, увлекая ее к эскалатору.

– Искусительница! – простонала Лариса, живо представив себе порцию воздушного бисквита, пропитанного легким ликером и покрытого нежнейшим кремом из сыра «Маскарпоне», да еще посыпанного сверху какао и шоколадной стружкой.

– Ну вот и отлично!

Настя завернула в двери кофейни, Лара затормозила у витрины с десертами и с наслаждением вдохнула восхитительный аромат кофе, шоколада и корицы.

– Не надо было есть столько поп-корна,— сокрушенно простонала кукуйская

волшебница, глядя на великолепие тортов, суфле и румяной выпечки, и, с трудом оторвавшись от пленительного зрелища, догнала Настю, уже расположившуюся за столиком у окошка.

– А глазки-то, глазки-то загорелись! – поддела подругу Настасья.

Ларочка всегда была сладкоежкой, и вечно сидящие на диетах девочки не переставали удивляться, как при такой страсти к тортикам той удастся оставаться тоненькой как тростинка. Самые завистливые даже объясняли природную стройность Ларисы искусно наведенным мороком.

– Глазами так бы все и съела, – со смехом подтвердила девушка, раскрывая меню. – Но чтобы пощадить желудок, придется остановиться на тирамиссу.

– И правильно, он здесь восхитительный, – одобрила ее выбор Настя.

– Отлично выглядишь, – искренне сказала Лариса, поглядывая на подругу поверх страниц.

Тронутое легким загаром лицо Настасьи выглядело свежим и сияющим, волосы, которые привлекли ее внимание с первого взгляда, были блестящими и тщательно ухоженными. Голубая маечка необыкновенно шла к серым Настиным глазам, придавая им легкий васильковый отлив, а пышная юбка необычного покроя, чуть ниже колена (наверное, последний писк моды, когда Лара закончила школу, таких еще не носили), делала подругу похожей на современную принцессу.

– Положение обязывает, – улыбнулась Настасья. – Я же как-никак фея, хоть и понарошку... Ты, кстати, тоже красotka!

– Ой, да ладно! – отмахнулась от такой наглой лжи Лариса. – Знаю, что выгляжу, как невеста Дракулы, которая месяц просидела на вегетарианской диете.

– Да, бледная ты какая-то, – согласилась Настя. – Случилось чего?

– Случилось, – проворчала волшебница. – По тамошней моде необходимо быть бледной поганкой, и чем зеленее – тем лучше.

– Ой, да, я и не учла, какие там у вас нравы! – развеселилась Настя. – Давай рассказывай!

Подбегавший к девушкам официант принял заказ, забрал меню и, ловко маневрируя между столиками, унесся к бару.

– Ты влюблена, – удовлетворенно заметила специалистка по любовной магии. – И даже не смей мне возражать. Официант божественно хорош, а ты на него даже не взглянула. В другое время ты бы принялась строить ему глазки, а потом еще пять минут изводила меня вопросами – уж не он ли твоя судьба. И даже если бы я сказала свое категоричное «нет», ты, несмотря на мои предостережения, все равно украдкой вложила бы свой номер телефона в счет.

– Не буду возражать, – с улыбкой ответила Лариса, вспомнив ярко-голубые, как небо над летним Байкалом, глаза Оливье.

– Наверняка он благородный рыцарь или прекрасный принц? – заинтересовалась Настя.

– Нет, он простой оборотень. На лицо ужасный, добрый внутри, – не упустила возможности пошутить Лара.

– Ты серьезно? – ахнула Настасья и, заметив смешливые искорки в глазах подруги, проворчала: – Вот врунья! Ну давай, рассказывай.

– Сначала ты.

– Да что я? – удивилась Настя. – Москва – это не Темноземье. Даже не представляю, куда ты попала и что там происходит.

– Всеу свое время, – улыбнулась Лариса. – Мне, может, тоже не терпится узнать, с каких пор наша ведущая любовная фея подрабатывает кассиром в кинотеатре. А как же поиск оптимального партнера, встречи любящих сердец и улучшение демографической ситуации в стране? Плохо стараешься. Я по дороге сюда прочитала в газете соседа заметку про то, что москвичи медленно, но верно, вымирают как мамонты. Только мохнатые – от природного холода, а люди – от недостатка сердечного тепла.

– Вечно ты найдешь что почитать, – хмыкнула Настасья.

– Так почему ты работаешь кассиром? – сгорая от любопытства, повторила вопрос волшебница.

– Не поверишь, но кассир в кино – уникальная профессия для применения моей специальности, – рассмеялась Настя и заговорщически поведала: – Ты только представь, сколько человек за одну смену проходит перед моими глазами. И только от меня зависит, кто из них получит счастливый билетик и абонемент на места для поцелуев!

– Ничего не понимаю, – призналась Лариса.

– Ну ты сама подумай: не одни же влюбленные парочки в кино ходят, так? – намекнула подруга.

– Правда? – «искренне» удивилась Лара. – Неужели кто-то в самом деле ходит смотреть кино? С ума сойти!

– Заткнись, заноза, – нежно велела Настасья. – Так вот, в кино ходит масса одиноких людей: и в компании с друзьями, и сами по себе. Я подбираю билеты так, чтобы в соседних креслах с ними оказались не влюбленные парочки, а такие же одиночки, как они сами. И не просто одиночки, а те из них, кто им лучше подходит. Ты же знаешь, мне достаточно одного взгляда на мужчину и женщину, чтобы определить, будут ли они счастливы вместе или нет. Так вот, просто поразительно, сколько идеально подходящих половинок, не зная друг друга и не имея возможности познакомиться, приходят на одни и те же сеансы. Как будто судьба сама сводит их вместе. А я помогаю им эту возможность не упустить. Знаешь, как это обычно бывает: симпатичный сосед, случайное касание рук на общем подлокотнике, смущенный взгляд – и все, искра пролетела, глаза встретились, сердце ёкнуло. Вуаля, новая пара готова! – торжествующе объявила она.

– И часто такое случается? – скептически усмехнулась Лариса.

– Да каждый день! Ты думаешь, я здесь просто так штаны просиживаю? Я уже сотни пар вместе свела, – похвасталась Настя. – Они потом вместе в кино приходят, держась за руки и не спуская друг с друга глаз, и я их тогда на места для поцелуев, где повыше и побезлюдней, отправляю. Стараюсь больше никого к ним в ряд не подсаживать, если народу немного, чтобы им никто не мешал. Меня даже пару раз запоминали и благодарили: спасибо, что вы мне тогда именно этот билет продали, а то бы я не встретил свою Аню, Маню, Катю, Вову, Лешу, Славу...

Подбежавший официант ловко установил на крошечном столике две тарелки с десертом, бокал с кофе для Ларисы, чашку чая с заварочным чайничком для Насти и пепельницу неизвестно для кого, разложил приборы и деликатно удалился.

«Красивый мальчик», – равнодушно отметила Лариса, вспомнив о замечании Насти. Как же меняется мир, когда ты находишь свою любовь и перестаешь вглядываться в лица всех встречаемых мужчин, ища в них того, единственного.

– Поздравляю! – улыбнулась она, нанизывая на вилку кусочек тирамиссу. – Значит, ты удачно здесь устроилась.

– Да, три дня в неделю здесь работаю, а два дня в ЗАГСе заявления принимаю, – сообщила Настя. – Там работа еще ответственней: проверяю на совместимость будущих молодоженов и тех, кто на развод подает.

– И что ты делаешь, если видишь, что жених с невестой друг другу категорически не подходят? – заинтересовалась Лариса. – Отговариваешь подавать заявление?

– Нет, конечно. Мое дело – определить и сообщить куда следует, если необходимо принять меры, а там уже наши маги по личной работе вмешиваются.

– Прямо так и вмешиваются? Невесту дома запирают, жениха похищают, свадьбу расстраивают? А как же свобода выбора? – прищурилась Лариса.

– Знаешь, – тихо ответила Настя. – Иногда люди сами не ведают, что творят. Выходит девушка замуж за любимого, да непутевого, даже если все вокруг против их союза, а он ей через месяц, по глупости, изменит с подругой. Она повесится, а парень, чувствуя свою вину, наркоманом станет.

Настя замолчала, а затем глухо добавила:

– Был у меня в начале работы такой случай. Я тогда уперлась рогом, доказывая их право на свободу выбора. Тем более был у них небольшой шанс, что все обойдется, и я в него поверила. Глупая была. Наставники тогда не стали мне перечить, решили урок преподать. Пяти недель не прошло, как я на похоронах той невесты стояла. Никогда не забуду глаза ее матери и того парня. А через год и он сам от передозировки погиб. С тех пор я ученая стала, всегда перестраховаться предпочитаю.

– Да уж, специфика, – потрясенно произнесла Лариса, делая глоток кофе глясе.

– Зато представляешь, скольких таких трагедий можно предотвратить, если вовремя разглядеть тревожные сигналы? – Лицо Насти прояснилось.

– Полезная у тебя работа, – признала волшебница.

– Ну а ты? – встрепелась ее подруга. – Почему ты здесь? Что-то случилось в твоём ведомстве? Понадобилась помощь наставников? Или у нас что неладно, что тебя в командировку вызвали?

– Да нет, все в порядке, – бойко орудуя вилкой и поглощая тирамиссу, ответила Лариса. – Просто решила устроить себе каникулы.

– Каникулы??? – Красиво очерченные брови Насти поползли вверх.

– Ну да! А что тут такого? Имею я право увидеть родной город, съесть любимый десерт? Конечно, имею! Кстати, ты чем брови подводишь – карандашом или специальной подводкой? Надо мне тоже такую штуку приобрести, посоветуй, как подруга, – легкомысленно проворковала Лара, гоня кусочек пирожного по тарелке и игнорируя странное выражение лица Настасьи.

– Вольская! – ледяным тоном сказала любовная фея. – Только не говори мне, что ты явилась сюда без разрешения комиссии и еще не отметилась в коллегии.

– А что, надо отметить? – беззаботно отозвалась та. – Тогда, конечно, отмечусь, какие проблемы. Надо так надо. Я волшебница законопослушная, примерная...

– Лариса! – в ужасе простонала Настя. – Как можно быть такой безответственной? Ты хоть понимаешь, что ты натворила?!

– Настыка, да хватит паниковать. Что такого-то? Ну отмечусь я в твоей коллегии. Вот сразу как из кафе выйдем, так тут же поеду и отмечусь, – клятвенно пообещала Лара.

– Не сразу, а сейчас же! – Голос Настасьи зазвенел от негодования. Она бросила на стол крупную купюру, которая с лихвой компенсировала и счет за десерт, и чаевые официанту, и быстро поднялась из-за стола: – Идем!

– А тирамиссу? – Лариса в удивлении перевела взгляд с лица хмурой подруги на нетронутую половину лакомства.

– И она еще думает о тирамиссу! – взревела Настасья. – Быстро за мной! Может, пока еще не поздно все исправить!

– Да что исправить-то, что? – Пристыженная Лариса, почуяв неладное, поднялась из-за столика, с сожалением глянула на десерт и, не удержавшись, зацепила вилкой кусок побольше и отправила себе в рот.

– Лариса!

Настя аж закричала зубами, развернулась на каблуках и пулей вылетела из кафе, едва не сбив с ног того самого красивого официанта. Лара кинулась за ней, парень преградил ей путь, очевидно, решив, что девушки хотят сбежать, не расплатившись.

– Деньги на столе, – махнула рукой она, торопясь догнать Настю.

Заметив купюру, лежащую среди тарелок, официант пропустил Ларису, и та поспешила вслед за подругой, поражаясь ее странному поведению. Может, у Настасьи ПМС? Как некстати! И при чем здесь, собственно, тирамиссу? Даже доест толком не дала, бешеная какая-то. Вот что всегда поражало Ларису в подруге, так это ее патологическая исполнительность и приверженность правилам. Настя всегда являлась на занятия за десять минут до начала, сдавала задания до срока, заполняла отчеты по практике так, что ее ставили в пример всей группе, присутствовала на всех официальных мероприятиях, не пропускала ни

одного организационного собрания или плановой диспансеризации. Поэтому то, что Настасья устроила такую панику из-за того, что Лариса забыла где-то там отметить, вполне объяснимо, утешала себя волшебница, пытаясь заглушить сигнал тревоги, который вызвала в ней странная Настина реакция.

– Ну где ты там? – окликнула ее Настя, когда Лариса вышла на улицу.

Подруга зря времени не теряла и уже успела поймать такси.

– Да к чему такая спешка-то? – удивилась она.

– Давай быстро в машину, горе ты мое луковое, – мрачно скомандовала Настасья. – Объясню по дороге.

* * *

За окном уже сгущались сумерки, Глаша стояла у окна, задрав голову, и считала звезды. Ей не было ни грустно, ни страшно, сердце билось в ожидании необыкновенных приключений, в голове мелькали заголовки местных газет: «Гликерия Коротоножка спасает мир от гоблинов», «Наша Глаша приручила дракона», «Королевство чествует свою героиню». А что в этом мире газет нет – так это дело десятое. Она ведь всего один день тут, еще успеет и газету учредить, и корреспондентов, которые будут снабжать издание сенсационными материалами, набрать, и дело на поток поставить. Если бы одна из звездочек сейчас упала на землю, Глаша загадала бы, чтобы ее пребывание здесь продлилось как можно дольше. Какая глупость – мечтать о возвращении домой подобно десяткам героев фэнтезийных романов, когда судьба дает тебе такой шанс повеселиться, прославиться и попасть в историю. О том, в какой переплет она может угодить, Гликерия предпочитала не задумываться, беззаботно рассудив, что авось пронесет.

– Вроде обошлось! – доложил Оливье, поднявшись в башню. – Слугам я объяснил, что с Клариссой все в порядке, она жива-невредима и просто срочно отбыла по важным делам в секретном направлении. А ты – ее кузина, прибывшая погостить. К счастью, они в это поверили, успокоились и решили обряд по изгнанию злого духа не проводить.

– Это как? – заинтересовалась Глаша, свысока глядя на маркиза, который оказался ниже ее на целую голову.

– Натаскать к подножию башни хворост и поджечь, – пояснил коротышка. – Они сейчас как раз разбирают завалы. Хворостом половина лестницы завалена.

– Вот затейники! – поразилась Глаша. – Ну спасибо, что отговорил.

– Есть только одно «но». – Он опустил глаза.

– Ну? – строго спросила девушка.

– Они думают, что Кларисса оставила тебя за главную.

– Вот здорово! – обрадовалась Глаша. – Значит, слуги теперь будут мне беспрекословно подчиняться?

– Будут-то они будут, но ты, кажется, не поняла, – прищурился Оливье. – Они уверены, что ты тоже волшебница и в отсутствие Клариссы будешь выполнять ее обязанности.

– Ну и ну, – протянула Глаша.

– Я попытался их убедить в обратном, но они ничего и слышать не хотят, – развел руками маркиз. – Единственное, что удалось до них донести, так это то, что ты еще совсем неопытная волшебница, ученица Клариссы и не вся магия тебе по силам.

– А Клариссе какая по силам? – ревниво поинтересовалась Глаша.

– Вся, – с гордостью ответил Оливье и уточнил: – Бытовая.

– А именно?

– Лечебная, любовная, косметическая, погодная, защитная, иллюзорная...

– Прорвемся, – повеселела Глаша. – Надеюсь, охотой на вампиров она на досуге не промышляет?

– Охота на вампиров у нас официально запрещена, – просветил ее Оливье.

– Неужели? – удивилась девушка. Такое положение дел категорически выбивалось из

ее картины видения фэнтезийного мира.

– Этому закону уже три сотни лет,— добавил маркиз.— Его приняли после того, как принца покусала одна симпатичная вампирша. Король настоял.

– И что же, людьми правил вампир?

– А что такого? – пожал плечами Оливье.— Все правители – кровопийцы. А Кардин по сравнению с другими был еще весьма лояльным правителем. Он был как ни один король близок к народу.— Перехватив недоуменный взгляд Глаши, он добавил: – Кардин не гнушался кровью юных крестьянок, и за достойную плату родители водили девиц к королю сотнями.

– Он их убивал? – ахнула впечатлительная Гликерия, представляя себе возможные газетные заголовки: «Право первой ночи короля-вампира», «Кровавая оргия во дворце», «Смерть в королевской опочивальне».

– Я свечку не держал, но народ и летописи утверждают, что нет. Кардин не был жестоким вампиром, он питался лишь по необходимости и всегда знал меру. Девицы подставляли свои шеи, отделялись малой кровью и легким головокружением, а их родители получали солидный куш, который тут же делал несчастную жертву королевской жажды завидной невестой в деревне.

– А... – Глаша хотела задать вертящийся на языке вопрос.

– Нет,— с усмешкой ответил Оливье,— для этого ему было достаточно придворных дам, учитывая магическую красоту короля, в них недостатка не было. С помощью крестьянских девушек Кардин лишь утолял голод.

Заголовки в голове Глаши сменились на прямо противоположные: «Птичница Сабрина признана лучшим королевским донором года», «Пастушка Биби раскрывает тайны королевского двора», «Король разбавил свою кровь крестьянской».

– Я утолил твое любопытство? – насмешливо склонил голову Оливье.

– Весьма,— кивнула Глаша, не решившись признаться в том, что любопытство ее разгорелось еще сильнее и теперь ей не терпится выбраться за стены замка и посмотреть на все творящиеся чудеса воочию. Если здесь живут вампиры, наверняка и эльфы с гоблинами встречаются! Вот будет о чем подружкам рассказать! Разумеется, если она захочет вернуться домой. А то, может, какой-нибудь прекрасный эльфийский принц с ликом Влада Топалова из «Smash!» или блистательный вампирский князь, по красоте не уступающий Бену Эффлеку, а лучше оба сразу, при виде нее потеряют сон, покой и аппетит, разыщут в пыльной шкатулке кольца любимых прабабушек с тридцатикаратными бриллиантами и сделают ей предложение, не раздумывая ни секунды. Тогда, разумеется, о возвращении домой не может быть и речи.

– Тогда собирайся,— скомандовал Оливье.— Впрочем, насколько я заметил, особого багажа у тебя и нет.

– Что? – удивилась Глаша, бросив недоуменный взгляд на чернильную темноту за окном и отыскав взглядом свой рюкзачок, брошенный рядом с креслом.

– Уж не собралась ли ты ночевать здесь? – скептически поинтересовался он.

– А вай бы и нот? – не осталась в долгу Глаша, торжествующе отметив, как ехидное выражение на лице некрасивого маркиза сменяется растерянным, и, насладившись дивным зрелищем, сжалилась и пояснила: – Почему бы, собственно, и нет? Неужто кузина по вашим законам не имеет права заночевать в замке своей любимой сестрицы?

– Такого закона у нас нет,— покорно признал тот.— Но должен тебе сказать, что парочка человек из тех, кто сейчас разбирает завалы хвороста, после нашего разговора активно рвалась наверх, чтобы познакомиться поближе.

– И что тут такого? Думаешь, я им зубы заговорить не смогу? – хмыкнула Глаша, уверенная в своих лицедейских талантах.

– А ты сможешь? – искренне удивился Оливье.

– Делов-то! – беспечно пожала плечами Гликерия.

– Как знаешь. Я хотел как лучше. Переночевала бы у меня в замке, завтра наведались

бы к моей тетке, покопались бы в ее библиотеке да разузнали поподробней про двойные перемещения, выяснили бы, как тебе домой вернуться. Но если охота возиться со слугами...

– Не могу дожидаться! – из вредности подтвердила Глаша, которой доставляло удовольствие пререкаться с маркизом.

– Тогда я их приглашу? – насмешливо спросил он.

– Сделай милость.

– Ну что ж...

Оливье исчез за дверью и менее чем через минуту явился в сопровождении двух бомжей в заштопанных серых робах. Бомжи были кудлаты, бородаты, обуты в деревянные башмаки, какие Глаша видела только в мультфильмах, и явно не подозревали о существовании «Олд Спайса» и «Хьюго Босса», а потому благоухали соответствующим образом – естественно и ядрено.

– Хм! – Девушка инстинктивно отступила на шаг назад (а вдруг у них блохи?) и бросила выразительный взгляд на Оливье, который отошел к шкафчику со снадобьями и оттуда, откровенно потешаясь, наблюдал за ее реакцией. Ну уж дудки! Так просто ее не напугаешь!

Взяв себя в руки, Глаша ободряюще улыбнулась нерешительно топтавшимся на месте бомжам. Те, как будто только и ждали этого знака, тут же сиганули вперед и принялись кланяться в ноги, при этом усердствовали так, словно хотели отполировать кончики ее туфель своими нечесаными лохмами. Все бы ничего, да только вместо туфель Глаша была обута в босоножки с тонюсенькими ремешками, и когда гривы бомжей коснулись кожи ее ног, она чуть не взвизгнула – и от неожиданности, и от брезгливости, и от щекотки. Левая нога машинально взбрыкнула и заехала одному из бородачей в лоб, тот крикнул, отлетел на пару шагов назад и схватился за голову. Второй, не дожидаясь удара, отскочил в другую сторону.

– Простите-извините! – испуганно залепетала Глаша.

Бомжи бомжами, но то, что мужики они крепкие и закаленные тяжелыми сельскохозяйственными и бытовыми работами, было видно невооруженным глазом.

– Прошло, – ощупывая голову, признал «раненый в лоб» и уважительно произнес. – Волшебница!

«Издеваются!» – перетрусила Глаша и с надеждой глянула на маркиза, откровенно забавлявшегося ситуацией. Ну и пусть хихикает, главное, чтобы пришел на помощь, когда бомж ринется сдачи давать.

– Сразу видно – опытная знахарка, – поддержал его товарищ. – С первого взгляда определила, что болит.

«Или не издеваются?» – удивилась она, глядя на раненого, который выпрямился во весь рост и, отвечивая поклоны и бормоча слова благодарности, выкатился из комнаты.

Другой бородач выжидающе пялился на нее, очевидно, тоже ожидая чудесного избавления от тяжелого недуга. То-то Оливье так над ней потешался – она-то всего-навсего хотела познакомиться со слугами и усыпить их подозрительность, а он, гад, знал, что те рвутся к ней со своими болячками, и понял фразу о готовности Глаши заговорить зубы буквально! Судя по раздутой щеке оставшегося бомжа, тот томился как раз этим недугом.

Пока девушка раздумывала, лечится ли воспаление десен ударом в лоб, или этот способ эффективен только в борьбе с мигренью, бомж, тихонько поскуливая от боли, тарасился на нее в ожидании чуда. Гликерия бросила вопрошающий взор на Оливье, подпирающего шкаф: мол, среди этих склянок ничего подходящего нет? Но тот только пожал плечами – очевидно, зубную боль всемогущая Кларисса лечила одним наложением рук. Но Глашу бросало в дрожь при одной мысли о том, что придется прикоснуться к этому немытому бродяге своими наманикюренными пальчиками. Бомжу тем временем стало совсем невмоготу: издав громкий стон, он подскочил к «опытной знахарке» и, раззявив рот, обдал ее ароматом десяти оставшихся гнилых зубов, никогда не знавших «Орбита» и «Блендамеда».

– А вы не пробовали полоскать содой? – пролепетала Глаша, пошатнувшись от

подступившей к горлу дурноты.

– Держи, дружище! – Оливье решил-таки поучаствовать в исцелении больного и протянул жертве кариеса какой-то красный пузырек.

Бомж с радостным воем вцепился в склянку и умчался вон.

– А говорил, что нету лекарства, – слабым голосом укорила его бледная Глаша, приходя в себя.

– А это не лекарство, а ароматная вода для тела. В ее основе – спиртовая настойка, – перехватив ее недоуменный взгляд, пояснил маркиз. – Так что на пару часов она боль заглушит, а там... – Он красноречиво замолчал.

– Поехали! – решительно заявила Гликерия.

Кто бы мог подумать, что быть волшебницей так... омерзительно!

Оливье одобрительно хмыкнул и, подойдя к сундуку, стоявшему в углу, выудил оттуда длинный черный плащ с капюшоном.

– И что, часто Клариссе приходится заниматься подобным лечением? – спросила она, без пререканий заворачиваясь в хламиду. Не разгуливать же, в самом деле, ночью по незнакомому королевству в одном летнем платьице! И то хорошо, что для исполнения монолога принцессы Мален она с утра обрядилась в самое длинное и целомудренное из своих платьев. А все равно маркиз со смущением отводит глаза от ее щиколоток. Страшно даже представить реакцию средневекового аристократа, предстань она его взору в своем любимом облегающем сарафанчике на тонких бретельках и с – о ужас, ужас! – голыми коленками. Плащ, на удивление, оказался подходящего размера: был свободным, но не чересчур широким, в длину, правда, оказался коротковат и доходил лишь до середины икры, так что щиколотки продолжили дразнить маркиза своей вопиющей наготой и дальше.

– Каждый день, – ответил на ее вопрос Оливье.

– Но Кларисса вроде главная волшебница королевства! Когда же она успевает заговаривать зубы всем желающим?

– Знахарок в королевстве полно, в каждом селе и деревне есть своя умелица, – пояснил маркиз. – Кларисса лечит только своих слуг и важных персон вроде дяди короля или няни принцессы. Ну и, по доброте своей, еще принимает всех людей с особо тяжелыми случаями, которым никто помочь не может. У нее особенная магия, с какой не сравнится ни одна знахарка, – с гордостью добавил он. – Вот почему все простолюдины королевства мечтают поступить к ней на службу.

«И вот почему мне побыстрее надо отсюда сматываться, – добавила про себя Глаша. – Но куда? И с кем? С этим хоббитом?» Она критически глянула на Оливье, едва достававшего ей до плеча. Он, конечно, умен, в меру ироничен и готов ей помогать, но на спутника главной героини категорически не тянет. Будь сама Глаша пониже ростом сантиметров на двадцать да разделяй она мнение о том, что настоящий мужчина должен быть чуть красивее обезьяны, согласно которому Жерар Депардьё, Адриано Челентано и Бен Стиллер – мужчины хоть куда, она бы, может, на маркиза с именем салата и польстилась. Но Глаша пребывала в том возрасте, когда девушки увлекаются смазливой внешностью и в последнюю очередь обращают внимание на личные качества. А значит, у некрасивого Оливье не было никаких шансов завоевать ее сердце. Кроме того, по всем законам жанра это ему положено влюбиться в нее с первого взгляда, а вместо этого его глаза загораются только при упоминании имени Клариссы (вот бы поглядеть на эту королеву красоты и волшебства в одном флаконе!), а саму Глашу он воспринимает как непутевую младшую сестричку – не больше.

Оливье ее мыслей читать не умел, а потому ответил только на первый вопрос.

– Сейчас – в мой замок. А завтра съездим к моей тетке. Она очень дружна с Клариссой, и у нее самая богатая библиотека магических книг в Кукуе.

– Где? – поразила Глаша.

– В Кукуе. Так называется наше королевство, – с гордостью пояснил Оливье.

– Нет, это не фэнтези, а просто какое-то издевательство, – пробормотала девушка.

Только сумасшедшему автору в страшном сне может присниться королевство под названием Кукуй, в которое попадает героиня по имени Гликерия Коротоножка и где первым, кого она встречает, оказывается маркиз с фамилией Беруши и с именем Оливье, который ниже ее на целую голову! Что же дальше-то будет? «Даже представить страшно», – ужаснулась Глаша, спускаясь по лестнице вслед за своим спутником.

Слугам, которые продолжали разбирать хворост на лестнице (это сколько ж его натаскали-то!) и с любопытством уставились на них, Оливье объяснил, что кузину Клариссы срочно ждут во дворце. Те не посмели роптать и пропустили их с миром. Хотя Глаша уже представляла себе, как жертвы кариеса и мученики гастрита запрут ее в башне, возьмут в заложники и заставят до скончания жизни исцелять свои болячки. Если бы она еще умела это делать! Вот ведь гадство! Ну почему, почему при перемещении в мирах ей не досталось никакого, хоть самого элементарного магического дара? Она уж не рассчитывала на левитацию или материализацию желаний одним щелчком пальцев, но хотя бы умение разжигать огонь усилием мысли или двигать предметы ей бы весьма пригодилось. Ведь в отсталом королевстве даже зажигалок нет!

«А ты думала, в сказку попала?» – съязвил внутренний голос.

Хм, интересно, а сюжетом ее приключений предусмотрены встречи со сказочными персонажами? «А как же! Людоеды, маньяки-многоженцы с нетрадиционного цвета бородой, кровожадные оборотни и злобные ведьмы уже ждут тебя с распростертыми объятиями», – подхватил вредный голос.

«Заткнись, противный», – устало велела Глаша, вслед за маркизом выходя во двор.

– Надеюсь, на метле летать не придется? – с нервным смешком поинтересовалась она, оглядываясь по сторонам в поисках средства передвижения.

– Как захочешь, – просто ответил Оливье. – Кларисса, например, этого не одобряет. Она предпочитает ездить в карете.

При упоминании кареты перед внутренним взором Глаши пронеслись картины золоченого экипажа из мультфильма про Золушку, и она аж зажмурилась от предвкушения такой сказочной поездки. На метле тоже надо попробовать полетать, – само собой! – если только метлы здесь уже заряжены магией и от нее особых умений не потребуется. Но сперва – карета!

Радостный бомж, тот самый, которого Глаша чудесным образом исцелила от головной боли, услышав команду Оливье, быстро умчался куда-то за угол, и не прошло пяти минут, как он, одетый в парадную синюю ливрею, восседая впереди красивой, щедро украшенной завитушками кареты, «вырулил» из-за угла и остановил тройку разномастных лошадей у парадного входа.

Карета ожидания Гликерии оправдала, а вот поездка в ней – нет. За час и двадцать три минуты езды (Глаша засекала, а Оливье при этом с любопытством косился на ее стильные часики) она получила столько шишек и синяков, сколько за все детство не насобираала. На кочках экипаж подсакивал так, что девушка билась лбом о крышу, на поворотах его заносило в сторону так круто, что к побитому лбу прибавились содранные локти и колени, не говоря уже о той части тела, которая в первую очередь страдает от поиска приключений. Пока Глашу бросало из стороны в сторону в карете, как одну-единственную кильку в консервной банке, и отчаянно мучило, Оливье от души наслаждался поездкой, гарцуя на своей рыжей, с белым пятнышком на лбу, лошадке по кличке Звездочка.

В конце пути их ожидал замок, очертаниями напоминавший корону. Это единственное, что смогла разглядеть Глаша в окончательно сгустившихся сумерках. Слуги, отпиравшие ворота, встретили их весьма настороженно. Они уже были наслышаны о низвержении Клариссы более сильной ведьмой, и когда хозяин умчался в замок волшебницы спасать невесту, а явился с незнакомой девицей под руку, выглядело это весьма подозрительно. Не желая впускать колдунью в свой дом и опасаясь, что хозяин подпал под ее чары, они даже вынудили маркиза пройти унизительное испытание: попрыгать поочередно на одной ножке и

спеть фамильный гимн от начала до конца. Оливье только рассмеялся, как трезвый водитель, которого вредный гаишник заставляет идти по черте и трогать себя за нос, но нелепым требованиям подчинился. Саму же Глашу подозрительные слуги сперва опрыскали какой-то грязной, дурно пахнущей водицей, а потом заставили ее надеть ожерелье из каких-то сушеных ягод.

– Лучше подчиниться, – со смешком посоветовал Оливье, когда Гликерия попыталась воспротивиться сомнительной чести носить на себе сморщенные «рябиновые бусы». – Только не вздумай их есть! – строго предупредил он.

– Вот еще, охота тянуть в рот всякую гадость! – передернула плечами Глаша. – И к тому же наверняка кишашую бактериями!

– Чудно говоришь, – усмехнулся маркиз и с достоинством добавил: – Только тебе не стоит ничего бояться – в моем замке ни бактерий, ни блох, ни тараканов с пауками, ни крыс не водится.

– Э нет, – заартачилась Глаша, остановившись, не доходя до крыльца. – Так не пойдет. Раз уж и крысы сбежали, значит, совсем тут у тебя гиблое место. Или радиация зашкаливает, или, того и гляди, потоп грянет, а то и землетрясение с цунами в придачу! Или вези меня к тете, или возвращай обратно в замок Клариссы. В этот дом, откуда слиняли даже мыши с тараканами, я ни ногой! Ну на крайний случай, – она глянула на чернильные сумерки, в которых без света фонаря было не разглядеть даже ограды замка, – поставь мне палатку. И лучше за стенами. Да не забудь приставить парочку, а то и пятерку лучших воинов.

– А это еще зачем? – едва сдерживая смех, поинтересовался Оливье.

– Как зачем? Палатку за стены – на тот случай, если эта гиблая аномалия распространяется на всю территорию замка, – охотно пояснила Глаша.

– На всю, – с улыбкой подтвердил хозяин аномальных владений.

– Вот-вот! Моя интуиция меня не подвела! – радостно откликнулась Гликерия и продолжила: – А охрану, чтобы отгоняла от меня вампиров, оборотней, гоблинов, лесных духов, гномов, эльфов и прочую нечисть. Впрочем, – добавила она, – если вдруг эльфы мужского рода будут проявлять особую настойчивость в желании скоротать ночь за беседой с такой очаровательной особой, как я, думаю, для них можно будет сделать исключение. Да и на настоящего вампира было бы интересно хоть одним глазком издали глянуть...

– Что-то мне подсказывает, что такая возможность тебе представится, и не раз, – ухмыльнулся Оливье. – Чего не скажешь об эльфах. Вынужден тебя разочаровать, но их в наших лесах не водится. Так же как в полях, лугах, городах и замках. Встречаются они исключительно в старинных легендах, из чего, боюсь, можно сделать вывод, что к нашему времени они вымерли.

На лице Глаши отчетливо отразилось разочарование вперемешку с сожалением.

– Та же история с гномами и гоблинами, – спокойно сообщил маркиз, вдребезги разбив еще одну надежду своей гостьи.

– А как насчет лесных духов?

– Если вздумаешь гулять в лесу после полуночи, у тебя есть все шансы с ними познакомиться, – заверил Оливье. – И никакая охрана тебя не спасет, обуздать их дикий нрав можно только с помощью магии. Ну и само собой разумеется, что за пределами замка заклинание от комаров и мошкары не действует.

– А при чем тут комары? – недоуменно поинтересовалась Глаша.

– А ты каких лесных духов имела в виду? – не менее удивленно уточнил Оливье.

– Ладно, проехали, – махнула рукой вконец растерянная девушка.

– Теперь по поводу отсутствия крыс и прочих вредителей... Никакая это не аномалия, на то есть вполне прозаические причины.

– Что, есть совсем нечего? Все сбежали искать более радушных хозяев? – съязвила неудавшаяся журналистка, почуяв сенсацию.

– Почему же нечего? Просто вся территория замка, включая все жилые постройки, заговорена от подобных созданий.

– Кларисса постаралась? – с уважением спросила Глаша.

– Для Клариссы это слишком мелкое занятие, – не без гордости сообщил потомственный аристократ. – Такими хозяйственными заклинаниями занимаются в основном деревенские ведуньи. У каждой своя специализация. Кроме того, многим по наследству передаются особые заклинания, которые они хранят в строгом секрете, чтобы не создавать себе конкурентов. Так, например, мой замок заговаривала Брунелла, и теперь мы защищены от всех видов вредителей и насекомых на целый год. Это одно из самых дорогостоящих заклинаний. А другие ведуньи предлагают отдельные заклинания жилищ от комаров, от тараканов, от мышей и грызунов, от мух и блох.

Глаша наострила ушки и внимательно глянула на местный фонарь, украшавший крыльцо – банку, в которой весело подрагивал огонек свечи. Тоненького комариного звона, так же как и самих комаров или мушек, не обнаружилось. Лишь парочка бледных ночных бабочек билась тонкими крылышками о стекло, пытаясь преодолеть незримую преграду и коснуться завораживающего света.

Оливье перехватил ее взгляд и добавил:

– В моем замке можно встретить только бабочек. Заклинание Брунеллы тем и хорошо, что, отпугивая всех вредных созданий, оно притягивает бабочек и мотыльков, так что днем во дворе кружатся целые стайки этих оживших цветов, – неожиданно поэтично завершил он.

В пламени свечи его лицо даже показалось девушке одухотворенным и чуточку привлекательным, а взгляд, устремленный мимо нее, нежным и романтическим.

«Что ж, по крайней мере, он не урод», – вздохнула про себя Глаша, которой было трудно смириться с тем, что ее спутник не клон мужчин – моделей из рекламы «Хьюго Босс» и не конкурент знаменитым красавцам. И все-таки ее весьма удручал тот факт, что со стороны они с маркизом смотрятся как экс-кабаре-дуэт «Академия».

«Скажи спасибо, что хоть он с тобой возится», – шепнул внутренний голос.

И то правда, признала Гликерия, а то что бы она сейчас делала в чужом мире посреди недружелюбно настроенных крестьян, принимающих ее за злую колдунью?

И она с благодарностью взглянула на своего спутника, распорядившегося, чтобы для нее подготовили гостевую комнату.

* * *

– Лара, как ты не понимаешь, – втолковывала по дороге Настасья. – Нельзя пользоваться амулетом перемещений по первой же своей прихоти, и тем более запрещено переноситься с его помощью в людные места, потому что тогда может сработать Закон парных перемещений!

– Какой закон? – удивленно переспросила ее подруга.

– Лариса, – простонала Настя. – Ты не можешь этого не знать! Мы это еще в школе проходили, в курсе безопасности магической деятельности! Кроме того, этот пункт ясно прописан в нашем кодексе, который всем выдают перед транспортировкой в другие миры. Ты что, за три года его ни разу не удосужилась открыть?!

Понурый взгляд Ларисы был ей ответом. Память подкинула волшебнице какое-то смутное воспоминание о давнишней лекции по БМД, но тогда она, вероятно, была занята более интересными вещами и пропустила мимо ушей перечень правил и предостережений, которые бубнил себе под нос седой маг. А сегодня утром, когда ее организм взбунтовался против отсутствия шоколада, ей даже и в голову не пришло, что в ее перемещении может быть что-то противозаконное. К тому же Настя была совершенно права: Магический кодекс она раскрывала только затем, чтобы вложить между страниц обертки конфет...

– Ты его не читала? – поразилась Настасья. – Ну Лара, как же так можно!

– Виновата, исправлюсь, – пробормотала горе-волшебница.

– Если еще не поздно! Ладно, чего сейчас гадать, надо поставить в известность коллегия, а там уже видно будет...

– Не надо коллегии,– перебила ее испуганная Лариса.– Если ты говоришь, что это не по правилам и комиссия этого не одобрит, то мне, пожалуй, лучше вернуться.

– Вольская,– строго спросила Настя, глядя, как Лара теребит в руках серебристый кулон и жмурит глаза,– ты что там делаешь?

– Не получается! – в отчаянии прошептала подруга, глядя на нее широко раскрытыми глазами.– Я не могу вернуться в Кукуй!

– Да, плохо дело,– мрачно констатировала Настасья.– Значит, закон сработал.

– Ты о чем? – замерла Лариса.

– О том, что кто-то попал вместо тебя в Кукуй, дурья твоя башка,– в сердцах сказала любовная фея.– Нужно срочно предупредить магистров.

В здании коллегии, куда силком притащила подругу Настя, уже не было ни души, кроме хмурого сторожа.

– А чего ты хотела? – не преминула вставить Лариса.– Время-то уже половина восьмого!

– Ничего, оставим записку Грозину, а завтра приедем к открытию, когда все будут на месте.

– А ты-то со мной зачем пойдешь? – удивилась провинившаяся волшебница.

– Чтобы удостовериться, что ты доедешь, а не сбежишь в кино, например,– строго глянула на нее Настя.

– Ну не такая уж я и безответственная,– пробурчала Лариса.

– Что-то я в этом серьезно сомневаюсь. Особенно после того, что ты отчебучила сегодня,– проворчала Настя, вынимая из сумочки блокнот и ручку.

Лариса улыбнулась себе под нос, вспомнив, как в годы учебы среды студенток ходила легенда: мол, сумка у Настёны не простая, а самая что ни на есть бездонная, волшебным образом заговоренная. Иначе как объяснить, что у Насти с собой всегда была масса необходимых вещей: и пластырь, и ножницы, и пилочка для ногтей, и щипчики для заусениц, и запасные колготки в новой упаковке, и несколько пачек бумажных платочков, и щеточка для одежды, и губка для обуви, и разноцветные нитки с иглой. Не говоря уже о тетрадках, учебниках и запасных ручках, которые аккуратная Настасья всегда носила с собой. В то время как большинство студентов, в том числе и сама Лариса, предпочитали делать записи на отдельных листочках и только на время сессии разбирали их по предметам и скрепляли в обложки с зажимами, у Насти для каждого предмета была своя толстая тетрадь, куда она кропотливо записывала каждую лекцию. Все эти кирпичи она усердно таскала с собой вместе с массой других вещей, какие ни одной девушке не пришлось бы в голову носить в своей сумочке. Однажды у Настасьи нашлись даже батарейки для фотоаппарата, карманный фонарик, суперклей и изолента! И все это каким-то чудесным образом умещалось в ее самой обычной по виду сумочке, отнюдь не похожей по размеру на чемодан.

Улыбка Ларисы была вызвана и тем, что она представила, как Настя, устроив случайное уличное знакомство двух потенциальных половинок и видя, как те безуспешно ищут, где бы записать номера телефонов друг друга, приходит на помощь, протягивая блокнот и ручку. И терпеливо дожидается, пока подопечные обменяются номерами телефонов, чтобы затем, с чувством выполненного долга и сознанием того, что сделала все от нее зависящее, заняться устройством личной жизни следующей парочки одиночек.

Настя тем временем закончила писать, вырвала страничку из блокнота и протянула ее сторожу.

– Ну все,– выходя на улицу, сказала она,– все, что мы могли, мы сделали. Теперь остается ждать завтрашнего утра. А пока потопали в метро да поехали ко мне.

– А я тебе не помешаю? – заглядывая ей в лицо, спросила Лара.– Ты же мне так и не сказала ничего о себе... Вдруг у тебя семья, дети?

– Какие дети! – округлила глаза Настасья и прибавила шаг.– Я ведущий специалист отдела любовной магии и пашу на двух работах, не считая того, что рабочий день у меня

ненормированный, и даже выходя из офиса, я продолжаю нести свою службу на благо влюбленных. Какая тут может быть семья? Какая личная жизнь?

Лариса с удивлением глянула на подругу. Как всегда, сапожник без сапог, любовная фея без любви.

– Вольская,– строго сказала Настя, перехватив ее взгляд,– и не вздумай меня жалеть! Мне, между прочим, всего двадцать три года, как и тебе. Это в твоём Темноземье этот возраст считается критическим для незамужней девицы, а в тридцать уже пора выходить на пенсию, потому что кожа после белил сохнет, зубы, не знавшие стоматолога, разваливаются, а волосы, которые все время прячут под париками, выпадают пучками...

Лариса хотела было возразить, что в Кукуе парики не носят, зубы деревенские старушки заговаривают так, что и в семьдесят лет можно безо всяких опасений орехи щелкать, а одна придворная ведунья научилась делать такой отвар для отбеливания зубов, что ни один современный метод по эффективности и безопасности с ним не сравнится, да и белила делают не из свинца, а из особого раствора глины со сливками, но решила отложить опровержение подружкиных заблуждений на потом.

– А в Москве в этом возрасте принято наслаждаться свободной жизнью, строить карьеру и не забивать голову мыслями о замужестве, потому что для смены памперсов и стирки носков еще вся жизнь впереди,– на одном дыхании выпалила Настя.

– И это говорит ведущий специалист по любовной магии! – покачала головой Лара. – Памперсы и грязные носки – хорошие же у тебя представления о супружестве.

– Вольская!!!

– Да ладно-ладно, не кипятись. Признаю, я язва, ехидна и – кто там еще? – а, заноза! Насть, чего ты так бесишься-то?

– А того,– устало отозвалась та,– что у меня контракт! И по нему я не имею права выходить замуж, пока не отпашу свои семь лет на службе у коллегии.

– Серьезно?! – удивилась Лариса.

– Только не надо из себя дурочку строить,– огрызнулась Настасья. – У тебя в контракте то же самое написано. У всех выпускников стандартные договоры, только сроком различаются.

«Ну надо же!» – удивилась Лариса, даже не подозревавшая о существовании подобного пункта в своем договоре с коллегией.

– Это тебе еще повезло, что ты в свое далекое-далекое королевство попала и тебе всего пять лет дали,– продолжила Настя.

«Да уж, повезло так повезло»,– помрачнела Лариса. И жених у нее там имеется, вот только свадьбе не бывать. Не может идти и речи о том, чтобы она навсегда осталась в Кукуе или маркиз отправился вместе с ней в Москву.

– Ксюшке за то, что ее, можно сказать, в горячую точку направили, стажировку до трех лет урезали,– добавила тем временем Настя,– а мне из-за того, что в родном городе оставили, семь лет назначили. Ну где справедливость, а?

– погоди, так Ксюшка уже свой срок отработала? – оживилась Лара. – Она же, получается, вернуться должна!

– Ну конечно,– уже спокойно произнесла ее подруга, видимо устыдившись своего эмоционального всплеска,– вернулась. Еще на той неделе. Как раз было три года с окончания школы, и через два дня она мне позвонила. Она сейчас к родителям в Ялту поехала, а как вернется, мы договорились встретиться.

– Здорово! Если повезет, еще и Ксению повидать,– обрадовалась Лариса.

– Лара! – закатила глаза Настасья. – Я тебе поражаюсь! Я бы на твоём месте молилась всем богам, духам и стихиям Москвы и Кукуя, чтобы амулет скорей заработал и ты вернулась обратно. А ты о чем думаешь?

До дома Насти они добрались уже около десяти вечера. Лара валилась с ног от усталости, потому что привыкла вставать в Кукуе на рассвете, и в это время уже давно видела сны. Поэтому этим вечером девушкам больше поговорить не удалось. Настасья

быстро постелила постель, и Лариса уснула сном младенца. Завтра ее ждал серьезный разбор полетов...

* * *

— Это произвол! — лютовал председатель Чрезвычайного комитета по несанкционированным перемещениям, магистр Бессмертин на следующее утро.

Лариса стояла перед советом ученых волшебников, опустив голову и едва осознавая масштабы произошедшей трагедии. Надо же ей было переместиться именно в многолюдный ГУМ! В тот момент и сработал роковой Закон парных перемещений. Согласно ему, если в поле действия амулета в пункте прибытия попадает любой другой человек, то он переносится в то место, из которого амулет был активирован. А значит, когда Лариса попала из средневекового Кукуя в современную Москву, кто-то из посетителей универсама, оказавшийся поблизости от места портала, угодил прямиком в отсталое королевство. Да не кто-нибудь, а какая-то сопливая школьница семнадцати лет от роду и без капли магических способностей в придачу. (Вездесущие маги уже успели сунуть нос в Кукуй и установить ее личность.) И угодила эта Глаша не куда-нибудь, а в кабинет главной волшебницы королевства!

— Вы не могли этого не знать, Лариса,— продолжал корить ее Бессмертин.— Это написано в Магическом кодексе!

Лара только голову ниже опустила. Ну кто же знал, что это так важно?

— Вот почему любые перемещения необходимо согласовывать с коллегией магов!

— Но у меня не было связи с коллегией,— понуро возразила Лариса.

Это они могли наблюдать за ее практикой, а у нее возможности обратной связи не было. Вот и за Глашей этой старшие волшебники могли проследить только на расстоянии, а установить с ней контакт было невозможно. Да и в ближайшие часы девушка должна была пропасть из вида магистров: это за выпускниками школы они могли наблюдать годами за счет обмена магией, а раз у Глаши особых способностей нет, то даже эта хрупкая односторонняя связь будет утеряна. Сейчас она поддерживается только за счет выброса энергии при активации амулета, но это еще час-два, а потом — полная неизвестность.

— Поэтому вы должны были быть особенно осторожны при перемещении и вам надо было выбрать для своего прибытия место, исключаящее нахождение там людей,— строго заметил магистр.

«Интересно, где это в Москве такое место можно найти?»— не удержалась от ухмылки Лара.

— Лариса, вам смешно? Вы можете себе представить, что там сейчас происходит? Народ в панике! Он уверен, что вы погибли в неравном поединке с колдуньей, решившей занять ваше место! А каково сейчас бедной девочке?

— Магистр,— виновато пролепетала Лариса,— я немедленно вернусь туда и все исправлю. Позвольте мне отправиться обратно?

— Ох Лариса! — Бессмертин устало откинулся в кресле.— Вы свою часть бед уже натворили и бессильны что-либо изменить. Ваш амулет больше не работает.

— А портал? — воскликнула она.— Портал, с помощью которого я попала в королевство? Разве нельзя воспользоваться им?

— Нет, Магический кодекс вы все-таки не читали,— ехидно вставила Маргарита Альбертовна, заведующая кафедры стихийной магии, отчего-то страшно невзлюбившая Ларису еще со школы.— Иначе бы знали, что, согласно Закону магического равновесия, в одном мире в одно время не может находиться больше одного иномирца.

— Да, это так,— признал Бессмертин и добавил: — Порталы настроены с учетом этого закона, и воспользоваться ими теперь невозможно. Вы попадете в Кукуй только тогда, когда новаявленная волшебница найдет способ вернуться в наш мир. Таково второе следствие Закона волшебного равновесия. Потом ваш амулет снова обретет силу, и вы, отработав

оставшуюся часть практики, сможете активировать его, чтобы вернуться домой.

– А если у нее не получится? – растерянно прошептала Лариса. – Что, если она там погибнет?

– Тогда вы никогда не сможете вернуться в Кукуй и можете лишиться права магической деятельности, – злорадно сообщила Маргарита.

Из зала заседаний Лариса Вольская вышла как в полусне. Она не могла простить себе того, что из-за своей прихоти подвергла опасности жизнь неповинной девушки, оставила королевство без надзора. И даже боялась подумать о том, что больше никогда не увидит Оливье.

– Ну что? – кинулась к ней Настя, терпеливо дожидавшаяся в коридоре все два часа, пока подругу мурыжила Чрезвычайная комиссия.

– Поздно... – опустила голову Лара. – Я пока остаюсь.

– Ну не переживай, – обняла ее Настасья. – Все образуется.

– Вопрос только в том, как быстро и как именно, – усмехнулась волшебница.

Теперь все зависит только от девчонки, попавшей на ее место. Вот только неизвестно, захочет ли она возвращаться назад. Бессмертин объяснил, что в первую минуту перемещения у Глаши был шанс вернуться. Если бы она не поверила своим глазам, если бы испугалась и отчаянно захотела снова оказаться в родной обстановке, посчитав произошедшее с ней наваждением, так бы и случилось. Природная магия желания сильнее искусственной магии амулета. Девушка вернулась бы в ГУМ и решила, что стены старого замка ей померещились, а Лариса, вновь очутившись в замке, поняла, что что-то не так, и не стала бы пользоваться амулетом. А там, глядишь, вспомнила бы о пропущенной мимо ушей лекции и внимательнейшим образом ознакомилась бы с Магическим кодексом да изучила все нюансы перемещения. Вот только Глаша осталась в ее замке и возвращаться не захотела...

Надо же было именно этой авантюристке оказаться поблизости от места дислокации Ларисы! Теперь ее судьба в руках этой непутевой школьницы. Даже магистры в этой ситуации бессильны. Вся надежда только на сновидческую магию. Бессмертин объяснил, что парное перемещение связало девушек особой связью, и передал Ларисе фотографию Глаши и отпечаток ее ауры, чтобы волшебница смогла связаться с ней посредством сна.

– А это поможет? – спросила Настя, когда Лариса коротко обрисовала ей ситуацию.

– Несильно. Что я могу сделать во сне? Только успокоить, дать пару советов, как себя вести, да разузнать последние новости.

– Бедная девочка, – покачала головой сердобольная Настасья, – каково ей там сейчас? У вас же там не тихая Вретань с уровнем чудовищной активности ноль-пять, не заповедная Гримландия, где живут сплошь дружелюбные Белоснежки и безобидные Мальчики-с-пальчики, и не Фуранция с полным отсутствием магии, которая ничем не отличается от нашей средневековой Европы. Я узнавала, когда тебя отправили, и даже все параметры себе выписала. До сих пор помню: чудовищная активность за восьмерку зашкаливает, одних видов нечисти больше двух десятков, магией владеет до тридцати процентов населения! Это же почти каждый третий! И каково там будет бедняжке, которая чудеса и монстров только в кино видела?

– Скажешь тоже – каждый третий! – возмущенно фыркнула Лариса. – Да чего там у них этой магии-то? Только зубы заговорить да чирей вылечить – на большее и не способны. Думаешь, чего они ко мне тогда со всего королевства бегали? И ладно бы только за волшебством, так я им и служба доверия, и психологическая консультация, и детективное бюро, и охранное агентство в одном лице. Легко мне было, что ли? Вот и сорвалась, сбежала, не спросившись... Настька, не сыпь мне соль на перец, – взмолилась она, повесив голову, – мне и так сейчас нелегко. И еще хуже оттого, что исправить ничего не могу, остается сидеть сложа руки, точнее, выполнять это дурацкое задание в качестве наказания, а в моей ситуации это как мертвому припарки.

– А что за задание? – заинтересовалась Настя.

– Да балду буду гонять, – раздраженно ответила волшебница. – Раз я подвергла

опасности жизнь этой Глаши, мне теперь предстоит искупить свою вину, взяв под опеку какую-то неудачницу и, пока я здесь, постараться изменить ее жизнь к лучшему.

– А это каким-то образом ускорит твое возвращение в Кукуй?

– Если бы, – вздохнула Лариса. – Это мне просто урок на будущее да работа на то время, пока я буду тут болтаться.

– А какие вообще шансы на возвращение Глаши? Что магистры говорят? Может, ей удастся найти там второй амулет перемещений?

– Ты такая взрослая, Настасья, а все в Деда Мороза веришь, – вздохнула Лариса.

– А чего бы мне в него не верить, если теперь я знаю, что Дедами, помимо студентов и актеров, подрабатывают самые настоящие волшебники? – хмыкнула Настя. – Даже наши профессора не гнушаются нацепить бороду и красную шапку и исполнить заветное желание какого-нибудь особо отличившегося ребенка. Так есть такая возможность, что в Кукуе есть другой амулет?

– Ты прекрасно знаешь, что амулеты выдаются только выпускникам школы, которых распределяют в другие миры. И каждый из амулетов настроен на своего хозяина, так что больше никто не может воспользоваться им и нарушить равновесие пространства и времени. Да и что толку, даже если бы это было возможно? Других выпускников школы в Кукуе нет.

– А как насчет местных артефактов и старинных амулетов? – предположила Настасья.

– Никогда о таких не слышала, – покачала головой волшебница.

– Но это же не значит, что их нет! – оптимистично предположила любовная фея.

– Да, вероятность найти амулет в Кукуе – пятьдесят процентов. Или найдешь, или нет. Это как с мамонтами на улицах Москвы, – скептически заметила Лариса.

– Ну ладно, – приободрила ее Настя. – Не кисни, Ларчик! Ты сейчас куда?

– Мне надо сперва Грозина дожидаться, он мне имя моей подопечной объявит. Они там сейчас как раз совещаются на этот счет, выбирают королеву неудачниц, – ухмыльнулась Лариса. – Потом в отдел кадров зайду, дополнительное соглашение к договору оформить, и в архив – справку на мою подзащитную получить. С завтрашнего дня беру ее под свое крылышко. А сегодня придется с бумажками повозиться.

– Ну ладно, удачи тебе, а я на работу побежала, и так уже с тобой задержалась. Дома буду часикам к шести. А ты?

– Я тоже не раньше. Если время останется, по Москве погуляю.

– Ну смотри, допоздна не загуливайся, домой приезжай. Я тебе сейчас адрес запишу на всякий случай, чтобы ты не заблудилась.

Настя черкнула пару строчек в блокноте, выдернула страничку и протянула ее подруге:

– Прочитай... Все понятно?

Та машинально скосила глаза на адрес, выведенный каллиграфическим почерком, какой в пору в музее демонстрировать, и кивнула:

– Понятно.

– Тогда я пойду, а ты, как закончишь все свои дела, приезжай.

Настя направилась к выходу, а Лариса осталась ждать конца совещания и решения комиссии. Черная кошка Нюська спрыгнула с подоконника, где она грелась на солнышке, и, подойдя к девушке, стала тереться об ее ноги. Во время учебного года кошка, бывшая всеобщей любимицей, жила в школе, а когда школа после выпускных экзаменов закрывалась на каникулы, Нюська перебиралась в соседнее здание коллегии. Лара взяла кошку на руки, и та благодарно заурчала, но при этом ее уши настороженно дергались, словно Нюська прислушивалась к тому, что происходит в аудитории. И неудивительно, из-за двери доносились громкие голоса, ученые мужи и единственная дама спорили. Причем дама, стервозная Маргарита Альбертовна, деликатно говоря, что-то горячо доказывала, а говоря честно – пронзительно визжала. Да так, что проходившие мимо трое молодых волшебников, видимо, недавние выпускники, прибывшие на распределение, изменились в лице, испуганно переглянулись и обменялись сочувствующими взглядами с Ларисой, ожидавшей своей

участи возле аудитории и рассеянно поглаживающей кошку.

Долго ждать не пришлось. Вскоре визг Маргариты утих, вероятно, возвещая о достижении консенсуса, затем двери зала распахнулись. Первыми его покинули эксперты по иномирию Травинский и Кошкин, не удостоившие Ларису даже взгляда. Следом появились председатель Бессмертин и ведьма Маргарита. Первый посмотрел на Ларису с жалостью, вторая – с плохо скрываемым злорадством, но заговорить с ней они тоже не пожелали. Последним вышел Иван Романович Грозин, непосредственный куратор их потока.

Разомлевшая в руках Ларисы Нюська выпустила когти, кубарем скатилась на пол и усакала обратно на подоконник. Кажется, кошка в школе была единственной особой женского пола, которая не испытывала симпатии к обаятельному профессору. В Ивана Романовича были влюблены все первокурсницы, и не они одни. Преподавательницы-волшебницы тоже вздыхали по неотразимому Ивану-царевичу, как его за глаза называли в школе. Если бы Иван Грозин решил стать актером, его амплуа не ограничилось бы ролями благородных красавцев вроде мушкетера Атоса или графа Андрея Болконского. Он с равным успехом мог бы сыграть и ироничного эстета лорда Генри, наставника Дориана Грея, и проницательного сыщика Холмса, и надменного аристократа Дарси, и любимца женщин Казанову, и разочарованного одиночку Печорина. Этот высокий худощавый блондин лет сорока, с теплой мальчишеской улыбкой и искрящимися светло-кариими, как карамель, глазами, был красив той редкой породистой красотой, которая с первого взгляда заставляла трепетать женские сердца и внушала симпатию мужчинам. Ходили слухи, что внешний вид Грозина – дорогостоящая иллюзия, наложенная одним из магов, которую Ивану Романовичу приходится обновлять каждый год. Впрочем, в их школе каких только слухов не ходило! И что Маргарита – правнучка той самой Маргариты, и что Бессмертин владеет секретом вечной жизни, и что кошка Нюська – реинкарнация прежней директрисы, погибшей при загадочных обстоятельствах...

– Ну что, Вольская, натворила ты дел! – покачал головой Грозин, строго глядя на нее. Когда Иван-царевич по-отечески журил своих подопечных, он всегда обращался к ним на «ты», а как только сменял гнев на милость, вновь переходил на уважительное «вы».

– Иван Романович... – сконфуженно пролепетала Лариса.

– Ну ладно, ладно, вижу – сама не рада, – мягко остановил ее он. – Вот что, Лариса, ситуация немного усложнилась. Ты должна пообещать мне, что приложишь все усилия, чтобы оправдать мои надежды и справиться с этим заданием. Маргарита Альбертовна настояла, чтобы оно стало для тебя не только наказанием, но и испытанием на магическую пригодность. Я был против, но ей удалось убедить в этом остальных.

– Иван Романович, я не совсем понимаю...

– Проще говоря, если ты не справишься, тебя исключат из коллегии и лишат права вести магическую деятельность, – развел руками профессор. – Но ведь этого не случится, правда?

Лариса была просто оглушена свалившимся на нее известием. Вот это каникулы получились! Сначала такой косяк с перемещением, потом новость о том, что ее возвращение в Кукуй откладывается на неопределенное время, а теперь еще и сообщение о возможном исключении. Вот ведь зараза эта Маргарита!

– Лариса, вы меня слышите? – Иван Романович участливо заглядывал ей в лицо. – Вы очень способная волшебница, и я уверен, что вас ждет большое будущее. Поэтому сейчас вы должны обещать мне, что отнесетесь к своему заданию со всей серьезностью и сделаете все возможное. Да?

– Да, конечно, Иван Романович, – стряхнув с себя оцепенение, заверила девушка. – Спасибо за вашу поддержку. Я не подведу.

– Ее имя Арина Нарышкина.

– Что? – непонимающе переспросила Лариса.

– Имя девушки, чью судьбу вы должны изменить к лучшему. – Профессор произнес это так, словно за что-то извинялся. – Я пытался пробить для вас другую кандидатуру, но

Маргарита...

Он досадливо поморщился, так что не осталось никаких сомнений: зловредная Маргарита Альбертовна и всеобщему любимцу Грозину успела насолить изрядно. Тогда посрамить противную тетку и превратить жизнь неизвестной Арины в сплошной шоколад – это дело чести не только самой Ларисы, но и ее куратора. Решено! Она сделает для этого все возможное. А если понадобится, то и невозможное тоже.

– Не волнуйтесь, Иван Романович, – бодро заверила волшебница. – Кем бы ни была эта Арина Нарышкина и о чем бы она ни мечтала, все ее мечты осуществляются, проблемы самоликвидируются, а жизнь наладится к лучшему.

– Ну-ну, – пробормотал Грозин, подивившись энтузиазму своей подопечной, еще не подозревающей, во что она ввязалась.

Ларисе показалось или в его голосе прозвучали скептические нотки?

– Ну не буду терять времени, пойду подпишу соглашение – и в архив, – бодро отрапортовала она.

– Да-да, конечно, – рассеянно кивнул Грозин.

– Всего доброго, Иван Романович!

– Вольская! – окликнул он, когда Лара уже зашагала к отделу кадров. – Удачи вам. И ни пуха ни пера!

– К черту, – машинально ответила Лариса.

Что?! Ей послышалось, или Грозин только что активировал заклинание успеха, строго запрещенное к применению на время экзаменов и контрольных работ? Заклинание, которым обмениваются школьники и студенты обычных учебных заведений (и откуда только те о нем прознали?), но которое приобретает свою силу только в устах мага? И Грозин его не просто активировал, но и пообещал свою помощь в случае чего, а она эту помощь приняла. И теперь между ней и профессором установилась невидимая связь, благодаря которой он будет в курсе ее продвижений по этому делу. Да за одно это Грозин может вылететь из коллегии! Поскольку это задание – своеобразный экзамен, помощь старших магов исключена, и Лариса должна полагаться только на свои собственные силы. Да если только Маргарита узнает, им обоим крышка и горящий котел в придачу!

Волшебница потрясенно развернулась на каблуках, но профессор уже исчез из коридора старинного особняка.

– Мне это послышалось. Послышалось! – строго сказала себе Лара и медленно побрела к отделу кадров. Нюска, спрыгнув с подоконника, засеменила рядом с ней.

* * *

Маркиз разбудил Глашу на рассвете, и в начале седьмого они были уже на полпути к замку тетушки Миланы. Оливье, как обычно, резвился на своей кобыле, а его спутница страдала в карете. Время от времени она вывешивалась из узкого окошка в надежде увидеть какую-нибудь нечисть, приветливо скалящую зубы из-за кустов, или оборотней, перебегающих дорогу. Но, видимо, раннее утро не располагало нечисть к ухмылкам, а оборотней к прогулкам, поэтому путевые заметки Гликерии, которые она вела в блокноте, никакими интересными записями не пополнились. Вдобавок ко всему юную путешественницу укачало и растрясло, поэтому тот миг, когда ближе к полудню карета въехала во двор замка тетушки Миланы, стал самым радостным событием всего странствия.

Тетушка Милана оказалась миниатюрной дамой лет тридцати пяти с волосами цвета красного дерева и довольно экзотической внешностью. У нее были раскосые русалочьи глаза, высокие скулы, маленький рот, острый подбородок и личико в форме сердечка. На своего племянника она не была похожа ни капли, из чего Глаша сделала вывод, что Оливье уродился в отца.

– Добрый день, моя дорогая! – прищурилась Милана, изучая гостью, и обратилась к племяннику. – Оливье, что за шутки ты вздумал шутить со своей тетей?

– Какие уж тут шутки, тетушка,– дурашливо отвечивал тот.– Спешил познакомиться тебя с величайшей колдуньей Кукуя, не далее как вчера утром свергнувшей саму Клариссу.

– О, так вот она какая, эта страшная ведьма! – рассмеялась та.

– Вижу, слухи уже до тебя дошли,– хмыкнул Оливье.

– И весьма презанятные,– лукаво сообщила Милана.– Полчаса назад я получила известие, что мой племянник, отправившись выручать свою возлюбленную, сам попал под чары злодейки, привез ее в свой замок на правах хозяйки и уже вплотную занялся подготовкой к свадьбе.

Глаша только поразились способности местных жителей к извращению фактов и сочинению сплетен. Таланты! Пожалуй, ее затея с газетой даже может выгореть.

– Ты не поверишь, когда я расскажу тебе,– ответил Оливье.

– Отчего же. Смотри что расскажешь,– усмехнулась хозяйка замка, приглашая их следовать за собой.

– Вот оно что,– задумчиво произнесла Милана, когда гости поведали ей события последних суток, и в ожидании устали на ученую даму.– Да, похоже на то, что произошло двойное перемещение.

Оливье аж весь подтянулся и торжествующе глянул на Глашу снизу вверх: мол, что я говорил?

– Только не понимаю, чему ты так радуешься,– осадил его тетя.– Если мне не изменяет моя память, в этой ситуации Кларисса бессильна изменить что-либо, теперь только сама Гликерия должна найти способ вернуться в свой мир, и тогда Кларисса вновь займет свое место здесь.

Теперь настал черед Глаши ликовать и бросать на Оливье торжествующие взоры: мол, понял, кто тут герой?

Маркиз, судя по всему, в выдающиеся способности новой знакомой не верил, а потому весьма приуныл и кисло поинтересовался:

– И какие тут могут быть способы?

– Выбор невелик,– пожала плечами Милана.– У тебя ведь нет изображения твоего мира? – обратилась она к Глаше.

– Вы имеете в виду открытки и фотографии? – уточнила та.

– Лучше, конечно, картина, но если ничего другого нет, можно посмотреть и графию.

– Но у меня их нет,– развела руками Глаша.– Разве что,– она выудила из рюкзака, который везла с собой, весь свой капитал: сотенную и полтинную купюры.– Может, это подойдет?

Она протянула денежки с изображением российских достопримечательностей Милане. Та с любопытством повертела их в руках.

– Не пойдет,– с сомнением произнесла она, передавая банкноты племяннику.– Картинка должна быть многоцветной, иначе вместо своего мира ты попадешь в рисунок и навсегда станешь его пленницей.

Глаша вздрогнула, представив себе такой исход своего путешествия. Ну уж фигурки, ей и тут неплохо! Она решительно отобрала купюры у Оливье, который с энтузиазмом предлагал увеличить картинку и переписать ее красками, и спрятала их обратно. Милана отвергла и вариант племянника, сославшись на то, что картина должна быть создана до перемещения Глаши и в том мире, который она изображает. Сообщила она и что ни одно заклинание Глашу обратно не переместит и ни один волшебник ей не поможет, потому что пространственная магия крайне опасная, сложная и неизученная, и никто из местных кудесников за нее не возьмется.

– Но должен же быть какой-то способ! – горячо воскликнул Оливье, не желая мириться с неудачей.

– Способ, способ,– озадаченно пробормотала Милана, нахмурив лоб.– Что-то я такое читала... про какой-то артефакт... или источник... или зелье. Надо поискать в библиотеке.

– Так чего же мы ждем? – нетерпеливо вскричал маркиз.

* * *

На двери отдела кадров висела табличка «Приема нет». Несмотря на то что часы приема сегодня значились с 9.00 до 13.00, а времени было только половина первого.

Лариса вежливо постучала и открыла дверь.

– Закрото! – сурово гаркнули из-за шкафа. – Не видите, что ли? Приема нет!

– Так ведь полчаса еще, – деликатно возразила волшебница, заходя в кабинет и решив так просто не сдаваться. Без копии соглашения ее не допустят в архив, а не получив досье на Нарышкину сегодня, она как минимум потеряет полдня драгоценного времени завтра.

– Вот ведь наглость какая! – поразила невидимая сотрудница, шурша бумагами, и отнюдь не деловыми. Судя по всему, за шкафом активно шло чаепитие. – Приемный день вчера был, а сегодня у нас ВООООЩЕ приема нет.

Лариса вздохнула, поборов желание прибегнуть к помощи магии. Ведь как просто уламывать вредных теток в образе Аллы Пугачевой или Николая Баскова, но сейчас не тот случай – соглашение должна подписать она, Лариса Вольская, а не примадонна и не белокурый тенор, значит, тетку придется брать исключительно своим природным обаянием.

– Но мне очень нужно сегодня, пожалуйста, – вложив в голос побольше меда и обещания пряников, проворковала Лариса под аккомпанемент дружного чавканья из-за шкафа. Подойти ближе она не решилась – «бумажные» тетки очень не любят, когда их застают в разгар чаепития, и, представ взору посетителя с чашкой в одной руке и бубликом в другой, категорически отказываются вступать в переговоры.

– Девушка, выйдите! – недовольно булькнула из-за баррикады та, что постарше.

– Галина Матвевна, позвольте, я посмотрю...

Лариса воспрянула духом: обещание пряников не оставило кого-то равнодушным, до нее снизошли, а значит, полдела уже сделано.

Из-за шкафа вышла сердитая девушка с короткой стрижкой. При взгляде на Ларису ее лицо прояснилось, и она радостно воскликнула:

– Ларочка, здравствуй!

Волшебница чуть ламбаду на радостях не сбавала, но вместо этого широко улыбнулась:

– Вискочка!

Вика была старшей сестрой той самой неудавшейся самоубийцы Оксаны, у постели которой Лариса просидела до утра, терпеливо изображая непутевого кумира. Вика ее тогда к ней и привела. Рыдая, подкараулила после лекции и уговорила вправить мозги сестричке. Лариса и не знала, что благодарная ей по гроб жизни Вика работает в отделе кадров. Какое удачное совпадение! Даже если зловредная Маргарита успела навеститься сюда и строго-настрого наказала сотрудницам подольше муржигать практикантку Вольскую отговорками «Приходите завтра», сивой ведьме это не поможет. Через пять минут соглашение и пропуск в архив будут в руках у Ларисы. Вика в лепешку расшибется, чтобы угодить своей благодетельнице.

– Галина Матвевна, – повысила голос Вика, – это моя очень хорошая знакомая, Лариса Вольская. Помните, я вам про нее рассказывала?

– Ах, Ларочка! – заинтересованно воскликнула та, за баррикадой раздался шум, и из-за шкафа показалась тучная женщина лет пятидесяти в блузке, щедро украшенной люрексом, и джинсах, плотно обтягивающих бедра. – Как же, как же, помню! – сказала она, окинув посетительницу оценивающим взглядом и прикидывая, как ее можно использовать в своих целях.

Лариса аж вздрогнула, представив себе тайные фантазии этой экстравагантной дамы.

– Галина Матвевна, вы не беспокойтесь, я сама займусь, – выручила ее Вика, и тетка с сожалением скрылась за шкафом, объявив: «Обращайтесь, если что!»

– Давно тебя не было видно. Я и не знала, что ты вернулась.

– Да вот, только утром...

– И как там дела?

– Лучше не спрашивай. Как Оксана?

– Замечательно. Выкинула всю дурь из головы, сейчас в институте учится, с мальчиком хорошим встречается. Спасибо тебе, Ларис!

– Да ладно тебе, Вик!

– Так ты с чем к нам?

– Мне дополнительное соглашение к контракту подписать надо.

– Сейчас сделаем, – с готовностью заверила Вика, опускаясь в кресло за компьютером. – Ты присаживайся пока. Это быстро, у нас тут все готовые формы есть... На что у тебя соглашение?

– На опеку.

– Ага, вот оно, – бойко щелкая мышкой, объявила Виктория. – Только имя вставим, распечатаем, печать поставим – и готово. Кто этот счастливчик? Или счастливница?

– Счастливница. Арина Нарышкина.

– Нарышкина? – удивилась Вика. – Опять?

– Что значит – опять? – настороженно переспросила Лариса.

– Ну не думаю, что в Москве живет пять Арин с фамилией Нарышкина, – усмехнулась Вика, стуча клавишами. – А ты пятая, кому поручают на попечение эту прелестную особу за последние полгода. Так что, сама понимаешь, возникают сомнения, так ли уж она прелестна на самом деле.

– Да уж, – проворчала Лариса, вспомнив злорадную ухмылочку Маргариты и виноватый взгляд Грозина. – И что, предыдущие поручители не справились?

– Да откуда ж мне знать? Мне никто не докладывает, я только бумажки заверяю. Ты мне уж по старой дружбе потом расскажи, что это за феноменальная девушка такая, – подмигнула Вика, вынимая бумагу из принтера, вставая из-за стола и направляясь за шкаф. – Сейчас на подпись Галине Матвевне дам.

Галина Матвевна ради такого случая выбралась из-за баррикады, поставила размашистую закорючку на двух копиях соглашения и, растянув губы в улыбке, сказала:

– Вы, Ларисочка, заходите к нам, чайку попьем, поболтаем!

– Обязательно, – пообещала Лариса, решив про себя обходить отдел кадров за пушечный выстрел.

– Уж не забудьте, – довольно хихикнула дама, пока Вика ставила печати на копиях.

После чего один экземпляр соглашения и запрос в архив с просьбой разрешить Вольской Л. А. ознакомиться с досье на Арину Тимофеевну Нарышкину, 1980 года рождения, перешли в руки волшебницы. Та от души поблагодарила Вику, с облегчением распрощалась с ее начальницей и побежала в архив. Верная Нюська, деликатно ожидавшая ее в коридоре, поскакала следом.

В архиве ей повезло меньше. Сидящая за стойкой платиновая блондинка, активно злоупотребляющая солярием, Ларисе была незнакома, а потому равнодушно объявила, что прием заявок на выдачу документов сегодня уже завершен и она может принять заявку только на завтра.

– Но ведь до закрытия еще два часа! – мягко возразила Лариса, протягивая ей запрос.

Скусающая красавица, не глядя в бумагу, бросила ее на стол и заученно ответила:

– А прием заявок на сегодняшний день закончился в 12.30.

– Но мне очень надо сегодня! – умоляюще воскликнула Лара.

– Всем надо, – безразлично ответила блондинка, и на ее неестественно шоколадном личике не отразилось ни единой эмоции. – Приходите завтра.

– Всем? – разозлилась волшебница. – А если бы сейчас в двери вошел Энрике Иглесиас и попросил принести ему досье, вы и ему сказали бы то же самое?

В пустых глазах блондиночки мелькнул интерес, она живо представила себе эту картину, изящно облокотилась о стол, уронила голову на ладонку и мечтательно закатила глазки. «Кажется, программа зависла»,— с мрачным видом констатировала Лариса, безуспешно пытаясь достучаться до блондинки и вернуть ее на землю.

— Ниночка, что тут у тебя? — Дверь за спиной мечтательницы распахнулась, и оттуда выскочила молодая женщина лет шестидесяти с прической под Мирей Матье и с пачкой папок в руках.

Лариса воззрилась на нее с надеждой и, не дожидаясь, пока блондинка придет в себя, изложила «Мирей» суть дела.

— Но сейчас мы принимаем заявки только на завтра. У нас и так очень много заказов, мы не успеваем справляться,— мягко возразила та, обрушив папки на стол и вернув Ниночку к реальности. Та растерянно захлопала густо подведенными глазами и в удивлении уставилась сперва на Ларису, затем на свою старшую коллегу.— Оставьте заявку, и завтра с утра я разыщу ее первой.

— Понимаете,— осторожно подбирая слова, взмолилась девушка,— я здесь в командировке, у меня не так много времени и на счету каждая минута. Если я смогу получить досье сегодня, то у меня будет целый вечер, чтобы изучить его и продумать план действий, так что уже завтра с утра я смогу начать работу. А если я получу досье завтра, то потеряю половину дня!

Перехватив укоризненный взгляд «Мирей», она добавила:

— Я бы раньше пришла, но только час назад это задание получила. Понимаете, это для меня очень-очень важно!

«Мирей» нерешительно взяла запрос со стола, пробежала его глазами... и изменилась в лице. Она подняла на Ларису взгляд, в котором читались сочувствие и жалость, и тут же отвела глаза. Как будто это не запрос на досье, а назначение в чумное королевство, направление на интервью с самым кровожадным вампиром или предсказание о скорой смерти от авторитетного прорицателя. Ларисе стало не по себе.

— Сейчас принесу, подождите,— напряженно проговорила «Мирей» и исчезла за дверцей в стене.

Появилась она минуты через две, с тонкой пластиковой папкой в руках. Словно досье на Нарышкину не пылилось в недрах огромного хранилища, а лежало у нее на столе, где она его читала на досуге. Хотя какое хранилище? На всех, кто моложе двадцати семи, данные хранятся в компьютерной базе, их следует только найти и распечатать. Но тогда все равно удивительно, что из миллионов досье это нашлось так быстро. А, ну да! Вика же сказала, что за последний год мадам Нарышкину брали под опеку уже четыре мага. Неудивительно, если при такой популярности сотрудницы архива решили сделать запасную копию, а то и захотели сами изучить дело необыкновенной девицы.

— Вот! — по-прежнему отводя глаза, «Мирей» передала папку Ларисе и, заполнив бланк выдачи, протянула его на подпись.

— Скажите мне,— девушка косила глаза на бейджик на кармане пиджака «Мирей»,— Римма Львовна, что с ней не так?

— С кем? — нервно переспросила та.— А, с Ниночкой, что ли?

Лариса и не заметила, что блондиночка снова впала в транс и нежно улыбалась, глядя бессмысленным взглядом прямо перед собой.

— Да у Ниночки каждый день свои причуды,— радуясь возможности сменить тему, охотно пояснила Римма Львовна.— Вчера ей кто-то принес любовное заклинание, так она его на всех мужчинах испытать пыталась. Поддался только старый профессор — ну это и неудивительно, он и так всякий раз, как Ниночку видит, твердит, что она похожа на его умершую жену в молодости, и все норовит ей предложение сделать, да еще иностранец-оборотень один.

— Оборотень — не самый худший вариант,— заметила Лариса, вспомнив самого красивого парня с их потока, Никиту, второй ипостасью которого была орлиная.

– Смотри какой оборотень,– согласно кивнула Римма Львовна.– У этого другая ипостась – скунс.

– Да вы что? – не удержавшись, прыснула волшебница.

– У меня на это нюх,– авторитетно заявила Римма.

Лариса с интересом глянула на сотрудницу – неужели инспектор? Дар, позволяющий видеть истинное лицо в любом обличье, считался столь же редким, как Ларисин, и было сложно поверить, что сотрудница, обладающая таким полезным талантом, просиживает в архиве, а не колесит по всему городу в составе опергруппы. А может, Римма Львовна уже и отколесила свое, годы-то уже не те...

– А сегодня с ней что? – напонила она, кивнув на витающую в облаках блондинку.

– А сегодня ей кто-то рассказал, что в высшей школе училась девушка, которая могла принимать облик любого человека, хоть Гитлера, хоть Алена Делона или Бритни Спирс...

А вот это неправда, про себя возмутилась Лариса. Гитлером она никогда не оборачивалась, надо же такую чушь придумать!

– И сперва Ниночка убивалась, что ей не повезло родиться с таким талантом, а потом приободрилась, вспомнив, что эта девушка сейчас в Москву вернулась после долгого отсутствия, и заявила мне, что непременно ее найдет...

«Этого мне только не хватало!» – мысленно простонала Лариса. Нетрудно предположить, что у этой субтильной красотки на уме.

– Чтобы на один вечер та побыла для нее Рики Мартином. Или Брэдом Питтом. Ниночка еще не решила,– не скрывая улыбки, сообщила Римма.– Но она уже отложила первые сто рублей для гонорара волшебнице.

Похвально, ничего не скажешь, хмыкнула Лариса. Интересно, кто рассказал глупышке Ниночке о ее возвращении? Уж не Настя же! И не Маргарита! Наверняка блондиночке и ее имя с фамилией известны. Так что это ей еще повезло, что Ниночка даже не глянула в запрос, а то от мечтательной архивщицы пришлось бы спасаться бегством.

– А эта девушка, Арина Нарышкина,– начала Лариса, и улыбка тут же померкла на устах Риммы Львовны.

– Трудная эта девочка,– покачала головой она.– Не один волшебник уже с ней намучился. Не девочка, а какое-то наказание. Так что удачи тебе с ней.

– Спасибо,– понуро поблагодарила Лариса, сжимая в руке папку. Ей не терпелось скорей познакомиться с досье на ту, одно имя которой наводит ужас на окружающих.

* * *

Очутившись в библиотеке, Милана, Глаша и Оливье развили бурную поисковую деятельность. Глаша первые два часа с интересом перебирала тяжелые старинные книги и разглядывала картинки (особенно ей глянулся местный бестиарий, в котором даже крокодилы с бегемотами значились под видом чудовищ), а затем стала страдать из-за отсутствия электронной базы и находчивого «Яндекса», который бы разыскал нужную им информацию за полминуты, тогда как вручную этот процесс рискует затянуться на долгие дни, а то и месяцы. Пока Гликерия вздыхала в сторонке, Оливье и его тетушка с энтузиазмом перетряхивали полки и листали толстые талмуды. Час, два, три, четыре...

– Вот оно! – торжествующе вскрикнула Милана на исходе пятого, с силой ткнув пальцем в желтые страницы толстой старинной книги.

– Щекотно,– неожиданно прошелестела та, подпрыгнув в ее руках.

Впечатлительная тетушка вскрикнула еще громче и убрала руки. Чувствительная книга с размаху шлепнулась на пол и тоненько, по-бабьи заголосила:

– Убили! Без ножа зарезали! Без огня сожгли! Без воды загубили! – И она заметалась по полу, натываясь на ножки мебели.

Глаша с раскрытым ртом взидала на диковинные события. Милана, поджав ноги, застыла на стуле и повизгивала так, словно ее атаковал полк крыс. Даже Оливье на

мгновение онемел от удивления, а потом перевел на тетку округлившиеся глаза.

– Милана, у тебя есть жека? – строго спросил он.

– А что такое жека? – вклинилась любопытная Глаша, не сводя глаз с бешеной книги, наворачивающей круги и зигзаги по полу.

– Жека – это сокращенно «живая книга», – коротко ответил Оливье и сурово глянул на тетку.

– Я об этом ничего не знала, – замотала та головой. – Если бы знала, разве бы я ее у себя оставила? Сдала бы тут же! Не понимаю, как такое возможно? – жалобно прошептала она. – Я же ее читала, и она была обычной книгой. Я на нее даже кубок вина тогда пролила, точно помню, и она даже не пискнула. Может, это от вина она взбесилась? Точно, в нее зеленый змий вселился, как пить дать вселился!

– Чепуха! Вздор! Поклеп! – возмутилась вздорная книжка, замерев на полу. – А еще образованная женщина! Слуг своих на смех подняла, когда они про привидение на чердаке доложили, а сама в зеленого змия верит, – укорила она.

– Ты мне нотации читаешь? – поразились Милана, беря себя в руки.

– Это ты меня читаешь, – возразила жека, подпрыгнула на полу и встала вертикально, обложкой вперед. Теперь на темном кожаном переплете прорезались два желтых кошачьих глаза и розовые девичьи губы. – А я тебе рассказываю.

– Очуметь! – пораженно выдохнула Глаша.

– Сама зараза! – оскорбилась книженция. – Взрывнику тебе на язык, даром что ко мне никакая хворь не пристает. Это ж надо такие гадости пожелать! И кому? Маленькой беззащитной книжке! – Она закатила глаза и шмыгнула проступившими в обложке ноздрями. В отличие от вполне человеческих губ, ноздри, как и глаза, были звериные.

– Не подумайте ничего плохого, – поспешно заметила Глаша, – это я от удивления.

– Что за новость – от удивления проклятия говорить? – поразились книжка.

– Да это не проклятие, – смущенно пробормотала девушка и пояснила: – Очуметь – это значит обалдеть.

– Обалдеть, – повторила жека, закатила глаза и провела откуда ни возьмись появившейся крошечной ручкой, похожей на беличью лапку, по краешку переплета. – Такого слова во мне нет, надо будет вписать, а то устарею, на свалку отправят. Хотя нет, свалка – это лучший вариант, теперь же нас в тайную библиотеку ссылают... – взгрустнула она.

– Куда ссылают? – удивилась Глаша.

– В королевский дворец, за семь замков, – поджала губки книжка. – Опасными нас объявили, мол, вредные мы и злой магией перенасыщены, а кто нас укрывает, того король под суд отдаст. Вон и хозяйка меня сдала бы, даже глазом не моргнула. Правда, хозяйка? – обиженно прищурилась она, глядя на Милану. – А на самом-то деле знаешь что? Тайные знания старый король ищет, которые ему помогут молодость вернуть, да только напрасно это все, – довольно захихикала жека. – Не нашел он в них ничего.

– А ты-то это откуда знаешь? – недоверчиво спросил Оливье.

– Уж мне-то ведомо, – загадочно ответила книженция и деловито поинтересовалась: – Так как, будете меня королю сдавать или договоримся?

– А вдруг ты нас зачаровать хочешь, чтобы навредить? – неуверенно спросила Милана.

– Кто вредитель, так это старый король! – убежденно ответила жека, сощутив глаза в узкие щелочки. – Уже два года наших истязает: и каленым железом, и пламенем, и сыростью, и крысами. Тех, кто помоложе, уже давно до смерти замучил, а стареньких до сих пор пытается, все надеется узнать, куда нужные ему сведения подевались.

– Ужас! Просто гестапо какое-то! – искренне посочувствовала Глаша.

– Так что пролитое вино да тесные полки по сравнению с королевскими приемами – просто любовные ласки, – печально вздохнула книга. – Как узнала, что король облаву на нас устроил, так пришлось затаиться пуще прежнего. До этого было несложно, стояла себе на полке сто лет, никто в меня ни разу не заглядывал, жила себе спокойно, никого не трогала, иногда погулять выходила, на звезды посмотреть...

– Так вот какое привидение служанки на чердаке видели! – догадалась Милана.

– А нечего меня пинать было, когда я на чердаке уснула, – смущенно пробурчала книженция. – Тут кто хочешь дурным голосом взвоят. Они-то, конечно, меня в темноте не разглядели, потому и наткнулись... Но мне-то разве легче? Да и тебя тогда неладная принесла... И года не прошло после королевского приказа, как тебе меня почитать вздумалось. Уж как я терпела твои щекотки, а вино! Но нельзя мне было себя выдать, иначе еще хуже было бы. И перетерпела, и заработала год покоя, и дремала себе потихоньку, и дальше бы дремала – надо же тебе было меня сегодня так пальцем ткнуть да напрямик в сто тридцатую страницу! Это же мое самое чувствительное место. Да еще спросонья, я не сдержалась, выдала себя... Вот беда-то! – Книжка хлопнула себя лапой по обложке, где, должно быть, предполагался лоб, и шумно вздохнула.

– Вы думаете, ей можно верить? – спросил Оливье, переглянувшись с тетей и Глашей.

– А что вам остается? – лукаво ухмыльнулась жека. – Про перемещения в мирах вы больше ни в одной книге не прочтете. Вам еще повезло, что я так удачно сохранилась!

– Откуда ты знаешь, что нам нужны перемещения? – недоверчиво спросил маркиз.

– А то я не знаю, что у меня на сто тридцатой странице написано! – закатила глаза книга, подивившись человеческой глупости. – У меня на том самом месте специальная охранная метка стоит.

– Какая такая метка? – заинтересовалась Глаша.

– Сперва пообещайте, что не выдадите меня королю! – потребовала жека.

– Обещаем, – согласно кивнули все трое.

– Нет, вы расписку напишите! – заартачилась книжка.

Оливье пришлось сбегать за бумагой, пером и чернилами к письменному столу, стоящему в кабинете перед библиотекой, после чего он сам под диктовку написал текст расписки, а Милана и Глаша затем торжественно поставили свои подписи. Книга довольно хрюкнула, схватила листок и спрятала его между своих страниц.

– Смотрите, вы обещали! Расписка лежит в разделе наказующих заклятий. Если вы свое слово нарушите, то все тридцать девять заклинаний активизируются. И тогда я вам не завидую, одни только заклинания самовозгорающейся кожи, всепожирающей плечи и мгновенной старости чего стоят!

– Ладно-ладно, мы поняли, – оборвал ее Оливье, заметив перекошенные лица дам. – Ты помогаешь нам, а мы – тебе.

– На помощь вашу я и не рассчитываю, – проворчала книга. – Не выдавайте меня, и то ладно.

– Так как с меткой? – поторопил ее маркиз.

– Нетерпеливый какой! А что метка? Метка скрывает истинный текст под подложным...

– Значит, то, что я читала раньше, фальшивка? – догадалась Милана.

– Именно, – подтвердила книжка. – Пространственно-временная магия – дело очень серьезное и опасное, и мы имеем право выдавать точные сведения только в нескольких случаях...

Оливье и Глаша в ожидании уставились на нее.

– И у тебя, красотка, как раз тот случай, – торжественно объявила жека, обращаясь к девушке.

– А ты откуда знаешь? – удивилась та.

– Слышала вчера разговоры прислуги, – махнула лапкой книга.

– Опять на звезды смотреть ходила? – усмехнулась Милана.

– Люблю я это дело, – призналась книжка. – Ну и слышала мимоходом, о чем слуги судачили. Я еще сразу подумала, что девочка или и впрямь сильнейшая колдунья, или иномирка. А уж когда вы меня потревожили, я сразу все смекнула. Оливье я в лицо знаю, девчонка в странной одежде... Ясное дело, кому же это еще быть? Была бы такой сильной колдуньей, как молва расписывает, стала бы она ответ в книгах искать! А уж когда она

словечками странными начала сыпать, так все лишний раз подтвердилось. Замутила Кларисса дел! – укоризненно произнесла она. – Теперь непросто тебе будет домой вернуться.

«Непросто, значит, с приключениями!» – обрадовалась Глаша и уставилась на книжку в ожидании каких-нибудь приятных известий, которые ей помогут преодолеть все преграды и пройти испытания с честью. Ну что она там избранная или, на худой конец, наследница колдуна какого. Или эльфийская принцесса с врожденным даром к волшебству, но это уже мечты, мечты.

– Чего смотришь? – буркнула жека, приоткрывая лапкой переплет. – Читай сама!

Текст, который был на странице сто тридцать, начал тускнеть и пропадать, и на листке проступил совсем другой текст.

– Можешь взять меня в руки, только осторожно, – милостиво разрешила хранительница тайных знаний, – да на стол положить.

После того как книга была торжественно возложена на стол и улеглась на нем поудобней, все трое посетителей библиотеки склонились над ее страницами.

* * *

– Девушка, вы выходите? – раздраженно гаркнули сзади. Противный визгливый голос заставил Ларису оторваться от чтения газеты соседа и вернул на грешную землю. А точнее, под землю, в людное московское метро. Как же она отвыкла от его суеты, толкучки, какофонии звуков и запахов. А ведь в тихом провинциальном Кукуе ей так не хватало бурной столичной жизни! Хотя присутствие Оливье позволяло смириться и с наличием трех нечистей на душу населения, и с отсутствием душа, компьютера и телевизора.

– Да-да, – кивнула она, и толпа вынесла ее в вестибюль.

Лара огляделась по сторонам, увидела вывеску «Новые Черемушки», мысленно поблагодарила раздраженную попутчицу, что не дала проехать нужную остановку, и пожелала ей удачного дня. Теперь усталая тетка с тяжелыми авоськами беспрепятственно сядет в нужный автобус, который подойдет, как только она появится на остановке, потом займет свободное местечко и с полным комфортом доедет до дома. Выходя из автобуса, она почувствует прилив сил, без труда дотащит сумки до квартиры и по дороге, быть может, даже найдет чей-то туго набитый кошелек или потерянный лотерейный билет, который в ближайшие выходные выиграет крупную сумму денег. Благодарность волшебницы дорогого стоит.

Лариса сверилась с листиком из блокнота, который ей оставила Настя, и зашагала к противоположному выходу со станции. Дорогу до Настиного дома она вчера запомнила, так что отыскала его без труда и уже вскоре нажимала на кнопку звонка, который залился соловьиной трелью, возвещая о приходе гостыи. Дверь распахнулась, Лариса шагнула в коридор и по-собачьи повела носом, с наслаждением вдыхая аромат домашнего ужина.

– Ну как комиссия? – спросила подружка, поправляя нарядный кухонный передник.

– Потом расскажу, – отмахнулась Лариса.

– Как хочешь. А ты как раз вовремя, – улыбнулась Настя, приглашая подругу на кухню. – Где ты такой раритет откопала? – удивилась она, принимая у Ларисы торт. – Таких уже года три как не делают. Сейчас все больше со взбитыми сливками да творожные.

– Ностальгия, – вывернулась Лариса.

Не в ее правилах было ходить в гости с пустыми руками, а о том, что она забыла завернуть в магазин, Лара вспомнила уже в подъезде. Поэтому, быстро оглядевшись по сторонам, чтобы не шокировать любопытных соседок, она быстро наколдовала себе вкусный торт «Прага», которым они с девчонками так любили лакомиться во время учебы в магической школе. О том, откуда он взялся, волшебница даже не задумывалась. Она была бы весьма удивлена и пристыжена, узнав о том, что пять минут назад торт, который поставила в холодильник Настя, испарился из витрины кондитерского отдела магазина «Ромашка», что на Воронцовских прудах. И как раз в этот момент продавщица Тамара Гниломедова заметила

его исчезновение, всплеснула руками и заметалась возле витрины, мучительно соображая, как объяснить пропажу товара строгому директору магазина Аркадию Семеновичу Полубатову.

Лариса с удовольствием уселась на кухонном диванчике, глядя, как Настя хлопочет у плиты, думая о том, как же все-таки повезет мужчине, который заполучит хозяйственную Настасью в жены.

– Ой, да что ж это я! – спохватилась она, когда Настёна достала смешную рукавичку в виде усатого повара и вынула из духовки румяную курочку. – Пришла, расселась, ничем не помогаю.

– Сиди-сиди, – засмеялась подруга. – Тебя любо-дорого послушать.

– Березкина! – возмутилась Лариса. – Как ты посмела читать мои сокровенные мысли?!

– Не такие уж они сокровенные, – ухмыльнулась Настя, – а самые что ни на есть вопиющие.

Что правда, то правда. Выпускники школы владели самыми элементарными навыками телепатии, что позволяло им слышать мысли человека, только когда он полностью расслаблен, и улавливать сильнейшие желания и эмоции, когда он взволнован. Практически эти навыки были почти бесполезны. Мыслечтение можно было применить только к хорошо знакомым людям, которые чувствовали себя комфортно в компании волшебника. А для того, чтобы распознавать переполняющие человека эмоции, не обязательно быть телепатом, достаточно быть внимательным наблюдателем.

– От тебя же доброго слова не дождешься, – со смешком добавила Настасья. – А так приятно знать, что хотя бы в глубине души ты меня ценишь. Где-то так глубоко, что я об этом даже не подозреваю. Вот только жаль, что ты меня оцениваешь так однобоко. Я же еще и умница, и красавица...

– И на машинке можешь? Не говоря уже о том, что «Камасутру» наизусть знаешь? – поддела ее Лара.

– О, кстати, на машинке я тоже могу! – обрадованно заявила Настя, пропустив последнее замечание мимо ушей. – Я же недавно права получила!

– Теперь займешься сводничеством на московских дорогах? А что, пробки создают благоприятные условия для знакомства и рождения новых пар, – съехидничала волшебница.

– Отличная идея! Надо попробовать, – на полном серьезе одобрила Настя, ставя тарелки с курицей и молодой жареной картошкой на стол перед подругой.

– Какой наглый плагиат! – притворно возмутилась сбежавшая кукуйская волшебница, придвигая к себе блюдо и накалывая на вилку нежную дольку картофеля.

– Кстати, – похвасталась Настасья, – я прошла курсы повышения квалификации и теперь владею мыслечтением на уровень выше и могу распознавать и менее очевидные мысли. Конечно, до настоящих телепатов мне далеко, но уже что-то!

– А тебе-то это зачем? – удивилась Лариса.

– Как это зачем? – обиделась та. – И ты туда же, да? Считаешь меня никудышной, ни на что не годной любовной феей?

– Да ладно, не кипятись, – примирительно заметила Лара, проглатывая картошку. – Мм, ты так божественно готовишь, что я убью каждого, кто посмеет назвать тебя никудышной!

– Вольская! – обиженно взывала Настя.

– Да что я такого сказала-то? – удивленно спросила Лариса, отщипывая кусочек курицы.

– Ты только что объявила, что самое большее, на что я способна, это приготовить картошку! – вспыхнула Настасья.

– Я сказала – только картошку? Я была не права. Еще и курочку, курочка у тебя тоже необыкновенная получилась, – с набитым ртом проговорила волшебница.

– Можешь не утруждать свой речевой аппарат, – язвительно ответила Настя. – Не забывай, что я и так прекрасно могу слышать твои мысли.

– О горе мне! – дурашливо простионала Лариса. – Я и забыла! Березкина – ты страшный

человек. Как я буду жить с тобой в одной квартире? Кстати, ты из другой комнаты тоже будешь мои мысли слышать? И в ванной? И в туалете? Бедняга, тогда я тебе не завидую.

– А я не завидую твоим кукуйцам, – не осталась в долгу Настя. – Как только они тебя терпят?

Несмотря на эту шутливую ругань, обстановка в кухне была теплой и дружелюбной. Может быть, постороннему человеку и показалось бы, что девушки того и гляди передерутся, но сами Лариса и Настасья откровенно наслаждались своей словесной перепалкой. Три года – подумать только! – три года они не видели друг друга. А что может быть приятней, чем от души поехидничать на пару с лучшей подружкой?

– Лариска, я по тебе скучала, – призналась Настя. – Хотя ты и язва!

– И я тебя люблю, Березкина, – ответила Лариса, уминая остатки ужина. – Слушай, а выходи за меня замуж! Хочешь, я для тебя буду Томом Крузом, хочешь – Киану Ривзом, а хочешь – всеми голливудскими красавцами по очереди. Только представь себе, у тебя будет не один муж, а целых семь, по одному на каждый день недели.

– Иди ты, – шуточно отмахнулась фея.

– И все-таки, зачем тебе телепатия? – напомнила Лара.

– Да затем, что у меня ответственная работа! – провозгласила специалистка по личной жизни. – Здесь неточности и погрешности должны быть сведены к минимуму, ведь от этого зависит счастье людей.

– Ну и?

– Ну и вижу я, например, парня и девушку, которые подходят друг другу.

– И чего? Не вижу связи.

– Чего, тундра! – передразнила Настя. – А того, что эта девушка может стоять и в тот самый момент думать, что все мужики козлы, и быть категорически не расположенной к знакомству. Она в таком состоянии не то что неизвестного парня пошлет, но и всех Киану Ривзов с Томами Крузами, «Иванушками» и Максимами Галкиными вместе взятыми. А я буду виновата, что этого не разглядела и его к ней подтолкнула.

– А что, синдромы ПМС нельзя разобрать без помощи телепатии? – невинно поинтересовалась Лариса. – Я тебе и так в метро укажу, кто из дам этой бедой страдает. Кто состроит самую мерзкую козью морду, ту и надо обходить стороной, а то себе дорожке встанет.

– У тебя все? – терпеливо поинтересовалась Настасья.

– Ага, ваяй дальше, – милостиво разрешила Лара.

– Так вот если я парня к такой девице подтолкну, а она его обматерит на глазах у всех, тому понадобится долгая психологическая реабилитация, и он еще долго от девушек шарахаться будет.

– Реабилитацией тоже ты занимаешься? – хмыкнула кукуйская волшебница.

– Это не по моей части, но есть у нас специальный отдел, – поведала фея.

– С ума сойти! И что они делают?

– Подсылают к объекту одну из своих сотрудниц, и та ему популярно объясняет, что не все бабы стервы.

– Что, прям вот так и говорит: «Не все, Вася, бабы стервы, у меня есть даже десять аргументов и фактов в пользу моей позиции»?

– Нет, ты все-таки надо мной издеваешься!

– Да что ты! Просто для меня работа вашего отдела – темный лес, поэтому каждое твоё откровение – сенсация.

– Ну ладно, расскажу... Ты чай будешь?

– Конечно, буду! Зря я, что ли, торт по всей Москве искала? Или ты его решила засушить в качестве раритета?

– Так вот. – Настя включила чайник и достала чашки и блюда для десерта. – У нас есть специальный отдел, где работают так называемые «идеальные девушки», иды. Их миссия – романы с подопечными, за время которых они должны изменить их отношение к женщине в

лучшую сторону и настроить на позитивный лад.

– Тупые блондинки! – подскочила на месте Лариса. – Так они все-таки существуют?!

Перспектива стать «тупой блондинкой» среди студенток считалась самой ужасной. Ходили слухи, что наиболее симпатичные двоечницы, бездарно проявившие себя в магии, пополняют ряды фактически узаконенных гетер, от которых только и требуется, что окручивать нужных мужиков да скрашивать жизнь неудачникам, исполняя роль земных гурий по заданию начальства.

– Лара, что за глупости! – горячо возразила Настасья. – Все эти девушки умные и замечательные, у них необыкновенная харизма. И не все они блондинки, и никакие они не гетеры...

– Ну да, – хмыкнула волшебница, доставая из холодильника торт. – Они что же, проповедуют платоническую любовь?

– Лариса! – пристыдила ее Настя. – Между прочим, дарить свою любовь – это тоже особый дар, который достоин уважения. Да, магические способности этих девушек практически на нуле, а их чары ограничиваются обычно чарами привлекательности, но их работа очень важна. Знала бы ты, сколько душ они исцелили и сколько счастливых семей возникло благодаря их стараниям. Да после общения с идой мужчина меняется так, что сам становится близким к идеалу, и их новые подруги должны быть вечно благодарны своим предшественницам!

– Умереть не встать, – только и вымолвила Лариса. – «Тупые блондинки» все-таки существуют! Кому бы рассказать!

– Вольская, – строго оборвала ее Настасья. – Держи язык за зубами. Это секретный отдел. И я надеюсь, то, что я тебе рассказала, останется между нами.

– Конечно. И что, подопытных, – Лариса перехватила взгляд подруги и поспешно поправилась: – извини, подопечных, не травмирует, когда женщины их мечты от них уходят? Или в их задачи и замужество входит?

– Разумеется, нет, – невозмутимо ответила фея. – Романы длятся не больше трех месяцев, чтобы разрыв был менее болезненным. К тому времени иды, выполнив свои задачи, деликатно сводят отношения на нет, а наш отдел подыскивает им достойную замену для постоянных отношений среди обычных девушек и обеспечивает новое знакомство.

– Да у вас там целая бригада, – потрясенно сказала Лариса.

– Ты еще скажи – банда! – усмехнулась Настасья, разливая заварку.

– Ну это ты сама сказала, – невинно заметила волшебница.

– Ты лучше расскажи, чего там комиссия тебе поручила, – спохватилась ее подруга. – Заболтала меня совсем, я и забыла о самом главном.

– А я думала, ты уже все у меня в голове прочитала, – ухмыльнулась Лариса, – потому и спрашивать боишься.

– Что, так плохо? – охнула Настасья, едва не выронив чашку.

– Ну в досье я ничего криминального не нашла. Девушка как девушка, – пожалала плечами Лара. – Но почему-то кадровичек и сотрудниц из архива одно ее имя вводит в ступор. Представляешь, за эти полгода ею занимались уже четыре мага и, похоже, все потерпели поражение.

– Только не это, – простионала Настя и грохнула на стол чашку так, что расплескала чай. – Неужели тебе поручили Нарышкину?

– Ты ее знаешь?! – удивилась Лариса.

– Еще бы мне ее не знать, – процедила Настя. – Одной из тех четырех была я.

* * *

– А попроще варианта нет? – уныло произнес Оливье, закрыв книгу.

– Ни спасибо, ни пожалуйста, – возмутилась та. – Я тут, понимаешь, раскрываю тайные сведения, стараюсь помочь, чуть из переплета вся не выпрыгиваю, а им еще и не нравится!

– Мне нравится, – неуверенно произнесла Глаша.

Ознакомившись с текстом девятой главы, что уместилась на тринадцати страницах, она испытала двоякое чувство. С одной стороны, душа ее ликовала: ее ожидало настоящее приключение, встречи со сказочными персонажами, посещение самых интересных достопримечательностей данного королевства. С другой – любая из таких встреч и поездок могла закончиться весьма плачевно, учитывая тот факт, что магических умений в ней не пробудилось, да и армии бесстрашных спутников и великих героев, которые будут сопровождать ее на полном тягот и испытаний пути, не предвидилось. Оливье ее, конечно, не бросит и сделает все от него зависящее, чтобы получить искомое и скорее ее домой сплавить, чтобы свою ненаглядную Клариссу вернуть. Но что может тщедушный коротышка маркиз против властелина вампиров и предводителя оборотней, к которым им следовало наведаться в ближайшее время с дипломатической миссией?

Легенда, текст которой открыла им жека, гласила, что триста лет назад один могущественный колдун по имени Ренар смог добиться невозможного. В результате сложнейших многолетних экспериментов он изобрел заклинание, стиравшее все временные и пространственные границы. С его помощью можно было вернуться в прошлое, очутиться на другом краю света своего мира или попасть в другие измерения. Лишь будущее так и не подчинилось колдуну, из чего тот сделал вывод, что будущего, как такового, не существует, его порождает настоящее, а потому нельзя заглянуть вперед, ведь единого варианта развития событий не существует. Впрочем, магу было достаточно и достигнутых успехов. В том случае, если настоящее, двигаясь вперед, приносило нежелательные результаты, у обладателя заклинания всегда была возможность вернуться назад и изменить ход событий.

У этой магии было особенное свойство: она не могла быть направлена на другого без его ведома. Колдун долго бился над тем, чтобы исправить этот недочет, но шли годы, а заклинание не поддавалось. Изобретатель мог пользоваться его силой сам, но был не в силах перенести на других: ни чтобы применить его в своих целях, ни чтобы разбогатеть за счет предоставления уникальной магической услуги, цена которой могла исчисляться баснословными суммами. Продавать текст магического заклинания было бы большой глупостью: однажды раскрыв секрет волшебных слов, колдун перестал бы быть его единоличным владельцем, от одного человека к другому заклинание облетело бы все королевство, и страшно представить, что бы началось, когда все подряд принялись бы менять свое прошлое и путешествовать в мирах. Тогда Ренар пришел к единственно возможному решению: он создал шесть амулетов, заключил в них силу заклинания и запер каждый из них индивидуальным кодом. А затем предложил амулеты главам шести магических кланов: вампиров, оборотней, русалок, дриад, магнетиков и драконов, потребовав взамен самое важное из того, чем они владели, – секрет их природной магии. Ни один из правителей не смог устоять перед столь заманчивым предложением, ведь оно гарантировало возможность власти над временем и пространством. Правда, каждый амулет был рассчитан всего на три применения, но даже возможность трижды повернуть время вспять или побывать в других мирах была более чем соблазнительной. Взамен маг получил от вампиров бессмертие, от оборотней – способность к перевоплощению в животных, от русалок – подводное дыхание и власть над водной стихией, от дриад – магию земли и растений, от драконов – власть над огнем, от магнетиков – их чары магнетизма, которые в сотни раз превосходят вампирские. Главы кланов не подозревали о предложениях, которые поступили другим родам (маг позаботился о том, чтобы каждый считал себя единственным покупателем уникального амулета), и полагали, что ничего страшного или опасного в том, что маг получит одно из преимуществ их рода, нет. Правда открылась уже после совершения сделки. Слишком поздно. Маг стал сильнейшим в своем мире, практически неуязвимым и непобедимым. Правители кланов схватились за головы, ожидая самого страшного, но Ренар словно испарился. Легенда гласила, что ему, наделенному такими сильнейшими способностями, стало тесно в родном мире, и он отправился путешествовать по иным мирам, меняя их историю и перекраивая ее на свой лад. А главы кланов поклялись сохранять эту

историю в тайне, поведав ее лишь одной живой книге, ибо все важное, что совершается на земле, не должно пропасть бесследно...

– Выходит, мне теперь следует отправиться к президентам этих мифических корпораций и уговорить их разрешить мне воспользоваться этим артефактом? – резюмировала Глаша, вызвав всеобщее недоумение. После того как был приведен перевод с современного русского на средневековый кукуйский, разговор был продолжен.

– Так они тебе и разрешили, как же, – ухмыльнулась книжка, захлопывая обложку и вскакивая со стола.

– Да, так просто они амулет не дадут, – задумчиво проговорил Оливье.

– Если он у них вообще еще работает, – заметила Милана. – Триста лет – немалый срок, сколько войн за это время разгоралось, сколько сородичей погибало, сколько поворотных моментов случалось – соблазн воспользоваться амулетом и изменить ситуацию ох как велик.

– Но амулетов все-таки шесть, – оптимистично заявил ее племянник, – и в каждом по три заряда. Итого – восемнадцать шансов на успех.

– За триста лет у кланов трижды правители менялись, – напомнила Милана. – Даже если каждый воспользовался заклинанием всего по одному разу...

– А соблазн ох как велик! – ехидно встряла жека, передразнивая тетюшку.

– А почему вы уверены, что амулет передавали преемнику? – спросила Глаша. – Что, если он переходил к кровному наследнику, а новый правитель о его существовании и не подозревал?

– Ты не знаешь наших властелинов, – качнул головой Оливье. – Благополучие клана для них сильнее кровных и любовных уз, поэтому нерастрченный амулет был бы непременно передан следующему правителю, чтобы он мог воспользоваться им для разрешения какого-нибудь важного общественного конфликта или предотвращения несчастья, которое коснется всех сородичей.

– В таком случае вряд ли они по первому требованию передадут амулет нам, – погрустнела девушка.

– Вам придется предложить им нечто такое, что окажется для них более ценным, чем амулет, – задумчиво произнесла Милана.

– Более ценным, чем возможность повернуть время вспять или увидеть другие миры? Вряд ли такое возможно, – хмуро отозвался Оливье.

– Но следует учесть интересы различных кланов, – предложила его тетя. – Возможно, что-то такое и обнаружится...

Взгляды присутствующих пересеклись на притихшей книжке.

– А что сразу я?! – поспешно вскрикнула та. – Не забывайте, что вы обещали меня не выдавать и хранить как зеницу ока! Вы дали расписку! И в случае чего станете жертвой всех тридцати девяти наказующих заклинаний, включая заклинание моментальной старости и кошмарного уродства, – истерично напомнила она.

– Конечно, мы тебя не выдадим, – вкрадчиво начала Милана. – Но что, если тебе самой захочется укрыться в замке вампиров или оборотней...

– Скажи еще: в болоте русалок, – съязвила жека.

– Ну уж там-то тебя точно никто искать не станет, – не сдержался Оливье.

– Давайте-давайте, нападайте на бедную беззащитную книжечку, – часто-часто заморгала ресницами жека, и из ее кошачьего глаза скатилась крупная крокодилья слеза.

– Ну что ты, маленькая, никто тебя в обиду не даст! – расчувствовалась Глаша.

– Конечно, не даст, – шмыгнула ноздрями та, – как же тут дать, когда на тебя сразу тридцать девять наказующих заклинаний обрушится. Одним махом!

– Да поняли мы, поняли, – кашлянула Милана.

– Вот и не забывайте, вы расписку дали! – для верности повторила жека и вытерла нос кулачком.

– Да помним мы, помним, – встрял Оливье. – Так как насчет того, чтобы мы обменяли тебя на амулет у правителей земных кланов? В тебе наверняка содержится масса ценных

сведений, и они не откажутся тебя приютить. Да и тебе спокойней, королю они неподвластны, так что у них ты будешь в полной безопасности.

– С ума сошли! – переполошилась книга. – Каждый из кланов и без меня обладает важнейшими магическими знаниями и умениями, а если к ним прибавить мое содержимое, он может стать сильнейшим из родов и неуязвимым к тому же. Начнутся войны! Убийства! Междоусобная рознь! Голод! Чума! Конец света! Восстание живых мертвецов!

Тетушка и ее племянник воззрились на жеку с плохо скрываемым ужасом.

– Да ты просто оживший ящик Пандоры, – присвистнула Гликерия.

– Кошмар, – выдохнула Милана. – И это средоточие всех зол больше сотни лет хранилось в моей семье!

– Вы чего? – оскорбилась книженция. – Я же просто хранительница, моя задача – защищать содержимое от посторонних глаз. Да я страницами лягу, а истинного содержимого злодеям не открою.

– Так уж прям и ляжешь? – недоверчиво покосился на нее Оливье.

– Лягу, – серьезно подтвердила жека. – На мне знаешь сколько охранных заклинаний? Если меня принуждать будут содержимое открыть, так заклятие самоуничтожения сработает. Так что берегите меня, одна я свободная живая книга осталась, – жалостливо шмыгнула носом она.

– А что-нибудь безобидное в тебе есть? Что никому зла принести не сможет? – не теряя надежды, спросила Глаша.

– Так это как поглядеть. Что одному безобидное, то другому – смерть. Что одним зло, остальным – благо, – философски заявила книга.

– Не увиливай, – укорила девушка.

– Ладно, – не стала вредничать жека, – есть во мне несколько заклинаний, за которые многие люди душу готовы отдать.

– А нелюди? – оживился Оливье.

– Смотря какие нелюди, бывают и такие нелюди, что лучше людей, – афористично заметила книжка.

– Что за заклинания-то? – нетерпеливо воскликнула Глаша.

– Например, заклинание абсолютной удачи и заклинание каждодневной удачи, – доверительно сообщила книга.

– А в чем разница? – хором поинтересовались все трое.

– Разница в том, – поучительно ответила жека, – что удача абсолютная действует ровно одни сутки, но за эти сутки все будет складываться так, как человек пожелает. Несчастный влюбленный может добиться взаимности, полководец – одержать победу, даже если армия противника в сотню раз превосходит его собственную, бедняк – сказочно разбогатеть и так далее.

– А что будет на следующий день, когда заклинание утратит свою силу? – с любопытством поинтересовалась Глаша. – Возлюбленная отвернется, армия противника одержит реванш, золото превратится в черепки?

– Это уже только от самого человека зависит. Конечно, за один день все приобретенное не испарится, но если не прилагать усилий для его удержания, то и невеста сможет сбежать накануне свадьбы, и противник соберется с силами и продолжит приступ, и богатство можно промотать до последней монетки.

– С этим ясно... А как насчет каждодневной удачи? – напомнил Оливье.

– Каждодневная удача будет сопутствовать человеку всю жизнь, но в мелочах. Чудес от нее ждать не стоит, но жизнь она облегчит здорово. Ну знаете там – оказался в нужном месте в нужное время или, наоборот, опоздал куда-то и избежал верной гибели или травмы, выиграл в лотерею, нашел клад...

– Вот бы на это заклинание взглянуть... одним глазком, – размышляла Глаша, озвучив мысли Оливье и Миланы.

– Щас! Как же! Так и сказала! Спешу и падаю! – рассердилась книжка. – Такие подарки

заслужить надо, и не я распоряжаюсь, кому их выдавать.

– А кто? – хором любопытствовали все трое.

– Вестимо кто, – загадочно ответила жека и замолчала.

– Ну ладно, извини, – миролюбиво заметила Глаша. – Просто получается, даже если кто-то из правителей кланов и заинтересуется каким заклинанием, которое в тебе содержится, то мы его обменять не сможем, потому что кто-то неизвестный может этому воспротивиться.

– Выходит, что так, – пробурчала книжка.

– А как это узнать наверняка? – уточнила Гликерия.

– Узнать наверняка можно только в каждом конкретном случае, соизмерив все возможные опасности, побочные эффекты, нежелательные последствия и реальную пользу, – заученно оттарабанила жека.

– Что же делать? – расстроилась девушка.

– Что делать, что делать, – пробурчала книжка. – Запрягать коней да ехать. И я с вами отправлюсь.

– Ты? – недоверчиво спросили Глаша и Оливье.

– А, ну да, ты же книга вольная, давно на звезды не глядела, под луной не гуляла, – иронически заметила Милана.

– Так и скажи, хозяйка, что не хочешь со мной расставаться, душой прикипела, – шаловливо подмигнула жека.

– Я?! – поразились тетя.

– Ну не я же! Я такие нежности испытывать не в состоянии. Одна здравая логика и трезвый расчет, – призналась книжка.

– А правда, чего это ты с нами засобиралась? – прищурился Оливье.

– Хозяйка правильно говорит: засиделась в библиотеке, подышать свежим воздухом хочу, – хихикнула хранительница бесценных знаний и дурашливым голосом прогундосила: – Возьмите, я вам еще пригожусь.

– Возьмем, куда деваться, – вздохнул маркиз.

– Оливье! – ахнула Милана. – Ты с ума сошел! А если король узнает? В темницу же попадете. Оба!

– Что я, больная, что ли, чтобы себя выдавать? – обиженно возразила жека. – Главное, чтобы эти простофили не проболтались.

– А кто сегодня взвыл дурным голосом, когда ее не в ту страницу пальцем ткнули? – ехидно поинтересовалась тетюшка.

– Виновата, исправлюсь, – буркнула книжка. – Уже исправляюсь – вон на подмогу спешу!

– Не волнуйся, тетя, – подал голос Оливье. – Опасность не так велика, а помощь такой ученой книги нам не помешает.

Жека польщенно приосанилась, уперев звериную лапку в корешок.

– Ну что, поехали, что ли, помощница? – улыбнулась Глаша, собираясь взять книгу в руки.

– Эй, постой! – строго заметила та. – Руки мыла? Покажи! Ты что же это, меня голыми руками нести собираешься?

– А что, надо варежки надевать? – изумилась Гликерия.

– Вот балда, лето же на дворе! – просветила неразумную жека и пояснила: – Ты где меня везти собираешься?

– Рядом с собой, на скамеечке в карете. Будем болтать с тобой по дороге, а то одной так скучно, – размечталась девушка.

– Боюсь, в карете не получится, – виновато улыбнулся Оливье. – Резиденции правителей в таких местах находятся, что на карете туда не добраться.

– А на чем? – расширила глаза Глаша, тут же представив полет на метле или на драконе.

– На лошадках, разумеется, – отрезала жека. – Ты что, с луны свалилась?

- Хуже, – похолодела Глаша. – На каких лошадаках? Я же ездить не умею!
- Совсем? – уточнила Милана.
- Плохо дело, – резюмировал Оливье.
- Плохо, – со скорбным видом признала ученоя книжица и лукаво улыбнулась. – Но исправимо! Есть у меня одно заклинание, которое любым умением позволяет овладеть в считанные мгновения.
- И что же мы медлим? – радостно воскликнул маркиз.
- Ей надо посоветоваться с шефом, – уныло напомнила Глаша.
- Не надо мне ни с кем советоваться. Тут случай важной жизненной необходимости и исключительно в благих целях. – Жека прикрыла глаза, словно прислушиваясь к своему содержимому, запустила лапку за обложку и принялась перебирать странички. – Вот оно! – Она распахнула обложку и ткнула лапкой в нужный текст. – Пусть хозяйка прочитает, вставив имя Глаши, где это необходимо.
- Так просто? – поразила девушка. – Не нужно ни специального зелья, ни порошка, ни волшебной палочки?
- Тебе что нужно: палочку или результат? – строго спросила жека.
- Результат, – прошептала Гликерия, ошеломленная вольной цитатой из «Ночного дозора» из уст средневековой книги.
- Тогда стой и помалкивай! – велела жека и сделала Милане знак начинать.

* * *

Арина Нарышкина была классической неудачницей. В свои двадцать шесть лет она не могла похвастаться ни кругом преданных друзей, ни устроенной личной жизнью, ни стремительно несущейся в гору карьерой. Арина была одинока, нелюдима и работала кассиром в «Макдоналдсе» уже на протяжении пяти лет. Все это отнюдь не способствовало цвету лица и улучшению характера Нарышкиной. Настя описала Арину бледной и хмурой особой, злой на весь мир, подозрительной, завистливой, грубой и раздражительной.

– И с какой стати ею заинтересовалась коллегия? – удивилась Лариса. – Опять провидцы чего-нибудь отчебучили?

– Да нет, все до банального просто. Главу нашей коллегии как-то занесло в «Макдоналдс», где Нарышкина нахамила ему по полной программе.

– И ее не выгнали? – удивилась волшебница, вспомнив политику заведения: «Вежливость к каждому клиенту и улыбка в подарок».

– Нет, конечно. Нахамила-то она ему мысленно, а внешне улыбалась и была сама вежливость. Но ты же знаешь, наш Жаров настоящий рентген, все мысли человека насквозь видит. В общем, чувствительный наш аж пошатнулся от того негатива, который от Нарышкиной исходил, и пожалел ее, стерву эту, – с чувством выругалась Настасья. – Мол, бедная она, несчастная, жизнью обиженная, и решил превратить ее жизнь в мед с шоколадом, чтобы злая мегера стала доброй Белоснежкой. Естественно, сам он Нарышкиной заниматься не стал, поручил нижестоящим органам...

Лариса слушала рассказ Настасьи и все больше поражалась.

Первым, кто попытался улучшить жизнь двадцатилетней сотрудницы «Макдоналдса» и потерпел сокрушительный крах, стал Олег, маг из отдела кармы. Студенты называли таких специалистов «мозгоправами». Их задача заключалась в том, чтобы изменить отношение человека к жизни, помочь справиться с основными психологическими проблемами, избавиться от комплексов и наладить отношения с другими людьми. Олег устроился в «Макдоналдс», чтобы подружиться с Ариной и получить возможность ненавязчиво влиять на нее и направлять по верному пути. В первый же день, когда он попытался завязать знакомство, Нарышкина ему решительно заявила, что никаких шансов завоевать ее сердце у него нет, и популярно объяснила, почему он лох, каких свет не видывал...

– И почему? – заинтересовалась Лариса.

– Потому что только лохи могут работать в «Макдоналдсе»! – закатила глаза Настасья.

– А сама Арина? – развеселилась Лара.

– А сама Арина рассматривает продажу биг-маков и жареной картошки как шанс встретить по ту стороны кассы олигарха, который будет очарован ее кротостью и красотой и увезет ее из постылой забегаловки напрямик на Мальдивские острова, где под звуки тамтамов их обвенчают по местным обычаям на закате солнца прямо на берегу моря, – саркастически процитировала Настя.

– Ты это серьезно? – аж закашлялась Лариса.

– Я тебе точь-в-точь повторяю слова Олега.

– Чем дальше узнаю про эту Нарышкину, тем больше ей поражаюсь. Отличное место выбрала для ловли олигарха. И что, многие уже пали жертвой ее чар?

– Я так полагаю, это вопрос риторический? Можно продолжать?

– Продолжай.

– Олег возразил, что Арина интересуется его исключительно в дружеских целях, на что Нарышкина безапелляционно объявила, что дружбы между мужчиной и привлекательной женщиной быть не может. Тогда Олег не придумал ничего другого, как сказать ей, что он гей. Ну ты же знаешь, некоторые девушки считают, что друг-гей – это так здорово...

– А он гей? – широко раскрыла глаза Лариса.

– Да не гей он, – рассердилась Настя. – Дашь ты мне сказать или нет?

– Ну так говори же скорей, не томи! – поторопила ее подруга. – Как отреагировала наша Ариша на столь смелое признание?

– Обозвала Олега извращенцем и предупредила, чтобы он к ней не приближался.

– А потом?

– Больше Олег в кафе не появлялся. Он еще сделал несколько попыток на нее повлиять: бросал ей в почтовый ящик листовки с рекламой бесплатных психологических тренингов, пытался раскрутить ее на разговоры по телефону, делал вид, что ошибся номером, но все без толку. Арина искренне полагает, что она само совершенство, а жизнь к ней несправедлива, и не желает в себе ничего менять.

– Это тебе все Олег рассказывал?

– А то кто же? Это же он мне эстафету передавал. Когда понял, что раскрутить Нарышкину – дохлый номер, заявил руководству, что Арину может исправить только любовь и, пока у нее в личной жизни полный штиль, ничего ей не поможет.

– Значит, ты была второй?

– Да, второй жертвой Нарышкиной стала я. Я работала с ней три недели, пыталась подружиться. Чтобы не вызывать сомнений, даже сняла комнату в ее подъезде. Отдельных квартир не было, поэтому мне пришлось двадцать дней жить бок о бок с вредной бабкой, которая рылась в моих вещах, отчитывала меня по каждому поводу и после девяти вечера закрывала дверь на цепочку, так что однажды мне даже пришлось спать на скамейке у подъезда. – Голос Насти зазвенел от обиды. – Представляешь, я была вынуждена терпеть все ее закидоны, чтобы быть ближе к этой Нарышкиной! Она даже считала меня наркоманкой, проституткой и сектанткой!

– Кто, Нарышкина?

– Бабка!

– А почему?

– Наркоманкой, потому что я один раз зажгла аромалампу, проституткой, потому что однажды меня подвез до дому один коллега на иномарке, а сектанткой, потому что нашла у меня «Вестник коллегии магов», где на обложке изображена Маргарита, – хихикнула Настасья.

– И стоили они того, твои мучения? – посочувствовала Лара.

– Если бы! – с досадой воскликнула Настя. – Нарышкина меня даже на порог к себе не пустила, и в подъезде, когда ее встречала, даже разговор с ней завязать не удалось.

– А зачем тебе с ней дружить было? – не поняла Лариса. – Твое дело – ей жениха хорошего найти.

– Да ты думаешь, к ней бы кто подошел по доброй воле? Хотела с ней сблизиться, подружески посоветовать где-то внешность изменить, в салон красоты отвести, в чем-то убедить поведение свое пересмотреть, намекнуть, как с мужчинами себя надо вести, а там уже и о женихах можно думать. Но не получилось ничего, пришлось мне тогда издалека действовать. Я уж и программу «Снимите это немедленно» на нее насылала, ее ведущие – мои хорошие знакомые, не раз мне уже помогали самые безнадежные случаи вытянуть. Нарышкина их даже слушать не стала, а когда они на нее надавили и стали критиковать ее внешний вид, послала их прямым текстом. Потом я ей звонила, представляясь радиоведущей, говорила, что ее номер телефона выигрышный и ей достался сертификат на посещение салона красоты... Она трубку бросила... Представляешь? Уж халява-то – безотказный способ, который на всех действует, и тут такой прокол! И с местной парикмахерской договорилась: мы объявления по всему дому расклеили, что именинникам в день рождения стрижка и укладка бесплатно. Неделью перед днем рождения Нарышкиной это объявление висело, десять человек, включая пять бабок-пенсионерок, которые последний раз у парикмахера были при царе Горохе, за это время на стрижку сбегали, а Нарышкина не пришла! Чего я только ни делала – все тщетно. Она шарахается ото всех, как от огня. Завязать с ней контакт невозможно. Я признала свое поражение и сдала дела.

– И кто был третьим?

– Я посоветовала привлечь има.

– Има? – удивленно переспросила Лариса.

– Идеального мужчину, – пояснила Настасья. – Из нашего отдела.

– Так «неутомимые жеребцы» – тоже не сказка? – развеселилась волшебница. – Кому рассказать – не поверят. Ладно-ладно, молчу. Помню, что это секретная информация и разглашению не подлежит.

– Так вот, – продолжила ее подруга. – Ни один из обычных мужчин с Нарышкиной знакомиться не пожелал, несмотря на все мои усилия, и я подумала, что надо к ней послать кого-то из наших. Пусть за ней красиво поухаживает, Арина растает, подпадет под его влияние, поменяется в лучшую сторону, а там уже и остальные мужчины к ней потянутся.

– И как, получилось?

– Ты не знаешь Нарышкину, – хмуро ответила Настасья. – Для нее выбрали самого красивого и терпеливого из всех сотрудников.

– Ну и? – нетерпеливо спросила Лариса.

– Ну и – он с ней в метро познакомиться пытался. Я специально посмотреть пришла. Видела бы ты эту сцену – любая девушка на ее месте бы растаяла, а эта – ни в какую. Нахамила ему и из вагона выскочила.

– Ну да, учитывая ее мечты об олигархе, вряд ли она польстится на ту шпану, которая в метро ездит, – ухмыльнулась Лариса.

– Да Илья выглядит как принц Уильям! – оскорбилась за коллегу Настя. – У него даже прабабка настоящая графиня была! Но с метро мы тогда – да, сплеховали...

– Мы? – переспросила волшебница.

– Ну он со мной советовался в плане действий, – пояснила любовная фея. – Все-таки я за три недели эту Нарышкину как облупленную изучила.

– И каким же был ваш следующий шаг? – поторопила ее Лариса, сгорая от любопытства.

– Илья выбрал дождливый день и подъехал на своей иномарке к остановке, где Нарышкина ждала автобус в окружении пенсионерок, – доложила Настасья.

– Надеюсь, это был лимузин, за рулем сидел шофер в фуражке, а у принца на белом костюме был значок со словами «Крутой олигарх»? – съехидничала Лариса.

Ей даже завидно стало, что какой-то там дурацкой Нарышкиной создают все условия для романтики. Да каждая одинокая девушка, спускаясь в метро, с надеждой вглядывается в

лица пассажиров-мужчин и мечтает о том, чтобы какой-нибудь привлекательный незнакомец обратил бы на нее внимание. А уж чтобы принц явился во время дождя на сверкающей иномарке, заметил в промокшей девице на остановке свою принцессу на горошине и, усадив в теплый салон, домчал по лужам до дома и высадил у подъезда на зависть соседкам – это просто сказка!

Настя пропустила замечание Ларисы мимо ушей и продолжила:

– Она его узнала. Он отпираться не стал, напротив, сделал вид, что счастлив безмерно, провозгласил, что это судьба, и галантно предложил подвезти до дома.

– А она?

– Она ему гордо объявила, что к незнакомым мужчинам в машины не садится, чем вызвала бурное одобрение бабулек на остановке, и с подозрением поинтересовалась, уж не преследует ли он ее. Старушки еще больше оживились, взяли Арину в кружок, замахали клюшками и авоськами и пригрозили «супостату» вызвать милицию, если он не отстанет от «девочки», а одна особо дотошная бабулька даже номер машины записала и пообещала быть свидетельницей, если что.

– И что?

– Илья психанул и, чтоб Нарышкину проучить, предложил тех бабок по домам развезти.

– А они?

– Пошушукались сперва недоверчиво, а после того, как одна доброволица в машину залезла, всем скопом ломанулись, так что на всех желающих места не хватило. Они там чуть не передрались, выясняя, у кого заслуг перед отечеством больше и кто больше достоин домой на «такси» ехать. В общем, набил он полную машину бабок – они на заднее сиденье впятером втиснуться умудрились, и уехал, а гордая Нарышкина осталась мокнуть под дождем и ждать свой трамвай, точнее, автобус.

– Представляю себе ее физиономию, – хихикнула Лариса. – А мне нравится твой Илья.

– И никакой он не мой, – поспешно возразила Настя и отчего-то покраснела.

– Ну а дальше что? Продолжил он штурмовать неприступную крепость?

– Продолжил, – криво усмехнулась Настасья. – И отправился в «Макдоналдс».

– Работать? – присвистнула Лариса.

– Гамбургеры трескать! Пришел незадолго до закрытия, сделал вид, что случайно ее нашел. Дождался после работы, цветы подарил, комплиментами сыпал, все упирал на то, что это судьба, чуть ли не на колени перед ней на глазах у всех падал.

Лариса в который раз позавидовала Нарышкиной. Да Илья осуществил практически все кинематографическо-романтические мечты одиноких девушек!

– А она?

– А эта железобетонная Отрыжкина его маньяком обозвала и милиции сдала! – выругалась Настасья.

– Да ты что! – поразила ее подруга. – Это не девица, а киборг какой-то!

– Ох, Лариска, не завидую я тебе! – посочувствовала Настя.

– За что ж она его милиции-то? – потрясенно спросила Лариса.

– За сексуальные домогательства, – вздохнула Настасья.

– Бедный ее олигарх! Я так полагаю, больше попыток сближения ваш идеальный мужчина не предпринимал?

– Не предпринимал. Представляешь, это было его первое поражение за шесть лет работы!

– Ну а потом к кому эстафета перешла, был же еще четвертый?

– Был. Когда мозгоправ и мы с Ильей потерпели поражение, руководство решило надавить на амбиции Нарышкиной и направило к ней ориентолога.

Так шутливо называли магов, специализировавшихся на раскрытии талантов. Их особое чутье позволяло распознавать, каким даром наделен человек, чтобы помочь ему определиться с профессией.

– И какие таланты он у нее нарыл? – заинтересовалась волшебница.

– Талант доводить людей до кондратия, – хмуро сообщила Настя. – Больше он ничего у нее не нарыл и через неделю признал свое полное поражение. Так что ты собираешься делать с этой Горемышкиной?

– После твоих рассказов и не знаю, с какой стороны к ней подъехать, – удрученно призналась Лара. – Может, у нее кумир какой есть? Можно тогда провести разведку под его видом, а там по ходу дела уже решу, как быть.

– Не припомню, – покачала головой Настя. – Да и слишком непростая она штучка, чтобы к ней вот так просто под видом знаменитости заявиться. Тут надо все хорошенько обдумать, подготовиться.

– Ты права. Знаешь, есть у меня одна задумка, – вздохнула новая попечительница Нарышкиной и умоляюще уставилась на подругу. – Только ты ее вряд ли одобришь...

– Рассказывай! – махнула рукой Настасья.

Когда Лариса посвятила Настю в план совместных действий, та опешила.

– Ты это серьезно? Лариска, ты хоть понимаешь, что собираешься сделать? Мало тебе того, что вчера ты успела нарушить десяток магических законов, ты собираешься нарушить еще и государственные!

– Настюшечка, – умоляюще произнесла нарушительница, – но ведь это только во благо! Ну ты согласна?

– Разумеется, нет! – строго ответила законопослушная Настасья и, подождав, пока улыбка сползет с лица подруги, уступив место кислой мине, добавила: – Но попробовать можно.

Пробы отложили до утра, а ночью, вооружившись фотографией Глаши и отпечатком ее ауры, Лариса попыталась проникнуть в ее сон. Но то ли Гликерия провела эту ночь, не сомкнув глаз, то ли волшебница что-то напутала с заклинанием, но сны ей снились без участия рыжеволосой девушки с серо-зелеными глазами.

* * *

В замке Миланы Глаша и Оливье задержались до следующего утра. Сразу после библиотеки побежали на задний двор, проверять действие заклинания и взгромождать сопротивляющуюся Глашу на самого смиренного коня по кличке Слон. Заклинание не подвело: в седло девушка забралась с трудом, зато уселась как опытный всадник и тут же сделала на Слоне почетный круг по двору, да так умело, что затаившие дыхание присутствующие (Милана и Оливье с жемой в руках, талантливо изображавшей обычную книгу) едва не заплодировали. Потом вернулись в библиотеку, где держали совет, составляли план и решали, в каком порядке посещать правителей кланов. Сошлись на том, чтобы начать с самых безобидных из них. Первыми по списку шли дриады, вторыми – русалки, третьими – вампиры, четвертыми – оборотни, пятыми – магнетики, шестыми – драконы. Совет закончился уже на закате, так что не было и речи о том, чтобы отправляться в дорогу. Заночевали в замке у гостеприимной тетушки, а с утра пораньше стали собираться в путь.

Оливье отправился на кухню, чтобы взять с собой провизии, а Милана повела Глашу переодеваться в свой охотничий костюм. Тетушка была примерно той же комплекции, только ростом пониже (за три дня в Кукуе Глаше не удалось встретить хоть одного высокого аборигена, зато на нее все поглядывали с интересом, как на диво дивное), так что ее одежда пришлась девушке впору. От нового нижнего белья, напоминающего комбинацию и бабушкины панталоны, щедро пожалованного Миланой, она вежливо отказалась, предпочтя им свое собственное. А вот в облегающую женственную блузку со шнуровкой облачилась с удовольствием. Также Гликерии достались узкие брюки для верховой езды, которые на ней смотрелись как бриджи, высокие сапоги из мягкой кожи, короткая приталенная курточка и длинный, заговоренный от непогоды плащ. Оглядев себя в зеркале, Глаша от души поблагодарила Милану.

Когда все были готовы к отъезду, вдруг заартачилась жека и затребовала, чтобы ее завернули в самый лучший платок. Тетушке пришлось перетряхнуть с десятков своих сундуков, и книжка всласть накупалась в шелках и кружевах, прежде чем остановила свой выбор на одном из платков и позволила себя в него закутать.

Уложив капризную книгу в сумку и надежно пристегнув ее к седлу, наконец тепло распрощались с Миланой и двинулись в путь...

* * *

А тем временем в Москве, пока Арина Нарышкина честно отрабатывала свои деньги у кассы, продавая биг-маки, у ее дома появились две неприметного вида барышни. Одна была в спортивном костюме и кроссовках, как будто только что вернулась с пробежки, а на ее лицо была плотно надвинута бейсболка. Другая, в джинсах и футболке, в руках держала пакет из местного супермаркета, в котором угадывался батон хлеба, пакет молока, несколько яблок и упаковка стирального порошка. Девушки вывернули из-за противоположных углов дома и с перерывом в несколько минут вошли в один и тот же подъезд.

– Давай скорее,– шепнула Настя, ждавшая Ларису на лестничной площадке между этажами.

– Не дрейфь, подруга,– подмигнула Лара, поднимаясь по ступенькам и помахивая пакетом.– Чего ты так дрожишь-то?

– Это тебе ничего,– сердито прошептала та, натягивая на лоб бейсболку и с опаской поглядывая по сторонам.– А меня тут каждая собака знает, я же здесь три недели жила.

Волшебница поднялась на третий этаж, подошла к обитой бордовым дерматином двери с номером 124 и вытащила шпильку.

– Готово,– объявила она через минуту, толкнув дверь.

Настя, все это время стоявшая на площадке, быстро взбежала по лестнице и шмыгнула в квартиру, осторожно прикрыв за собой дверь. Пока она снимала кроссовки, Лариса поставила пакет с продуктами на трельяж в прихожей.

– Я смотрю, ты хорошо подготовилась,– ехидно заметила Настя.– Боишься проголодаться? А порошок тебе зачем, решила простирнуть грязное белье Нарышкиной?

– Уже проголодалась,– спокойно кивнула Лара, выудила из хрустящего пакета шоколадку и зашуршала фольгой.– А порошок с собой заберем, хочу проверить, правда ли он лучше, чем кипячение.

– Тише,– нервно шепнула Настя, вздрогнув от хвоста.

– А то что, соседи услышат?– беспечно отмахнулась сладкоежка, отправляя кусочек шоколада себе в рот и протягивая оставшуюся плитку подруге.

– Нашла время!– укоризненно фыркнула та.

– Шоколад – лучшее средство от стресса,– авторитетно заявила Лариса.– Думаешь, мне часто приходится взламывать замки и тайно проникать в чужие квартиры?

– Судя по тому, как лихо ты управилась с этим замком, весьма часто,– невозмутимо ответила Настя, отламывая плитку.– И когда только научилась? Раньше я за тобой таких талантов не замечала.

– Один знакомый вор из Кукуя научил.

– Хорошие же у тебя там знакомые!

– Мы пришли сюда обсуждать моих знакомых или выяснить, где ахиллесова пята Нарышкиной?– напомнила волшебница.

– Нету у нее ахиллесовой пяты,– буркнула фея.

– Думаю, начнем с ее комнаты,– проигнорировав ее замечание, бодро объявила Лариса.– Где она, кстати?

Лара собралась толкнуть дверь ближайшей к ним комнаты, которая была закрыта, но Настя остановила ее:

– Дальше, в конце коридора. А это комната бабули, нам там делать нечего.

Несмотря на то что сближение Насти с Нарышкиной так и не состоялось, за время проживания в доме восемь дробь один по Яблочной улице ей удалось однажды побывать в квартире Арины, когда сама подопечная была на работе. И ей даже повезло расположить к себе бабушку Нарышкиной, Степаниду Ильиничну. Старушка с радостью рассказала ей о своей молодости, о сватовстве Ариного дедушки и уже собиралась перейти к детству Арины, которое могло пролить свет на характер внучки и дать ключик к ее расположению, как вернулась с работы сама внучка, отчитала бабушку за то, что пускает в дом посторонних, и решительно выставила Настю за дверь, обозвав ее аферисткой и объявив, что ей не удастся обвести ее бабулю вокруг пальца и оттяпать себе квартиру. Оскорбленная Настя еще долго стояла на лестничной площадке, открывая и закрывая рот, а на следующий день написала заявление об отказе от этого дела.

– Как хорошо, что бабуля сейчас в деревне, – довольно мурлыкнула Лариса себе под нос, проходя за подругой в конец коридора. – Все складывается весьма удачно.

План, который она поведала вчера Насте, состоял в том, чтобы проникнуть в святая святых Арины Нарышкиной, ее комнату, покопаться в ее вещах и, если повезет, то и в ее записях и узнать, чем увлекается Арина, о чем она мечтает и чем ее можно подкупить. Расчет волшебницы был прост: каждая комната несет отпечаток своей хозяйки и может выдать все ее тайны, по деталям обстановки можно смело составить портрет обитательницы. Ларисе приходилось видеть комнаты как столичных «железных леди» с коллекцией слоников за тщательно отполированным стеклом шкафа, и будуары кукуйских красавиц с научными свитками на туалетных столиках. Такие мелочи говорили о многом, и Лара очень надеялась на то, что и у Арины окажутся свои слоники и свитки, которые расскажут о характере их хозяйки.

Однако когда Лариса шагнула в комнату в конце коридора, она поняла, что Нарышкина ей так просто не сдастся и придется изрядно потрудиться, чтобы обнаружить Ариных слоников в шкафу. Комната Нарышкиной была абсолютно безликой. Она могла принадлежать как женщине, так и мужчине, как пенсионерке, так и студентке, и с таким же успехом она могла бы быть и вовсе не жилой. Стенка советского периода из полированного дерева занимала почти всю левую стену, в углу за ней стояла кровать, заправленная пледом. На противоположной стене висел старый ковер, пол покрывал потертый палас, так что Настя даже расчихалась от обилия ворса и испуганно прикрыла рот рукой. В углу, между окном и кроватью едва разместился громоздкий письменный стол, на котором не было видно ни единой бумажки. Несмотря на царившие здесь порядок и чистоту, воздух в комнате был тяжелым, застоявшимся, с примесью сладких духов. Ларисе тут же захотелось распахнуть окно и впустить теплый ветер с улицы.

– Да, ветер перемен здесь бы не помешал, – пробормотала Настя.

– Ты опять читаешь мои мысли? – подозрительно поинтересовалась Лара.

– Да охота мне в твоих мозгах копать, – отмахнулась та. – Просто комната выглядит так, как будто ее законсервировали лет двадцать назад и с тех пор здесь ничего не меняли.

– Ну во всяком случае, пыль протирали регулярно, – возразила Лариса, проводя пальцем по открытым полкам стенки и демонстрируя Настасье чистый пальчик.

Ее подруга тем временем бегло осматривала комнату: начиная от подоконников, на которых теснилась рассада в пакетах из-под молока и в обрезанных пластиковых бутылках, и заканчивая содержимым открытых полок стенки: хрусталь в серванте без единой фотографии или безделушки, которыми обычно так любят разбавлять сверкающие вазочки обладатели богатых коллекций стекла и фарфора, да книги – собрания сочинений Толстого, Пушкина и Баженова, подборка детективов Донцовой, Марининой и Устиновой, орфографический словарь и справочник садовода-любителя, аккуратно расставленные по высоте и цвету.

– Ну что скажешь? – спросила Настя, закончив поверхностный осмотр.

– Надо копать глубже, – ответила Лариса, – ты займись стенкой, а я...

И, следуя интуиции, она присела на пол и откинула плед, свисающий с кровати. Как ни

странно, там обнаружили две книги, лежащие одна на другой.

– Смотри-ка! – обратилась она к Насте, поднимая их с пола и с удивлением разглядывая.

Найденные книги были настолько несовместимы по оформлению и содержанию, что их соседство в такой тесной близости стало бы оскорблением для обоих авторов. Это были строгий толстый том «Мировая история философии» и тонкая, в аляпистой обложке книжка «Практическая энциклопедия стервы».

– Случайно автор не Арина Нарышкина? – язвительно поинтересовалась Настасья, выныривая из-за раскрытой дверцы шкафа, когда Лариса продемонстрировала ей свой трофей на расстоянии. – Ума не приложу, зачем ей читать подобные книги, когда такую стерву, как Покрышкина, еще поискать надо! Ей самой в пору писать такие пособия пачками.

– А может, она ей бьет комаров, а философию читает для души? – неуверенно предположила Лариса, предпочитая видеть в Арине больше положительного.

– Я бы скорее поверила в то, что труды философа она использует в качестве подставки под горячее или подпорки под диван. А что, формат как раз подходящий! – хмыкнула Настасья и снова нырнула за дверцу шкафа.

– А у тебя там что? – поинтересовалась Лара.

– Да ничего, старая посуда, коробки с обувью, какая-то шкатулка, полная допотопной бижутерии, – доложила та.

Пока Настя инспектировала содержимое стенки, Лариса занялась тщательным обыском ящиков стола. Ее надежды найти тайные записи Арины не оправдались – Нарышкина дневник не вела, а если и вела, то прятала в каком-то другом месте. В письменном столе годами копились оплаченные бланки коммунальных счетов, инструкции к применению, старые школьные тетради и пачка открыток, бережно перевязанных красной ленточкой. Неужели, любовные письма? А что, когда-то и она сама любила клеивать отпечатанные на принтере любовные записочки в красивые глянцевые открытки. Лариса торопливо развязала тесемку и раскрыла первую попавшуюся карточку: «Дорогая внучка! Поздравляю тебя с днем рождения...» То-то ее сразу насторожил мультяшный котенок на открытке! Волшебница раскрыла следующую открытку, с цветами – «Дорогая внучка! Поздравляю тебя с 8 Марта!», со снеговиком – «Дорогая внучка! С Новым годом!», с ангелочком – «Дорогая внучка, с днем рождения!»... В пачке были собраны открытки за последние десять лет, и все они были подписаны «бабушка Степа». Получается, что у Нарышкиной не то что ухажеров нет, так и других родственников, которые могли бы прислать поздравления с праздником? Лара расстроено вздохнула и взяла в руки ленточку, чтобы перевязать открытки. Она как раз возилась с тесемкой, когда Настя распахнула дверцы следующего отделения стенки и громко ахнула.

– Ты только посмотри, что я нашла!

Лариса заинтересованно обернулась и увидела полки, заставленные видеокассетами.

– Только не говори, что наша Нарышкина – тайная эротоманка! – простонала она, продолжая возиться с ленточкой.

– Во-первых, никакая она не наша, а твоя и только твоя, – поправила Настя. – Я, к счастью, от нее давно отделалась. А во-вторых, она не эротоманка, а настоящая извращенка! «Неизвестные приключения Белоснежки», «Возвращение Маленького Мука», «Голубой щенок», – Настя огласила названия видеокассет и резюмировала: – В жизни бы ее в таких увлечениях не заподозрила!

– Это все порно? – убитым голосом поинтересовалась Лара.

– Хуже, – мрачно изрекла Настя.

– Извращения? – ужаснулась Лариса.

– Ларка, да ты сама извращенка! – воскликнула Настя и рассмеялась. – Расслабься, подруга. Это просто сказки.

– Сказки? – недоверчиво переспросила волшебница, подходя к шкафу и с опаской заглядывая внутрь. На двух полках отделения были аккуратно расставлены видеокассеты с

детскими фильмами и мультиками, на третьей стояли книги сказок Андерсена, братьев Гримм, Баума, Милна, Лагина, Пушкина.— Тьфу, Настька, как ты меня напугала! — с облегчением призналась она и удивленно спросила: — И она это все читает и смотрит?

— Да, похоже, они не стоят без дела.— Настасья прищурилась, вытащила одну из книг и протянула подруге.— Вот эту она читала последней.

Лариса взглянула на обложку. Там был изображен джинн— смуглый, обнаженный по пояс чувственный красавец в чалме и с кокетливой бородкой, нижняя часть тела которого струйкой дыма уходила в кувшин. Над головой не по-детски сексапильного джинна было написано: «Джинн, Жар-птица и волшебный горшочек». Движимая любопытством, она открыла аннотацию: «В книгу вошли сказки, собранные со всех концов света. На ее страницах вы встретите волшебных существ, знакомство с которыми сулит исполнение желаний, и найдете чудесные предметы, наделенные способностью претворять в жизнь любые мечты». Значит, какие-то тайные мечты у Арины есть, это уже радует. Лариса заглянула в содержание и нашла в названиях сказок золотую рыбку, Жар-птицу, фею, джинна, морского царя, лесных эльфов, говорящую щуку, аленький цветочек и всевозможные волшебные горшочки, перышки, горошины, бобовые зернышки и тыквенные семечки.

— А вот эту она не так давно смотрела.— Настя, держа кассету двумя пальцами, как дохлую мышь, сунула ее в руки Ларисы.

— «Морозко»,— прочитала вслух та и рассмеялась.

— Я не понимаю, чему ты так веселишься! — передернула плечами Настасья.— Совершенно ясно, что эта Нарышкина — абсолютно неадекватная девица. Ей двадцать шесть, а она вместо того, чтобы ходить на свидания, смотрит детские фильмы и сказки читает! Да ей уже своих пора воспитывать!

— Настя, ты прелесть! — Лариса чмокнула воздух губами.— А веселюсь я оттого, что у меня в руках — средство воспитания Нарышкиной!

— Ты решила прибегнуть к помощи криотерапии и испытать Одышкину холодом? — фыркнула фея, покосившись на кассету.

— Дурында, у меня в руках ключик к неприступному сердцу Арины! — оживленно воскликнула волшебница.— Мы устроим ей сказку, и тогда...

— Ты устроишь,— поправила Настя.

— Хорошо, я устрою, но ты-то ведь мне поможешь?

— Смотря что у тебя на уме. Вот эта твоя идея с проникновением в квартиру мне до сих пор не нравится, удивляюсь, как я вообще на эту авантюру согласилась!

— Потому что ты настоящий друг,— заискивающе сказала Лариса.

— Не подлизывайся,— делая вид, что сердится, буркнула Настасья.— И вообще, если наши поиски завершены, предлагаю сваливать отсюда поскорей...

— Пока бабуля с дачи не вернулась? — хмыкнула Лариса.— Расслабься, Насть, старушка далеко отсюда, а Арина вернется только к вечеру. Хочешь, чаю попьем? Шоколадки, правда, не осталось, но у меня яблоки есть, и хлеб, и молоко к чаю...

— Лариска! — цыкнула на нее подруга, отбирая кассету и возвращая ее на место в шкаф.— Хорош издеваться. Может, для тебя и в порядке вещей взламывать замки и расхаживать по чужой квартире в отсутствие хозяев, я гляжу, ты чувствуешь себя как дома, но мне здесь не по себе. У меня такое чувство, что нас вот-вот застукают! Так что пойдем-ка отсюда, не будем искушать судьбу.

Настя аккуратно закрыла двери шкафа и оглядела комнату — не оставили ли они каких следов? Лариса тем временем связала ленточкой открытки и положила их в ящик стола. Жаль, что не удалось обнаружить ни одной фотографии Арины, ей так хотелось посмотреть на свою подопечную на домашнем фото, а не только на карточке на паспорт, которая прилагалась к досье на Нарышкину, и на которой все люди выглядят как персонажи фильмов ужасов...

Скрыв все следы своего пребывания, волшебницы выскользнули из комнаты. Первой —

Настя, которой не терпелось скорей покинуть чужую квартиру, следом за ней – Лариса. Настя-то и приняла удар на себя, когда неожиданно для девушек запертая дверь в начале коридора открылась и темная угловатая фигура отрезала их от выхода.

– Степанида Ильинична! – испуганно пискнула любовная фея, резко затормозив, и надвинула бейсболку себе на нос.

* * *

Дриады обитали во фруктовой роще на западной окраине королевства, и, по оптимистичному заверению маркиза, они должны были прибыть туда незадолго до захода солнца следующего дня. Пока же их путь лежал по наезженным оживленным трактам, и Глаша, горделиво держащаяся в седле, с любопытством разглядывала проезжающие торговые обозы и попадающиеся навстречу кареты. Жека, томящаяся в суме и не смеяшая высунуть нос наружу, тихонько вздыхала, маскируя свои горестные стоны под скрип колес повозок. Ей страшно хотелось поглядеть на все, что творится вокруг, но перед поездкой путники договорились, что вынимать книгу будут только в безлюдных местах. Оливье предпочел бы и вовсе держать ее в сумке всю дорогу, но жека так умоляюще глянула на Глашу, что та обещала вольной книжице прогулки на свежем воздухе в местах, отдаленных от толпы.

По дороге выяснилось, что маркиз уже бывал у дриад раньше. Клариссе понадобился какой-то редкий ингредиент для зелья («Небось приворотного», – ехидно подумала Гликерия, глядя, как зажглись глаза спутника при воспоминании о любимой ведьме), который можно было достать только в роще дриад, и верный рыцарь вызвался сопровождать невесту на нелегком пути. Место обитания лесных нимф он описывал как залитый солнцем цветущий сад необыкновенной красоты, безмятежность и покой которого нарушали лишь звенящий смех его обитательниц и пение белянок – священных птиц дриад. Деревья там были высокими и древними, с широкими стволами и толстыми ветвями, усыпанными белоснежными, розовыми и голубыми цветами. Земля была покрыта высоким ковром из диковинных цветов всех оттенков радуги, над которыми кружились яркие бабочки, и узор этого живого ковра менялся с каждым дуновением ветерка, складываясь то в изображение райской птицы, то в портрет прекрасного дракона, то в горный пейзаж, то во фруктовый натюрморт, то в корзину роз.

– Наверное, жалко ступать на такую красоту? – зачарованно слушая Оливье, спросила Глаша.

– Мы и не ступали, – кивнул маркиз, – нам не разрешили.

– А сами дриады? – заинтересовалась девушка.

– Они сидели на ветвях, перекидываясь фруктами, или раскачивались на качелях, свитых из стеблей вьюнов.

– И какие они?

– Красивые, юные, изящные, веселые, как сама весна, – мечтательно произнес ее спутник.

– Ясно, – ревниво протянула Глаша. Она бы предпочла, чтобы дриады были старыми развалинами, наполовину покрытыми корой и листьями, а не сборищем прелестных кокеток, которые наверняка вздумают строить глазки молодому маркизу. Несмотря на то что Оливье категорически не соответствовал параметрам мужчины ее мечты, делить его внимание с какими-то древесными чаровницами ей почему-то не хотелось.

– А мужчины-дриады среди них есть? – невинно поинтересовалась она.

– Не знаю, я не видел, – равнодушно пожал плечами Оливье.

– И как прошла встреча? Как они отнеслись к вашему появлению? – допытывалась Глаша.

– Нас остановили на краю сада, и верховная дриада соскользнула к нам с кроны дерева, – поэтично отозвался маркиз. – Она ступала по цветам, растущим на земле, не помяв

ни одного стебелька. Потом поинтересовалась целью нашего визита и дала Клариссе то, что та просила.

– Прямо вот так отдала? – недоверчиво уточнила Глаша.

– Да у них этого добра... – махнул рукой Оливье. – Нет, разумеется, Клэр ее отблагодарила, вручила какие-то семена, удобрения и снадобья от вредителей.

Девушка только фыркнула себе под нос и с укоризной поинтересовалась:

– Что же ты не предупредил? Начали бы собирать их по дороге.

– Кого? – озадаченно спросил Оливье.

– Удобрения! Вон их сколько. – Глаша указала на лежащую в стороне от дороги коровью лепешку.

– Смеешься? – догадался маркиз.

– А чем эти удобрения нехороши? Или дриады предпочитают только куриный помет? – невинно заметила Гликерия.

– Да от таких удобрений они мигом все вымрут! – фыркнул Оливье.

– Да? – с интересом спросила Глаша.

– Сад дриад – волшебный, и деревья в нем – непростые, – растолковал неразумной девице простые истины маркиз. – Поэтому на удобрения для них годятся только специальные зелья и отвары.

– Что ж мы ничего с собой не захватили? – сокрушенно покачала головой Глаша.

– А ты умеешь их готовить? – иронически осведомился ее спутник. – К тому же сомневаюсь, что верховная дриада готова расстаться с амулетом ради того, чтобы яблони в ее саду расцвели алыми или сиреневыми цветами, комары превратились в бабочек, а жуки-древоеды – в пчел.

– Интересные у вас удобрения, – оценила Глаша. – И что, дриады все из себя добрые, милые и безобидные?

– Но только с теми, кто с уважением относится к их саду и не причиняет ему вреда, – серьезно заметил маркиз.

– В этом случае они превращаются в мстительных фурий? – заинтригованно спросила Гликерия.

– Они всего лишь защитницы леса и своих растений, – уклончиво ответил Оливье.

– Ну они могут растерзать человека, покусившегося на их травки, на тысячи мелких кусочков?

– Магия дриад – созидательная. Максимум, на что они способны, – так это внушить нарушителю спокойствия такой ужас, чтобы он тотчас же бежал прочь, пока еще бед не натворил.

– Неплохо, – одобрила Глаша. – Вот бы мне узнать их секрет, а то в моем мире, знаешь ли, гулять одной вечерами опасно. А так – все бандиты и хулиганы будут разбегаться в ужасе, позабыв о своих подлых намерениях... Да и тут бы пригодилось – разбойников отгонять!

– Так они тебе и сказали, – ухмыльнулась томившаяся в сумке жека. А Оливье благоразумно промолчал.

За разговором часть дороги осталась позади, и путники свернули в сторону, на узкую тропу, ведущую к лесу.

– Уже подъезжаем? – завертелась от нетерпения Гликерия. – А говорил, что прибудем только к закату завтрашнего дня. – Она прищурилась, глядя на жаркое полуденное солнце.

– Я от своих слов и не отказываюсь, – с достоинством произнес маркиз. – Просто теперь наша дорога будет лежать через лес.

– А там не опасно? – Глаша покосилась на стволы деревьев, которые стояли так часто, что не пропускали солнечный свет.

– Не могу ничего обещать. Надень плащ, – коротко велел Оливье.

– Чтобы разбойники не польстились на мою красоту? – приосанившись, уточнила Глаша.

– Чтобы тебя не сожрали комары,– насмешливо заметил маркиз, накидывая на плечи куртку.

– А плащ что, заговорен от комаров? – с уважением спросила Гликерия, безропотно заворачиваясь в безразмерный кусок плотной ткани, тем более что первый кровосос уже совершил покушение на ее шею.

– С утра не был. Если только ты не заговорила,– лукаво прищурился Оливье, и путники въехали в темный коридор леса.

* * *

– Кто утверждал, что бабуля в деревне? – процедила сквозь зубы Лариса, едва не врезавшись в спину Насти и стремительно соображая, как теперь выпутываться. Подумать только, все это время они шарились в комнате Арины, будучи уверены в том, что в квартире больше никого нет!

– Как, вы меня знаете? – удивленно моргнула старушка, подслеповато прищурившись и шаря рукой по стене в поисках выключателя.

Лара с трудом поборолла в себе желание обернуться Нарышкиной, на минутку заскочившей домой в рабочее время, и представить Настю своей подругой, но потом ее взгляд упал на пакет, стоящий на трельяже...

– Конечно, знаем! – громко воскликнула она. – Мы выбрали вас из сотни претендентов, ваша кандидатура идеально подходит для нашего проекта, ваше лицо узнают миллионы телезрителей...

– Лар, ты чего несешь? – тихонько поинтересовалась близкая к обмороку Настасья. Еще бы, мало того что она, такая правильная и законопослушная, проникла в чужую квартиру, так ее еще и застали на месте преступления!

– Акция «Тайд или кипячение» приветствует вас! – продолжила Лариса неожиданно низким голосом. – Именно вы станете новым лицом нашего рекламного ролика и получите годовой запас порошка и гонорар за съемки в размере двухсот долларов в придачу.

Старушка тем временем наконец-то нащупала клавишу выключателя, и в коридоре зажегся свет.

– Лара! – сдавленно пискнула Настя, обернувшись к подруге и обнаружила вместо нее широко улыбающегося телевизионного ведущего, засветившегося в рекламе отбеливающего порошка.

– Ну что стоишь как неживая? – процедил он, по-прежнему растягивая губы в улыбке. – Подыграй мне!

– Совсем слепая стала! – подходя поближе, всплеснула руками Степанида Ильинична. – А я вас сперва за девушку приняла!

– Бывает,– широко улыбнулся ведущий. – А это ассистентка моя, Ася, знакомьтесь! Она вот вам сейчас вручит пробную упаковку порошка, которую мы с собой захватили.

Ведущий толкнул девушку в бейсболке и спортивном костюме, и та послушно засеменила к трельяжу и выудила из пакета порошок.

– Да как же вы вошли-то? – недоверчиво прищурилась бабулька.

– Так не заперто было. Мы и звонили, и стучали, а как стучать стали, так дверь сама открылась, вот мы и зашли проверить, все ли у вас в порядке, а то знаете ведь, времена-то какие,– вздохнул ведущий. – Грабят, воруют...

– Грабят, воруют,– поджав губы, печально подтвердила старушка и, спохватившись, добавила: – Да что ж вы стоите то, проходите, располагайтесь, адвоката приглашайте.

– Зачем адвоката? – прошелестела девушка в бейсболке.

– Как зачем? – удивленно подняла брови Степанида Ильинична. – Договор подписывать будем. Как же без договору-то? Мне Ариша рассказывала, что сейчас без договору никуда. Вот вы мне заплатите за съемки двести долларов... Кстати, в рублях или в долларах? – деловито поинтересовалась бабулька.

– В рублях по курсу ЦБ, – ошарашенно ответил ведущий.
– Хорошо, – кивнула старушка. – Так вот, вы мне заплатите, а я вас кину. Непорядок?
– Непорядок, – согласился вконец растерянный ведущий.
– Вот чтобы этого не случилось, надо сделать все по-людски и договор подписать, – убежденно заявила пенсионерка. – Так, где он у вас?

– Он у нас в офисе, – поспешно встала ассистентка Ася. – Мы же сегодня только поговорить с вами пришли, ваш ответ услышать да натуру посмотреть, где снимать, если вы согласны.

– Конечно, я согласна! Лучше меня вам никого не найти, так и знайте. А если вас Глафира с Анфисой у подъезда подкараулят и станут себя предлагать, вы смотрите, не соглашайтесь, – доверительно посоветовала Степанида. – Глафира – вдова генерала, она такой гонорар запросит, что вовек не расплатитесь, и не в долларах, а в еврах! А Анфиса только на днях из психушки выписалась. Зачем вам такое рекламное лицо?

– Незачем, – согласно кивнул ведущий. – Спасибо, что предупредили!

– Вот я и говорю, – успокоенно заметила старушка, – правильно, что вы ко мне пришли да Груню послушали.

– Кого? – удивленно спросил ведущий, за что тут же получил втык от ассистентки.

– Груня плохого не посоветует, – поспешно выпалила помощница. – К ней весь наш телеканал прислушивается! Ну, Степанида Ильинична, спасибо, что согласились сотрудничать. Мы завтра же подготовим договор и приедем к вам его подписать. До свидания!

– Стойте! – вскрикнула старушка, когда Лариса с Настей, едва успевшей запрыгнуть в кроссовки, уже открывали дверь. – Куда же вы?

– Мы пропали, – в панике прошептала любовная фея, уже представив в воображении выговор с занесением в личное дело и, возможно, даже исключение из коллегии.

– Не дрейфь, Настена! – И ведущий, широко улыбаясь, повернулся к Степаниде.

– Я же вам квартиру не показала! Где снимать будете, – напонила та.

– И в самом деле! – хлопнул себя по лбу ведущий, а ассистентка натянуто хихикнула и скинула кроссовки.

Через пятнадцать минут, когда бойкая старушка провела своих именитых гостей по всей квартире, гости авторитетно заявили, что коридор, кухня и ванная со стиральной машинкой «Малютка» идеально подходят для съемок, и хозяйка и посетители расстались, весьма довольные друг другом, обрадованная Степанида Ильинична бросилась звонить своей давней знакомой Груне. Груня работала уборщицей на «Мосфильме» и еще пять лет назад уговорила ее разместить фотографию в базе данных актеров для съемок рекламных роликов. Степанида первый год с нетерпением ждала предложений, мечтая сыграть добрую благообразную бабушку, угощающую внуков домашним творожком, или активную пенсионерку, рассуждающую о пользе витаминов. На второй год ожидания она страшно обиделась на режиссеров, игнорирующих ее своим вниманием, а сейчас уже и вовсе забыла про фотографию, которая пылилась где-то в архивах киностудии. Но как только из полумрака коридора выступил известный ведущий и объявил, что ее выбрали, чтобы сниматься в рекламе порошка, Степанида поняла, что ее звездный час настал, душа ее возликовала, и теперь ей не терпелось отблагодарить душевную Груню и растрезвонить о своем триумфе вредным Глафире и Анфисе.

Две девушки, одна в спортивном костюме и бейсболке, другая – в джинсах, футболке и с пакетом в руках, не спеша вышли из подъезда и завернули за угол. И тут того, кто вздумал бы за ними наблюдать, озадачила бы разительная перемена в их поведении. Спортсменка рванула с места так, как будто собиралась установить мировой рекорд по бегу по улицам города, а ее спутнице ничего не оставалось, как крепче прижать пакет к груди и припустить следом. Сбавили скорость они только тогда, когда впереди показалось метро.

– Ну, Настасья, – прохрипела, отдуваясь, Лариса, – ты даешь... Я, конечно, не знаю...

может, тебе каждый день... так приходится по городу бегать... чтобы устроить знакомства... идеальных половинок... и физподготовка входит... в обязательный курс... обучения любовных магов... но я-то уже года три как на кареты пересела... и сейчас чуть не скопытилась. Фух!

– Это я чуть не скопытилась, – сердито буркнула Настя, – когда Степаниду в коридоре увидела. Чуть кондратий не хватил!

– А кто виноват? – удивилась Лариса. – Или это я утверждала, что бабуля в деревне и дома никого нет?

– Должна она была быть в деревне, должна! – чуть не плача, ответила любовная фея. – Я тебе тоже не провидица, чтобы сквозь стены видеть.

– Да ладно тебе, Насть, я тебя не виню, – кротко ответила Лара. – Подумаешь, на старушку наткнулись. Могло бы быть и хуже, если бы к ней племянник-мясник из деревни приехал. Наприме^р.

– Опять издеваешься, – прорычала Настасья, – ну погоди! Вот понадобится мне в чужую квартиру влезть, я припомню, что за тобой должок. Не отвертись!

– Да всегда пожалуйста! – с готовностью откликнулась волшебница. – Я страсть как обожаю по чужим квартирам шастать.

– Тс-с! – шикнула на нее подруга. – На тебя вон люди оборачиваются.

Девушки уже подошли к метро, и народу вокруг прибавилось.

– Отчего бы не обернуться на привлекательную молодую девушку с очаровательным румянцем на щеках? – кокетливо пропела Лариса, ныряя в переход. – А ты бы вместо того, чтобы голову в плечи втягивать, лучше бы повнимательней посмотрела по сторонам. Вдруг тут где рядом мой суженый ошивается, а подойти стесняется.

– Твой суженый, насколько я помню, ошивается в отсталом королевстве, – мстительно напомнила Настя, – и, с большой долей вероятности, в этот момент проводит допрос той девицы, которая туда попала вместо тебя. Надеюсь, твой рыцарь самых честных правил и бедная Глаша сильно не пострадают?

– Злая ты, Настасья, – вздохнула Лариса, мигом помрачнев. – Я бы все на свете отдала, чтобы все исправить и вновь в Кукуе оказаться.

– Лучше доставай карточку на проезд, горе ты мое, – проворчала Настя, – на нас вон и так уже дежурная косится.

Девушки проскользнули через турникет и спустились на станцию.

– Ну какие у нас теперь планы? – спохватилась Настя. – Ты мне так толком и не сказала, что задумала. Костюмированное представление по мотивам «Морозко»?

– Что-то вроде того, – уклончиво ответила подруга.

– Так мы едем домой обсуждать твой гениальный план или в магазин за карнавальными костюмами? – скептически поинтересовалась Настасья.

– Сначала домой, – скомандовала волшебница. – А потом за костюмами.

План Ларисы состоял в том, чтобы явиться к Арине под видом сказочного героя, вкрас^еться в доверие, выпытать ее секреты и тайные желания, а далее действовать по обстоятельствам.

– Бред какой! – вынесла свой вердикт Настя, когда они добрались до дома и Лариса посвятила ее в свои намерения. – И как ты это себе представляешь? Постучишься к ней и скажешь: «Здрасти, я ваша тетушка фея»? Или подсунешь под дверь кувшин с фантомом, а когда иллюзия развеется, будешь изображать Старика Хоттабыча?

– Креативненько, – оценила Лариса. – Это надо обдумать!

– Ты не знаешь Нарышкину, – фыркнула Настя. – Она не верит ни в прекрасных принцев, ни в добрых фей, ни в волшебников на голубом вертолете. Она не верит ни в кого, кроме олигархов! Вот если ты явишься к ней в образе стареющего Билла Гейтса, тогда еще шанс будет. И то – не забудь выставить вперед бригаду охранников с чемоданом подарков, чтобы они популярно объяснили ей, с кем она будет иметь дело. А то шишек не оберешься.

– Да что ты прицепилась к этому олигарху! – вспыхнула Лариса. – Может, она это сказала специально, чтобы твоего чудика отшить.

– Во-первых, он не мой, во-вторых, никакой он не чудик, а ведущий специалист отдела кармы, – оскорбилась за коллегу Настя. – А в-третьих, я проверяла – об олигархе она мечтает совершенно точно.

– Ну и что? – возразила Лара. – Подумаешь, кто о чем мечтает! Главное не форма, а содержание. Ведь ей наверняка не мешок с деньгами нужен, а возможности, которые ей его капиталы откроют. Может, она певицей хочет стать, а денег на раскрутку нету, или доктором, а учиться не на что, или хочет, чтобы дети ее нужды не знали... Тут еще надо разобраться, о чем она на самом деле мечтает.

– Ты чересчур хорошего о ней мнения, – покачала головой подруга.

– А я оптимистка и предпочитаю видеть в людях только хорошее! – провозгласила волшебница.

– Удивительно, как ты выжила в своем отсталом королевстве среди вампиров и оборотней, – хмыкнула Настя. – Ничего, вот познакомишься с Нарышкиной поближе – не так заговоришь.

– Вот именно этим я и собираюсь заняться. Завтра же. А пока надо обдумать детали.

– Ну-ну, – скептически отозвалась Настасья. – Я пойду обедом займусь, а ты пока думай.

– Тебе помочь? – уныло поинтересовалась Лариса, и в ее глазах читалось полное отсутствие желания участвовать в процессе готовки. Да она уже три года сковородки в руках не держала – в замке-то у нее был штат поваров.

– Чего уж там, как-нибудь сама справлюсь, – усмехнулась фея. – Телефонный номер набрать дело нехитрое.

И, перехватив недоуменный взгляд Ларисы, добавила:

– Я пиццу закажу. Охота мне самой на кухне возиться! Да и опасно тебя одну надолго оставлять – напридумываешь еще чего такого, чего Дэвиду Копперфильду не снилось. А он все-таки мастер иллюзий не в пример нам – магистр! – с уважением произнесла она.

– Только вместо того, чтобы людям помогать, головы им дурит, – неодобрительно отозвалась Лариса.

– А ты знаешь – помогает он им или нет? – вступилась за того Настасья. – Может, шоу – это его хобби в свободное от основной работы время. Сама знаешь, что наша служба тайная и распространяться о ней не следует.

– Знаю, – вздохнула Лара. – А как бы было хорошо – явилась бы к Нарышкиной, сказала: «Привет! Я из коллегии магов, твой назначенный ангел-хранитель. Рассказывай, о чем мечтаешь, чего хочешь – буду твою судьбу устраивать», а то приходится затевать игру по мотивам сказок и прикидываться непонятно кем.

– Тебе не впервой, – отмахнулась Настя, выходя в коридор.

– Не впервой, – согласилась Лариса и пробормотала себе под нос. – Но золотой рыбкой или джинном еще быть не приходилось. Так-так, рассмотрим варианты...

Она взяла ручку и блокнот, выданные ей подругой, и написала на первой странице:

«Сказочные герои, которые исполняют желания: крестная фея, джинн (Старик Хоттабыч), старичок-боровичок, гномы, Дед Мороз, морской царь, золотая рыбка, щука, царевна-лягушка».

– Ага! – воскликнула Настя, подкравшись сзади и сунув нос в ее записи. – Так я и думала, что за тобой нужен глаз да глаз. Ты бы еще Сивку-Бурку с Коньком-Горбунком вспомнила, горе луковое!

– Ой, и правда! – обрадовалась Лариса и быстро дописала недостающие пункты. – Как это я про них забыла!

– И что же ты собираешься делать со своим списком? – ехидно спросила Настя. – Отрастишь себе хвост и гриву и пойдешь пастись во дворе дома Нарышкиной, поджидая ее с работы?

– Почему же во дворе? – не осталась в долгу Лара. – Можно и на лужайке перед

«Макдоналдсом».

– Опять издеваешься, – догадалась фея.

– Настя, ну я, конечно, дура душой, но не дурища же! – укоризненно сказала волшебница. – Я прекрасно знаю, что недопустимо мне принимать облик животных, и не собираюсь проводить запрещенные эксперименты. Не стоит воспринимать мой мозговой штурм как руководство к действию. Но за Сивку-Бурку с Коньком-Горбунком тебе все равно спасибо. Я тут подумала, если Арина так недоверчиво относится к людям, может, хоть лягушек с горбатыми коньками она не будет воспринимать как мошенников и аферистов?

– И где ты, интересно, возьмешь ей лягушку и горбатого конька? – саркастически поинтересовалась Настя.

– Лягушку в зоомагазине можно купить или в речке выловить, – на полном серьезе ответила Лариса, – а пони напрокат взять у какого-нибудь циркового фотографа.

– Гениальная идея! – не преминула сыронизировать Настя.

– Но, надеюсь, что до лягушек не дойдет. Начнем с крестной феи!

* * *

– Что, нельзя было захватить с собой какое средство от комаров? – жалобно скулила современная москвичка спустя четверть часа езды по кукуйскому лесу. Казалось, все окрестные комары слетелись для того, чтобы запечатлеть свой след на челе и руках путников.

Доставалось даже жеке, которая, как только свернули под сень деревьев, тут же вынырнула из сумки и, прислонившись к шее коня, уселась впереди Глаши. Книжка только и успевала хлопать звериной лапкой по кожаной обложке. Поживиться кровососам у нее было нечем, но запах кожи привлекал их со страшной силой.

– У тебя нету никакого заклинания от комаров? – с надеждой поинтересовалась несчастная городская жительница, впервые в жизни столкнувшаяся с такими тучами насекомых.

– Мои авторы на такие мелочи не разменивались, – гордо заявила жека, со всей силы саданув по обложке и смахнув поверженного комара под копыта лошади.

– Может быть, есть что-нибудь от вампиров? – не унималась Глаша.

– Есть, но не про твою честь, – отрезала вредная книжка и с силой почесала корешок.

– О тебе же забочусь, – буркнула Гликерия. – Вижу вон, тебе тоже несладко приходится.

– Да, – признала жека, – недоработка авторов. Поди, и представить себе не могли, что меня будут читать в лесу, полном комаров, – хихикнула она.

Девушка горестно вздохнула и с размаху шлепнула себя по лбу, прибив сто восьмого комара, покусившегося на ее невинное тело.

– Не стоит так убиваться из-за меня, – ехидно заметила жека. – У меня обложка из кожи двухсотлетнего дракона, а ее не так просто прокусить.

– Надеюсь, дракон погиб, не сражаясь за целостность своей шкуры? – мрачно заметила Глаша, интенсивно размахивая рукой перед собой.

– Бедняга так упорствовал, – скорбно вздохнула жека, – все повторял о жене, восьми детях и семнадцати внуках.

Глаша брезгливо покосилась на ее обложку.

– Шутка! – хихикнула довольная собой книжка. – Купилась, купилась!

– Да, давно пора привыкнуть к твоему черному юмору, – недовольно пробормотала девушка. – И занес же меня черт в этот треклятый ГУМ! – в негодовании воскликнула она, сгоняя с щеки сразу нескольких комаров и почесывая укусы.

«Хотела сказочных приключений – получай», – злорадно заметил внутренний голос.

«Но меня никто не предупреждал, что комары тут съедят быстрее, чем мы доберемся до упырей или оборотней», – зло возразила ему Глаша. В самом деле, что за конфуз! Ни в одной из прочитанных ей в ее мире книг герои не страдали от нападения комариного роя и не

чесались от укусов насекомых. «А ведь здесь наверняка и клещи водятся», – услужливо подсказал противный голос. «Я тебя не слушаю», – буркнула Глаша и, чтобы заглушить язвительный голосок, принялась напевать себе под нос жизнерадостное «Районы, кварталы, жилые массивы, я ухожу, ухожу красиво».

Оливье, все это время невозмутимо державшийся впереди, с удивлением обернулся.

– Ты чего это, колдуешь?

– Уж и попеть нельзя, – недовольно проворчала Глаша.

– Слова какие-то странные, – пожал плечами Оливье и как-то подозрительно взглянул на нее.

«Ну да, я же напеваю их на русском», – поняла Глаша и, пользуясь тем, что маркиз ее языка не понимает, затянула «Ниже ростом только Губин». На третьей песне «Вжик-вжик-вжик, уноси готовенького», в которую девушка вложила всю свою ненависть к комарам, кровопийцы, как ни странно, с писком разлетелись. Особенно настойчивые продолжали крутиться возле Оливье и создавать звенящий бэк-вокал сольному выступлению юной звезды. А четвертой, «Лей, ливень, не жалея», взмокнув от жары Глаша и вовсе накликала дождь. Тот был коротким, но сильным. Лошади промокли насквозь, а путников спасли только заговоренные от непогоды походные плащи. Ливень охладил песенный пыл девушки, и до самого привала она молчала, сосредоточенно почесывая комариные укусы.

Привал сделали в открытом поле. Странно, но земля здесь была сухой, как будто дождь пролился только над лесом, да и тучи, которая так щедро искупала их лошадей, Глаша тоже не заметила. Маркиз спешил, отстегнул с седла сумку, помог девушке спуститься и отпустил лошадей, которые, отойдя пару шагов от дороги, принялись меланхолично жевать ромашки. Глядя на них, Глаша тоже ощутила приступ голода и побежала за Оливье, быстро шагающим в глубь поля. Чуть удалившись от дороги, тот опустился на траву, расстелил на земле свою куртку и стал выуживать из сумки нехитрый ужин, при виде которого у порядком проголодавшейся Гликерии едва слюнки не потекли. Предусмотрительный маркиз прихватил с собой краюшку хлеба, головку сливочного сыра, запеченный окорок и фляжку с водой. Отламывая кусочек хлеба, девушка с удивлением отметила, что тот еще горячий, словно его только вынули из печи. Теплым оказался и окорок, а фляга, наоборот, запотела, и вода в ней была освежающе-прохладной.

– Что за чудеса? – с наслаждением отпивая воды, спросила она.

– Походная сумка, сохраняет нагрев и свежесть пищи, – похвастался довольный эффектом Оливье.

– Тоже Кларисса придумала? – с уважением спросила Глаша, подумав про себя, что она понимает выбор маркиза. С такой женой не пропадешь ни дома, ни в путешествии. Поди, она и походный шалаш умеет в роскошный дворец превратить, не говоря уж о том, что отогнать комаров для нее – пустяковое дело.

– Нет, – с сожалением признался тот, – это дело рук старика Тернера.

«Ага, значит, не все этой задавке про плечу», – торжествующе отметила девушка, сооружая гамбургер.

– Что это? – покосился на ее кулинарное творение маркиз.

– Пища двадцать первого века, – с гордостью сообщила Гликерия. – Угощайся! Эх, сюда бы еще огурчик, листик салата и капельку майонеза, и все это дело в микроволновку, – размечталась она, делая второй сэндвич.

– И так неплохо, – признал Оливье, уплетая необыкновенный бутерброд.

– Я еще и на машинке могу, – скромно заметила Глаша, подразумевая, разумеется, компьютер. – Эх, сейчас бы еще кофейку!

Она потянулась к фляжке и с удивлением ощутила, как потеплело железо в ее руке. Глаша поднесла флягу к губам и вдохнула аромат свежесваренного кофе.

– Ни фиги себе спецэффекты, – потрясенно выдохнула она и осторожно глотнула горячий напиток.

– Что там у тебя, вино? – любопытствовал Оливье.

– Ко-фе,– благоговейно протянула Глаша, аж зажмурившись от удовольствия.
– Кофе? – сморщил нос ее спутник.
– Попробуй.– Заядлая кофеманка протянула ему фляжку.
Тот с сомнением взял флягу, сделал глоток и с разочарованием констатировал:
– Вино, таллийское.
– Как же так? – опешила Глаша, отбирая сосуд, который мгновенно потеплел в ее руках.– Ну вот же, кофе!
– Увы,– вздохнул Оливье,– я никогда не пробовал кофе. Фляга содержит только те напитки, которые мне знакомы.
– Это что же получается, из одной и той же фляжки я пью кофе, а ты вино? – воскликнула Гликерия в изумлении.
– Именно так,– подтвердил маркиз.
– А если я захочу квас или молочный коктейль? – спросила она.
– Ты его получишь, как только сформулируешь свое желание,– улыбнулся хозяин чудесной фляжки.
– А если не сформулирую?
– То она напоит тебя колодезной водой.
– Тогда я хочу молочный коктейль,– потребовала Глаша, и фляга в ее руке похолодела, а в ее горлышке плеснулась белая жидкость.– Шоколадный,– придирчиво уточнила она, и напиток поменял цвет на светло-кофейный.– Ну дела! – Девушка с наслаждением припала к горлышку и маленькими глотками выдула не меньше полулитра коктейля.
Остаток привала Гликерия забавлялась тем, что меняла содержимое фляжки и по очереди дула свежавыжатые соки, горячий шоколад, йогурт, минералку, какао, ряженку, морс и множество сортов лимонада. С пятого напитка пришлось ограничиться крошечными глотками, а то уже Оливье начал насмешливо поглядывать на нее, видимо, гадая, куда же в нее столько уместается, и под конец скептически поинтересовался:
– А ты не лопнешь?
– А ты налей и отойди,– с улыбкой ответила Глаша, заливая в себя последнюю порцию ледяного компота.
– Пожалей Слона,– воззвал маркиз, складывая остатки еды в сумку.– Бедный жеребец не привык к таким нагрузкам.
– Так и скажи, что завидуешь,– заметила девушка, удовлетворенно потирая живот.– Сам-то, кроме воды, вина да молока, больше ничего оттуда выпить не можешь.
– Ах, какая трагедия! – дурашливо воскликнул Оливье, поднимаясь с земли и подавая ей руку.– Надеюсь, ты насытилась? А то мы и так изрядно задержались.
– Благодарствую, весьма,– отозвалась Гликерия, возвращая ему чудесную фляжку.– Береги ее как зеницу ока,– строго наказала она.– С таким мини-баром я готова ехать за тобой хоть на край света. Это тоже работа Клариссы?
– Тоже работа Тернера,– признался маркиз.
– А у него можно приобрести вторую такую? – деловито спросила девушка.
– Боюсь, у тебя не хватит денег,– прищурился Оливье.– Но если будешь вести себя хорошо и найдешь амулет, получишь в качестве подарка на память.
– Вот-вот, тебе лишь бы от меня избавиться,– вздохнула Глаша.– Ладно, изверг, вези меня к своим древесным теткам.

Остаток пути оказался сплошной тоской. Разудалые разбойники на них не нападали, дикие оборотни мимо не пробежали, вурдалаки с упырями не покушались, и даже мертвые с косами по пути не встретились. Деревня, в которой они остановились на ночлег в первую ночь, от набегов кровожадной нежити и таинственной нечисти не страдала и была абсолютно спокойной, тихой и безмятежной. Разве что кузнец пришел среди ночи и закатил под окнами дома, где остановились Глаша и Оливье, такую жалобную серенаду, что маркиз переполошился, приняв ее за боевую песнь оборотня, и выскочил с мечом наперевес, чтобы его успокоить. Кузнец при виде нарисовавшегося хлопца с очевидными воинственными

намерениями потрясенно икнул и замертво свалился в крапиву у забора. Как пояснила на следующее утро хозяйка дома, кузнец остался единственным холостым парнем на деревне. Все невесты были уже разобраны более ловкими кавалерами, а мелкие еще не подросли, так что бедняга страдал от недостатка женского тепла, в каждой заезжей гостье видел свою судьбу и стабильно изводил их серенадами собственного сочинения, вычитав в какой-то из книг, что нет вернее средства покорить женское сердце.

За исключением этого забавного эпизода ничего примечательного с ними не происходило. Глаша аж заскучала и все недоумевала, как это на них ни одна нечисть, коих, если верить жеке, в Кукуе обитает аж двадцать два вида, не покусилась. Поэтому, когда на закате второго дня впереди показалась фруктовая роща и Оливье сообщил, что здесь и обитают дриады, она радостно оживилась. Приключения начинаются! А встреча с дриадами может стать одним из самых ярких моментов ее сказочного путешествия.

* * *

А тем временем в Москве, приняв вид благообразной, добродушной, кругленькой и убеленной сединами дамы лет шестидесяти, которую показывали в новостях про самый образцовый детсад города Челябинска (дама была воспитательницей), Лариса поднималась по лестнице к квартире Нарышкиной. В руках у нее был старомодный саквояж, который Настя одолжила у соседки, а в саквояже лежал большой сувенирный карандаш. Его Лара купила в переходе метро, затем обернула блестящими ленточками для упаковки подарков и теперь искренне полагала, что тот может запросто сойти за волшебную палочку.

Несмотря на тщательную подготовку к операции «Знакомство с Нарышкиной», волшебница испытывала изрядное волнение. Во-первых, Настя, отправляя ее по уже знакомому адресу на Яблочную улицу, смотрела на подругу так, как будто той предстоит встреча с огнедышащим драконом высшей степени кровожадности, а не с белокурой москвичкой двадцати шести лет от роду. Во-вторых, она чувствовала себя благодетельницей, которая, взмахнув китайским карандашом за сорок восемь рублей, изменит беспросветную жизнь современной Золушки Арины Нарышкиной на сто восемьдесят градусов и сделает из подопечной царевну. Радостное волнение Ларисы не омрачили ни каблук, застрявший в решетке водостока на углу дома, ни визгливая собачонка, с чувством облаявшая ее на лестничном пролете между вторым и третьим этажами, ни подозрительный взгляд ее хозяйки, посмотревшей на Лару так, как будто в руках у нее был не благопристойный саквояж, а чемодан с гранатой и выглядела она не бабушкой «божьем одуванчиком», а бородатым арабским террористом.

Остановившись перед дверью в квартиру Нарышкиной, Лариса замерла. Они с Настей долго спорили, каким должно быть ее первое явление Арине. Любовная фея настаивала на том, что появление «крестной» надо обставить поэффектнее: с иллюзорными чарами, с дорогой пиротехникой и непременно с элементом неожиданности. Она была категорически против идеи Ларисы проникнуть в квартиру самым естественным способом – через дверь и долго убеждала ее в том, что такая подозрительная девица, как Нарышкина, в жизни не поверит в крестную-волшебницу, которая звонит в дверь, как обыкновенный почтальон. «Уж если ты решила делать ставку на сказки, – напирала Настасья, – то и обставить все нужно сказочно». «Сказочно», по ее мнению, подразумевало появление тетюшки-феи на балконе в облаке розового дыма, в ореоле искрящихся фейерверков и под заунывные трели «Энигмы».

– Ну ладно, – опешив, сказала тогда Лариса, – дыма я, допустим, еще напустить сумею, фейерверки ты организуешь, магнитола с саундтреком как-нибудь замаскируем, хотя я бы предпочла немецкие народные мотивы – они повеселее будут. Чай, не привидение является, а крестная-благодетельница. Но с левитацией-то как быть?

Левитация была одним из самых сложных магических умений, и даже среди высших магов ею владели единицы.

– А зачем левитация? – взмахнула ресничками Настена. – Мало, что ли, обычных способов попасть на балкон?

– Например? – скептически поинтересовалась Лариса.

– Например, с помощью альпинистского снаряжения с крыши можно спуститься, – без тени иронии ответила подруга, заставив Лару похолодеть от такой перспективы. – Хотя ты говоришь, что спортом уже три года как не занималась? Тогда с твоей физической подготовкой будет сложновато, – с сомнением добавила она.

Волшебница с облегчением вздохнула – кажется, экстрим отменяется. А то Настя она ведь такая – ей если что в голову взбредет, так проще согласиться, чем ее переубедить.

– Тогда придется пожарную машину нанимать, – объявила Настасья, – чтобы они тебя на балкон подняли.

– Гениальная идея! – ухмыльнулась Лариса. – И главное, очень сказочно, очень! А если крестница спросит, чего это тетушка прикатила на пожарной машине, вместо того чтобы явиться на крылатой колеснице или хотя бы прилететь на голубом вертолете, я отвечу, что все колесницы с вертолетами разобрали, да?

– Ну она же ее не увидит... – не совсем уверенно возразила Настя.

– Это как это? – недоверчиво усмехнулась Лара. – Ты собираешься применить невидимые чары на всю эту бандуру? Я-то, наивная, думала, что такие штуки под силу только высшим магам, а оказывается, ими и любовные феи владеют?

Подруга надулась и показала язык.

– Я тут, понимаешь, стараюсь, как бы поэффектней твое явление обставить, чтобы у Нарышкиной мозги набекрень съехали и она в твой дурацкий маскарад поверила, а ты... Эх!

– В мои планы не входит, чтобы у нее мозги набекрень съезжали, – отрезала Лариса. – Я, может, наоборот, ей их на место хочу вернуть и всю ее жизненную программу перекодировать на удачу и процветание.

– Ну-ну, – скептично откликнулась Настасья. – Попробуй!

– Значит, так, – решила Лариса. – Никаких пожарных машин, альпинистского снаряжения, прыжков с парашютом и прочего экстрима...

– Ты могла бы перелезть к ней на балкон из соседней квартиры, – с надеждой вставила Настя.

– Ни за что! – ужаснулась Лара. – Я еще в Кукуй вернуться хочу, да поскорее. А не переломы ребер у наших магических эскулапов по несколько дней сращивать.

– Тогда как же ты собираешься к ней проникнуть? – растерянно спросила подруга.

– Как-как! – передразнила ее волшебница. – Просто позвоню ей в дверь – и всего делов.

– Чего?! – Настя так удивилась, что чуть со стула не навернулась. И навернулась бы, если бы стулья не были заговорены на прочность и устойчивость и стул, уже начавший падать, неваляшкой не вернулся бы на место. – Ты серьезно? И где ты видела крестных фей, которые звонят в дверь?

– А где ты вообще видела крестных фей? – резонно возразила Лариса. – Нарышкина и так будет счастлива, что я мимо не прошла.

– Ну-ну, – хмыкнула Настасья, всем своим видом демонстрируя, что ничего хорошего ждать от этой затеи не стоит и уж тем более тщетно ждать милостей от самой Арины.

– И потом, – менее уверенно сказала Лариса. – Крестная фея уже немолодая женщина, чтобы по балконам карабкаться. Должно же у Арины быть уважение к старости?

– Не хотела бы я это проверить на собственной шкуре, – покачала головой Настя. – Помоему, из всех возможных способов презентации крестной ты выбрала самый экстремальный. Считать тебе лбом все ступеньки подъезда – как пить дать.

И сейчас, стоя перед дверью квартиры Арины Нарышкиной и собираясь с духом, чтобы нажать на кнопку звонка, Лариса вспомнила эти слова и очень понадеялась, что мрачное предсказание Настены не сбудется. «Наверняка в Насте дух соперничества играет, ей-то Арина не по зубам оказалась», – утешила себя волшебница, почти на сто процентов уверенная в успехе своей миссии, провела рукой по седым волосам, уложенным в

элегантную прическу, и ткнула узловатым, покрытым пигментными пятнами, пальцем с коротко подстриженным ногтем в звонок.

Где-то в недрах квартиры гроыхнула мебель, потом послышались крадущиеся шаги. Лариса приняла самый добродушный вид и замерла. По ту сторону двери ее внимательным образом изучали. Затем раздался недовольный голос:

– Чего вам?

* * *

Фруктовый сад дриад встретил путников унылой тишиной и звенящей в воздухе печалью.

– Это твой безмятежный уголок для полной релаксации? – иронически поинтересовалась Глаша.

– Что-то случилось, – тревожно произнес маркиз, вглядываясь в показавшуюся впереди фруктовую рощицу. В лучах закатного солнца деревья выглядели пыльными, а их ветви – поникшими.

Путники привязали коней и двинулись в рощу пешком.

– Смотри, – шепнул Оливье, указывая на землю между вековых деревьев.

Но его спутница уже и сама заметила, что полянка, которую романтичный маркиз описывал как живой ковер из трав и цветов, была нещадно вытоптана и о ее былой роскоши напоминали только помятые головки пестрых красных и белых цветов, лежащие в пыли, и сорванные лепестки, как снежный вихрь кружившие в воздухе.

Глаша и Оливье, вынувший меч из ножен и держащий его клинком вперед, остановились у края поляны и осторожно огляделись.

– Где же все дриады? – тихо спросила девушка, и в этой мертвой тишине ее голос прозвучал оглушающе громко.

В ту же секунду налетевший откуда ни возмись ветер бросил им в лицо горсть белоснежных лепестков, и Глаша ощутила прикосновение пуха к своей коже.

– Оливье! – вскрикнула она, протягивая маркизу ладонь, на которой трепетали несколько невесомых перышек.

– Священные птицы дриад, – ошеломленно прошептал тот. – Что же здесь произошло?

Гликерия взглянула под ноги и с дрожью заметила, что цветы, окраску которых она приняла за пеструю, на самом деле белы как снег, а их лепестки орошены капельками крови.

Кроны деревьев бешено закачались, стволы застонали, перышки упали на землю, и на поляну опустилась дюжина дриад. Они выглядели измученными, больными и постаревшими. На спутанных тусклых волосах виднелись увядшие цветы, платья, сотканые из листьев и лепестков, служившие им одеждой, выглядели убогими лохмотьями. Оставалось только догадываться, как хороши были живые бутоны в их вьющихся локонах и как прекрасны были наряды, материалом для которых служили душистые лепестки и свежие листья.

– Кто вы? – неприязненно поинтересовалась дриада с волосами цвета осенней листвы и сиреневыми глазами, державшаяся с поистине королевским достоинством, невзирая на свой жалкий наряд и болезненный вид.

– Цветлана? – растерянно произнес Оливье, удрученный печальным зрелищем. – Это вы?

– Да, это я, – горько улыбнулась верховная дриада, – я узнала тебя, спутник волшебницы.

– Я на это не рассчитывал, – признался тот.

– У нас не так часто бывают гости, – пояснила Цветлана. – Поэтому я помню каждого, кто посетил нас за последний десяток лет. Кто твоя спутница?

– Меня зовут Глаша, – представилась та.

– Ты не волшебница, – окинув ее внимательным взглядом, с сожалением заключила дриада.

– Увы, нет,– признала девушка.

– Зачем вы пришли? – мигом потеряв к ней интерес, спросила Цветлана у Оливье.

– Сперва я хотел бы узнать, что у вас тут произошло,– ответил тот.

– Это наши проблемы,– сухо сказала дриада.– И простых смертных они не касаются.

– Возможно, мы могли бы помочь,– предложил маркиз.

– Вы готовы пожертвовать своей жизнью ради спасения нашей роши? – горько усмехнулась Цветлана.– В противном случае вам лучше убираться отсюда, и поскорее. Если вам нужен златоцвет, как в прошлый раз, вы явились слишком поздно,– она обвела рукой помятую поляну.– Все наши растения погибли. Так же, как запасы фруктов и ягод.

– Нет, нам нужно кое-что другое,– подала голос Глаша.

– Что же? – окинула ее ледяным взглядом дриада.

– Амулет Ренара,– дерзко сказала Гликерия, выдержав этот колючий, как январский мороз, взор.

– Вот как? – вскинула брови Цветлана.

– Он у вас? – подался вперед Оливье.

– Я вижу, он вам очень нужен, раз вы проделали такой долгий путь,– задумчиво произнесла дриада.

– Очень! – с жаром произнес маркиз.

– Это редчайший амулет,– сказала Цветлана, кусая губы и будто обдумывая что-то. После чего вскинула на Оливье фиалковые глаза и спросила: – На что вы готовы пойти, чтобы заполучить его?

– Но ведь... – зароптали другие дриады, но Цветлана тут же сделала жест рукой, приказывая им замолчать.

– Мы готовы на все,– решительно произнес маркиз.

– Это другой разговор,– одобряюще кивнула дриада.– Вы получите его, когда избавите нас от мантикоры.

Глаша перевела взгляд на Оливье, и на мгновение ей показалось, что тот изменился в лице, лишь на мгновение. Спустя секунду раздался невозмутимый голос маркиза:

– Мы сделаем это.

– Что ж,– удовлетворенно кивнула Цветлана,– желаю вам удачи.

– И все? – спросила Глаша, не понимающая сути переговоров, но прекрасно уловившая, что дело пахнет керосином.– Вы не дадите нам никакого полезного амулета или артефакта и не поможете нам своей природной магией?

– Наша магия черпает свою силу из здоровья растений и деревьев,– сообщила дриада.– Как видишь,– она указала рукой на вытоптанные цветы и поникшие ветви,– в данный момент мы абсолютно бессильны. Кроме того, если бы на мантикору наша магия действовала, мы бы этого,– она с грустью глянула себе под ноги, на землю, как снегом усыпанную белыми перышками,– не допустили.

* * *

Лариса внутренне возликовала: ее внешний вид вызвал доверие – с ней идут на контакт! А то, что контакт пока осуществляется через запертую на три замка и цепочку дверь, так это же исправимо. Чуть-чуть заклинания харизмы – и неприступная крепость падет.

– Здесь живут Нарышкины? – лилейным голосом поинтересовалась она у закрытой двери.

– Нарышкина здесь одна, я,– недовольно прохрипела дверь.

– Вот вы-то мне и нужны, милочка! – обрадовалась Лариса и выжидающе уставилась на глазок. Но сим-сим открываться не торопился.

– А мне ничего от вас не нужно,– отрезал из-за двери все тот же хриплый голос.– Что бы вы там ни продавали.

– Да у меня ничего и нет,– удивилась волшебница, продолжая играть роль «божьего одуванчика».

– Милостыню не подаем,– не собиралась сдаваться крепость.– И нечего тут приbedняться.

Лара едва не задохнулась от возмущения. За какую-то секунду она испытала три острых желания: наорать на грубиянку, испепелить дверь в головешки и, наконец, круто развернуться и бежать отсюда сломя голову. Но потом она представила сочувствующий взгляд Насти и ее завуалированно-злорадное: «Я же говорила!» – убедила себя в том, что Арина права в своем стремлении защитить дом от проходимцев, и устыдилась своей секунднoй слабости.

– Да что ты, деточка! – всплеснула руками Лариса, и ее старческий голос задрожал от неподдельной обиды.– Какая милостыня! Я сама с подарками приехала.

– Ага! – торжествующе изрекли по ту сторону двери.– Так я и знала. Сперва подарки получите, потом деньги гоните. Не на ту напали. Покеда, бабанька!

Лариса уж было испугалась, что сейчас Нарышкина потеряет к ней интерес и вернется к своим занятиям, прерванным ее звонком. Но то ли никаких более интересных занятий у Арины не было, то ли излюбленным ее занятием были препирательства через дверь, но удаляющихся шагов слышно не было. Нарышкина все так же топталась по ту сторону двери, приклеившись к глазку. Волшебница воспрянула духом и продолжила уговаривать сим-сим.

– Аринушка, деточка,пусти меня,– поскреблась в дверь она.

– Откуда вы знаете мое имя? – с подозрением поинтересовалась Нарышкина после короткой заминки.

– Я все о тебе знаю,– тихонько засмеялась Лариса.– Пустимея, поговорить надо...

– На ручке погадаешь? – хмыкнула Арина.– У, цыганская рожа! Топай отсюдова, хорош глазки строить, на меня твои штучки через дверь не действуют.

Добродушную улыбку, которую все это время усердно демонстрировала волшебница, перекосило в гримасу. Она сжала кулаки и с ненавистью посмотрела на дверь. Сейчас ей ничего не стоило проломить ее одним мысленным усилием, опрокинуть Нарышкину и станцевать канкан на трупеповерженного врага. Но у нее было совсем другое задание, выполнять которое ей уже категорически расхотелось. Как осчастливить человека, который за три минуты общения способен довести до белого каления и ангела, коим Лариса себя искренне считала? А придется... «Будь счастлива, Арина»,– мысленно вздохнула она и продолжила приступ крепости.

– Аринушка, да что ж ты такая недоверчивая? Пустимея, я тебе кое-что покажу.

– А говорила, что у тебя ничего нет! – вставила вредная девка.– Не надо мне ничего показывать. Русским языком говорю: никакие ножи, пылесосы и чудо-комбайны мне не нужны.

– Может быть, тебя волшебная палочка заинтересует? – усмехнулась Лариса и, вытащив карандаш из саквояжа, продемонстрировала его дверному глазку.

– Ну вообще офигели! – присвистнули из-за двери.– Может, у тебя еще ковер-самолет, сапоги-скороходы и эта, как там ее, скатерть-самобранка имеется?

– Этого мне не положено,– теряя терпение, елейным голоском пропела Лара.– Я же крестная фея, а не Старик Хоттабыч, не Маленький Мук и не Баба-яга.

– Ты – кто? – сдавленно переспросила Нарышкина.

– Твоя крестная фея,– повторила Лариса.

– А где ж ты раньше была? – вкрадчиво поинтересовалась Арина.

– Так это,– замялась Лара,– недосуг было. Дела!

– Значит, крестницу свою за все время в глаза не видела,– осуждающе протянула та.

– Прости меня, Аринушка,– повинилась волшебница.

– Значит, фея, говоришь... А в руках у тебя что? – уточнила Арина.

– Моя волшебная палочка,– не ожидая подвоха, отозвалась «крестная».

– Настоящая? – допытывалась «крестница».

– Само собой! – с достоинством ответила Лара.
– Что ж ты ей дверь не откроешь? – скептически осведомилась Нарышкина.
– Так это... – замялась Лариса. – Хочу, чтобы ты сама меняпустила. Крестница все-таки, а не чужой человек.

– Без приглашения только вампиры войти в дом не могут, – невпопад брякнула та.
– Да все они могут. Просто вежливые очень, аристократы, вот и этикетничают, – невольно вырвалось у кукуйской волшебницы, не понаслышке знакомой с вампирами.

По ту сторону двери воцарилась тишина. Лариса, ругая свой длинный язык, ожидала, что Арина сейчас скажет: «Так-так! Интересно, с каких это пор крестные феи с вампирами дружбу водят?» Но вместо этого подопечная загремела замком, приоткрыла дверь через цепочку и, внимательно оглядев волшебницу с ног до головы, заинтересованно проговорила:

– Значит, крестная фея, говоришь?

«Надеюсь, она не потребует у меня удостоверения личности или справки о том, что я и в самом деле являюсь ее крестной волшебницей», – подумала Лариса, изо всех сил выжимая ласковую улыбку и в ужасе глядя на чудовище, которое ей предстояло укротить и превратить в красавицу принцессу. Лара готовилась к худшему, но такого она не ожидала. Нарышкина оказалась самым вульгарным и неприятным созданием, какое ей только приходилось видеть в Москве и в Кукуе. Настя описывала Арину как бледную, слегка полноватую девицу, натуральную серую мышь. На черно-белой фотографии из паспорта, которая прилагалась к досье на Нарышкину, двадцатилетняя Арина была длинноволосой дурнушкой с размытыми чертами лица. За эти шесть лет жизнь ее изрядно потрепала. В свои двадцать шесть подопечная выглядела на все сорок и была похожа на фотографию в паспорте, как карикатура на оригинал. У Арины было круглое некрасивое лицо, которое обрамлял короткий ежик осветленных волос, мясистый нос (даже не картошкой, грушей!), обветренные губы, над которыми красовались явственные усики, и квадратный подбородок, где вольготно разместились сразу две бородавки. Одета она была в застиранную просторную футболку с Микки-Маусом, что исключало всякую надежду на ошибку (кому еще, кроме повернутой на сказках Нарышкиной, придет в голову носить футболку с диснеевским мышом?), и трикотажные лосины с вишнями, причем лосины Арине были нещадно малы, ибо вишни были растянуты до размеров апельсина. Ко всему прочему, от Нарышкиной несло потом, сигаретами и перегаром. «Она еще и пьет!» – поняла Лара, вглядываясь в лицо Арины и обнаруживая в нем явные следы злоупотребления алкоголем. «Да, – злорадно подтвердил внутренний голос. – И отнюдь не шампанское и компот».

– Ну чего стоишь, как неродная? – хмыкнуло чудовище. – Давай чудо показывай!

«А может, ну его? – тоскливо подумала волшебница. – Скажу, что ошиблась дверью, и бегом отсюда?»

«Ага, – вскинулся вредный голос. – И попрут тебя из магической коллегии поганой метлой. А Маргарита-то как счастлива будет!»

При мысли о вредной профессорше Ларису охватила такая злость, что она пообещала себе, что сделает из Нарышкиной человека. Во что бы то ни стало.

Она взмахнула карандашом, и с его кончика вспорхнула крупная голубая бабочка, которая закружилась в воздухе. Простейшая иллюзия, но очень эффектная.

– Ни фиги себе! – восхищенно взревела Арина, загремела цепочкой, распахнула дверь и посторонилась, приглашая посетительницу в дом: – Заходи.

– Кто там, милочка? – раздался голос Степаниды Ильиничны.

Арина вздрогнула, как-то странно посмотрела на Ларису (та продолжала приветливо улыбаться) и крикнула:

– Никого, баб Степа!

Затем, повернувшись к «крестной», прижала палец к губам:

– Тс-с! Бабушка у меня очень подозрительная, – прошептала она и знаком велела следовать за ней в конец коридора.

Оказавшись в комнате, Арина плотно прикрыла дверь и выжидающе уставилась на

Ларису. Та вдруг почувствовала себя мышкой, загнанной в мышеловку. Судя по тому, как решительно Нарышкина стала у двери, преградив пути к отступлению, так просто она старушку волшебницу не отпустит.

– Ну как поживаешь, крестница? – завела разговор издалека Лариса.

– Да хреново, тетушка, – призналась та. – Вот спину гну целыми днями, у бабульки в прислужницах бегаю хуже Золушки. Бабушка у меня требовательная, вредная, капризная, хлопот с ней не оберешься, времени свободного на себя не остается, никакой личной жизни.

Нарышкина жалостливо шмыгнула носом и с надеждой уставилась на изумленную Лару. Вот те на! А Настя рассказывала, что Степанида Ильинична – милейшая старушка, во внучке души не чаёт! Неужели баба Степа тайком тиранит бедняжку Арину? Вот несчастная и запустила себя совсем, потому и выглядит на двадцать лет старше, оттого и пьет с утра пораньше... «Постой-ка, – встрял вдруг внутренний голос. – А с чего это вдруг Арина так разоткровенничалась с совершенно посторонним человеком?» «Да потому что у нее больше никого нет! – ответила она сама себе. – Ни подруг, ни родственников, бедняжке и выговориться-то некому. А тут сама крестная фея прямиком из сказки пожаловала, вот Арина и рада поделиться».

– Вот гляди-ка, – добавила подопечная, приподнимая футболку и демонстрируя огромный синяк на ребрах. – Она ведь и бьет меня!

Лариса так и ахнула. Вот это Степанида! Повезло еще, что они тогда с Настей от нее ноги унесли, прикинувшись телевизионщиками. А то бы, приняв их за грабителей, боевая бабулька их бы еще не так клюкой отходила.

– Ну – требовательно сказала Арина, продолжая держать край футболки. – Ты меня вылечишь? А то болит, зараза!

– Конечно-конечно! – торопливо воскликнула Лариса и, едва не забыв взмахнуть волшебной палочкой, на лету поймала возникший из ниоткуда тюбик с мазью и протянула его девице. – Держи!

– Это чего? – недоуменно хрюкнула та, разглядывая тюбик.

– Лучшая мазь от ушибов, – объяснила Лара. – «Антисиняк».

– Да уж вижу, что не «Шанель № 5», – ухмыльнулась Арина и с подозрением прищурилась. – А я думала, ты надо мной палочкой поводишь и у меня все пройдет.

– Не умею я исцелять, – призналась волшебница.

– Жалко, – протянула Нарышкина, но через мгновение просияла. – А, ну да, ты же крестная фея – спец по исполнению желаний! Счас, погоди!

Она подскочила к столу, цапнула лежащую там газету «Жизнь», быстро зашуршала страницами, торжествующе хмыкнула, найдя нужное место, и сунула ворох газетных листов в руки гостье.

– Вот! – Она ткнула пальцем в фотографию известной певицы, едва не проткнув страницу насквозь. – Хочу так!

Лариса с удивлением уставилась на фото. Барбиподобная певичка стояла в стороне от самозабвенно лобызающейся влюбленной парочки. Лицо ее было перекошено злобной гримасой. «Операция по увеличению груди не помогла Клеопатре удержать любимого», – гласила надпись над заметкой. Интересно, что в этой фотографии могло так заинтересовать Арину? Ведь не силиконовый же бюст певицы? На худеньком тельце Клеопатры он смотрелся весьма внушительно, но сама Нарышкина обладала куда более выдающимися размерами. Тогда неужто ее крошечное обтягивающее платьице с глубоким декольте и пикантным вырезом на животе? И Нарышкина думает, что ей это пойдет?!

– Ну, – поторопила ее подопечная.

– А ты уверена?.. – начала было волшебница.

– Уверена, – решительно отрезала та и авторитетно заявила: – Все мужики от меня кипятком писать будут!

Лариса поморщилась от крепких выражений своей подопечной, с сомнением глянула на платье, примеривая его на слоноподобную фигуру Арины, и со вздохом принялась

наколдовывать наряд для современной Золушки. Задача была не из легких: платье надо было не только скопировать, но еще и увеличить размеров на шесть и в одно мгновение надеть на Нарышкину, освободив перед этим от футболки и лосин. Куда проще было бы всучить ей вешалку с нарядом и отправить переодеваться, но, учитывая подозрительность подопечной, не стоит отступать от сказочных канонов. Если в сказке крестная фея взмахнула волшебной палочкой и в один миг превратила лохмотья Золушки в роскошный бальный наряд, то и сейчас следует сделать так, чтобы платье само очутилось на Арине. Торопливо проговаривая заклинание, Лара взмахнула карандашом: раз... два... три! Вуаля!

...Какой кошмар!

Несмотря на увеличение размера, платье оказалось нещадно мало. Оно тесно обхватило все прелести Нарышкиной: ткань на груди и бедрах трещала, в разрез на животе вывалилось дряблое пузико, из-под короткой юбчонки торчали две мощных ножки, никогда не знавшие бритвы и воска. Арина беспомощно хватала ртом воздух и хлопала руками по телу, словно пытаясь прикрыться.

— Я же предупреждала... — подала голос Лариса.

Ответом ей был трубный рев с такими цветистыми ругательствами, какие на телевидении заглушают пиликаньем, а в книгах стыдливо заменяют многоточием.

—Офигела совсем на старости лет! — исчерпав список обзывательств, выпалила под конец Нарышкина.— Ты чего наколдовала?!

— Так ведь платье ты хотела, деточка! — выкрикнула в свою защиту волшебница.

— На кой мне это мини-бикини, дурья твоя башка? Я хотела стать такой, как Клеопатра! — взвыла подопечная.

— Какой? — осторожно уточнила «крестная».

— Такой — красивой, худой, богатой и знаменитой! — потрясла газетой Нарышкина.

«Вот оно что! — поразилась Лариса.— А губозакатывающую машинку тебе не подарить?»

— Чего стоишь? — рявкнула Арина, наступая на нее.— Маши своей палкой!

Лара решила не спорить и взмахнула карандашом, пробормотав обратное заклинание. Через мгновение подопечная вновь стояла перед ней в футболке с Микки-Маусом и лосинах с вишнями и хлопала руками по телу.

— Я же сказала — красивой! — угрожающе произнесла она, поняв, что чуда не произошло.

— Не могу я изменить твою внешность так кардинально,— развела руками Лариса.— Я же всего-навсего крестная фея. Могу устроить тебе наряд, косметику или вызвать парикмахера... — Она глянула на короткий ежик волос Арины и поняла, что сморозила глупость. По представлениям Нарышкиной, воспитанной на сказках, достаточно одного взмаха волшебной палочки.

— Точно! — неожиданно с восторгом ухватила за ее идею та.— Дело говоришь! И пусть он мне волосья нарастит, как Клеопатре!

— Может, для начала начнем с одежды? — предложила Лара.

— Ладно, валяй! — милостиво разрешила Нарышкина и с любопытством спросила: — А что за бал ты для меня приготовила? Закрытая вечеринка для звезд по случаю дня рождения Калачева? Или — не может быть! — свадьба самой Алисы?!

«Ничего себе запросы!» — присвистнула про себя волшебница. Руслан Калачев — одна из знаковых фигур шоу-бизнеса и один из самых желанных холостяков страны, а Алиса — одна из самых модных певиц, и ее свадьбу с олигархом планируется отметить с голливудским размахом, туда приглашен только самый цвет богемы. И это чудовище планирует попасть на звездную тусовку? «Боюсь, губозакатывающей машинкой здесь не обойтись,— уныло подумала Лариса.— Придется губозакатывающий трактор поискать!»

— Хотя нет,— капризно надула губы подопечная.— Алиса своего олигарха уже отхватила, значит, мне там делать нечего. Я же — принцесса, которая должна получить главный приз: руку и сердце принца. Так что придется идти к Калачеву!

Лара решила ее не перебивать, перед ней стояла непростая задача: подобрать костюм, который сможет хоть чуть-чуть украсить Арину. Потому что, вопреки известной поговорке, сама Арина ни один костюм украсить собой не могла.

– А как насчет шофера и тачки? – нетерпеливо заерзала Нарышкина. – Чур, хочу голубой лимузин!

– Почему голубой? – опешила волшебница, даже не обратив внимания на шикарную модель «кареты».

– Под цвет моих глаз! – горделиво подбоченилась Арина.

– Они же у тебя карие, – растерянно заметила Лара.

– Ты фея или нет? – нахмурилась подопечная.

– Но я же сказала, что не могу кардинально менять внешность!

– А цветные линзы ты мне можешь организовать? – требовательно осведомилась Нарышкина.

– Попробую, – ошалело пообещала «фея».

– Очуметь! – радостно взвизгнула «крестница», заглушив звон ключей в прихожей. – Я буду похожа на Эдиту!

– А это кто? – кисло поинтересовалась Лариса.

– Ты чего, с дуба рухнула? – удивилась Арина. – Совсем телик не смотришь?

– Мила, кто тут у тебя? – раздался голос в коридоре.

Нарышкина заметалась по комнате, бросилась к окну, словно собираясь бежать, как застигнутый мужем любовник, и тут в комнату вошла хмурая белобрысая девица...

Из дневника Арины Нарышкиной:

Возвращаюсь я домой, уставшая, как грузчик после смены, а там Милку мою непутевую какая-то пожилая аферистка окучивает. Ну ни на минуту ее одну оставить нельзя!

* * *

– Что это еще за мантикора такой? – недовольно проворчала Глаша, когда Оливье отвел ее в сторону.

– Большая дикая кошка с острыми когтями, – скупое пояснил тот.

– Всего-то? – беззаботно откликнулась Гликерия.

– Посмотри. – Он взял ее за плечо и рывком развернул к ближайшему дереву. – Это ее работа.

Дерево было сломано пополам, и на уцелевшей части ствола отчетливо пропечатались две глубокие царапины.

– Это ее когти? – прошептала девушка, чувствуя, как в ее душе лавиной зарождается паника.

– Это ее хвост, между прочим, ядовитый, – бесстрастно сообщил маркиз и развернул ее к другому дереву. – Вот ее когти.

Глаша потрясенно уставилась на кору, прорезанную четырьмя широкими бороздами, как будто кто-то прошелся по ней острыми лезвиями.

– А вот и ее зубы, – решил добить ее маркиз, указывая на обглоданную ветку, лежащую в гуще стружек.

– Оливье, ты сумасшедший! – в ужасе прошептала Глаша, во все глаза глядя на своего спутника. – Она ломает нас, как щепки, она нас одним ударом до костей раздерет... Бежим отсюда, пока она не появилась!

– Она явится только после заката, – глядя на угасающее солнце, отрешенно ответил маркиз-самоубийца. – Днем она спит.

– Может, мы еще успеем разыскать ее нору и там поджечь, например? – с надеждой предложила Глаша, не желавшая погибать в расцвете лет, расплачиваясь за чужие ошибки.

– Мантикора спит на дереве, – отрезал Оливье. – И у нее очень чуткий слух, к ней так просто не подкрадешься.

– Что же ты собираешься делать? – воскликнула близкая к панике любительница книжных приключений.

– Я не знаю, – честно признался беспечный маркиз к еще большему ужасу своей спутницы. – Но мы обязательно придумаем.

– Я отказываюсь в этом участвовать, – в истерике запричитала Гликерия.

«Трусиха! – встрял внутренний голос. – Вместо того чтобы точить меч и строить хитроумный план по истреблению противника современными методами, как делают все нормальные герои фэнтези, вопишь как базарная бабка и дрожишь как осиновый лист!»

– Да! – истерично выкрикнула вслух Глаша. – Я ненормальная, я совсем не героиня, я не в фэнтези, а наяву, я не Фродо и не Зена, я жить хочу! Пусть, как бабка, пусть, я...

– Вот! – Оливье с силой тряхнул ее за плечи и сунул в руки фляжку.

– Что это?

– Выпей, тебе нужно глотнуть что-нибудь покрепче, чтобы прийти в себя, – спокойно заявил он. – Что в вашем мире самое крепкое из алкоголя?

– Водка?

– Водка так водка, – согласился Оливье и подтолкнул руку с фляжкой к ее губам. – Пей!

Девушка машинально приложила к горлышку и опрокинула в себя половину жидкости.

– Хватит! – удивленно воскликнул маркиз, отбирая у нее сосуд. – Ну и гораздо же ты пить!

Он посмотрел на безмятежное лицо Глаши и, подняв нос, с подозрением принялся. Запаха алкоголя не чувствовалось. Оливье протянул руку к губам девушки, стер с них капельку (та вся обомлела от таких нежностей) и лизнул ее.

– Это же вода! – разочарованно воскликнул он.

– Ну да, вода, – пожала плечами изумленная Глаша. – А ты чего ожидал?

– Я тебе сказал глотнуть водки, – строго сказал маркиз.

– Увы, не выйдет! Я ее в жизни никогда не пробовала, – злорадно ответила Гликерия, не понимающая, какую игру с ней затеял Оливье.

– А что пробовала? Самое крепкое? – допытывался он.

– Текилу, – смущенно призналась Глаша. – Но только глоточек...

– Значит, пей текилу.

«Зачем текилу?» – успела подумать девушка, прежде чем Оливье сунул флягу ей в губы. Глаша глотнула и закашлялась.

– Тьфу, гадость какая! – запричитала она. – Я ее пробовала-то всего один раз, и только губы смочила, не глотала даже. Тоже мне, маркиз нашелся, даму текилой поит насильно!

Вместо ответа Оливье еще раз ткнул фляжку ей в губы и силой влил несколько глотков. Глаша фыркала, плевалась, но от неожиданности успела проглотить приличную порцию текилы.

– Маркиз, вы не джентльмен! – сумела выговорить она, после чего решительно высвободилась из рук Оливье, сделала два шага в сторону и упала лицом в шиповник, грязно выругавшись.

Оливье, незнакомый с русскими ругательствами, невозмутимо вытащил девушку из куста, не без труда перекинул через плечо и повернулся к дриадам, с интересом наблюдавшим за происходящим.

– Присмотрите за моей подружкой, – ослепительно улыбнулся он, – пока я тут разберусь с вашей мантикорой?

– Мы можем укрыть ее в стволе дерева, – предложила Цветлана. – Это все, на что хватит остатков нашей магии.

– Отлично! – просиял Оливье.– Вы проследите, чтобы она не путалась у меня под ногами, а я позабочусь, чтобы наша киса не тронула это дерево.

* * *

– Мила, сказала же тебе, никого в дом не впускать! – недовольно процедила белобрысая, глядя на Ларису в образе крестной.

Мила??? Волшебница растерянно перевела взгляд с бледной, как моль, девицы, которая продолжала сверлить ее неприязненным взглядом, на Нарышкину, смущенно топтавшуюся у окна. «Милочка!» – чуть не хлопнула себя по лбу Лариса. Ну конечно! Она назвала ту, кого считала Ариной, милочкой, и та подумала, что она обращается к ней. Потом она назвала Милу Ариной, и та напряглась, но зачем-то подыграла. А когда Лара представилась крестной феей, та уточнила, видела ли гостя свою крестницу раньше, и, услышав отрицательный ответ, решила прикинуться Ариной и раскрутить тетушку-фею на исполнение желаний. Ай да Мила! «Это не Арина, – возликовала Лариса. – Значит, настоящая Арина – это...»

– Ариш, – пробормотала Мила. – Ты только не ругайся. Это знакомая моя!

– Когда ж ты с ней познакомиться успела? – насмешливо ухмыльнулась блондинка. – Вчера только из деревни прикатила, а сегодня уж знакомыми обзавелась.

Милочка виновато опустила глазки, не желая выдавать тайну появления феи. А Лариса во все глаза разглядывала настоящую Арину Нарышкину. И как она могла принять за нее Милу? У той и волосы обесцвеченные, и старше она на добрый десяток лет, хотя сходство между девушками имеется, правда, весьма отдаленное. У настоящей Арины были длинные пепельные волосы, собранные в хвост, стальные серые глаза и обыкновенное, ничем не примечательное лицо, которые так любят представители модельных агентств, потому что на нем, как на чистом листе, можно нарисовать что угодно и создать десятки самых различных образов. На щеках подопечной в изобилии присутствовали веснушки, но не крупные конопушки, как в мультике про рыжего-конопатого Антошку, а едва заметные трогательные золотистые точки. Арина и была ни худая и ни толстая, ни высокая и ни коротышка. Взору крестной феи подопечная явилась в серых брючках и простой голубой маечке под горло.

– Наказала же никаких продавцов «Гербалайфа», свидетелей Иеговы и агитаторов не пускать! – с досадой сказала настоящая Арина и осуждающе посмотрела на Лару. – Э-эх, а еще приличная женщина! По квартирам шастаете, пользуетесь чужой наивностью. Хорошо еще, я вовремя вернулась, а то обобрали бы Милку с бабкой до нитки.

– Она не воровка! – взвизгнула Мила. – Она крестная фея!

Волшебница чуть под землю не провалилась – таким взглядом ее блондинка одарила.

– Да ну? – ласково поинтересовалась она. – Настоящая?

– Настоящая, – подтвердила дура Милка. – У нее и волшебная палочка есть. Вон, глянь-ка!

– Так-так, – криво усмехнулась Арина, подошла к Миле, потянула носом воздух, учуяла пары алкоголя, с торжествующим видом развернулась и стала медленно подкрадываться к госте. – И как она, в рабочем состоянии?

– Кто? – хриплым голосом спросила напуганная Лариса.

– Палочка! – Нарышкина выхватила карандаш из рук «феи» и опустила его ей на голову с воплем: – Кэкс-брэкс-тэкс!

– Ой, мамочки, спасайся кто может! – заверещала Мила и кинулась к двери. Очевидно, ожидала, что после такого хулиганства как минимум вспыхнет пожар, а как максимум начнется потоп.

Но светопреставления не последовало. Палочка от такого непотребного обращения лишь разломилась на две половинки, обнажив свою истинную сущность и продемонстрировав собравшимся грифель карандаша.

– Дешевая бутафория! – презрительно процедила Арина, пока волшебница потирала ушибленный лоб и продумывала пути к отступлению.

Путей было два: или дверь, или окно. Но в дверях, неудачно вписавшись в косяк, кулем полулежала, постанывая, Мила, а выбрасываться в окно ох как не хотелось. Поэтому Лара, воспользовавшись тем, что боевая Нарышкина с любопытством рассматривала обломки карандаша, подхватила саквояж и стала тихонько красться к двери в надежде проскользнуть мимо Милы.

– Куда? – рявкнула Нарышкина и вцепилась в саквояж. – А ну показывай, чего стянуть успела!

– Да что вы, милая, – залепетала Лариса. – Вы уж меня простите, я, верно, дверью ошиблась, а сестренка ваша напридумывала себе невесть что...

– У сестренки моей белая горячка, уже с утра успела самогонки нажраться! Вот и впускает в дом кого ни попадя, несмотря на то что я ей строго-настрого наказала дверь никому не открывать! – гаркнула Арина. – А вы, гражданочка, и впрямь здорово ошиблись с дверью, потому как я с вами шутки шутить не стану, а сейчас возьму, да и вызову милицию, чтоб вам впредь неповадно было людям головы дурить. А то знаю я вас – от меня уйдете и пойдете бабульку какую невинную как липку обдерете, а я виновата буду, что ее не уберегла от встречи с такой гиеной.

– Деточка, – дрожащим от обиды голосом проговорила Лариса и сделала роковую ошибку – раскрыла саквояж. – Вот, смотрите, проверяйте. Ничего я у вас не брала.

Арина тут же запустила руку в недра сумки и выудила оттуда «Космополитен», который Лара купила по дороге, чтобы почитать в метро. Волшебница стремительно покраснела, поняв всю нелепость ситуации.

– И с каких это пор старушки «Космо» читают? А еще говорят, что пенсии не хватает, – издевательски протянула Нарышкина и с еще большим интересом принялась проверять содержимое саквояжа.

Лариса словно в ступоре смотрела на нее. Как глупо! Пока она в образе старушки, попробуй объясни, что журнал она не украла, а читала сама!

Блондинка тем временем нашла потайной кармашек и выудила оттуда узелок с драгоценными камнями. Лариса захватила с собой пару изумрудов и подвеску с рубином, чтобы на обратном пути сдать в ломбард и купить продуктов к ужину. И вот теперь, глядя, как Нарышкина развязывает узелок, волшебница похолодела от ужаса: ясно, что подумает Арина, когда увидит драгоценности. Вдруг она и впрямь в милицию кинется звонить? Хуже не придумаешь! Что им предъявит седовласая старушка в качестве удостоверения личности, паспорт на имя двадцатитрехлетней Ларисы Вольской?

– Так я и думала, – процедила Нарышкина при виде изумрудов. – Теперь что скажете: шли в ломбард заложить фамильные драгоценности, потому что последние деньги ушли на покупку модного женского журнала? Да только до ломбарда не дошли, завернули в гости к старой знакомой, ошиблись дверью и очутились в чужой квартире?

«Представь себе, – хмуро подумала Лариса, – я действительно шла в ломбард. И последние деньги действительно потратила на журнал».

Мила тем временем поднялась с пола и, подпирая косяк и отрезая своим мощным телом путь к бегству, в недоумении взидала на происходящее.

– Мошенница! – сурово припечатала Арина и достала из сумки паспорт. – Ну-ка, ну-ка, сейчас поглядим, что ты за сомнительная личность.

– Отдай! – кинулась к ней волшебница, собираясь отобрать паспорт, но подопечная оказалась проворней: она отскочила к окну, раскрыла корочки и присвистнула: – А паспорт-то краденый!

Ларисе захотелось сквозь землю провалиться: попробуй докажи, что документы принадлежат ей!

– Все, я звоню в милицию, – решительно заявила Арина, подняла взгляд на Лару и испуганно вскрикнула: – Где она?

– Ведьма! – тоненько взвизгнула Милка, сползая по косяку вниз. – Прямо в воздухе растворилась! Зря ты, Аришка, с ней связалась, теперь порчу на нас наведет! Как пить дать

наведет!

– Дура,– огрызнулась блондинка, растерянно оглядывая комнату.– Что за деревенские суеверия? Ты хоть одну ведьму на своем веку видала?

– Еще как видала,– заверила Мила.– Василиса вот наша деревенская – ну настоящая ведьма! Она от нас через дорогу живет. Так у нее даже свой колдовской ларек есть, где она всякими мерзостями торгует. Правда, она его зовет «магический салон». А уж если она на кого не так посмотрит, все – трындец! Манька Селиванова, после того как Василисиного сынка задохликом обозвала, неделю вся чесалась, ночами не спала. А у Дуньки Федоровой все куры сдохли, стоило ей только с Васькой поцапаться...

Дальше Лариса слушать не стала. Выйдя из ступора и поняв, что машинально воспользовалась заклинанием невидимости, она сорвалась с места, перепрыгнула через Милку, разлегшуюся в дверях, выбежала в коридор, быстро открыла замок (к счастью, уже знакомый ей по прошлому визиту в дом Нарышкиных) и помчалась вниз по лестнице. Забыв и про паспорт, и про драгоценности, и про саквояж.

К счастью, дежурная в метро посочувствовала печальной старушке, которая поведала, что хулиганы вырвали у нее сумку с деньгами и документами, и пропустила ее на станцию. Так что через час после исчезновения ведьмы-гипнотизерки из комнаты Арины Нарышкиной Лариса уже звонила в дверь Насти.

Из дневника Арины Нарышкиной

Старуха, выдававшая себя за крестную фею, оказалась настоящей гипнотизеркой. Ввела нас в транс, а сама сбежала. Вот Милке и примерещилось, что она растворилась в воздухе. А на самом деле она спокойно открыла дверь и ушла. Повезло еще, что я вовремя с работы вернулась, а то обвела бы она Милку непутевую вокруг пальца, а потом подельников своих позвала и все бы из квартиры вынесли...

Это мое появление ей все планы смешало, вот она и сбежала, даже сумку свою позабыв. А в сумке, между прочим, чужой паспорт, кошелек и платочек со старинными украшениями. Вот не повезло кому-то! Конечно, хозяина украшений теперь не найти (не объявление же в газету давать – ясное дело, сразу желающих набегит целая толпа), а вот паспорт попробую вернуть. Хотя прописка у этой бедолаги Вольской самарская, между страничек я нашла листок с адресом. Должно быть, она к кому-то погостить приехала, и надеюсь, что остановилась как раз по этому адресу. Иначе как же она потом домой поедет, без паспорта-то? Да и попробуй его восстанови – уж я-то знаю, какая это волокита. На себе проверено.

* * *

Глаша очнулась в кромешной тьме. Собственная голова показалась ей чугунной, а затекшие руки и ноги отказывались повиноваться. Она медленно повертела чугунной головой в поисках костлявой особы с косой, которая прибрала ее в эту беспросветную тьму и, согласно законам фэнтези, непременно являлась убиенным героем. Особы не обнаружилось, Гликерия воспрянула духом и сильнее завертела головой, намереваясь разглядеть свет в конце тоннеля, в который ее забросила неведомая сила. Свет мелькнул где-то в стороне и пропал, девушка, не помня себя от счастья, поползла на спасительный огонек, то и дело натываясь на преграды и царапая руки и коленки об остроконечную тьму, пока не врезалась лбом во что-то жесткое, корявое и все в наростах.

– Блин! – вскрикнула она, потирая лоб.– А ну не тронь меня, чудище-страшилище! Предупреждаю: я владею капоэйрой, фламенко и ривер-дэнсом! Мало не покажется!

– Глаша? – раздался встревоженный голос откуда-то сверху.

– Оливье! – не помня себя от радости, завопила она.– Оливье, спаси меня, скорее!

Раздались шаги, громкий хруст веток, тьму прорезали ниточки приглушенного света, и знакомый голос маркиза уже безмятежно поинтересовался:

– От кого, собственно?

Глаша подняла голову и увидела Оливье, выглядывающего в небольшой просвет во тьме.

– Заблудилась? – услужливо поинтересовался он.

– Темно, как у негра в заднице, – проворчала Глаша, переводя взгляд на «страшилище», оказавшееся безобидным дубом, и на густой кустарник, словно палаткой отгораживающий ее от света, а затем сварливо осведомилась: – Это что еще за терновый куст? Ты меня зачем сюда закинул?

– Неблагодарная, – покачал головой спутник, продолжая разглядывать ее через прореху в кустарнике. – О тебе же заботился. Заросли шатерника – идеальное место для ночлега: в них тепло, темно, туда не проникает ветер, и его облетают стороной комары.

– Что же ты о себе-то не позаботился? – буркнула Глаша. – И как мне теперь из этого шатерника выбираться? Или моя темница откроется только с лучами солнца?

– Ты такая забавная, – умилился маркиз и махнул головой в сторону. – Там в пяти шагах выход. Ты двинула в противоположную сторону от него.

– Карту надо было выдавать, – заворчала девушка, двигаясь в обратный путь задом наперед.

Оливье помог ей выбраться, и она, с наслаждением потянувшись, закинула голову назад, любуясь необыкновенно красивым звездным небом.

– Получается, я просто перебрала текилы и отключилась. То-то у меня голова так раскалывается, – заключила Гликерия. – Какие звездочки красивые! Гляди, одна как раз полетела!

– Загадывай желание, – улыбнулся маркиз.

– Желание, желание, – на мгновение задумалась она и тут же вскрикнула: – Ой, черт! Сейчас же появится эта, мантикора!

– Не появится, – спокойно произнес Оливье. – Я ее убил.

– Что? Ты убил ее? – недоверчиво покосилась на коротышку маркиза Гликерия. – Это страшилище с лезвиями вместо когтей? Интересно, когда ты успел!

– Примерно пару часов назад, – подняв голову и посмотрев на звезды, сообщил он.

«Разыгрывает», – догадалась Глаша и саркастически поинтересовалась:

– И как же ты ее убил?

– Единственным возможным способом – заколов ее в сердце, – бесстрастно доложил Оливье.

– Заколов в сердце? Оригинально! – восхитилась девушка. – Но как тебе удалось к ней подкрасться? – продолжила допытываться она, намереваясь поймать маркиза на лжи.

– Я к ней не подкрадывался. Это она ко мне подкралась, – поведал шутник.

– А ты что в это время делал? – осведомилась Гликерия.

– Стоял на поляне и ждал ее, – спокойно сообщил он.

– Ну и как, – иронически спросила Глаша, – ловля на живца оказалась успешной?

– Весьма, – сдержанно ответил маркиз.

– А где же труп поверженного противника? – допытывалась его спутница.

– Я оставил его дриадам. Вроде они собираются использовать кровь мантикоры в своих ритуалах, – поморщился он.

– А себе ты что же ничего не оставил в качестве трофея? – посетовала Глаша.

– Я не одобряю это варварство, – пожал плечами маркиз.

– Ну да, ну да, – понимающе покивала головой Глаша и не выдержала: – Оливье, кончай придуриваться. Это уже не смешно. Уже ночь, а значит, скоро появится эта милая киса, и нам пора срочно делать отсюда ноги.

– Ты мне не веришь? – в изумлении замер маркиз.

– Очень натурально, – оценила девушка. – Тебя бы в театральный точно взяли. А теперь

давай, ноги в руки и потопали к нашим конькам, пока киса не решила закусить и ими тоже.

– Глаша, я в самом деле убил мантикору,– холодно произнес Оливье.

– Отлично,– поторопила его Глаша,– молодец. Значит, ты получил в награду амулет, и теперь мы можем убираться отсюда.

– Конечно, получил.– Маркиз снял с шеи шнурок с овальным черным камнем, точную копию амулета Ренара со страниц живой книги.– Вот он.

– Класс,– оценила Глаша, с любопытством скользнув взглядом по резным символам, спиралью покрывавшим камень, и сунула кулон в карман брюк.– От настоящего не отличишь! Ты его, наверное, весь вечер вырезал, пока я в отключке валялась.

– Глаша, это и есть настоящий амулет,– проскрежетал ее спутник.– Как ты с ним обращаешься?!

– Оливье! – раздраженно воскликнула она.– Пошутил, и хватит!

И тут шутник, все это время стоявший к Глаше вполоборота, повернулся к ней лицом, и у девушки подкосились ноги. На левой щеке маркиза виднелись три глубоких кровоточащих царапины, а ворот рубахи был разорван на мелкие ленты...

– Оливье,– обомлела она.– Так это правда?!

Тот поморщился и отвернулся, спрятав изуродованное лицо.

– Ты в самом деле убил мантикору,– пролепетала Глаша.

– А я тебе что твержу уже полчаса,– сердито отозвался он.– Только не надо делать такое лицо, это лишь царапина.

– Ничего себе царапина,– прошептала Глаша и рухнула на землю.

– Глаш, ты что? – подлетел к ней маркиз.

– Все в порядке, просто посидеть захотелось,– слабо отозвалась она.– Так, а теперь расскажи все по порядку.

– Я же уже говорил! – нервно ответил Оливье.

– А теперь еще разок, по многочисленным просьбам заторможенных радиослушателей.

– Ну я стоял посреди рощи. Когда слышал приближение мантикоры, приготовился к бою...

– Стоял и ждал? – потрясенно переспросила Гликерия.– Ждал, пока она на тебя бросится? А что потом?

– Я поразил ее в прыжке.

– Поразил? В прыжке? Оливье,– воскликнула Глаша,– какой же ты идиот! А если бы ты промахнулся? А если бы она тебя сильнее задела?!

– Но ведь не задела и не промахнулся,– беспечно отозвался герой.– Да не волнуйся ты так, все уже позади.

– Вот именно,– сердито ответила девушка,– все позади, и я все пропустила. И какая теперь из меня героиня? Да ни один самый безнадежный автор про меня теперь писать не захочет: что это за героиня, которая всю схватку бесславно продрыхла?

– Это единственное, что тебя волнует? – ухмыльнулся маркиз.– Нашла из-за чего расстраиваться! Я думал, ты за меня испугалась.

– Вот еще,– нарочито фыркнула Глаша.– Вот что я теперь на старости лет внукам-то буду рассказывать?

– Чьим внукам? – уточнил Оливье.

– Ну не нашим же! Своим, разумеется.

– Так им же вовсе не обязательно рассказывать правду,– подмигнул ей он.

– Учишь меня врать наивным крошкам? Хорош маркиз! – возмутилась Глаша.

– На тебя не угодишь! – развел руками тот.– Я же как лучше хочу.

– Что же я им рассказывать буду, если ничего не видела? – буркнула девушка уже менее категорично.

– Как все было на самом деле.

– И как все было на самом деле?

– Да на самом деле ничего интересного. Даже хорошо, что ты этого не видела. Должен

признаться, зрелище это не для глаз юной леди.

– Так чего там было-то? – зардевшись, поинтересовалась юная леди.

Из третьего самого подробного рассказа Оливье выходило, что Глаша действительно потеряла немного. Маркиз стоял в центре поляны с мечом на изготовку. Как только послышался треск веток и шаги несущегося сквозь лес хищника, Оливье весь подобрался и приготовился к схватке. Мантикора рванула к нему, собираясь сбить лапой, но он отскочил в сторону. Дикая кошка повторила попытку, но Оливье снова оказался более ловким. Устав гонять верткого противника, сломав пару ни в чем не повинных деревьев и лишь слегка задев маркиза кончиками когтей по лицу, мантикора бросилась на Оливье в прыжке, но не долетела – тот вонзил ей меч прямо в сердце. Вся схватка заняла не больше трех минут.

– Вот, собственно, и все, – закончил свой рассказ герой.

Глаша молча выудила из кармана амулет и глянула на ничем не примечательный камушек, за обладание которым Оливье так рисковал. Амулет выглядел в точности так, как на рукописной картинке, но девушка была уверена, что в реальности он окажется куда интереснее и красочнее.

– Ты уверен, что это не обыкновенный булыжник? – с сомнением протянула она.

– А ты ожидала рубины и самоцветы? – спросил задетый маркиз. – Сила амулетов не в оболочке, а в том, что заключено внутри.

А внутри у него... «Это что же получается, – тоскливо подумала Гликерия, – я возвращаюсь домой? Не совершив ни одного подвига и проспав единственную схватку? Повидав только дриад и даже не встретив ни одного приличного вампира или оборотня, не взглянув на волшебных русалок и таинственных магнетиков? Даже и вспомнить будет нечего – только как комаров в лесу кормила да у дриад побывала. Да и про тех что рассказывать? То ли дело живой ковер из трав с меняющимися узорами, про который говорил Оливье!» А ей вон как не повезло. Сказочные дриады ненамного приятнее бродячих цыганок выглядят – правду и рассказывать-то неудобно, кто ж ей поверит-то? Засмеют только! Ну дриады, ну удружили... И о чем они только думали, когда довели себя до такого жалкого состояния? У них же все это время был амулет, что им стоило отмотать время назад и встретить мантикору во всеоружии, например, наняв с дюжину специально обученных воинов?

– Ты уверен, что амулет по-прежнему заряжен? – скептически поинтересовалась Глаша и озвучила свои мысли.

– Но они же не могли нас обмануть! – с негодованием отмел ее подозрения благородный маркиз.

– Почему бы нет? – задумчиво сказала девушка. – Терять-то им уже было нечего. Судя по тому, в каком плачевном состоянии мы их застали, они были близки к гибели.

– Ты права, – озадаченно признал Оливье.

– Что ж, давай проверим. – Она сжала камень в ладони. – Что там нужно сделать, чтобы отправиться домой?

– Представь себе то место, в котором ты хочешь оказаться, – подсказал маркиз.

Глаша послушно прикрыла глаза, воспроизводя в памяти образ своей комнаты.

– Подожди, – поспешно окрикнул Оливье.

– Что такое?

– Мне... было приятно с тобой познакомиться, Глаша, – взволнованно сказал молодой маркиз, и глаза на его некрасивом лице сверкнули особенно ярко, – и я никогда не забуду нашего путешествия...

– Оставь свои нежности на потом, – отмахнулась от него страшно довольная Гликерия. – Я еще доставлю тебе немало часов удовольствия своим присутствием. Сдается мне, что дриады нас надули, и ты рано вздумал прощаться.

– Просто я хотел бы, чтобы ты это знала. Я знаю, что иногда бываю невыносимым, и прошу прощения, если когда-то обидел тебя.

– Не мешай, а? – буркнула прибодренная его словами Глаша. – Не видишь, я

представляю самое желанное место на свете! – и вернулась к своим мыслям, решив тем не менее к выбору места подойти со всей серьезностью – вдруг амулет все-таки сработает?

Нет, в комнату возвращаться нельзя. Вдруг там сейчас мама? Хотя, по идее, родители еще неделю как должны быть в отъезде, но кто знает, вдруг их планы изменились и они уже вернулись? Как она тогда объяснит свое внезапное появление? Тогда – во двор? Во дворе глазастые бабульки – этим только дай повод для сплетен, и мамы с детьми – им пугаться нельзя, а то молоко скиснет или дети заиками останутся. И потом, разве можно, чтобы кто-то ее увидел в таком виде? Хотя что тут такого? Объяснит любопытным, что возвращается из театральной студии, а костюм не стала снимать, чтобы плотнее вжиться в роль. Лучше всего, если она попадет в подъезд, наконец решила Глаша. Шансов, что она столкнется там с кем-то лоб в лоб, куда меньше, до квартиры она доберется за минуту, да и будет вполне естественно, если она позвонит в дверь, а не шмякнется на диван в своей спальне. Только тогда ей непременно понадобятся ключи. Она попросила Оливье сбегать за своим рюкзаком, который лежал в седельной сумке, и после его возвращения во всех подробностях представила лестничный пролет между четвертым и пятым этажами, крашенные стены подъезда, нацарапанную на них надпись «Вова – дурак» и листок над мусоропроводом «Уважаемые жильцы! Очень не нравится жить в свинарнике. Надеемся, что вам тоже. Ваши соседи». А вот и ступеньки, ведущие к ее квартире номер восемнадцать с металлической дверью, обитой черным кожаным материалом. Одна ступенька, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая... Дойдя в своем воображении до десятой и остановившись прямо перед дверью, Глаша открыла глаза и увидела голубые глаза Оливье, в волнении наблюдавшего за ней.

– Увы, – констатировала она, внутренне торжествуя, а внешне изобразив самую скорбную мину из всех, имеющихся в ее лицедейском арсенале.

– Не может быть! – хмуро сказал тот и выругался, чего Глаша от воспитанного и сдержанного маркиза никак не ожидала. – Эти метелки нас обманули!

– А ты чего хотел, их тоже понять можно. Метелкам тоже жить охота, – вступилась за обманщицу она.

– И кто! – гремел по поляне негодующий голос Оливье. – Сама верховная дриада!

– Она заботилась о благополучии своего рода, – заметила Гликерия.

– Это ее не извиняет, – рычал маркиз, и девушка прекрасно понимала причину его гнева, ведь получилось, что он рисковал своей жизнью просто так.

– Не извиняет, – согласилась она. – Но, быть может, они предложат нам что-то такое, что извинит и компенсирует тебе моральный и физический вред.

– Чего? – в недоумении воззрился на нее Оливье.

– Надеюсь, мы не сильно от них удалились? – уточнила Глаша.

– К сожалению, нет, – проворчал маркиз. – Мне же пришлось нести тебя на руках.

Девушка с удивлением глянула на своего невысокого тщедушного спутника, представив себе эту картину («Лилипут тащит Гулливера», – услужливо прокомментировал внутренний голос), и вскочила с земли:

– Вот и отлично! Идем к ним.

– Что? – в негодовании вскричал Оливье. – Ты хочешь идти к этим мошенницам?

– Разумеется, – спокойно ответила она. – Нельзя же так просто спускать им это с рук. Надо призвать обманщицу Цветлану к ответу и потребовать достойной компенсации.

– Какой еще компенсации? Не желаю иметь с ней ничего общего, – надулся маркиз.

– Как это какой? А ну вставай! Я имею в виду ту смертельную опасность, которой ты подвергал свою жизнь во время сражения с мантикорой, и тот моральный вред, который мы оба претерпели, когда амулет оказался ни на что не годным. И уж, само собой разумеется, устранение особо опасного хищника, несущего угрозу существованию всего рода, должно быть оплачено по высшей ставке, иначе схватка с когтистой киской получается сплошным актом милосердия.

– Никуда не пойду, – насупился Оливье.

– Ну и дурак! – поразилась Глаша. – Тебе что, амулет не нужен?
– Нужен, только у них его все равно нет! – огрызнулся маркиз.
– Зато у них может быть то, что поможет нам получить следующий амулет, – рассудительно заметила девушка. – Или хотя бы существенно облегчит его поиски. Ты как хочешь, а я серьезно намерена страсти с них какую-нибудь волшебную штуковину в обмен на бесценную услугу. Согласно законам жанра фэнтезийных романов моего мира.
– А эти законы разве действуют в нашем мире? – поддел ее спутник.
– Вот заодно и проверим. Так что, идешь? – поторопила его Глаша, зная, что одну он ее нипочем не отпустит.
– Иду, – с обреченным видом вздохнул Оливье. – Только я с лживыми дриадами даже разговаривать не хочу.
– Не волнуйся, отстаивать твои интересы буду я, – важно пообещала Глаша.

* * *

– Не понимаю, как ты это допустила? – нападала на подругу Настя. – Почему ни разу не воспользовалась магией? Да элементарное заклинание столбняка или покорности дало бы тебе фору на пять минут, чтобы ты успела оттуда убратся и паспорт себе вернуть!

– Насть, ну не мучь меня, а? – тоскливо протянула Лара. – И без тебя тошно. Эта Нарышкина на меня так напала, что я про все на свете позабыла и про магию ни разу не вспомнила. Хорошо еще, машинально заклинанием невидимости воспользовалась и ноги унести успела. Сама не понимаю, что на меня нашло: я себя с ней как провинившаяся школьница чувствовала. И это главная волшебница королевства с трехлетним опытом работы, – сконфуженно пробормотала она. – Видели бы меня мои кукуйцы!

– Ладно, не горюй, – смягчилась Березкина. – С Нарышкиной у всех магов так – как ступор находит. Может, у нее своя антимагия какая? – предположила она. – Глушит же она все заклинания харизмы – ничем ее броню не пробьешь. Да не переживай ты так! Первый блин комом. К тому же эта Милка тебе все карты спутала. Теперь уже сказочка про тетушку-фею не пройдет, придется тебе джинном заделываться!

– Насть, да ну его, джинна, разберемся! – махнула рукой волшебница. – Как мне теперь паспорт вернуть?

– Вольская, выпей воды, почитай успокаивающий заговор и приди в себя, – хмыкнула Настя, доставая из холодильника бутылку минералки и протягивая ее подруге. – Получишь ты свой паспорт целым и невредимым.

– Но ведь не могу я к ней домой явиться? – в панике запричитала Лариса, отвинчивая крышку бутылки. – Как я ей объясню, что узнала, что паспорт у нее?

– Ларчик, у тебя что, сдвиг по фазе на почве пережитого стресса? – спокойно сказала Настасья. – Конечно, ты к ней не пойдешь. В своем облике. Вот когда явишься к ней под видом джинна, там и пошуруешь по ящикам да тихонько паспорт заберешь.

Лариса залпом выпила треть бутылки воды и восхищенно признала:

– Настя, ну ты голова!

– Учись, пока я жива! А то пропадешь в своем Кукуе, – польщенно сказала та.

«Да учишься-то как раз ты у меня, – с улыбкой подумала волшебница. – Кому бы рассказать – принципиальная Настена уже сама предлагает тайком покопаться в чужих вещах и умыкнуть документы! Кстати, сказать-то легко, а вот сделать...»

– Насть, а если я не смогу тихонько? – спросила она, не глядя на подругу и вертя в ладонях прохладную бутылку.

– Тогда придется еще раз в квартиру влезть, пока ее дома не будет... – нехотя признала Настасья.

– А я смотрю, тебе понравилось по чужим квартирам лазить, – ехидно улыбнулась Лариса.

– С кем поведешься, от того и наберешься, – не осталась в долгу фея. – Давай лучше

думать, как тебе теперь удобнее к Нарышкиной подкатить.

– А чего тут думать? – пожала плечами более-менее успокоившаяся Лариса. – Не золотой же рыбкой по трубам просачиваться и из крана в раковину выпрыгивать? Да и старички-боровички и замаскированные под старушек с хворостом волшебницы по Москве не ходят. Плохо, что сейчас не зима, а то можно было бы под Деда Мороза закосить. А так одна мне дорога – в Старики Хоттабычи.

– А почему не в мускулистые джинны, как на обложке Ариной книги, или не в изящные джиннии? – усмехнулась Настя.

– Потому что Хоттабыч – это классика, балда, – ласково сказала Лара. – А мускулистого джинна твоя подозрительная Нарышкина мигом примет за стриптизера или мальчика по вызову и отфутболит с лестницы так, что мало не покажется. А о существовании девушек-джиннов она может даже не подозревать, так что нужно исключить любые возможные ошибки. Арина должна сразу сопоставить предложенный ей образ с классическим сказочным персонажем и идентифицировать его правильным образом.

– И ничего она не моя, – пробурчала Настя.

– Но это же ты все время мне повторяешь, какая она подозрительная и недоверчивая, – напомнила волшебница.

– А то ты сама этого сегодня не заметила!

– Ну еще неизвестно, как бы я себя повела, вернувшись домой и обнаружив, что мою деревенскую родственницу окучивает интеллигентная старушенция, представившаяся крестной феей, – возразила Лариса.

– Давай-давай, защищай ее, – хмыкнула подруга. – Ты просто ее мало знаешь.

– Вот завтра обернусь благообразным старцем, надену чалму, восточный халат и туфли с загнутыми носами и узнаю, – улыбнулась Лара.

– Завтра? – нахмурилась Настя. – Знаешь, Вольская, будет подозрительно, если ты к ней завтра заявишься. Сама подумай: вчера – мошенница, выдающая себя за крестную фею, сегодня – джинн из бутылки. Нарышкина еще решит, что это заговор бригады мошенников в составе гипнотизерши, иллюзиониста и других фокусников, и тогда и эта шикарная идея насмарку.

– М-да... – приуныла волшебница. – Что же делать?

– Сделай-ка ты на денек-два перерыв, – посоветовала Настасья.

– Думаешь, это поможет? Да если верить твоим словам, то она и через год про этот случай не забудет и сопоставит крестную с джином.

– Будем оптимистами! – решительно ответила Настя.

Лариса удивленно уставилась на нее. Вообще-то это ее слова! Это она всегда была оптимисткой, а подруга причитала, что все плохо. Неужели общение с Нарышкиной уже так плохо на ней сказалось, что она сама стала нытиком и пессимисткой? Отругав за слабость, Лара взяла себя в руки и пообещала не сдаваться и сделать все возможное, чтобы с блеском выполнить свою непростую миссию.

– Будем надеяться, что вера в сказки и чудеса в Арине сильнее врожденной мнительности и подозрительности, – продолжила Настасья. – Тем более, ты ей в образе феи никаких чудес, кроме своего внезапного исчезновения, не демонстрировала, а словам Милы про бабочку и платье она все равно не поверит, посчитав их пьяным бредом. Так что покажешь ей в образе Хоттабыча пару магических фокусов – и дело в шляпе. Но торопиться сейчас не стоит. Дай ей хотя бы денек, чтобы прийти в себя.

– Но у меня каждая минута на счету, – возразила Лариса. – Не могу же я сидеть сложа руки! И потом, мой паспорт у нее...

– Переживешь как-нибудь без него пару дней, – начала Настя, и тут раздался звонок в дверь.

– К тебе? – спросила Лариса.

– Понятия не имею. Я никого не ждала, – удивленно ответила подруга и пошла открывать. Любопытная Лара остановилась в дверях и выглянула в коридор. Настасья

прижалась к дверному глазку, а затем на цыпочках попятилась назад, обернулась к ней и возбужденно зашептала, замахав руками:

– Ты не поверишь! Там сама Нарышкина!

– Я пропала! – пискнула волшебница. – Она меня выследила!

– Ты чего, мать? – шепнула Настя. – Она тебя настоящую не видела и проследить за тобой никак не могла. Иди, открывай, а я спрячусь от греха подальше. Меня-то она знает, может чего-нибудь заподозрить.

– А зачем она тогда пришла?

– У нее же твой паспорт, балда!

– Точно! – повеселела Лариса и пошла открывать дверь. И только распахнув ее перед Нарышкиной, она с ужасом подумала, что в ее паспорте стоит совсем другой адрес прописки.

– Вы Лариса? – пристально глядя на нее, спросила Арина.

– Да, это я, – взяв себя в руки, ответила она.

– А вы совсем не похожи на свою фотографию в паспорте, – разочарованно протянула Нарышкина. – Обычно люди плохо получаются, а вы...

– Да, я знаю, я сама на себя там не похожа, – подивившись бестактности Арины, усмехнулась волшебница.

Действительно, ее фотография на паспорт была чудо как хороша. На ней Лариса была похожа на элегантную кинозвезду 50-х, а не на шальную цыганку, какой она обычно выглядела. Еще бы, ведь фотограф был отчасти магом, и его снимки отображали не только внешность, но и частичку души. А Лара в тот день была влюблена и светила счастьем, потому что сделала очередное доброе дело.

Нарышкина сверлила ее подозрительным взором стальных глаз-буравчиков, и девушка, спохватившись, охнула:

– Где вы видели фотографию? Вы нашли паспорт? – и затараторила: – А я сижу, убиваюсь: сегодня в метро вытащили паспорт с кошельком. Кошелек-то не жалко, там денег-то даже не было, потратила последние на «Космополитен». А вот паспорт восстанавливать – целая головная боль. Только сейчас сидела и думала: вдруг найдет кто да мне вернет, и тут звонок!

Взгляд Арины потеплел, она раскрыла сумку, висящую на плече, и вытащила оттуда Ларин паспорт и кошелек.

Волшебница радостно взвизгнула и прижала их к груди.

– Да где же вы их нашли-то?

– Не поверите – у себя дома, – поведала Арина. – Прихожу домой, а там мою кухню какая-то бабулька обрабатывает, такая приличная на вид... Ну я сразу смекнула, что дело нечисто, и кинулась ее сумку проверять. А там ваши документы, кошелек и еще какие-то камушки драгоценные в узелке, видно, чьи-то фамильные драгоценности.

Лариса с трудом поборолла желание предъявить свои права на «камушки», но решила не играть с огнем, а то ведь Арина такие доказательства потребует, каких она ей сроду предоставить не сможет. Не показывать же ей расписку от графа Лучано, проживающего в королевстве Кукуй, что изумруды и рубины получены в уплату за изгнание призрака бывшей жены графа из супружеской спальни!

– Вы – смелая девушка, – с чувством сказала Лариса. – Спасибо вам, вы меня просто спасли! Ой, да что ж я вас в дверях-то держу, – зашептала она. – Проходите, я вас хоть чаем напою, отблагодарю...

«Только бы не согласилась, – с ужасом подумала волшебница. – А то мало того, что Настьке придется в комнате отсиживаться, так вдруг она ее фотографии где заметит и мигом вспомнит. Как потом объясняться?»

– Нет-нет, спасибо, не надо чая, – попятилась Арина. – Мне домой пора, у меня там сестра из деревни, их с бабушкой одних оставлять надолго нельзя – доверчивые они у меня, только и успеваю от них разных аферистов отгонять. Вчера вон тоже жулики какие-то

приходили,— посетовала она.— Убедили мою бабулю, что хотят снять ее в рекламе порошка... Представляете?

— Ужас! — чувствуя, как краснеет, воскликнула Лариса.— Совсем стыд потеряли!

— Вот-вот,— грустно вздохнула подопечная.— Ну будьте бдительны. А я пойду, а то поздно уже, а мне на работу завтра.

— Так постойте, я вас хоть за беспокойство отблагодарю!— остановила ее Лара.

— Да что вы! — благородно отказалась Арина и добавила: — Уверена, вы бы на моем месте поступили так же. Всего доброго! И будьте осторожней в метро,— по-дружески посоветовала она,— в Москве полно жулья.

Из дневника Арины Нарышкиной

Обладательница паспорта оказалась приятной молодой девушкой, наивной, как и все приезжие. Вот и мне дверь открыла, даже не спросив: «Кто там?» Неудивительно, что у нее паспорт с кошельком в метро вытащили — такая и сама лохотронщикам последнее отдаст. А глаза у нее такие добрые и честные... Пожалуй, мы даже могли бы подружиться. И я бы научила ее уму-разуму и предостерегла от многих бед.

— Чего она приходила? — высунулась из комнаты Настасья.

— Паспорт принесла,— рассеянно сообщила Лариса.

— Чудеса! — фыркнула фея.

— А знаешь,— задумчиво произнесла волшебница.— Она ведь не такая плохая, эта Арина...

— Ну будем надеяться, что еще не все потеряно,— обнадежила ее Настя,— и тебе удастся превратить Злючку в Золушку.

— Почему не в принцессу? — удивилась Лариса.

— В принцессу ты превратишь ее после, когда она станет доброй и отзывчивой Золушкой. А сразу не получится,— авторитетно заявила подруга.— Уж поверь моему печальному опыту... О чем задумалась?

— Да вот, думаю, может, и не стоит весь этот маскарад с Хоттабычем разыгрывать? Нарышкина — нормальная девушка, вон паспорт с кошельком мне вернула, не поленилась через всю Москву проехать. Может, с ней достаточно просто нормально поговорить?

— А то я не пыталась с ней просто поговорить,— закатила глаза Настя.— Не станет она с тобой разговаривать — она нелюдимая, как Змей Горыныч.

— Ну если она в обычных людях подозревает мошенников и аферистов, может, ей внушат больше доверия знакомые по телевизору физиономии? — предположила Лариса.— Знаешь что, попробую-ка я воспользоваться своим основным талантом и подружиться с Ариной под видом какой-нибудь знаменитости. Раз уж явление Хоттабыча пока откладывается. Значит, говоришь, кумиров у нее нет?

— Не припомню,— покачала головой Настя.— Да и сама вспомни, дома мы у нее ни одной открытки или плаката не нашли.

— Плохо,— вздохнула волшебница.— Но делать мне все равно больше нечего, надо попробовать.

— Хотя погоди,— вспомнила фея.— У них на кухне портрет молодого Осипа Сазонова висит, наверно, Степанида — его поклонница. Может, она и внучке интерес к его персоне привила? — с надеждой предположила она.

— Это мне не подходит,— отмела этот вариант Лара.— Сазонов — ветеран нашей эстрады, ему сейчас уже лет восемьдесят.

— Ну и что? — возразила подруга.— Наоборот, хорошо! Уж почтенного-то старца Арина ни в каких подлостях не заподозрит!

— Ты хочешь, чтобы я потом радикулитом до ночи мучилась? — возмутилась Лариса.

— Ой, извини! Я совсем забыла,— повинулась Настя.

Последствия применения оборотной магии были таковы, что в течение двух часов

после завершения ритуала Лариса продолжала ощущать чужое тело. И хотя она использовала лишь копию, та обладала всеми физическими параметрами оригинала. Так, если в момент оборотничества хозяин подлинного тела пребывал в кабинете стоматолога или мучился подагрой, Лара страдала с ним на пару. По этой причине она редко соглашалась исполнять роли пожилых и больных людей. Вот и тетушка – прототип крестной феи наградила ее болями в шее, которые давали о себе знать до сих пор. А Сазонов-то еще постарше этой бабульки годков на двадцать будет!

– Тогда под чьим видом ты собираешься к ней заявиться? – любопытствовала Настасья.

– Еще не знаю, но собираюсь предложить ей звезд в ассортименте... – Лариса прошла в комнату, щелкнула пультом от телевизора и погрузилась в созерцание современных звезд, ибо ее представления о знаменитостях безнадежно устарели за последние три года.

Когда к ней присоединилась подруга, как раз шел концерт и на сцене кривлялся, словно пришибленный током, тщедушный черноволосый паренек с лицом, похожим на Горлума.

– Это что за чудо? – хмыкнула Лариса.

– Это сейчас один из самых модных певцов, Витя Бизон, – поведала Настя.

– Бизон? – рассмеялась волшебница.

– А что, по нему разве не видно? – со смешком отозвалась Настасья.

– Почему же, сразу видно – бизон! Только недоразвитый какой-то.

– Мууу! – замычал тем временем певец.

– Чего это он? Он и впрямь мычит? – поразились Лариса.

– Мууурашки, мурашки у меня, – страшным голосом провыл Бизон. – Колбасит и плющит от тебя!

– Да он еще и поэт, – вконец развеселилась она. – Это ему еще повезло, что он родился в Москве, а не в Кукуе.

– Это почему? – удивилась подруга.

– Ты знаешь, в Кукуе есть такая удивительная особенность: наши песни приобретают там волшебную силу, – поведала Лара. – Я первое время, как туда попала, понять не могла: что за странные вещи со мной и вокруг меня творятся? То взорвется что-нибудь, то меня под потолок поднимет вверх ногами, то мужчины вдруг начинают на меня бросаться, как будто я массовый приворот навела, а то я как невидимка хожу и меня никто не замечает, то дождь зарядит при чистом небе... А потом поняла, что вся эта чертовщина начинает твориться тогда, когда я себе под нос какую-нибудь современную песенку напеваю.

– Да ты что! – поразились Настя.

– Да я сама была потрясена! Провела следственный эксперимент – и все подтвердилось. Я за три года все известные мне песенки проверила, некоторые хиты обладают просто броневой силой!

– Например? – заинтересовалась фея.

– Например: «А я все летала» «Блестящих» заменяет заклинание левитации и позволяет подниматься до пяти метров над землей. С помощью «Туч» Иванушек можно организовать дождь, я, кстати, к ее помощи частенько прибегала в дни приема, чтобы народ у ворот разогнать. А гимном пионеров «Взвейтесь кострами, синие ночи» я вообще пользуюсь вместо спичек – реально зажигает! А помнишь старую песенку «Богатырская наша сила»? Ее еще какой-то ВИА исполнял? Та вообще действует, как на Папая – шпинат.

– Ух ты! – восхитилась Настасья, вообразив хрупкую Ларочку, голыми руками раскидывающую средневековых рыцарей в тяжелых доспехах.

– А теперь представь себе Бизона, исполняющего свою коронную песню!

Девушки одновременно повернулись к экрану, и Лариса хихикнула:

– Да уж, расколбасило бы его со страшной силой. Я даже боюсь представить себе результат. Надо будет записать слова и опробовать на ком-нибудь...

– Это что же, все современные песни в твоём отсталом королевстве какой-то волшебной силой обладают?

– Не все, в среднем из ста только одна волшебной оказывается. Но и этого предостаточно. Представляешь, какая магическая аномалия?

– Слушай, Ларчик, так значит эта девочка – как там ее, Гликерия – тоже может с помощью песен колдовать? – оживилась любовная фея.

– А ведь точно! – воскликнула Лариса. – Надеюсь, что сможет. Это бы ей здорово помогло и, глядишь, ускорило бы ее возвращение.

– Может, она уже об этом догадалась? – оптимистично предположила Настя.

– А если нет, то хорошо бы ей подсказать. – Волшебница глянула на часы и добавила: – Пойду-ка лягу спать пораньше, вдруг сегодня повезет?

* * *

В разрушенном саду дриад вовсю кипела работа. Лесные нимфы очищали рощу от веток, оттаскивали в сторону сломанные стволы, мазали поврежденную кору чем-то похожим на болотную тину, выметали перья и о чем-то тихонько переговаривались.

При виде путников они мгновенно замолчали и замерли на своих местах, словно надеясь слиться с деревьями и кустарниками и избежать неприятного разговора.

– Цветлана! – звонко окликнула Гликерия и помахала рукой сконфуженной предводительнице.

Та вздрогнула, как от пощечины, и нехотя произнесла:

– А, это вы...

– Мы, – радостно отозвалась Глаша. – Пришли предупредить, что встретили по дороге пятерых котятков, маленьких мантикор, так что скучно вам не будет!

Дриада смертельно побледнела и беспомощно оглянулась на своих подопечных.

– Она шутит, – буркнул Оливье.

– Ну вот, – расстроилась девушка, – такой классный розыгрыш испортил. Могли бы помимо компенсации еще и знатный аванс стясти.

– Так детенышей нет? – с облегчением выдохнула Цветлана.

– Нет, – признала Глаша и многозначительно улыбнулась: – Знаю, что обманывать – нехорошо, но тут не удержалась.

– Говорите прямо, – устало откликнулась верховная дриада. – Вы воспользовались амулетом, и тот не сработал.

– Было бы удивительно, если бы он сработал, – осуждающе заметила Глаша. – Вы же отдали нам использованный амулет.

– Да, – признала Цветлана. – Последний раз я применила его пятьдесят весен назад. Амулет утратил свою силу и превратился в обычный камушек. Надо было его выбросить, но я решила сохранить на память. Даже представить себе не могла, что он спасет нас еще один раз, – усмехнулась она.

– Вы нас обманули! – воскликнул маркиз.

– Вы хотели амулет – я вам его передала, – спокойно ответила дриада. – О том, что он должен быть в рабочем состоянии, речи не было.

– Естественно, ведь этот момент не подвергался сомнению, – с досадой сказал Оливье.

– Вы могли бы и сами догадаться, что, будь амулет заряжен, я бы не допустила такой трагедии, какая постигла наш род с появлением мантикоры, – хладнокровно парировала Цветлана.

– Иными словами, мы бы в любом случае амулет не получили, – резюмировала Глаша.

– Разумеется, нет, – отрезала дриада. – Людям такими вещами обладать противопоказано.

«Ах ты, бледная поганка!» – про себя возмутилась Гликерия.

– Вы вправе меня осуждать, – склонила голову Цветлана, – но я спасала свой род.

– Но какими средствами! – укоризненно заметил маркиз.

– Как видите, весьма эффективными, – невозмутимо ответила верховная дриада, кивнув

на труп мантикоры.— Благодарю за помощь.

— Спасибо на бутерброд не намажешь,— с вызовом сказала Глаша.

— Что вы хотите? — спокойно осведомилась Цветлана.

— А что вы предлагаете? — уточнила девушка.

— Как я уже говорила, сила нашей природной магии сейчас близка к нулю. Я могу предложить вам только то небольшое, что уцелело после нападений мантикоры.

— А точнее?

— Настойку живчика, которая исцеляет раны,— бросив взгляд на располосованную щеку Оливье, сказала дриада.

— Так, отлично,— обрадовалась Глаша, которую крайне волновали боевые раны маркиза, способные превратиться в уродливые шрамы. И так ее спутник не красавец, а тут еще такие украшения! — Что еще?

— Живчик — редчайшее растение,— сухо отчеканила Цветлана.— И каждая его капля ценится на вес золота.

— Не забывайте, что до встречи с мантикорой мой друг в живчике не нуждался,— вкрадчиво напомнила девушка.— Так что это не вознаграждение, а необходимая медицинская помощь.

— Что ж,— вздохнула дриада.— Дам вам полсклянки быстророста. Больше не могу, нам самим понадобится, чтобы восстановить рощу.

— Это что за хрень? — удивилась Гликерия.

— Это не хрень,— спокойно ответила Цветлана.— Если вам нужна хрень, ничем помочь не могу. Мантикора ее первым делом пощипала.

Глаша, не сдержавшись, прыснула и перевела свой вопрос понятными дриаде словами:

— Что такое быстророст?

— Это сок из лепестков вулканника, собранных в третью ночь десятого полнолуния самой юной дриадой,— охотно пояснила та,— смешанный с корнем дурничника и настоенный в...

— Я не про это,— перебила ее девушка.— Для чего он?

— Для быстрого роста, конечно! — удивилась лесная нимфа.

— Для чьего роста?

— Растений, разумеется! Он многократно увеличивает скорость роста и позволяет получить взрослое растение в кратчайшие сроки,— с гордостью поведала дриада.

— А на людей и животных он не действует? — заинтересовалась Глаша, искоса глянув на Оливье. Сантиметров двадцать роста маркизу не помешало бы. А то в сравнении с коротышкой спутником она себя чувствует «тетей Степой», а со стороны они так и вовсе напоминают кабаре-дуэт «Академия». Куда это годится? Разумеется, у Глаши на несносного маркиза нет и не может быть никаких видов, но ей было бы куда приятней путешествовать в компании видного и статного кавалера.

— Нет,— разбила ее мечты Цветлана.

— Жаль, тогда нам эта растишка ни к чему. Мы же не садоводы-огородники,— отрезала Гликерия.

— Что ж,— признала дриада.— Ваша заслуга перед нашим родом огромна, и в знак благодарности я подарю вам «глаз земли».

— «Глаз земли»? Перстень, указывающий на местонахождение кладов? — недоверчиво спросил Оливье.— Он все-таки существует?

— Разумеется, существует,— кивнула Цветлана.— И многие люди стремятся им завладеть, но мы редко выпускаем его из своих рук.

— Что значит — выпускаем? — с подозрением уточнила Глаша.— Вы его у нас потом заберете, что ли?

— «Глаз земли» очень коварен,— заметила верховная дриада.— Он подчиняет себе волю своего обладателя и превращает его жизнь в постоянные поиски сокровищ. Одного месяца владения перстнем вполне достаточно, чтобы обеспечить себе роскошную жизнь и

безбедную старость. Через тридцать ночей вы вернете перстень нам, иначе обладание им станет для вас небезопасным.

– Обещаем,– кивнул Оливье.

– Что ж,– усмехнулась дриада, снимая перстень с голубым камнем с руки и протягивая его маркизу,– если вы довольны... компенсацией и вознаграждением,– она насмешливо глянула на Глашу,– аудиенцию можно считать оконченной. У нас еще слишком много дел. Да,– с грустью вздохнула она, оглядев разоренную рощу,– понадобятся недели, чтобы восстановить ее.

– Недели?– изумилась Гликерия. По ее мнению, на то, чтобы вернуть саду былую роскошь и вырастить деревья, ушли бы годы.

– К счастью, у нас есть быстророст,– улыбнулась Цветлана.– Что ж, желаю вам счастливого пути!– быстро распрощалась она и зашагала к своим подданным, развившим бурную садоводческую деятельность.

На светлеющем небе мерцали последние звезды. Путники покинули рощу и зашагали к лошадям.

– Держи.– Маркиз протянул Глаше волшебное кольцо.

– Ты уверен?

– Ну не мне же его носить!

– А как он действует?– с любопытством спросила девушка, надевая перстень.

– При приближении к кладу он меняет цвет на розовый, а в непосредственной близости от него зажигается красным,– пояснил ее спутник.

– Откуда ты все знаешь?

– Милана рассказывала.

Оливье настаивал на том, чтобы немедленно отправиться в путь. Но Глаша, помня, что маркизу в отличие от нее поспать не удалось, так как он караулил амулет и оберегал ее ночлег, пригрозила, что не сдвинется с места, пока он хорошенько не отдохнет.

Пока Оливье под сенью шатерника смотрел сны о Клариссе, неугомонная Глаша наворачивала круги по поляне. Она облазила ее вдоль, поперек и вокруг в поисках клада. Но камень по-прежнему оставался голубым, так что у Гликерии возникли смутные сомнения, что хитроумная дриада их вновь надула. После чего, весьма разочарованная результатами, она устало привалилась к стволу дуба и задремала под заливистые трели утренних птиц, радующихся наступлению нового дня.

* * *

С утра следующего дня на Арину Нарышкину обрушился целый звездопад.

По дороге к метро ей на глаза попались двое телеведущих и один певец, благополучно не опознанные ею.

В метро она ехала в одном вагоне с известной актрисой Ниной Улановой, исполнительницей главной роли в популярном сериале «Зачем вы, девушки, красивых любите», которую бурно обсуждали все пассажиры, за исключением самой Арины,– она принципиально не смотрела мыльные оперы.

На входе на эскалатор ее толкнул какой-то симпатичный парень, лицо которого показалось Нарышкиной смутно знакомым, и она уже было принялась перебирать в уме всех своих одноклассников, как сзади нее завопили: «Чудин! Чудин!», парень стушевался и побежал вверх по эскалатору.

«Макдоналдс» на Баррикадной, где работала Арина, в тот день посетили: две певицы, трое телеведущих, четыре актера и пять участников бойз-бендов. Все сотрудники, забыв о своих прямых обязанностях, то и дело бегали в зал, чтобы получить автограф или сфотографироваться со звездой. Такого в «Маке» еще не было никогда! Гламурные и не очень персонажи светской хроники никогда не переступали порога заведения, что было бы для них равноценно потере репутации. А если кто из звезд и был без ума от картошки фри

или «чикен-макнагетс», то наверняка они предпочитали действовать через подставных лиц, отсиживаясь в автомобилях за тонированными стеклами в ожидании своей порции. И вот сегодня знаменитости просто атаковали ресторан, так что ошалевшие сотрудники едва успевали брать автографы на рекламных плакатах, которыми выстилали подносы, и переводить дыхание между фотоохотой на звезд. И только Арина как приклеенная стояла за кассой, принимая заказы на биг-маки и слоеные пирожки.

Наверное, именно по этой причине все знаменитости из шести касс выбирали кассу Нарышкиной, с невозмутимым видом выполняющей свои обязанности и не забывающей о кривой ухмылке в подарок.

– Ой, девочки, держите меня семеро! Это правда Андрей Кириллов вон там, у окошка, столик занимает?

– Где?! Ой, правда, он!!! Галка, как я выгляжу?

– Нелли, присмотри за кассой, я быстренько!

– Оксана, куда?! А я как же?! – пискнула Нелли, с неудовольствием покосилась на пустую кассу и обратилась к соседке слева: – Поражаюсь я тебе, Арина! Все девчонки на ушах стоят, а тебе хоть бы хны. Тебе что, совсем-совсем неинтересно?

– А чего тут интересного? – презрительно приподняла бровь та. – Подумаешь, звезда! Сегодня одна, завтра другая, а о первой послезавтра никто и не вспомнит. Из помойки вылезла – на свалку отправится.

– Злая ты, Арина, – поджала губки хорошенькая Нелли и уверенно добавила: – А помоему, ты им просто завидуешь!

– Вот еще! – громко фыркнула Нарышкина. – Чему завидовать-то? Что они чизбургер сперва заказать боятся, чтобы своей драгоценной репутации не навредить? А уж если решатся и закажут, так его и прожевать толком не смогут. Потому что все посетители будут на них пялиться, а на автографы очередь будет выстраиваться больше, чем в праздничные дни – на столики.

– Смотри, он идет сюда! – восторженно пискнула Нелли, не отрывая глаз от красавца певца. – Только бы ко мне подошел, только бы ко мне! – тихонько взмолилась она.

– Добрый день, – прозвучал бархатный голос Кириллова, обращаясь к Арине.

– Здравствуйте. Что будете заказывать? – оскалилась в ухмылке та.

Певец вздрогнул, но быстро справился с собой и, улыбнувшись своей знаменитой улыбкой, которая сводила с ума тысячи поклонниц, сказал:

– Мне, пожалуйста, мороженое.

– У нас есть вафельный рожок, мороженое с наполнителем, «Макфлурри» с разными начинками, – затараторила Нарышкина, обрушив на звездного клиента весь ассортимент мороженого, от которого тот даже растерялся.

– Возьмите «Макфлурри» с шоколадной крошкой, – звонко подсказала Нелли и зарделась от собственной смелости.

Кириллов нежно улыбнулся ей, поблагодарил за помощь и оплатил заказ. Дождаясь, пока Арина принесет мороженое, он перебросился парой вежливых фраз с Нелли, отчего та влюбилась в него окончательно и бесповоротно и сильно расстроилась, когда напарница вернулась и Кириллов с интересом воззрился на противную Аринку! Подумаешь, блондинка натуральная, мышья серая! Но тщетно прекрасный брюнет старался обратить на себя внимание загадочной Нарышкиной. Та поспешно сунула в руки певца поднос с мороженым, на одном дыхании выпалила «Спасибо-за-заказ-ждем-вас-снова» и, вскинув руку вверх, выкрикнула: «Свободная касса!» Тут же Кириллова обступила толпа девиц разных возрастов и оттеснила от кассы, так что ему с трудом удалось вырваться из оцепления и пробиться к выходу.

Когда певец выбежал наружу, половина посетительниц рванула следом, но вскоре большинство из них вернулись разочарованными. Две неудавшиеся охотницы за звездой подошли к Нелли, чтобы купить молочный коктейль.

– А куда делся Кириллов? – поинтересовалась у них она.

– Как сквозь землю провалился, – расстроено поведали те. – Завернул за угол, мы за ним, а там – никого. Только одна девчонка идет, мы у нее спросили, не видела ли она Андрея, она ответила, что кто-то в машину сел и уехал, а кто, она не разглядела. А мы и машины никакой не слышали. Чудеса!

– Нет, девочки, – глядя им за спину, ответила Нелли. – Чудеса – вон!

В двери «Макдоналдса» входила очередная звезда, всенародно любимый актер Денис Хворостян...

Из дневника Арины Нарышкиной

Все девчонки сегодня на ушах стояли. Каждый десятый клиент оказывался каким-нибудь актером, певцом или телеведущим. Я-то телевизор почти не смотрю, так что мне их лица ни о чем не говорят, а вот коллеги мои просто пищали от восторга. (Честно говоря, было б от чего пищать!)

Буфет, что ли, в Останкине сломался, что они к нам валом повалили? Или звезды массово сбрендил и с кремлевской диеты перешли на биг-маковую?

* * *

– Не нашла клад? – был первый вопрос Оливье, который он задал Глаше после пробуждения.

– Какой клад? – невинно поинтересовалась она.

– Известно какой. Значит, не нашла, – констатировал маркиз.

– А ты откуда знаешь, что я его искала? – насупилась Глаша.

– Да уж изучил тебя немножко, за время нашего знакомства, – улыбнулся он.

– Я ж не для себя старалась, – вывернулась Гликерия. – Вот если бы у нас была повозка сундуков с драгоценностями, мы бы смогли предложить ее руководительнице русалок в обмен на амулет. Какая девушка устоит перед подобным искушением!

– Ты забываешь, что русалки – не простые девушки, и драгоценности им ни к чему, – заметил ее спутник.

– Это еще почему? – удивилась она.

– Им не надо себя украшать, чтобы стать красивыми. Они и так прекрасны.

– Подумаешь, красавицы хвостатые, рыбы скользкие, – фыркнула Глаша.

– У них нет хвостов, – огорошил ее Оливье.

– Как это нет? – недоуменно переспросила поклонница фэнтези. – Они же русалки!

– Говорят, что нет, – повторил маркиз.

– Так ты их никогда не видел?

– Видел издалека, – признался Оливье. – Но близко не знаком.

– Что ж тебя Кларисса не представила? – ехидно осведомилась Глаша.

– Так она с ними дружбы не водит.

– Она? – уточнила Глаша. – Может быть, они?

– Чего ты на нее так взъелась? – рассердился Оливье.

– Потому что все мои беды из-за нее, – напомнила Гликерия. – И это по ее милости я вынуждена болтаться в этом отсталом королевстве, кормить комаров, торговаться с дриадами и думать, как очаровать русалок.

После эпизода с мантикорой сказка, в которую она попала, перестала казаться ей доброй и чудесной. Теперь девушка всерьез подумывала о возвращении домой, пока ее и спутника не слопали какие-нибудь местные страшилища. Тут, конечно, интересней, чем в Москве, но ей еще пожить охота, а не только в местные легенды посмертно войти.

– Боюсь, тебе это не грозит, – заметил маркиз. – Они предпочитают мужчин.

– Вот-вот! – мигом вспомнив о коварстве речных соблазнительниц, воскликнула

Глаша.— Ты подумал о том, как я тебя от их домогательств защищать буду?

— Думаешь, они на меня польстятся?— с притворной надеждой поинтересовался Оливье.

— Думаю, они польстились бы и на Квазимодо с Сирано де Бержераком,— осадила его Гликерия. Разумеется, после такого загадочного заявления ей пришлось посвящать кукуйского маркиза в тонкости классической французской литературы, на что задетый Оливье ответил, что Квазимоды с Сирано и в их королевстве имеются, и не в единичном экземпляре, а затем надулся как гамбургский петух.

— Да ладно тебе,— примирительно сказала она.— Лучше расскажи, как с русалками себя вести будем.

— К русалкам тебе одной идти надо,— вмешалась жека.— Иначе они Оливье не отпустят. Русалки — это такие бестии! Уж я-то знаю, у меня про них все записано.

— А почитать можно? — заинтересовалась Глаша.

— Это секретная информация,— нахмурилась книга.— Ты что, мне не веришь? Говорю же, Оливье им на глаза показываться никак нельзя.

— Вот те на! — расстроилась девушка.— Оливье, значит, нельзя, а меня они одну разве станут слушать?

— Смотря что говорить станешь,— ухмыльнулась жека.

— Никуда я тебя одну не отпущу,— решительно заявил маркиз.

Все трое горячо заспорили и в итоге пришли к следующему решению: к русалкам Глаша пойдет одна, а Оливье в это время затаится в сторонке и в случае чего вмешается. Такой план более-менее устроил и девушку, не желавшую отправляться к русалкам в гордом одиночестве, и маркиза, рвущегося составить ей компанию, и жеку, сильно волновавшуюся за безопасность племянника своей хозяйки.

До русалочьей речки добирались целый день, но по пути ничего интересного не происходило. Глаша забавлялась тем, что слушала байки из жизни Кукуя, которые травил жека, а когда той надоедало молоть своим острым язычком, слово брала сама Глаша и пересказывала любознательной книжке сюжеты современных кинофильмов. Особенно впечатлили жеку «Ночной дозор», «Шестое чувство» и «Таинственный лес», и даже маркиз с интересом прислушивался к историям своей необыкновенной попутчицы.

Наконец на закате дня впереди показалась полоска воды, и Оливье, сверившись с картой, сообщил, что в этой реке под названием Серебрянка и живет главная русалка, или принцесса, как она себя называет. Им пришлось проехать по берегу еще часа полтора, пока речка не сделала поворот, а маркиз, все это время с умным видом изучающий землю под ногами, объявил остановку.

— Кажется, здесь.— Он указал на смятую траву на берегу и на чуть заметные следы, ведущие к воде.

Жека прыгнула с Глашиних рук и мелко засеменила по земле на звериных лапках.

— Это следы русалок,— авторитетно заявила она, склонившись над отпечатками миниатюрных ножек, которые по изяществу ступни могли бы посоперничать с обладательницей самых маленьких хрустальных туфельек Золушкой.

— Как следы? — снова поразила Глаша.— А хвосты?

— Хвосты они только по праздникам надевают, чтоб зевак порадовать,— махнула лапкой книга.

— Как это — надевают? — в замешательстве спросила девушка.

— Так и надевают. Они же все-таки женщины, а не рыбы,— хихикнула жека.— А ты думала, они чем весь берег вытоптали? Плавниками, что ли?

Трава на берегу действительно была смята так, словно здесь резвилось стадо молодых лошадок, а по своим размерам русалочья танцплощадка не уступала школьному спортивному залу.

— Хороводы здесь водят,— сообщила книжка и предупредила: — Смотри, чтобы они и тебе голову не вскружили да в омут не утанули.

- А они могут? – дрогнула Глаша.
- А то! – заверила жека.
- Может, ты мне какое заклинание выдашь? – с надеждой попросила девушка.
- Сама справишься, – строго глянула на нее книга. – Я тебе не палочка-выручалочка!
- А жаль, – вздохнула Гликерия, – она бы мне пригодилась.
- Упаси небо! – ужаснулась жека. – Представляю, что бы тогда тут началось!

Тут девушку окликнул Оливье и поманил к полоске деревьев, растущих метрах в ста от реки. Оттуда хорошо просматривался берег, и спутники решили, что маркиз затаится здесь, а Глаша первой попробует наладить контакт с русалками. В случае чего Оливье мигом придет ей на помощь.

До наступления сумерек они успели привязать коней подальше от берега, чтобы те не выдали их присутствия раньше времени, как следует перекусили (ненасытная Глаша выдула не меньше литра молочного коктейля) и, укрывшись за ветвями деревьев, принялись ждать.

* * *

- Ну ты как? – вечером поинтересовалась Настя у Ларисы.

– Хуже не бывает! Это не девушка, а чума! – раздраженно заявила волшебница, без сил падая на диван. – Я за сегодня сменила два десятка личин, устала, как мумрик, а она клюнула только на двадцать первую. Сперва я обернулась Даной Борисовой, – пояснила Лара, – и двинула ей навстречу – ноль внимания. Тогда я зашла за угол, прикинулась Андреем Малаховым и дворами рванула к метро, чтобы попасться ей на глаза еще раз. Со мной даже дворник поздоровался и дети, которых вели в садик, а эта Огрызкина меня не заметила! Хорошо, ей до метро топать и топать, я еще раз успела облик сменить и у перехода ее встретить – на этот раз в виде Дмитрия Маликова. И опять ничего! Я уж у нее время спросила, она ответила, на меня не глядя, и мимо прошла. Тут на меня трое студенток налетели – едва от них отбилась, пришлось автографы на тетрадках раздавать. Еле успела в последний вагон того поезда забежать, в котором Нарышкина уехала. Потом пять остановок из вагона в вагон перебегала, чтобы ее догнать. В вагон я уже вошла в виде актрисы из сериала – все пассажиры меня узнали, а эта противная Отрыжкина даже глазом не моргнула. Тогда я решила идти ва-банк и обернулась актером Чудиным...

- Ах! – в восхищении выдохнула Настя.

– Это тебе «ах»! – буркнула Лариса. – А гнусная Дурышкина меня опять не узнала. Пришлось пойти на крайние меры и толкнуть ее на эскалаторе. В ее глазах уже мелькнуло какое-то подобие узнавания, наша железобетонная вот-вот была готова пойти на контакт, как сзади какие-то малолетние школьницы завизжали: «Чудин! Чудин!» – и мне пришлось спасаться бегством.

– И как, спаслась? – хмыкнула подруга. – Ларка, ты вообще головой думаешь? Чудин ходит только с охраной, ездит на машине с тонированными стеклами, и то телохранителям с трудом удастся отбивать его от поклонниц. А ты сообразила – в метро появилась! Да эти малолетки тебя бы в момент на кусочки разорвали, ты бы и перекинуться обратно не успела. И вообще... Как ты вообще на такое решилась? Завтра же фотографии прогуливающихся в метро Чудина и Улановой появятся в желтой прессе и доставят немало неприятностей настоящим Алексею и Нине. Ты хоть в курсе, что Нина по контракту не имеет права появляться на публике не в образе своей героини?

– Да ладно тебе, Насть, – беззаботно отмахнулась волшебница. – Это же желтая пресса... Что с нее взять? Спишут, как всегда, на двойников или фотомонтаж. Ты дальше слушай. Потом я пошла в «Макдоналдс», сначала в виде солистки «Бриллианта» Алисы Калининой, потом...

– Ты с ума сошла, – простонала фея. – Да Калинина скорее позволит себе отрубить ногу, чем добровольно посетит «Макдоналдс»!

- А что мне было делать-то? – огрызнулась Лара. – Надо же как-то эту Барышкину

уламывать!

– И как, уломала? – рассерженно спросила Настасья.

– Э... как тебе сказать, – дурашливо ответила Лариса, копируя фрекен Бок, – относительно. Потом я ее еще долго уламывала под видом актеров и певцов – и без толку. У Арины уже смена заканчивалась, и я собралась домой идти несолоно хлебавши. Потом решила попытать счастья в последний раз: вспомнила про фотку Сазонова, про которую ты мне говорила, обернулась им и подошла к ней по дороге в метро.

– Героический поступок, – оценила подруга. – А она?

– А она сперва обрадовалась, даже в гости позвала, то-то, говорит, бабуля будет счастлива. А только я согласилась, как она призадумалась, нахмурилась, а потом как выпалит: «Я вас раскусила – вы его двойник! Сазонов никогда без охраны не ходит, он же теперь депутат. А вы – аферист! Мошенник! Маньяк! Извращенец!» – и газовым баллончиком мне в лицо.

– Да ты что? – ахнула Настасья, прижав ладони к щекам. Газ на оборотническую магию действовал, как вода на огонь, проще говоря – ликвидировал. – Ну и?

– Ну и, – пробурчала Лариса. – Мне еще повезло, что она не осталась, чтобы меня добить контрольным ударом (коленом между ног), а попросту развернулась и поскакала за угол. Естественно, вся личина с меня спала. Стою, как дура, в пустом переулке – слезы ручьем...

– Ладно, горе ты мое, – вздохнула Настя. – Ты есть-то будешь?

– Издеваешься? – проскулила Лариса. – Я только этим весь день и занималась. Меня от чизбургеров, картошки и мороженого тошнит уже, я ими наелась на всю оставшуюся жизнь.

– Значит, не будешь больше в своем Кукуе страдать от их отсутствия и рваться домой, – спокойно ответила подруга.

– Нет в тебе ни капли жалости, Настасья! – с чувством сказала волшебница.

– Да у меня сердце кровью обливается, как я представляю себе, что твои сегодняшние похождения выплывут наружу – а они непременно выплывут! – и бедным звездам попадет от продюсеров, жен и любовников.

– За что? – простодушно поинтересовалась Лариса.

– За чизбургеры! За появление на публике без охраны! За флирт с кассиршами! – словно оглашая приговор суда, отчеканила каждое словечко Настя.

– Ой, да ладно, – беспечно отмахнулась Лариса. – Подумаешь, трагедия!

– Я бы на твоём месте подумала, – заметила Настя, – прежде чем в следующий раз такое вытворять. И все ради какой-то Замухрышкиной!

– Слушай, Насть, а ты ведь права, – задумчиво произнесла Лара. – Наша ошибка в том, как мы к ней относимся... презрительно... как будто в ней ничего человеческого нет... Даже я вот сегодня вспылила, не сдержалась. А вдруг она в душе – ангел?

– Наивная! – Подруга картинно возвела глаза к потолку и машинально отметила, что пора помыть люстру. – Ты ее просто мало знаешь. Что значит всего один день? Вот поваландаешься с Нарышкиной с мое, тогда не так заговоришь.

– И все-таки, Насть, ты не права, – твердо возразила Лариса. – Мне кажется, поведение Арины – это ее защита от окружающих.

– А в душе она добрая, пушистая и котят любит? – иронично поинтересовалась специалист по козням Нарышкиной.

– Да почему нет-то? – вступилась за подопечную Лара.

– Ага-ага, я тебе даже могу сказать, под каким соусом! – согласно кивнула подруга.

– Настя! – осуждающе спросила Лариса. – Вот скажи мне, откуда в тебе, любовной фее, столько яда?

– А это моя защита от Мартышкиной, – вывернулась та.

– Понятно, с тобой каши не сваришь, – вздохнула Лариса.

– А тебя уже перестало тошнить от чизбургеров? – ехидно осведомилась Настасья. – Опять проголодалась?

– Какая же ты невыносимая, Анастасия! – не выдержала волшебница.
– Спасибо, я тебя тоже люблю, – голосом Масяни прогундосила Настена.
– Вот бы меня еще Нарышкина полюбила, – тоскливо протянула Лара. – Кстати, Насть, у тебя есть кто-нибудь из знакомых в милиции?

– Ну есть, – лукаво прищурилась та. – Хочешь Нарышкину в кутузку упечь, а потом, под видом Хоттабыча, явиться и ее оттуда вытащить? Дохлый номер! Сразу говорю: она клюнет только на олигарха, который, увидев прекрасную деву за решеткой, мигом влюбится и ее оттуда выкупит!

– Ну и фантазия у тебя, Настасья! – рассмеялась Лариса. – И как же, интересно, олигарх ее там увидит? Он на экскурсию в обезьянник заедет или окажется такой же жертвой милицейского произвола?

– Много ты понимаешь, – уязвлено ответила спец по любовной магии. – Он, может, приедет брата непутевого выручать или как свидетель по важному делу явится. Не понимаю, что тут смешного!

– Ничего-ничего, – хихикнула Лара. – Главное, чтобы он туда не попался как обвиняемый по делу битцевского маньяка.

– И когда только успела криминальной хроники насмотреться? – удрученно заметила Настя и добавила: – Ну не справляемся мы со всеми преступлениями, никак не справляемся. Москва – город большой, а нас – по одному на сотню, и только каждый двадцатый в хранители попадает.

Хранителями называли сотрудников опергруппы, которая занималась предотвращением преступлений и катастроф. Попасть в хранители мечтали все выпускники школы магии, но везло лишь некоторым, а остальным приходилось заниматься рядовыми проблемами и нести вполне заурядную службу на благо человечества.

– И так по статистике каждое третье возможное преступление предупреждаем, – продолжила Настасья. – А это примерно десять убийств, пятнадцать разбойных нападений и пять умышленных поджогов в день. И ведь над каждым делом работает не меньше десятка человек: прогнозист, аналитик, сыщики, силовики...

– Да ладно тебе, Насть, – смущенно пробормотала Лара. – Я ведь вовсе не это имела в виду. А про милицию спросила, потому что мне нужно информацию на родственников Нарышкиной получить. В наш архив я соваться не хочу, чтобы внимания не привлекать, а через милицию их найти несложно.

– А зачем тебе ее родственники? – удивилась та.

– Увидишь, – загадочно ответила Лариса. – Так что, поможешь?

– Ладно, попробую. Слушай, – спохватилась фея, – а как там твои успехи с Глашей?

– Да никак, – вздохнула волшебница. – Не могу я проникнуть в ее сны, и все. То ли делаю что не так, то ли она вообще сны не видит. А может, магистры преувеличили возможности связи между нами. Я вообще сомневаюсь, что она существует...

– Ну не вешай нос, – приободрила ее подруга. – Продолжай пробовать.

– Продолжаю – куда деваться. Вот и сегодня опять буду...

Но в ту ночь Лариса Глаши опять не дождалась, и на то были вполне объективные причины: Глаша не сомкнула глаз до рассвета.

* * *

Русалки появились, когда на небе зажглись звезды. Сперва послышался плеск воды, потом разлился в воздухе хрустальный девичий смех, а затем на берег взлетели тоненькие светлые фигурки и пустились в безудержный пляс.

Было в их танце что-то такое шальное, задиристое и манящее, что Оливье весь подался вперед, и даже Гликерия непроизвольно закачалась в такт мелодичной песне, которую напевали русалочки. А затем танцовщицы почтительно расступились, пропуская в свой круг девушку, светлые волосы которой были уложены короной и украшены венком из речных

лилий.

– Принцесса,– замороженно шепнул маркиз, не сводя глаз с удивительного зрелища.

Да уж, было от чего потерять голову, признала Глаша, глядя, как главная русалочка начинает свой сольный танец. Мало того что эти речные бестии двигались как стриптизерши с десятилетним стажем, так бесстыдницы были совсем без одежды! Лунный свет обнимал их соблазнительные фигурки и подчеркивал женственные линии тела, и сказочные красавицы, как ночные бабочки, купались в нем.

– Я пошла,– прошептала девушка. Но спутник ее даже не услышал. Она пожала плечами и вышла из тени деревьев.

Русалки заметили ее не сразу. Увлеченные своим волшебным танцем, они увидели ее только тогда, когда их отделяло меньше десятка шагов. Песня оборвалась на звенящей ноте, круг распался, русалки с любопытством воззрились на незваную гостью.

Та молча рассматривала их. Все-таки одежда на русалках была, но такая тонкая, прозрачная и столь сильно обтягивала тело, что с расстояния ее было не заметить. Танцовщицы были одеты в крошечные туники, словно сотканые из лунного света, а в их светлые распущенные волосы, волнистые от влаги, были вплетены жемчужины и цветы. Чудно, но русалки все как на подбор были блондинками! Да притом миниатюрными.

– Смотрите, кто к нам пожаловал,– оживились они.– Никак новенькая? Сохнешь от несчастной любви или просто жить надоело?

– Я к вам по делу,– кашлянула Глаша.– Мне нужно поговорить с вашей принцессой.

Красавица с венком из лилий выступила вперед и с улыбкой сказала:

– Надо же, какая смелая. Так что же тебя привело к нам?

– Мне нужна одна вещь, которой вы обладаете,– безо всяких церемоний выпалила Глаша.

– Кажется, я догадываюсь, о чем речь,– усмехнулась принцесса, подходя к ней ближе.– Что ж, тогда твой кавалер – круглый дурак!

– Почему это? – насупилась девушка, вглядываясь в ее совершенные черты.

– Потому что ты и так достаточно красива,– оценивающе заметила русалка,– тебе ни к чему наши локоны.

– Зачем мне ваши локоны? – удивилась Глаша.

– Вот как? – Принцесса вскинула на нее зеленые очи в обрамлении длинных ресниц.– Тогда что же тебе нужно?

– Расана, там мужчина! – пронзительно взвизгнула одна из девушек, и русалки сорвались с места, бросившись к деревьям.

– Это со мной! – вскрикнула Гликерия им вслед.

– А вот это зря,– заметила принцесса, окинув ее сочувственным взглядом.– Глупо было приводить его с собой, очень глупо.– И Расана скользнула вслед за своей свитой, туда, где призрачные силуэты, покачиваясь в танце, уже окружили Оливье...

Русалки подхватили его за руки и потянули вслед за собой, на берег. Глаши уже никто не замечал – все были заняты новой, куда более интересной игрушкой.

– Стойте! Отпустите его! – вскричала похолодевшая от ужаса девушка, глядя на затуманенные глаза маркиза, не видевшего ничего, кроме прекрасных танцовщиц, и его мечтательную улыбку.

– С какой стати? – ответом ей был хрустальный смех принцессы.– Что ты можешь предложить нам в обмен?

И действительно, что она может предложить им?

– Новый репертуар! – неожиданно для себя выпалила Гликерия.

– Что? – удивилась Расана.

– Ваш безнадежно устарел,– стараясь не выдать своего волнения, небрежно кинула Глаша.

– Но как видишь, он еще действует! – с вызовом ответила русалка, кивнув на безвольного Оливье, которого, как плюшевого медвежонка, трепали в своих нежных руках ее

подруги.

– Надолго ли его хватит? – парировала девушка, храбрысь из всех сил. Никудышная она актриса, если не сможет обвести русалок вокруг пальца и вызволить маркиза, и поделом, что ее не взяли в театральный! Но огонек интереса, вспыхнувший в глазах принцессы, был подтверждением обратного. «Значит, играем», – воспрянула духом она и приготовилась отыграть самый важный спектакль в своей жизни на твердую пятерку.

– И что же ты можешь нам предложить? – насмешливо осведомилась Расана.

– Танец горячий, как сама страсть, чувственный, как любовное свидание, волнующий, как первый поцелуй, и завораживающий, как самые мощные любовные чары, – проворковала Гликерия, копируя интонации из рекламных роликов.

– Мы и так им владеем, – надменно вскинула голову принцесса, но в ее голосе прозвенела нотка неуверенности.

– Ваши пляски – детский лепет по сравнению с этим танцем, – пренебрежительно произнесла Глаша. – Я научу вас тому, что сделает вас самыми привлекательными в глазах мужчин.

– Мы и так привлекательны! – обиженно зароптали русалочки.

– Этот танец дарит удовольствие не только зрителю, но и самим танцовщицам, – вкрадчиво заметила Глаша, продолжая нахваливать свое специальное предложение. – Вы забудете о скуке и тоске, если освоите его движения, а красота ваша расцветет с еще большей силой.

– Звучит заманчиво! – воскликнула одна из русалок, и остальные испуганно зашикали на нее.

– В качестве бонуса могу предложить уроки самого соблазнительного танца всех миров, времен и народов – стрип-дэнса, – продолжила саморекламу Глаша. – Как обычного, не требующего особой атрибутики, так и с аксессуарами, а именно: танец с пеньком (за неимением стула), танец с дрыном (в отсутствие шеста) и танец с лопухами (вместо платков).

– Что ж, – заинтересованно произнесла принцесса, – убеди нас. Станцуй.

Русалки расступились, пропуская девушку в центр залитой лунным светом полянки, но не выпуская из рук Оливье, бессильно повисшего на их белоснежных плечиках. Глаша остановилась в центре круга, закатала блузку, завязав ее узлом и обнажив полоску живота. «Ну поехали», – прошептала она. Недаром же полгода на восточные танцы ходила, чтобы мальчишек на выпускном поразить. Знала бы, что сейчас пригодится, еще бы полгода из зала не вылезала, но приходится рассчитывать на то, что есть.

– Восточные сказки, зачем ты мне строишь глазки, манишь, дурманишь, зовешь пойти с тобой, – запела Глаша на русском, вскидывая руки вверх и поводя бедрами...

К концу выступления русалки, позабыв про Оливье, который тем временем ошалело пялился на свою самозабвенно танцующую спутницу, с упоением выводили бедрами восьмерки, неумело повторяли волны, копировали волнующие тряски и подпевали непонятной зажигательной песенке в исполнении необыкновенной незнакомки.

Мастер-класс по восточным танцам и стрип-дэнсу, который вездесущая Глаша также успела посетить накануне выпускного вечера, а потом еще несколько уроков дома по DVD добавила, закончился перед самым рассветом. Русалки освоили все основные движения самых соблазнительных танцев Глашиной современности и выучили тексты музыкального сопровождения. Репертуар речных красоток пополнился хитами «Гадалка», «Лейла», «Красивая любовь», «Сам ты Наташа» и «Сердце-магнит», которые Гликерия каким-то фантастическим образом умудрилась перевести на местный язык. Особенно душевно выводили русалочки слова песни группы «Фабрика»:

– Ой люли мои, люли, ой люли-поцелуй, – мелодично разносилось по всему берегу, когда принцесса отделилась от круга танцующих подруг и поманила девушку к краю поляны.

– Ну, – звонко смеясь, воскликнула она, – развеселила ты моих девчонок и меня заодно, проси теперь все, что хочешь! За такую забаву чем угодно одарю!

– Я могу забрать своего спутника? – кивнула Глаша.
– Разумеется, – великодушно махнула рукой русалка, и взгляд маркиза прояснился. – Это даже не обсуждается. Мне бы хотелось отблагодарить тебя чем-нибудь более ценным.

Опомнившийся от чар Оливье обиженно фыркнул и отошел на противоположный край поляны.

– Есть у меня одно желание, – начала Глаша, осторожно подбирая слова.
– Не бойся, говори! – разрешила Расана.
– Мне нужен амулет Ренара.
– Ух ты, – присвистнула принцесса. – Да ты не так проста, как кажешься на первый взгляд. Спрашивать, откуда ты узнала про амулет, не буду. Ответ лучше, зачем он тебе.

– Мне нужно вернуться домой, – призналась девушка.
– Твой дом так далеко, что без амулета не обойтись? – удивилась Расана. – У меня есть связи в морях и океанах. Даже если твой дом находится на краю света, я могу договориться, чтобы тебя доставили туда в кратчайшие сроки.

– Хуже, – обреченно сказала Гликерия. – Он в другом мире.
– Так вот откуда эти необыкновенные танцы! – воскликнула русалка, радостно потирая руки. – Теперь моим девочкам точно не будет конкуренток во всем нашем свете.

– Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла, танцуют звезды и луна, а ты опять сидишь один, а ты все смотришь из окна, – напевали тем временем девочки, сопровождая песню такими умопомрачительными движениями, по сравнению с которыми танцы Жанны Фриске казались целомудренными и невинными.

– Так как насчет амулета? – робко напомнила Глаша.
– Увы, – вздохнула Расана. – Он уже давно исчерпал себя. Последнее заклинание применила еще моя предпредшественница.

Девушка удрученно опустила голову. Весь день в пути, полночи танцевального марафона – и все зря. Оливье рисковал жизнью, она чуть не потеряла спутника и не осталась одна в чужом мире, в дремучем лесу...

– Что ж, попытаем счастья у вампиров, – пробормотала она, собираясь распрощаться с озорной принцессой.

– У вампиров? – Лицо той стало еще более прозрачным. Быть может, из-за того, что приближался рассвет, а может, по какой-то другой причине. – Разве нет другого способа попасть домой?

– К сожалению, нет.
– Тогда я тебе не завидую, – качнула головой Расана. – Быть может, лучше смириться и начать новую жизнь здесь?

Глаша уже немало раз задавала этот вопрос самой себе и была близка к тому, чтобы согласиться, но сейчас, когда ее мысль прозвучала из уст сказочной русалки, она поразила ее своей абсурдностью.

– Нет, – твердо сказала она. – Я должна вернуться домой.
– Что ж, тогда желаю тебе удачи, – ответила принцесса. – А это тебе на память. – Расана провела рукой по волосам, которые она распустила во время танцев, и в ее зажатом кулачке мелькнул серебристый кинжал, который легко срезал длинную и густую прядь. – Локон русалки, – с улыбкой пояснила она, передавая ее недоуменной Гликерии.

Взяв светлую прядку в ладонь, та залюбовалась ее сиянием – казалось, каждый волосок был наполнен лунным светом.

– Наши волосы очень ценятся у людей и магов, – продолжила принцесса. – Даже один волосок, вплетенный в прическу, способен придать привлекательность последней дурнушке, а десять вплетенных волосков к тому же изменят цвет локонов на белокурый, как у нас. И для магических ритуалов наши волосы – весьма ценный компонент. Ты можешь продать их или обменять на что-то полезное для себя. Смотри не продешеви, – весело подмигнула она, – наши локоны – большая редкость, ведь добыть их не так просто. К нам очень трудно подобраться близко, а выбраться из наших объятий – еще трудней, поэтому каждый волосок

потянет на горсть драгоценностей. Подумай, если захочешь остаться в нашем мире, недостатка в кавалерах у тебя не будет, да и приданое можешь получить достойное.

– Спасибо,– еще раз поблагодарила ее Глаша.

– Да ладно, мне не жалко,– довольно рассмеялась принцесса, закинув голову и рассыпав свои роскошные волосы по плечам.

Верхушки деревьев уже золотил рассвет, и Расана стала поспешно прощаться.

– Пора уводить девчонок на дно, вон как разгулялись-то!– Она махнула рукой на русалочек, самозабвенно выводящих горячие восточные па. Девчонки учились быстро, природная грация и пластика русалок придавала их движениям особую пленительность, и уже сейчас, спустя всего полночи тренировки, они смогли бы составить серьезную конкуренцию Шакире и Бритни, посвящающим танцам пару часиков занятий ежедневно.

Расана надела на голову Глаше свой венок из лилий и сказала, что он сохранит свою свежесть еще три дня.

– А как же ты?

– Новый сплету! Будет хоть чем себя занять.

Глаша тепло распрощалась с принцессой и ее приближенными под неодобрительные взоры Оливье, который каменным истуканом застыл у деревьев и в ужасе взирал на это безобразие.

Шаловливые русалочки послали буке сотни воздушных поцелуев и изобразили на прощание несколько особенно страстных движений грудью и бедрами, отчего бедного маркиза едва не хватил удар. Он сдавленно булькнул, развернулся спиной и рванул в кусты так, как будто за ним гнался отряд разъяренных гарпий. Впрочем, кто знает, как обернулось бы дело, не возьми Гликерия пару десятков уроков восточных танцев?

Глаша и Оливье едва держались на ногах после бессонной ночи. Поэтому, разыскав коней, они решили пару часиков вздремнуть в лесу. Благо, и заросли шатерника тут же нашлись, а на зачарованном от холода походном плаще спалось не хуже, чем на мягкой перине. Торопиться им все равно было некуда – до замка вампиров всего четыре часа пути, а пробуждаются его обитатели только ближе к вечеру.

Так что в седла путники взгромоздились ближе к полудню, и быть бы им в замке вампиров уже к ужину, кабы не одно досадное происшествие, которое приключилось с ними, стоило им удалиться от Серебрянки всего на полчаса езды...

* * *

Воскресным утром шестнадцатого июля Арина Нарышкина обнаружила в почтовом ящике извещение на посылку. Повертев его в руках, трижды перечитав пункт отправки (Узбекистан) и не обнаружив имени отправителя, получательница недоуменно нахмурилась. Ни одной идеи по поводу личности отправителя, и уж тем более содержимого посылки, в голове не возникло, а значит... Арина уже собралась было скомкать извещение и бросить в стоявший здесь же ящик для рекламных листовок, как ее взгляд зацепился за графу «ценность». «Бесценно»,– гласила та. В скобках корявым почерком было дописано: 0 руб. 0 коп. Арина хмыкнула и глянула на часы. Почта уже открылась, и в это время там как раз мало народу. Отчего бы не проверить, что за бесценную посылку прислал ей неведомый отправитель? Она свернула извещение пополам, положила в карман спортивной куртки, вышла из подъезда и зашагала в сторону почты.

– Получилось!– торжествуяше прошептал худощавый загорелый узбек, потирая морщинистые руки.– А ты говорила: не выгорит, не выгорит!

– И не выгорело бы,– возразила девушка в синей бейсболке, провожая Арину взглядом. Они уже полчаса как стояли в подъезде дома напротив и ждали, когда Нарышкина отправится на традиционную воскресную пробежку в парке.– Если бы я не дописала «ноль рублей ноль копеек», ни фиги бы не выгорело,– убежденно добавила она.– Пупырышкина бы подумала, что ее опять на деньги разводят, и не пошла бы. А так – заинтересовалась. Учись,

пока я живая! Уж я-то эту Кочерыжкину как облупленную изучила.

– Ну я пойду? – завертелся узбек, наклоняясь к стоящему на полу пакету. Достал оттуда чалму, нахлобучил на голову, наклонился снова и застонал: – Ай-яй-яй!

– Что такое? – обеспокоенно спросила девушка.

– Спину прихватило, – буркнул старик. – А все из-за тебя, злыдня! Говорила ж я тебе, Настька, давай прототипа для Хоттабыча помоложе возьмем. А ты все: «не поверит, заподозрит, в домогательствах обвинит»! А страдать теперь мне.

– А ты думала, мне было легко? Терпи, Ларчик, наша служба и опасна и трудна. И не забудь, что ты не Хоттабыч, а Гасаныч – его внучек родной...

– Помню-помню, – прокрихтел узбек. – Абдурахман Хоттаб ибн Гасан. Зря ты, Насть, все-таки не дала мне именную грамоту сделать... Вдруг не поверит?

– Поверит, – убежденно сказала Настасья. – Именную грамоту и подделать можно, борода – вот твоя лучшая рекомендация и удостоверение личности, – добавила она и неожиданно дернула старика за длинную седую бороденку.

– Ай! – взвыл тот, шарахнувшись в сторону (а на другом конце Москвы почтенный дед семейства Гаджикариповых, Саид Бананович, возвращавшийся из мечети и в ту минуту выбирающий сушки к чаю, отпрыгнул от прилавка и глухо выругался, чем безмерно напугал продавщицу). – Ты чего?

– Привыкай. Думаешь, Нарышкина не проверит, настоящая ли у тебя борода?

– Ну так и пушай заценит, – потирая подбородок, проворчал узбек. – Зря я, что ли, по твоему указанию с самого утра у мечети бородатых старцев высматривала? Черт-те куда ехать пришлось! Теперь пусть хоть обдергается!

– Ты и сама не забывай волоски дергать, когда чудеса начнешь творить да желания исполнять! – наставительно сказала Настя. – Ну давай уже заклинание невидимости применяй да топай к двери Нарышкиной, а то наша спортсменка уже скоро с трофеем вернется. Надеюсь, ей не придет в голову открывать его прямо на почте...

– Так ведь спину прихватило! – жалобно напомнил старик.

– Вот ведь старая ты развалина, – насмешливо обронила Настя, затем подняла ладонь и поводила ей над спиной узбека.

Лара бы и сама могла произвести эти нехитрые действия, если бы ей спину в три погибели не согнуло, да и руки у дедка были не такие гибкие, как ее собственные, а для большего эффекта заклинание следовало пропустить через ладони и направить к очагу боли.

– Кудесница, – проскрипел старик, разгибаясь и поправляя съехавшую набок чалму. – Фух, уже вся голова взопрела!

– Терпи, Ларчик, Абдурахманом будешь, – хохотнула Настя.

– Буду... А куда деваться? – вздохнул старец, вынимая из пакета цветастый восточный халат и надевая его поверх футболки и льняных штанов, стянутых на лодыжках резиночкой на манер шаровар. Обычно Лариса копировала внешность человека вместе с одеждой, но на этот раз пришлось позаботиться и о костюме.

Где-то наверху хлопнула дверь, и подруги восприняли этот звук как сигнал к действию. Лариса в образе узбека Гасаныча подмигнула Насте, выдернула волосок из бороды (Саид Бананович, к тому моменту уже успевший купить сушки и выйти из магазина, едва авоську из рук не выронил) и исчезла, оставив лишь седой волосок, медленно опавший на пол. Настя прислушалась, убедилась, что вышедшие жильцы сели в лифт, досчитала до десяти и последовала за подругой, дабы не наступить на пятки невидимому старцу и не спровоцировать очередной приступ радикулита или, тем паче, стать причиной открытого перелома руки.

Тем временем Арина Нарышкина уже получала небольшую картонную коробку с бесценным грузом весом 3 кг 700 грамм. На почте выяснилось, что отправитель сего – Немудрякин Рустам Аристархович, какой-то дальний бабушкин родственник. Вот только почему посылка пришла ей, а не бабушке?

– Фамилия-то какая смешная – Немудрякин, – улыбнулась тетя Дуня Ознобищева,

вручая Арине коробку. Пожилая соседка работала в службе доставки и позволила забрать посылку без предъявления паспорта.

– Да уж, обхохочешься. Спасибо, тетя Дунь! – оценивая коробку на вес, поблагодарила Арина. В парке с таким камнем не побегаешь, придется возвращаться домой.

Дома она закрыла на оба замка дверь (та отчего-то закрываться сперва не захотела), затем споткнулась в прихожей, едва не уронив бесценный дар Немудрякина, да так, что аж половицы закричали, чего с ними сроду прежде не случалось, и уж только потом заглянула к бабушке (старушка еще спала) и протопала в конец коридора к своей комнате. Там образцовая работница «Макдоналдса» поставила коробку на стол, взяла в руки ножницы, разрешила почтовый скотч и вытащила на свет тяжелый железный кувшин, потемневший от времени.

Кувшин Лариса купила за копейки в одной из антикварных лавок накануне днем. Старинный, пузатый, с нанесенными вокруг горлышка витиеватыми письменами, сосуд как будто сошел со страниц восточных сказок. Разумеется, томившегося в неволе джинна там не оказалось, да Ларисе конкурент был и ни к чему. С ролью Хоттабыча она и сама превосходно справится. В квартиру волшебница вслед за Ариной прошмыгнула почти незаметно – а что полы невидимого халата застряли в двери и мешали ей закрыться, так это пустяки, дело житейское. Только она халат из двери выдернула да Арина дверь закрыла, как новая каверза приключилась – тело стариковское оказалось медлительней, чем реактивная Нарышкина. Волшебница не успела ногу отдернуть, как подопечная всем своим весом на больную мозоль обрушилась. Как Лариса не завопила дурным голосом, сама до сих пор удивляется, только зубы стиснула. И стискивать-то особенно нечего было – чего там этих зубов-то осталось! А только скрип по всему коридору разнесся – зубы-то у старичка через один железные оказались. Лара так и обмерла на месте: по ноге как будто слон прошелся, больной зуб мигом разнылся, да тут еще и Арина насторожилась, как охотничий пес, и головой по сторонам закрутила. Лариса в обои вжалась, позабыв о том, что невидимка, а Арина ножкой по старому паркету топнула и успокоилась вроде, все на половицы списала. А дальше уж Лара по стеночке за ней в комнату прокралась да приготовилась ждать, когда Нарышкина крышку кувшина открыть решит.

– Вот те на! – пробормотала ее подопечная, разглядывая кувшин со всех сторон. – Ну ты, товарищ Немудрякин, и намудрил!

Затем она потрясла кувшин над ухом и разочарованно заключила:

– Золотых монет не предвидится. И на кой мне эта дура?

Ответ на свой риторический вопрос девушка неожиданно обнаружила в ящике, на дне которого лежала записка.

«Дорогая Арина! Наш покойный дедушка Аристарх Тимурович завещал вам этот кувшин. Кувшин не имеет никакой исторической ценности, он был дорог деду как память о раскопках, на которых он побывал в студенческие годы. Неизвестно, почему он хотел передать его именно вам, и нужен ли он вам самой. Но мы, следуя дедушкиной воле, пересылаем его вам. С уважением, Рустам Немудрякин».

– Имел бы историческую ценность, фиг бы передали, – пробурчала Арина, ознакомившись с содержанием записки, и вновь взяла кувшин в руки. – Ну что, Хоттабыч, вылезай! – ухмыльнулась она и игриво щелкнула по поверхности сосуда. – Надеюсь, путешествие твое в багажном вагоне прошло с комфортом и наши доблестные почтальоны не намяли тебе бока.

«Йес! – торжествующе воскликнула про себя Лара, мышкой затаившаяся у окошка. – А теперь открой крышку, балда!»

– Что же ты не выходишь, дурашка? – насмешливо спросила подопечная. – Разве ты не хочешь выполнить мои самые заветные желания?

«Хочу, хочу, хочу! Только крышку открой!»

– Ах, точно! – спохватилась Арина и потянула на себя крышку кувшина. – Ну иди же ко мне, мой благодетель!

«Уже иду, бегу, лечу, мчусь, падаю. Да открывай же уже дурацкий кувшин!» – мысленно рявкнула Лариса, готовясь к своему торжественному выходу.

– Вуаля! – провозгласила Арина, откидывая тугую крышечку, и в ту же секунду из узкого горлышка заструился густой белый дым, который мгновенно заполнил всю комнату.

«Ну и кто теперь скажет, что джинн появился не из кувшина?» – удовлетворенно заключила Лариса, делая шаг вперед и снимая заклинание невидимости.

Из дневника Арины Нарышкиной

Как только я открыла крышку, из кувшина повалил белый дым с удушливым пряным запахом, и когда он развеялся, а я – откашлялась, в комнате появился сумасшедший старик с ослепительной улыбкой Остапа Бендера, собравшегося свистнуть очередной стул...

* * *

Лес был тихим и безмятежным, высоко в ветвях щебетали птицы, сквозь кроны деревьев проглядывало солнышко – словом, ничто не предвещало беды, когда Оливье вытянулся в седле как струна и обеспокоенно вгляделся в листву над головой.

– Тсс! – шикнул он на Глашу, пересказывавшую жеке сюжет «Интервью с вампиром», и положил ладонь на рукоять меча.

Жека послушно юркнула в суму, а девушка сильнее стиснула поводья. «Доигралась! – пронеслось у нее в голове. – Хотела приключений – получай! Вот только как ты теперь из этой переделки выбираться будешь, глупындра, когда у тебя даже меча нет? Да и был бы – что толку?» Эх, надо было попросить тогда Милану вместе с навыками верховой езды наколдовать ей и владение холодным оружием. Ну да что теперь – после драки кулаками не машут. Хотя ее драка, похоже, только начинается.

Сверху затрещали ветви, покачнулись кроны деревьев, упала на землю крупная крылатая тень...

– Гарпия, – сквозь зубы сообщил Оливье, выхватив меч и приготовившись к схватке. – Пригнись!

В ту же секунду над Глашиной головой что-то просвистело, а сама голова полегчала.

– Вот бестия, – удивленно моргнул маркиз и во все глаза вытаращился на Гликерию.

– Что она сделала? – испуганно пролепетала та. – Сняла с меня скальп?

– Она свистнула твой венок, – прыснул Оливье. – Никогда бы не подумал, что гарпии любят цветы.

– Ах ты зараза! – вскричала разъяренная девушка, грозя кулаком в небо. – А ну верни мой подарок!

– Кажется, она возвращается, – сосредоточенно сообщил маркиз, глядя вверх.

В следующую секунду на него упала черная клякса, в которой Глаша, как ни старалась, не могла разглядеть ни морды, ни лап, ни хвоста. И неудивительно: маркиз задал коварной похитительнице венка такого жару, что та заметалась в воздухе со скоростью сумасшедшей белки, бег которой прокручивают на утроенной скорости на видеомагнитофоне. Раздался визг, писк, лязг железа, скрежет когтей по металлу и взбешенный крик Оливье:

– ... – красноречиво выразил он свои чувства на ругательном кукуйском, глядя на взмывающую вверх гадину. – Она сожрала мой меч!

– Ни фиги себе, – выдохнула Глаша, глядя на огрызок железяки в руке маркиза.

– Гони во весь опор! – страшным голосом завопил Оливье.

– А это поможет? – вскрикнула она, натягивая поводья так, что Слон встал на дыбы.

– От гарпии не поможет ничего, кроме меча или магии, – мрачно сообщил маркиз. – Но, может быть, нам удастся оторваться.

Оторваться не удалось.

Одолев сотни три метров, Слон споткнулся о лежащую средь дороги корягу и упал, подмяв под себя Глашу. Оливье, который мчался за ней на Звездочке во весь опор, пронесся еще метров десять вперед, прежде чем остановился.

– Ты жива? – прокричал он, спрыгивая с лошади, и бросился к ней. – Черт, откуда здесь взялась эта коряга?

– Я жуб выбила, – провила Глаша, выползая из-под Слона, который оправдывал свою кличку на весь центнер, и зажав рукой рот. – Передний! Увас! – проскулила она, чувствуя себя глубоко несчастной и обманутой. Герои книг, которые она запоем читала, из любого самого жестокого побоища выходили с высоко поднятой головой и голливудской улыбкой на лице. А она при первом же падении с лошади лишилась зуба! Что же это за героиня – без зуба? Кошмар! Что же это за актриса со вставной золотой коронкой? Катастрофа! Все эти мысли в одну секунду пронеслись в бедной Глашиной головушке, а потом сзади раздался душераздирающий визг догнавшей их гарпии...

– Берегись! – взвыл Оливье, бросаясь наперерез твари, и та, погрузив когти в плечи маркиза, затрясла его, как Глашина кошка Мурзилка игрушечную мышь.

Девушка, мигом забыв о своей личной трагедии, с ревом вскочила с земли, схватила ту самую коварную корягу, из-за которой потерпел крушение Слон, и, изо всех сил размахнувшись, заехала ею по гарпии...

Хотела – по гарпии, получилось – по Оливье. Тот глухо охнул и обмяк в железной схватке гадины, хищница не удержала добычу, и несчастный маркиз кулем грохнулся на землю. Гарпия потрясенно зависла в воздухе, повернув к девушке морду, словно для того, чтобы та смогла разглядеть ее во всех анатомических подробностях. А чего там этих подробностей-то? Округлое гладкое тело, как у лысых кошек, кожистые крылья, мощные лапы с лопаткообразными когтями, какие современные красотки в маникюрных салонах наращивают, круглые совиные глаза размером с теннисные мячики, хищно раздувающиеся ноздри да уши торчком – все вместе зрелище настолько уродливое, что сам по себе вид гарпии уже мог использоваться для деморализации противника, не знакомого с современными ужастиками. Но Глашу такой образиной было не пронять. Гликерия была страшна в гневе, а сейчас она и вовсе пребывала в такой ярости по случаю потери переднего зуба, что, не задумываясь, отдубасила бы до полусмерти орду орков, что уж говорить о крылатой уродине размером с недоразвитую козу?

В общем, у гарпии не было шансов выжить. Поэтому, когда Оливье пришел в себя, он услышал только предсмертный хрип нечисти, жестоко прогадавшей с выбором жертвы.

– Глаша, – окликнул маркиз девушку, продолжавшую молотить корягой по затихшей гарпии.

Та словно очнулась, выронила орудие убийства из рук, с недоумением посмотрела на ту лепешку, которая осталась от монстра, и сконфуженно обернулась к Оливье:

– Ты как? Прости, што я тебя шлушайно задела.

– Пустяки, – ободряюще улыбнулся он. – По сравнению с гарпией мне крупно повезло.

Гликерия смущенно опустила глаза и увидела, как землю накрыли три крупные тени. Оливье молнией сорвался с места и повалил ее на траву у дороги, накрывая своим телом. А сверху на них упали гарпии...

* * *

– Надеюсь, вы не сын турецкоподданного? – выдавила ошарашенная Арина, переводя взгляд с закрытого окна на собственноручно запертую дверь.

– Я сын почтенного жителя славного Ирема, Хоттаба Гасана ибн Абдурахмана, Абдурахман Хоттаб ибн Гасан, – с достоинством произнес старец, поглаживая седую

бородку.

– Чего? – растерянно переспросила Арина, тараща глаза на диковинного гостя.

– Хоттаб Гасан ибн Абдурахман – мой отец, а меня зовут – Абдурахман Хоттаб ибн Гасан, – терпеливо пояснил тот и, заглядывая ей в глаза, спросил: – А как зовут мою прекрасную освободительницу, мою почтенную благодетельницу, мою милостивую повелительницу?

Арина, почуяв подвох, обернулась назад, вероятно ожидая увидеть там трех восточных пери: освободительницу, спасительницу и повелительницу, сгустившихся из облачков дыма. А проще говоря – сообщниц чудаковатого фокусника-араба. Но в комнате больше никого не было. Сам же фокусник по-прежнему взирал на нее с почтением и с готовностью угодить. Так что у девушки сложилось впечатление: если она скажет ему сигануть в окошко, тот рванет в ту же секунду, воскликнув: «Слушаю и повинуюсь...»

– Знаешь что, Абдурахман Гасан, – подбоченилась она. – Не знаю, как ты забрался в мой дом, но лучше топай отсюда по-хорошему.

– Меня зовут Абдурахман Хоттаб, – мягко поправил ее старец и с печалью произнес: – Ты не хочешь называть мне свое имя, повелительница. Ты сердишься на бедного Гасаныча? О горе мне, несчастному, горе!

Борода старика предательски затряслась, и он как подкошенный рухнул на пол, стараясь поймать губами краешек Ариной тапочки.

– Ай! – брезгливо вскрикнула она, отдергивая ногу, и сбросила обслынявленную тапочку на пол. – Фетишист несчастный!

– Несчастный, – горестно вздохнув, подтвердил старец. – Только я не фетишист, а волшебник. О горе мне, горе, бедному!

– Так я и думала, – поджала и без того тонкие губы Арина. – На какие только ухищрения не идут нищие, чтобы выпросить милостыню.

Она с осуждением взглянула на халат незваного гостя, изрядно засаленный и кое-где покрытый заплатами, на его разношенные туфли с загнутыми носами, и в ее глазах мелькнула жалость. Она прошла по комнате, взяла сумочку, достала кошелек и протянула побитому жизнью нищему тридцать... нет, аж пятьдесят рублей.

– Вот, возьмите!

Старик с удивлением взял протянутую ему бумажку и уставился на нее так, как будто видел впервые в жизни. После чего расправил купюру, сердечно поблагодарил «благодетельницу» и от души высморкался в пятидесятирублевку на глазах у обомлевшей от такого варварства Арины.

– Ты чего творишь, дурак? – осипшим голосом прошептала та.

– Спасибо тебе, добрейшая из величайших, – не замечая ее реакции, поблагодарил Гасаныч, скомкав бумажку в ладони, – пожалела старика. Только звать меня Абдурахман, а творить я еще не начинал – покорнейше жду твоего первого указания. Только сперва позови мальчика, пусть принесет вазу для мусора.

– Мальчика? Для мусора? Вазу? – с ужасом глядя на него, пролепетала Арина и беспомощно посмотрела на дверь – мало того что та была заперта ее же рукой, так еще и сумасшедший старик перегородил все пути к бегству. – Конечно-конечно, сейчас! Сейчас же позову. Так что вы там говорили про указания? Предложение все еще в силе?

– Я полностью к вашим услугам, прекрасная госпожа. – Старец склонил чалму в почтительном поклоне.

– Тогда ну-ка быстро верни бумажке первоначальный вид и отдай мне, – взяв себя в руки, строго велела Арина.

– Ты не веришь в могущество старого Гасаныча, госпожа? – опечаленно спросил старец. От расстройства он даже перешел на «ты». После чего он трагически вздохнул, пробормотал «Слушаю и повинуюсь», вытянул сжатую в кулак руку, внутри которой была скомкана многострадальная «бумажка», раскрыл ладонь – и на ней осталась лежать незапятнанная пятидесятирублевая купюра, да такая ровная и новенькая на вид, словно ее

только что выдали в банке.

Арина лишь потрясенно пискнула при виде чуда, схватила банкноту, повертела ее со всех сторон, проверила, не улетучились ли водяные знаки, но затем, спохватившись, с подозрением уставилась на старика: мол, знаем мы вас, фокусников.

— А зачем тебе эта жалкая бумажка, о моя сладкоголосая пери? — наивно поинтересовался тот. — На ней даже нет ни волшебной печати, ни золотого тиснения, бумага ее бедна и неприглядна. Единственное, что могло бы ей придать ценность в глазах такой образованной госпожи, так это стихи незабвенного Хамара Ойяма, написанные его собственной рукой. Но сия бумажка настолько мала, что на ней не поместится даже половина его цветистой росписи!

— Омара Хайама, — машинально поправила Арина, любовно поглаживая пятидесятирублевку.

— Этот невежда — лишь бездарный подражатель своего почтенного учителя, единственного в мире поэта-джинна, — гневно махнул полой халата старик. — Он даже имя себе состряпал, переделав имя Хамара.

Арина с растерянностью внимала открывшимся ей тайнам Востока.

— Ну да аллах с ним, — тряхнул бородой Гасаныч. — Он даже не стоит чести быть представленным прекрасной госпоже, а тем более — вести о нем долгие речи. Как видишь, моя среброволосая повелительница...

— Чего?

— Твои волосы подобны серебру, — галантно пояснил джинн. Арина задрала нос. — Так вот, как видишь, я справился с твоим первым желанием...

— И горишь желанием исполнить второе? — усмехнулась девушка. — Чтобы тем самым приблизить третье и скорее от меня слинять?

— Слинать? — наморщил лоб старик и почему-то испуганно схватился за бороду.

— Ну сбежать!

— Что ты, моя прекрасная пери, — рассмеялся трескучим смехом Гасаныч. — Я не в тех годах, чтобы бегать от юных дев. Да и уже не в тех силах, чтобы они за мной бегали, — притворно вздохнув, добавил он.

— То есть — ты у меня жить собрался? — сделала логичный вывод Арина.

— О, не беспокойся, моя госпожа! Я не потесню тебя в твоём дворце. Выдели мне небольшую комнатку в половине прислуги, и я буду возносить тебе хвалу как самой щедрой госпоже на свете.

— Для начала не мешало бы обзавестись дворцом, — хмыкнула Арина и деловито поинтересовалась: — Так сколько желаний я могу загадать?

— Столько, сколько пожелаешь, моя повелительница, — торжественно произнес джинн.

— Ты никуда не спешишь? — уточнила «прекрасная пери».

— Я весь к твоим услугам, — почтенно склонил голову старец. — До тех пор, пока буду тебе нужен.

— Что ж, — Арина протянула ему купюру, которую все это время держала в руках. — Я хочу целый чемодан таких бумажек.

* * *

— Деточки, вы уж извините, что корягу посреди дороги бросила — не дотащила до избушки, — причитала благообразная седовласая старушонка, спеша к Глаше и Оливье, поднимающимся с земли. — Вот вернулась за ней, а тут — такое! Эти бестии совсем стыд потеряли, средь белого дня уже на людей нападают, ну да пусть попорхают, голубчики.

Глаша проводила взглядом трех крупных, размером с воробья, черных мотыльков, которые сумасшедшими зигзагами носились по дороге, еще не понимая, что же с ними произошло.

— А это ш ними надолго? — Она с опаской покосилась на бывших гарпий.

– Надолго, деточка,– заверила ее старушка-спасительница.– На всю жизнь.
– Здорово вы их,– восхищенно заметил маркиз.
– А они – вас,– покачала головой старушка, оглядев помятых путников.
– Пустяки,– привычно отозвался Оливье и поморщился, схватившись за плечо.
– Нельзя с ранами от их когтей шутить,– строго сказала бабулька,– кровь у них дурная, ядовитая, мало ли что. Следуйте за мной, я тут поблизости живу, обработаю ваши ранения целебными зельями, как новенькие будете.

Маркиз с сомнением топтался на месте.

– А это что у тебя, девонька? – охнула старушка, глядя на струйку крови в уголке рта Глаши.

– Шуб выбила,– повесила голову та.
– Вот огорчение-то! – всплеснула руками бабулька.– Совсем ведь девчонка еще. И не замужем, поди? – Она с любопытством глянула на Оливье.
– Не,– согласно кивнула Глаша.
– Кто ж тебя, беззубую, замуж возьмет? – посетовала старушка.
– У-у-у,– расстроено проскулила девушка.
– Не реви, помогу я тебе зуб вернуть! – ободрила ее та.
– Как? – радостно вскрикнула Глаша.
– Есть у меня одно средство,– улыбнулась бабулька.– Так что, заглянете к старушке-травнице в гости?

– Уше идем! – сообщила Глаша, хватая маркиза за локоть и ликуя от счастья. Ну если старушка не врет и впрямь ей зуб сможет нарастить!

«А если она ведьма-людоедка? – прогундосил внутренний голос.– А коряга – ловушка для таких простаков, как ты? И гарпии – ее сообщницы, сейчас она их в мотыльков превратила, а через час обратно расколдует?» – «Людам надо верить»,– осадил его Глаша, следуя за бабулькой, ловко ковылявшей по тропинке. Оливье замыкал шествие и вел за собой лошадей. Через пять минут между деревьями показалась небольшая аккуратная избушка, сложенная из бревен.

– Вот и пришли,– сказала старушка, приглашая их в дом.

Везде, куда ни кинь взгляд, громоздились ряды баночек, флакончиков и прочих склянок всевозможных размеров, форм и цветов. Баночки надежно обосновались в шкафах, коих в просторной лаборатории травницы было восемь, забив все полки от пола до самого потолка, волготно расположились на рабочей поверхности стола, стоящего в центре комнаты, и постепенно начали переползать вниз и вверх, занимая свободное пространство на стенных полках и на полу под ними. Комната травницы одновременно напоминала лабораторию безумного химика и кухню сумасшедшей домохозяйки. Пребывание внутри такого помещения требовало от посетителей большого мужества, а также крайней осторожности и грациозности, дабы ненароком не задеть одну из этих стекляшек ибо никогда не знаешь, какие радости или пакости скрывает в себе ближайшая к тебе скляночка.

– Сейчас-сейчас,– причитала травница, выгребая из шкафчика баночки и бутылочки и бормоча себе под нос:– Это от укуса нечисти, это для заживления ран, это против ушибов... А вот и для выращивания зубов! – воскликнула она, разглядывая на свет пробирку с зеленой жидкостью.

– Вот-вот, давайте ш нее и нашьем! – нетерпеливо вскрикнула Глаша.

– Ну давай,– улыбнулась старушка, предлагая ей присесть на скамью у окошка.– Заодно и проверим...

– Што проверим? – испуганно уточнила девушка.

– Как оно на людях работает,– отозвалась старушка.

– А вы никогда не пробовали? – ужаснулась Глаша. Чтобы вернуть утраченный зуб, она была готова на любые условия. Но если у этого лекарства в числе побочных эффектов – превращение в буренку или мгновенный рост рогов и копыт, она бы предпочла не

рисковать...

– Ну почему, пробовала,– поведала травница.– На своих козочках и один раз на волке. Себе вон целый рот зубов вырастила.– Бабуля ощерила рот, демонстрируя Глаше свои достижения на ниве зуборащения, и девушка ахнула. Зубы были ровные, белые, все как на подбор – стоматологические клиники между собой передрались бы, лишь бы старушку лицом своей сети сделать.

– Я шоглашна,– решительно выпалила она, невзирая на отчаянные знаки, которые ей подавал Оливье, и раскрыла рот.

Старушка радостно улыбнулась и, окунув в пробирку тонкую палочку с намотанным на ее конец подобием ватки, обмазала чудесным эликсиром кровоточащую Глашину десну.

– У-у-у,– выла Глаша минуту спустя,– умираю!

– Я тебя предупреждал,– шипел обеспокоенный Оливье,– не надо нам было сюда вообще приходить.

– Ничего-ничего! – кричала травница из-за шкафа, гремя склянками.– Это новый зуб режется, сейчас-сейчас, найду обезболивающий отварчик.

– Только ничего не пей! – умоляюще проскулил маркиз.

– Ну пошему? – удивилась Глаша, готовая в тот момент выпить хоть керосин, лишь бы полегчало.

– Потому что это...

– Вот он! – Из-за шкафа появилась довольная бабулька, потрясая литровой бутылкой с мутной жидкостью.

– Давайте скорей,– взывала Гликерия, не в силах терпеть зубную боль.

Старушка поспешно опрокинула бутылку, наполнив стакан доверху, и девушка залпом опрокинула его содержимое в себя.

– Што это? – охрипшим голосом просипела она, чувствуя, как на глаза навернулись слезы.

– Что вы ей дали? – вскинулся Оливье.

– Самовар, десятилетней выдержки,– с гордостью сообщила травница.– Тебе налить?

– Не надо,– малодушно отказался маркиз.

– Зря,– расстроилась бабулька.– Тогда садись поближе, буду твои раны чинить.

– Может, не надо? – взмолился он.

– Надо, милый, надо.

– Глаш, ты как? – обеспокоенно спросил маркиз, пока травница увлеченно обмазывала его ушибы, царапины и укусы разноцветными зельями и мазями.

– Нишего, полегшало,– с удивлением признала та.– И, што шамое интересное, я пошему-то не пьянею.

– От моего самовара не пьянеют,– горделиво сообщила травница.– Он только на пользу идет.

Через полчаса все боевые ранения путников были обработаны, зуб Глаши окончательно прорезался, и та чуть не задушила травницу в порыве благодарности. Растроганная бабулька предложила гостям присаживаться к столу и сдвинула часть баночек, чтобы освободить место для чая, какао и бубликов, если они вообще имели место быть в этом чудном мире и в этом странном доме в частности.

– О, не стоит волноваться, мы недавно обедали,– поспешно ответила девушка, опасливо поглядывая на нагромождения банок и с ужасом гадая об их содержимом.

– Да что вы! – всплеснула руками травница.– Уважьте старую Люсинду. Вы – первые гости за последние три года!

– А что случилось с последними? – нарочито-безразлично поинтересовался Оливье.

– О, это совершенно невероятная история! – засмеялась хозяйка.

– Надеюсь, со счастливым концом? – с окаменевшим лицом осведомился маркиз.

– Что вы! Никаких концов, она все еще продолжается!

– Это радует,– расслабился маркиз.

– Устали с дороги, притомились,– причитала старушка,– сейчас-сейчас, напою вас моим фирменным отварчиком для поднятия сил, будете бегать как горные козочки.

При упоминании козочек Оливье глухо закашлялся и, как только хозяйка в поисках нужного средства удалилась за шкаф, чуть слышно прошептал Глаше:

– Только ничего не ешь и не пей.

– Почему это?– принципиально возразила девушка, хотя и сама не испытывала никакого желания полакомиться деликатесами старушкиного производства.

– Это же сумасшедшая травница!– глухо булькнул маркиз.– Знаешь, чем она знаменита? Она превратила в лягушку одного заезжего принца, путешествовавшего инкогнито.

– Он ее грязно домогался?– хихикнула Глаша.

– Он всего лишь попросил у нее воды!– шикнул Оливье.

– Ну и поделом ему, нечего было попрошайничать,– мстительно заметила та.– Лучше бы купил у бабульки ведро водицы – и дул бы себе на здоровье.

– Кто жалуется на здоровье?– донесся до них радушный голос хозяйки.– У меня для здоровья припасено столько чудодейственных средств!

– Бабуля, вам послышалось!– хором вскрикнули спутники и опасливо переглянулись.

– Убираться отсюда надо, пока не поздно,– предложил маркиз.

– Неудобно как-то,– пожала плечами Глаша.– Вон она нам как помогла, как радуется. Три года старушка жила одна, соскучилась, поговорить наверняка хочет. Вдруг она что-нибудь полезное нам может рассказать?

– Как сушить лягушачьи лапки и толочь мышиный помет?– съехидничал Оливье.

– Ну почему сразу помет!– возмущенно ответила Гликерия.

– Помрет?– вскрикнула из-за печи травница.– Никто не помрет! Уж я-то свое дело знаю, я уже спешу на помощь!

Загремели кастрюльки, зазвенели баночки на полках – это сердобольная хозяйка торопилась исцелить смертельно больного.

– Не волнуйтесь, бабуля!– торопливо воскликнули гости.– Вам послышалось.

– Ах, послышалось,– с улыбкой ответила та, выглядывая из-за шкафа и умильно глядя на сидящих бок о бок девушку и юношу.– Ну воркуйте, голубки, воркуйте!

– Так вот, с тех пор народ травницу стороной обходит, вон видишь, и тропка, по которой мы шли, заросла почти. Боюсь даже предположить, что она тут в своем затворничестве наизобретала и наварила. Видишь, пузырьков-то сколько!– зашептал Оливье и опасливо покосился на длинные ряды склянок.

– А ты не бойся, ты предположи,– подмигнула Глаша.– Вдруг она тут изобрела какие-нибудь совершенно невероятные вещи вроде растишки для ног, родинковыводителя или, чем черт не шутит, антижабина?

– Это средство от лягушек, что ли?– в недоумении переспросил ее спутник.

– Скажешь тоже, от лягушек!– рассмеялась девушка.– Сразу видно, темный ты человек, нет у тебя ни Интернета, ни добрых френдов, поставляющих баяны.

– Давай-давай,– надулся маркиз,– издевайся. Подумаешь, сдались мне эти торговцы с их баянами!

– Оливье – ты просто прелесть,– умилилась Глаша.– Кажется, я понимаю, что в тебе нашла Кларисса. Ладно, не дуйся. Френд – это друг в ЖЖ, баян – это шутка, ссылку на которую ты уже много раз получал от других френдов, а Интернет – это я тебе даже объяснять не буду, что такое. Все равно не поймешь.

– Больно надо,– передернул плечами маркиз.

– Кому больно?– мигом откликнулась старушка Люсинда.– Сейчас-сейчас, бегу, заговорю, припарки приложу!

– Вам послышалось, бабуля!– хором ответили гости.

– Так возвращаясь к нашим баянам... Антижабин – это из письма обычной тетки к Деду Морозу,– объяснила Глаша.

– К чьему деду? – не понял тот.

– Тыфу ты, ну это волшебник такой, который исполняет желания под Новый год, – доступным для средневекового жителя языком пояснила Гликерия.

– А в другое время? – заинтересовался маркиз.

– А в другое время не исполняет.

– Какой ленивый волшебник! – искренне поразился Оливье.

– Не в этом дело, – отмахнулась девушка. – Хотя в принципе ты прав. Так вот, одна тетка пишет письмо...

– Чья тетка? – уточнил маркиз.

– Неважно, просто тетка. И просит Деда... то есть волшебника подарить ей некоторые волшебные вещи, которые еще не изобретены, но ей очень нужны.

– Какая смелая женщина! – восхитился Оливье. – А ты уверена, что она не тетка этого деда? С чего бы это она так просто волшебником командует?

– Да, – теряя терпение, рявкнула Глаша, – это не просто тетка, это его жена!

– Так бы сразу и сказала, – обрадовался Оливье. – Вот теперь все сразу встало на свои места. Итак, жена просит мужа-волшебника сделать ей подарок.

– Именно так. И вот среди прочих вещей она просит подарить ей утренний антижабин.

– Я понял. – Лицо маркиза прояснилось. – Муж – волшебник, а жена – оборотень. По утрам она перекидывается в жабу, а чтобы не причинять мужу неудобств своим отвратным видом, она просит его придумать заклинание, которое будет ограничивать ее истинную природу. Так?

– Твоя фамилия случайно не Гримм, а псевдоним – не Шарль Перро? – мрачно поинтересовалась Глаша.

– Моя фамилия Беруши, – простодушно сообщил Оливье. – Я разве не представлялся?

– Пока я не вижу очереди из желающих тебя придушить, можно я воспользуюсь моментом и сделаю это немедленно? – ласково спросила Гликерия.

– Да что я такого сказал-то? – искренне изумился тот. – Прости, если что не так.

– Ты мне сказать дашь? – разозлилась она.

– Да я тебя внимательно слушаю! – заверил маркиз.

– Благодарю за оказанную честь. Так вот, согласно той хохме, антижабин – это такое волшебное средство, которое делает тетку прекрасной через секунду после пробуждения.

– А в чем хохма? – осторожно спросил Оливье.

– В том, что по утрам мы хмурые, сонные, с кругами под глазами и опухшим лицом! – выдала женские секреты Гликерия.

– Правда? – расстроился маркиз. Видимо, подобное официальное заявление шло вразрез с его идеализированными представлениями о прекрасных дамах. – И Кларисса тоже?

– Откуда я знаю! Я же ее спросонья не видела, – пожала плечами Глаша. – Хотя, может, твоя Кларисса уже изобрела аналог антижабина и успешно использует его по утрам.

Судя по прояснившемуся лицу Оливье, он искренне на это надеялся.

– А если нет, – утешила его Глаша, – то подкинем идею бабульке – пусть изобретет. А что принца-то того – расколдовали поцелуем? – вспомнила она.

– А ты откуда знаешь? – удивился Оливье.

– Вот прикол – не брешут сказки, – не меньше изумилась девушка. – А как насчет Красной Шапочки, Белоснежки, Синей Бороды и Спящей Красавицы?

– Красавицы? – радостно откликнулась бабулька, выходя из-за шкафа с чашкой отвара в руках. – Да для того, чтоб превратить девицу в красавицу, у меня целый шкаф настоек и притираний имеется. Показать?

– Не стоит, бабуля! – вскрикнул Оливье.

– Обязательно! – повысила голос Глаша.

– Ты чего, с ума сошла? – сквозь зубы процедил маркиз.

– А чего? Мне интересно, – тихонько возразила девушка. – Вдруг у нее и антижабин имеется?

– И кого я буду потом предъявлять правителю вампиров – лягушку или свинюшку? – шепотом воззвал к ее разуму спутник.

– Вот-вот, тебя только это волнует – как бы меня в товарном виде прямиком к вампиру в зубы сдать,– упрекнула его Глаша.– Не извольте беспокоиться, маркиз, я только взгляну одним глазком, а трогать ничего не буду.

И она поспешила ознакомиться с содержимым «шкафчика красоты», который распахнула перед ней добродушная старушка.

* * *

У Ларисы аж лоб под чалмой взмок. Теоретически она могла воспользоваться заклинанием-копиркой и сотворить тысячу копий пятидесятирублевки. Практически это весьма трудоемкий процесс и отнимет у нее уйму сил, так что может не остаться даже на создание элементарного морока. А фактически в коллегии ее за это по головке не погладят. Подделка денежных знаков уголовно наказуема и в простом кодексе, и в магическом. И как она, балда, раньше не догадалась, что первым делом жадная до олигархов Арина запросит денег и несметных богатств?

Решение пришло внезапно. Точная копия отнимает много сил, а вот если воспользоваться карикатурной магией, которую на первом курсе изобрели двое ее шутников-сокурсников, энергетических потерь – по минимуму, так как хулиганская магия замешана на простейших мороках, зато эффект – оглушительный. Если, конечно, Арина понимает шутки.

Лариса кивнула седой старческой головой, пробормотала: «Слушаю и повинуюсь», выдернула волосок из бороды (почтенный Саид Бананович, собравшийся выпить стакан кефира у себя на кухне, дернулся так, что расплескал половину напитка), разорвала надвое, подбросила вверх, и через мгновение комнату накрыл дождь разноцветных бумажек.

Купюры кружились по комнате – синие, зеленые, желтые, розовые, красные, оранжевые, голубые.

«Неужели старик и евро с долларами наколдовал?» – ликуя, подумала Арина, хватая бумажки и собирая целую пригоршню дензнаков разных цветов. Ликование прошло в тот момент, когда «прекрасная пери» пригляделась к валюте повнимательней. С сине-желто-красных банкнот на нее смотрели ее собственные фотографии – вот овальный портрет Арины в стиле доллара, вот Арина на коне, как маршал Жуков на Красной площади, вот Арина на троне. Отдельной серией шли изображения Арины в восточном стиле: портрет Арины в парандже, портрет в полный рост – Арина в газовых шароварах, Арина танцует на барабанах, Арина на верблюде, Арина с ястребом, Арина со слоном. Фоном служило стандартное оформление пятидесятирублевых купюр, номинал не изменился, даже водяные знаки (Арина проверила!) были на месте, вот только изображали они какие-то восточные письмена и верблюжий профиль, да кроме привычного голубого цвета пятидесятирублевки были окрашены во все цвета радуги. Пока Нарышкина ошарашенно взирала на свои лики на чудных дензнаках, Гасаныч довольно поглаживал бороду в сторонке.

– Угодил? – радостно вскинулся он, когда девушка подняла на него очумевшие глаза.

– Ну ты, блин, волшебник,– потрясенно выдохнула она.– Почему они разноцветные и почему на них мои портреты?

– Разве плохо получилось? – обиделся старикан.– Многообразие цветов радует глаз, а что касается портретов – прекрасная пери достойна украшать собой лучшие полотна. О горе мне! – Он со всей силы хрястнул себя по лбу (Саид Бананович расплескал последние остатки кефира и оставил вставную челюсть на краешке стакана).– Ты гневаешься, что я избрал для изображения твоего лика недостойную бумагу?

– Да нет, почему же.– Арина гордо подбоченилась, перебирая пальцами хрустящие купюры.– Вот прикол получился! Буду теперь всем знакомым показывать!

На лицо Нарышкиной набежала тень, словно стирая с него маску, и в ту же минуту что-

то в девушке неуловимо переменилось.

– Что опять не так, славная госпожа? – сокрушенно вскрикнул Гасаныч, аж подпрыгнув на месте. – Поведай мне свою печаль, и я буду рад помочь тебе.

Арина внимательно посмотрела на него, словно решаясь, стоит ли раскрывать этому странному чудаку свои девичьи тайны, после чего махнула рукой и хмуро сказала:

– У меня нет друзей.

– Как так! – вскричал пораженный джинн. – Разве властители могучих держав не выстраиваются в очередь, чтобы осчастливить себя мудрой беседой с прекрасной пери? Разве знатнейшие девушки твоей страны не почитают за честь быть приглашенными к твоему двору? Разве достойнейшие из жителей твоего города не знают о существовании такой благородной девы?

Ответом ему был горестный (с примесью обиды – «издевается, что ли?») вздох. Не выстраиваются. Не почитают. Не знают.

– Глупцы! Слепцы! – воскликнул Гасаныч и едва не стал рвать волосы на своей знатной бороде. – Они не знают, что потеряли, от чего отказываются. Я знаком с повелительницей меньше часа – и уже пребываю в полной усаде от ее мудрых речей, от ее превосходного воспитания, от ее безупречной красоты...

– Ой, да брось ты, Хоттабыч! – устало сказала Арина.

– Гасаныч, – мягко поправил старик.

– Ну прости, Гасаныч. Какая красота, какое воспитание? Я ведь даже десертную вилку толком в руках держать не умею! – чистосердечно призналась она.

– А что это? – живо заинтересовался джинн.

– Знаешь... – Арина окинула его взглядом, словно прикидывая, стоит ли ему объяснять, как выглядит десертная вилка и для чего ее придумали, как будто просчитывая последствия знакомства средневекового джинна с современным предметом сервировки. Видимо, последствия были представлены весьма разрушительными, потому что она сказала: – Лучше не спрашивай.

Гасаныч обиженно засопел, но долго молчать не смог и заявил:

– А насчет красоты ты, госпожа, не права. У тебя густые длинные косы, широкое лицо, толстый зад – ты просто верх совершенства!

– Издеваешься? – угрожающе произнесла Арина.

«Издеваюсь», – виновато признала Лариса, продолжая играть роль чудачковатого джинна, у которого из дома разом съехали все родственники, захватив с собой даже кошек и хомячков. Но приходилось валять дурака, выражаться витиеватыми фразами и вживаться в образ джинна, родившегося в веке этак десятом, к тому же на Востоке, где свои представления о женской красоте, благосостоянии и мироустройстве. Зря, что ли, Настя вчера заставила ее проштудировать «Легенды о джинах» и «Быт и нравы Востока», взятые в магической библиотеке? Волшебница весь вечер угробила на изучение макулатуры, да еще память усиливающим заклинанием подстраховала, и теперь старалась усердно применять полученные знания на практике. А уж тот факт, что на Востоке ценились женщины с длинными густыми волосами, широким, как луна, лицом, тяжелым тазом и полным телом, грех было не упомянуть. Жаль только, что Арина с полнотой подкачала, а то эффект был бы еще более впечатляющим.

– Почему издеваюсь? – обиженно крякнул старик. – А то, что косы у тебя дурного цвета, так то вполне поправимо.

Джинн рванул волосок из бороды (Саид Бананович выронил из рук пустой стакан из-под кефира, и тот разбился вдребезги), пробормотал какую-то абракадабру, подбросил волосок в воздух, подул на него так, что тот опустился прямиком на макушку Арины, и в то же мгновение комнату потряс вскрик Нарышкиной. И было отчего. Копна белокурых волос, как только ее коснулась седая волосинка, в один миг почернела. Да так, что теперь

интенсивности черного цвета шевелюры Арины Нарышкиной позавидовала бы любая знойная цыганка. Не веря глазам, жертва волшебства потрогала прядь черных как смоль волос и вылетела из комнаты, направляясь к трельяжу в прихожей.

Старик засеменил следом, сокрушенно причитая:

– Что-то не так, моя чернокудрая повелительница?

– Ариша, что случилось? – раздался из комнаты взволнованный голос Степаниды Ильиничны.

– Нет-нет, бабуля, все в порядке. На меня просто... паук свалился! – выпалила Арина, с трудом оторвавшись от созерцания своего нового имиджа, и, поспешно оттеснив джинна, втокнула его в свои «покои».

– Если тебе не по нраву мои чудеса, я все верну обратно, – подал голос Гасаныч.

– Предупреждать надо, – прошипела девушка. – И вообще, в следующий раз спрашивай у меня разрешение, прежде чем как-нибудь облагодетельствовать!

– Хочешь, я наколдую тебе телеса пышные, как у персидской красавицы Абу-Ясмин? – с готовностью предложил старик.

– Да ты что, обалдел? – испуганно вскрикнула Арина. – Я и так на диете целыми днями сижу. Знаешь, как трудно, когда кругом одни гамбургеры и пирожки?

Старик огляделся, внимательно изучая комнату.

– Ты чего потерял? – спросила Нарышкина.

– Я ищу подушечку, которую ты называешь странным словом «диета». Вероятно, тебе трудно сидеть на ней, потому что она мала или жестка? Так я ее мигом превращу в легчайшую перину и побольше, чтобы на ней уместилась не только ты, но и твоя почтенная нянюшка, – с готовностью предложил джинн.

– Она мне бабушка! – поправила Арина и с подозрением поинтересовалась: – А ты о ней откуда знаешь?

– Почтенная ханум только что подала свой сладкозвучный голос из задней комнаты. Гасаныч долго живет на свете и умеет отличать голос юной девы от уважаемой ханум, – заявил в свое оправдание джинн. – Кроме того, ты, госпожа, отвечала ей с почтением, значит, она не простая служанка, а няня или родственница.

– Да ты просто Шерлок Холмс! И перестань называть меня госпожой и повелительницей. Меня зовут Арина.

– О, милостивейшая Арина, – просиял старик, – благодарю за доверие!

– Знаешь что? – решила милостивейшая. – Познакомлю-ка я тебя, пожалуй, с бабушкой.

– Буду счастлив! – Старик выгнул грудь колесом и кокетливо пригладил бороду.

– Только сперва верни мне мой натуральный цвет. – Она дернула себя за прядку волос.

– Будет сделано! – покорился джинн и исправил свою оплошность.

– Отлично. Вот только, – нахмурилась Арина, – чтобы бабуля тебя приняла, хорошо бы преподнести ей от тебя скромный дар.

– Слона, увешанного мешками с индийскими пряностями и персидскими благовониями? – с готовностью предложил старик. Очевидно, он намеревался сразить сердце почтенной ханум роскошным подарком.

Арина вздрогнула, представив слона в своей двухкомнатной малометражке, да к тому же распространяющего ароматы благовоний вперемешку с терпкими и щекочущими нос пряностями, и аж чихнула.

– Нет-нет, не надо слона. – Она поспешно вынула из кармана многострадальный полтинник. – Будет достаточно, если ты превратишь эти пятьдесят в пятьсот!

– Пятьсот таких бумажек? – наморщил лоб старик, беря купюру в руки. – Чем тебе не нравятся разноцветные с твоим портретом?

– Очень нравятся! – быстро выкрикнула Арина. – Только в подарок бабушке они не сгодятся.

И, заметив знакомый блеск в глазах старика, добавила:

– И с ее портретом тоже!

– К моему глубочайшему сожалению, я не имел удовольствия видеть ее прекрасный лик, – сокрушенно покачал головой Гасаныч.

– Вот именно, – с облегчением заметила Арина. – Но эта бумажка приобретет значительную ценность, если к ней прибавить еще один ноль. Не понимаешь?

Она схватила кошелек, достала оттуда пятисотрублевую купюру и продемонстрировала ее джинну.

– Вот так, видишь?

– Я все понял! – радостно воскликнул старец, дернул волосок на бороде (Саид Бананович, рассказывающий о своей молодости засыпающим от скуки внукам, прикусил язык и громко выругался, внуки радостно восторжеслись, дед еще больше сконфузился) и осторожно опустил его на полтинник. В ту же секунду купюра превратилась в пятьсот рублей.

– Класс! – завороченно глядя на сотворенную денежку, оценила Арина. – Надеюсь, она не превратится в нарезанную бумагу, как деньги Воланда?

– Она превратится во все, что ты только пожелаешь, – с почтением отозвался джинн. – Значит, говоришь, чем больше нулей, тем больше ценности?

Арина пропустила это замечание мимо ушей, и зря. Но она была слишком увлечена разглядыванием купюры на свет.

– Ты пока посиди тут, – велела она, удовлетворенно поглаживая пятисотку. – Никуда не уходи! А я сбегаю, подготовлю бабушку к знакомству.

– Конечно, прекрасная Арина.

Как только младшая Нарышкина скрылась в коридоре, старик машинально потянулся к бороде, после чего улыбнулся в усы, покачал седой головой и щелкнул пальцами.

* * *

– Да, Люсинда, ваша беда – в отсутствии грамотного пиара, – с умным видом изрекла Глаша, отставив в сторону последнюю баночку. – С ассортиментом у вас полный порядок, ингредиенты – экологически чистые и в своем роде уникальные, помещение колоритное, вот расположение – не очень, далековато от мест скопления людей, опять же гарпии рядом крутятся, но, с другой стороны, это даже плюс – экзотика, элемент опасности. Люди любят ездить за тридевять земель, чтобы получить что-нибудь чудесное, продолжительность поездки и связанный с ней риск увеличивают ценность добычи. Будем декларировать вашу косметику как эксклюзив и «лимитед онли» – это повысит ее привлекательность для светских красавиц. А для деревенских барышень следует наладить выпуск косметики масс-маркет. Что же касается пиара – имя ваше уже на слуху, и это хорошо. Правда, облажались вы с тем принцем и пропиарил он вас по-черному, что ж, будем отмывать и создавать вам положительный имидж путем грамотного пиара.

Травница зачарованно слушала девушку, внимая каждому ее слову.

– Так где же мне добыть эту самую пиару? – простодушно поинтересовалась она. – Она на болотах где растет или один раз в год в шальную ночь расцветает? Или это зверь какой чудной? Не слышала никогда про такого.

– Пиар, бабуля, это самое сильное колдовство по привлечению потенциальных покупателей, – деловито пояснила Глаша, едва сдерживаясь, чтоб не рассмеяться.

– Поделись, внученька, коль владеешь, – взмолилась Люсинда. – Не ради себя ведь стараюсь, ради людей, им бы, горемычным, как бы мои зельица пригодились!

– Ладно, – кивнула девушка, – ради благого дела отпиарю по полной программе.

– Уж я-то тебя, девонька, отблагодарю так, что век не забудешь! – клятвенно пообещала старушка. Оливье за ее спиной самозабвенно изобразил лягушку, в которую, судя по его пантомиме, обратит Глашу добродушная бабулька.

– Бабушка Люсинда, а средства от вредных маркизов у вас не имеется? – невинно

поинтересовалась Глаша, обольстительно улыбаясь артисту.

– А эт чего такое? – искренне удивилась старушка, а затем, перехватив взгляд девушки, тихонько рассмеялась:– Голубки ссорятся – только милуются.

Травница упорно продолжала принимать их за влюбленную парочку. «Надеюсь, не подмешает в воду никаких глючных травок для примирения строптивых возлюбленных», – вздрогнув, подумала Глаша. Но Люсинда любовно расставляла баночки по цветам и была целиком занята планами по завоеванию парфюмерно-косметического рынка королевства, про чудодейственный отварчик для поднятия сил было благополучно забыто. Может, оно и к лучшему.

– Ну что, бабуля, давай мне перо да бумагу – пиар делать будем.

Радостная травница умчалась за шкаф, притащила стопку шершавых листов и заостренную палочку, а затем, порывшись в одном из шкафов, достала и пузырек с чернилами.

«Ишь ты, и чернила есть», – подивилась Глаша. А Люсинда, встряхнув пузырек и вынув из него пробку, сделала большой глоток.

– Точно он, чернушный сок, – пояснила травница, вытирая губы и передавая заменитель чернил изумленной девушке. Та поставила пузырек на стол, обмакнула в него заостренный конец палочки и вывела на сером листе бумаги название списка волшебнo-косметической продукции: «Сказочный гламур», а затем улыбнулась и дописала: «Ведь вы этого достойны!»

СКАЗОЧНЫЙ ГЛАМУР

Продается исключительно в салоне тетушки Гламурии.

Линия по уходу за полостью рта «Поцелуй Спящей красавицы»

Содержит росу, собранную лесными эльфами с цветов фиалки и орхидеи, сияние рассвета и аромат цветов и свежих ягод. Вашему вниманию предлагаются: очищающий порошок для здоровья зубов, отбеливающая мазь для красоты улыбки и освежающий эликсир для упоительной сладости поцелуя.

Декоративная косметика «Улыбка русалки»

Все средства содержат перламутровую пыль со дна русалочьего озера, частицы звезд и серебра. В линию входят: блеск для губ с содержанием натурального фруктового сока – увеличивает объем губ, гарантирует устойчивое сияние, насыщенный цвет и сладкий вкус; искристая пудра – скрывает недостатки кожи, делает ее совершенной и придает загадочное мерцание; серебристая подводка для глаз – обеспечивает эффект взгляда с поволокой; роса для глаз – усиливает натуральный цвет радужки, делает голубые глаза синими, зеленые – изумрудными, а серые – темно-жемчужными; корректирующее средство «Прикосновение совершенства» – смягчает все недостатки внешности: нанесенное на кончик носа, делает его короче, распределенное по скулам и подбородку, утончает овал лица.

Линия по уходу за телом «Совершенный силуэт»

Мази на основе родниковой воды, в которой черпают свою красоту русалки, и экстрактов волшебных цветов, растущих в тайной роще дриад, придадут фигуре пленительные изгибы, очаровательную женственность и девичью стройность.

Линия по уходу за волосами «Подарок дриады»

Данная линия сделает ваши волосы настоящей драгоценностью.

Шампунь и бальзам подарят волосам блеск, гладкость и нежность шелка, укрепляющая маска сделает волосы сильными и густыми и увеличит объем вдвое,

а жидкость для опрыскивания волос придаст пленительный блеск и утонченное мерцание.

Антивозрастная косметика «Вечная молодость»

Изготовлена на основе омолаживающей воды из волшебного источника и экстракта молодых персиков из сада дриад. Разгладит морщинки, наполнит кожу здоровым сиянием и подарит ей бархатистую нежность юности.

Внимание: количество товара ограничено!

Средства по уходу за телом «Магия лунного света»

В каждом флаконе содержится 0,5 процента лунного сияния, частицы шелка и уникальная парфюмерная композиция на основе сильнейших афродизиаков, которые придадут вашей коже обольстительное мерцание, непревзойденную гладкость и соблазнительный аромат.

Новинки этого лета

Искристые капли – подарят вашим глазам несравненный блеск и мерцающие искорки.

Парфюмерная композиция «Душа цветов» подстраивается под ваше настроение и меняет свой аромат вместе с ним. Утонченное дыхание розы, волнующий аромат ландыша, нежное очарование фиалки и еще двенадцать волшебных запахов с эффектом приворотного зелья – в одном флаконе.

– Готово! – торжественно объявила Глаша, дописав последнюю строчку. В процессе рекламного творчества она под испепеляющим взглядом Оливье тестировала продукцию Люсинды. Средства и впрямь обладали всеми необыкновенными свойствами, о которых сообщала ей травница: от мазей кожа сияла и переливалась, от росы не только прояснилось в глазах, но и радужка стала необыкновенно красивого малахитового цвета, а щедрое опрыскивание цветочным парфюмом показало, что нынешнему настроению Гликерии соответствует аромат дикого шиповника. Молодую косметику проверяли на самой Люсинде – и Глаша с изумлением взидала на то, как на глазах разглаживаются морщины на лице бабульки и кожа на руках становится по-девичьи нежной и белой.

– Что ж вы себя запустили-то? – поразилась она, глядя на чудесные превращения. – Почему сами не пользуетесь?

– Да перед кем мне, внученька, щеголять-то? – отвечала изрядно помолодевшая (отдельными местами) травница.

– Теперь будет перед кем, – подмигнула девушка, пододвигая к ней баночки с чудесным содержимым. – А ну-ка, бабуля, давай, не ленись. Имидж тебе менять будем! А я-то голову ломаю, как тебе репутацию отчистить да заставить народ к тебе повалить...

Люсинда посопротивлялась для виду, мол, в мои-то годы негоже молодухой заделываться. «Надо», – строго велела Глаша, и та, радостно похватав пузырьки, унеслась куда-то в другую половину дома, дабы не смущать присутствующих шокирующими превращениями. Возвратилась она уже цветущей красивой блондинкой лет сорока, которая составила бы достойную конкуренцию Шэрон Стоун с Голди Хоун.

– Помни, что теперь ты – тетушка Гламурия, а не сумасшедшая травница, – сказала Глаша, вручая рекламную грамоту бывшей старушке. – Теперь надо переписать эту бумажку раз сто, прикрепить на ярмарках и базарах, разослать по всем замкам королевства и распространить в местах массового скопления народа – и будет тебе, Люсинда, счастье и толпа клиентов. Постой-ка, сейчас допишем адрес и нарисуем подробную схему проезда, чтобы никто не заблудился.

– Спасибо, Глаша, – счастливо улыбнулась новоявленная Гламурия. – Только о толпе я и не мечтаю... Где ж мне в мои годы с толпой-то управиться? Мне бы по покупателю в день –

и то хорошо.

– А придется,– окинув критическим взором свое рекламное творение, отозвалась девушка.– Еще, поди, и в очередь записываться будут на неделю вперед.

– Да где ж я столько зелий-то возьму! – потрясенно всплеснула руками травница.

– Придется расширяться. Помощниц нанять, котлов еще пару-тройку прикупить да вторую зельеварню достроить,– посоветовала Гликерия.

У травницы, которая столько лет просидела без дела, без признания и без общения, аж глаза загорелись. По всему было видно: если клиент пойдет, то Люсинда-Гламурия такую деятельность разовьет, что все королевство своей продукцией обеспечит, составив серьезную конкуренцию местным знахаркам и парфюмерам-самоучкам.

– В общем, как только немного раскрутишься, давай объявления о приеме на работу, назначай собеседования и ставь девиц к котлам, а сама обустраивай собственный кабинет и готовься оказывать уникальные услуги на основе своих волшебных средств.

– А это поможет? – ерзая на месте, нетерпеливо спросила травница.

– Что? – не поняла Глаша.

– Если я крутиться буду? И как именно нужно крутиться – справа налево или слева направо, надо что-нибудь при этом приговаривать или, наоборот, строго-настрого молчать надобно?

– Ой, тетушка,– рассмеялась Глаша.– Прости, что я своим современным русским тебя в заблуждение ввожу. Раскрутиться – это значит...

Травница с живым интересом внимала объяснения девушки и понимающе кивала головой.

– Ясно, Глашечка. Все так и сделаю, как ты говоришь. А что ты там сказывала про какие-то еникальные услуги?

– Салон красоты тебе, теть, открывать надобно. Продажа средств для домашнего пользования – это одно, а вот когда в лесной глуши над тобой сама ведьма поколдует – это уже совсем другой эффект и другие бабки.

– Бабки? – нахмурилась Люсинда.– Конкурентки, что ли?

– Тетушка, вы растете в моих глазах,– присвистнула Глаша. И когда только травница успела усвоить современную терминологию? – Я имела в виду всего лишь деньги. А уникальные услуги сейчас придумаем.– Она кивнула на две баночки, которые отставила в сторонку.– Вот эти, например, для выращивания зубов и выведения шрамов, родинок и бородавок, никак нельзя в массовое производство запускать. Это ж полный эксклюзив! Процедуры будете проводить исключительно у себя, при свете свечей и не забывайте бормотать какие-нибудь заумные фразы под видом заклинаний.

– Откуда ж я такие слова возьму? – огорчилась та.– У меня все заклинания простые: «вигли-мигли-крудебигли», «беники-треники-лепмуреники»... Да и как же их бормотать, когда они возьмут и сработают?

В то же мгновение банки на столе взлетели в воздух и организованной стайкой поплыли к пустующей полке, а из-за шкафа выскочила метла, ткнула Люсинду под зад, так что та покачнулась и со всего размаху плюхнулась на черенок, услужливо подставленный умной метелкой, после чего метла взлетела вверх и стала торопливо тыкаться в потолок, ища выход.

– Вот видишь! – расстроенно пискнула травница из-под потолка, успокаивая взбесившуюся метлу. Когда метелка была призвана к порядку и отправлена в угол, Люсинда вновь обрела пол под ногами, а Глаша – дар речи, «совет в Филях» был продолжен.

– Я вам напишу слова,– пообещала Гликерия, садясь за стол,– я такие слова знаю, над которыми величайшие умы современности голову ломают, а все догадаться не могут, что бы это значило.

Не прошло и получаса, как у травницы в руках оказались три листа с текстами песен «Корней», «Мумий Тролля», «Братьев Гримм» в вольном переводе на кукуйский и списком современного сленга, написанного кукуйскими буквами в русской транскрипции через

пробел.

– Ее изумрудные брови колосятся под светом луны, – по слогам прочитала Люсинда и зашуршала листьями. – Превед кросовчег, ржунимагу, убейсоапстену, аффтар выпий йаду... А что, звучит! – оценила травница.

– А то ж! – едва сдерживая смех, заверила Глаша. – А теперь займемся прейскурантом. Чего у вас еще интересенького в шкафчиках имеется?

Травница понеслась к полкам и принялась вынимать достижения зельеваренного хозяйства.

Второй список, составленный Глашей, выглядел так:

Прейскурант уникальных ритуалов предоставляются только в салоне тетушки Гламурии)

1. Ритуалы успеха

«Флер привлекательности» – окутывание уникальной дымкой из радуги, солнечного света, утренней росы, рассветного тумана и аромата луговых цветов, заряжает энергией и прекрасным настроением, придает даме уверенность в себе и неотразимость в глазах мужчин. Срок действия ритуала – семь дней.

«Звездная пыль» – распыление пригоршни звездной пыли на волосы и одежду клиентки. Гарантирует загадочность и неземную красоту. Срок действия – три дня.

«Золотой дождь» – обработка волос клиентки чудесным составом, обеспечивающим золотой цвет локонов на срок до тридцати дней.

«Подарок крестной феи» – изготовление индивидуальных амулетов, сообщающих обладательнице необходимые для счастливого замужества качества: нежность, послушание, веселый нрав, добродушие и еще двадцать девять подобных добродетелей. Примечание: один амулет – одно качество.

«Усилитель ума» – амулет, увеличивающий умственные способности своей обладательницы.

2. Ритуалы красоты

Наращивание зубов – восстановление зубов в самых безнадежных случаях.

Наращивание волос – мгновенное увеличение длины и густоты локонов. С вашей прически не сравнится ни один самый дорогой парик!

Наращивание ногтей – эффект вампирского маникюра.

Интенсивное омоложение. Внешний эффект: минус половина возраста.

Избавление от волос на теле – раз и навсегда.

Маркиз, в то время как его спутница с пером в руках увлеченно колдовала над рекламной кампанией, тихонько скучал в сторонке. От предложенного травницей угощения – отвара для поднятия сил и пряников с веселящим эффектом – он категорически отказался. А вот сама Глаша, когда благодарная отшельница на радостях одарила ее коробкой со своими фирменными зельями и мазями, противиться не стала. Правда, тут встал на дыбы Оливье, который объявил, что с таким грузом они далеко не уедут, скорее Глашин конь протянет копыта. Пришлось с сожалением расстаться с кучей волшебных средств и ограничиться цветочными духами, «освежином» для одежды, порошком для чистки зубов, «растишкой» для них же, бальзамом для сращивания костей (тоже штука незаменимая!) и шампунем из «дриадской» линии. Правда, про дриад Глаша выдумала сама, чтоб покрасивше было, но Люсинда клятвенно уверяла, что после ее шампуня волосы становятся просто необыкновенными. «Главное, чтобы не были мокрыми и не шевелились», – хмыкнула девушка, пряча пузырек с шампунем в свою походную сумку. Туда же, украдкой от Оливье, отправились два флакончика с приворотным зельем – особая гордость травницы, по заверениям которой даже одна капля гарантирует сногшибательный эффект. Не пригодится

здесь, так Глаша с собой домой захватит. Домой... Как ни нравились Гликерии живописные пейзажи, старинные замки, непроходимые леса, полные опасностей и интересных, а она уже начинала понимать, что долго здесь не протянет. Ну недельку-другую, для современного туриста, попавшего в дебри средневековья, этого времени в самый раз. За месяц она изъездит королевство вдоль и поперек, перезнакомится с представителями всех мифических рас, сполна удовлетворит свое любопытство и страсть к приключениям. А что потом? Замуж, как предрекал ей Оливье в случае провала их миссии, Глаше совершенно не хотелось. Разве что за принца, но тот был благополучно женат уже три года, а на меньшее она не согласна. Идея со средневековой газетой ей казалась весьма утопической, а чем еще она может заниматься в Кукуе, Гликерия совершенно не представляла...

– Ну что, едем? – поторопил ее Оливье, и девушка тепло распрощалась с травницей, пожелав ей процветания в косметическом бизнесе и пообещав разрекламировать ее каждому встречному.

Оставшуюся часть пути они преодолели без приключений, к замку кукуйского Дракулы подъехав уже в полной темноте.

* * *

– Бабуль, ты спишь? – Арина тихонько заглянула в комнату.

– Поспишь тут, как же, – шутливо проворчала Степанида, лежащая лицом к стенке.

– Бабуль, ты знаешь...

– Конечно, знаю! Я еще из ума не выжила. Знаю, все понимаю и одобряю. – Бабушка с улыбкой повернулась к внучке и окинула ее теплым взглядом. – Засиделась ты, Ариша, в девках, пора уже и свою жизнь налаживать. Ты на меня не смотри, главное, чтобы тебе с ним хорошо было. Да и не стесняйтесь вы меня. Я бабушка глухая, ничего не слышу, – хитро прищурилась она.

– Бабуль, ты чего себе напридумывала! – опешила Арина, все это время с удивлением слушавшая Степаниду. – Ты думаешь, я мужика привела, что ли?

– А ты не привела? – расстроено спросила глухая бабушка. – Телевизор, что ли, смотришь так громко? А я-то, старая, уж и обрадовалась раньше времени.

– Бабуль, в это трудно поверить... Но у нас и в самом деле гость. Очень необычный гость! Понимаешь, бабуль, – горячо зашептала Арина. – Это настоящий Хоттабыч!

– Да ну? – насторожилась Степанида.

– То есть не настоящий, то есть не сам, не Хоттабыч, но настоящий... В общем, это его внук!

– Оригинальная версия, – признала старушка, приподнимаясь на кровати. – И что этот внук умеет, кроме как травить байки про своего знаменитого деда?

– Он умеет все! Вот! – Арина протянула ей пятисотрублевую бумажку, и у бабули глаза полезли на лоб. И было от чего: всю поверхность купюры занимали нули.

– Поздравляю тебя, внученька, – хохотнула Степанида. – Ты держишь в руках капитал ценой примерно в пятьдесят миллионов миллиардов рублей. Если я правильно сосчитала нули.

Арина глянула ей через плечо и тихонько застонала.

– Бабуль, он, конечно, сумасшедший, но он же волшебник! – вступилась за чудака чародея она.

– Сумасшедшие все волшебники и прямиком из сказки сбежали, – философски заметила Степанида, решительно поднимаясь с кровати, продевая ноги в тапки и накидывая шаль. – Таких сказок тебе наговорят – только верь. Ты уверена, что он и в данный момент внук Хоттабыча? Может, он уже переквалифицировался в профессиональные фальшивомонетки? Или в наследника Билла Гейтса? Или в соковыжималку последней модели?

– А вот сейчас и проверим! – возбужденно вскричала Арина, хватая со стола

рекламную газету с очередной акцией магазина бытовой техники.— Соковыжималка нам в хозяйстве не помешает.

* * *

О, сколько раз романтичная Глаша представляла себе встречу с обольстительным вампиром! Сколько раз в своих мечтах она посещала балы «детей Дракулы», кружила головы опасным и неотразимым «сынам тьмы» и бродила по темным коридорам их мрачных замков, прислушиваясь к каждому шороху и присматриваясь к каждой тени! И вот теперь она видела этот замок наяву. Глаша даже за локоть себя ущипнула, но замок не исчез. Он по-прежнему лежал у их ног, в низине между холмами, со всех сторон окруженный лесом,— и это было первое Глашино разочарование. В кино и книгах вампирские замки, напротив, нависают темной громадой над низменной местностью.

— Что за чушь! — поразился Оливье, когда она озвучила свои мысли.— Зачем вампирам строить замок на возвышенности, если они не любят солнце?

— Действительно,— пробормотала девушка,— как это я раньше не догадалась. А почему они живут в такой глуши, вдали от людей?

— А где им жить? — удивился маркиз.

— Ну в городе, например,— пожала плечами она.

— Чего они там забыли? — фыркнул ее спутник.— Вампиры всегда жили отшельниками.

— Правда? А где же они берут кровь? — допытывалась Глаша.

— У них достаточно золота, чтобы купить себе слуг-доноров. Со времени правления Кардина все вампиры перешли на такой способ жизнедеятельности.

— И люди идут на это? — потрясенно спросила она.

— На что только люди не идут ради денег,— усмехнулся маркиз.— Иногда крестьяне нанимаются сюда целыми семьями дважды в год.

— Почему дважды?

— Потому что доноры меняются каждый месяц — дольше задерживаться там уже вредно для здоровья.

— Получается, вампиры покупают кровь своих жертв? — разочарованно спросила Глаша, вспомнив роман с поэтичным названием «Те, кто охотится в ночи».— А я-то думала, они охотники и всегда нападают на свою жертву внезапно.

— Поменьше верь своим книгам,— ухмыльнулся Оливье.— Как ты себе вообще это представляешь, чтобы герцоги и бароны выслеживали жертву, как какие-то разбойники?

— А почему только герцоги и бароны?

— Да потому что вампиризм — болезнь благородных семейств, простолюдины к ней невосприимчивы.

— Вот это новости,— поразила Глаша.— Совсем-совсем?

— Совсем-совсем. Не волнуйся,— насмешливо сообщил маркиз.— Тебе это не грозит.

Гликерия обиженно надулась.

— А тебе — грозит?

— Теоретически — да, но практически я до этого никогда не опускаюсь,— гордо произнес Оливье, останавливая Звездочку у ворот замка.

— И что мы им скажем? — пытливо спросила девушка, с любопытством глядя на высокие стены.

— Не забывай, что наши мысли для них — открытая книга. Так что давай поговорим с ними без церемоний и постараемся как-нибудь выкупить амулет.

Окошечко ворот распахнулось, маркиз прокричал их имена, заскрипели засовы, и всадники въехали во двор замка. В доме горел свет, мелькали в окнах стремительно несущиеся силуэты, раздавались громкие голоса, надрывно звучала музыка.

— Мы попали на танцы, вот удача! — прошептала Глаша.

— Я доложу о вас хозяину,— хмуро сказал привратник, впустивший их, и предупредил: —

Вы пока побудьте здесь. Мало ли что.

Слуга вылетел через раскрытое окно веранды спустя две минуты. В ту же секунду двор наполнили крики, ругань и звуки пальбы, оборвалась на высокой ноте заунывная мелодия, которая так и просилась в саунд-трек вампирского фильма.

– Что тут творится? – удивился Оливье, отступая на своем коне назад.

– Брат хозяина застал свою жену с хозяином, – злоратно сообщил слуга, потирая ушибленные бока. – Уже третий раз за этот месяц.

– Неверная! – донеслось до ушей Глаши, затем раздался выстрел, и на крыльцо выскочила изящная девушка в светлом пеньюаре с красными розами. Одной рукой она держалась за плечо, по которому растекалась кровь.

– Убивают! Спасите-помогите! – завопила она, бросаясь к всадникам.

– Куда? – взревел ее преследователь, белокурый красавец с растрепанными кудрями, похожий на ангела, вылетая на ступени. В следующее мгновение ангел, метко прицелившись, прострелил ей другое плечо.

Лошади испуганно зароптали, и Глаша испугалась, что сейчас они понесут их по двору, но в тот же миг животные замерли на месте, как статуи, а девица, воспользовавшись случаем, шмыгнула за Звездочку. При ближайшем рассмотрении несчастная жертва оказалась прехорошенькой юной шатенкой лет двадцати, и Глаша с ужасом заметила, что розы на ее халатике – это высохшие пятна крови. Девушка при этом проявляла невероятное мужество: не только на ногах держалась, но еще и успевала сыпать ругательствами, от которых у Гликерии чуть уши в трубочку не свернулись.

Вот тебе и блистательные «дети ночи», вот тебе и изысканные чувства и возвышенные страсти! Не так она представляла себе встречу с героями, воспетыми Энн Райс, Лорел Гамильтон и современным кинематографом.

– Я была верна тебе сорок лет! – выкрикнула тем временем вампирша. – Ты первый изменил мне с моей кузиной!

– Это было сто лет назад! – возмутился ее муж, наводя пистолет на лошадь Оливье.

– Не сто, а двадцать пять! – в бешенстве вскричала шатенка, высунувшись из укрытия, за что тут же схлопотала пулю в шею. – После этого я еще пятнадцать лет терпела, чтобы отомстить тебе! – слабо простонала она, прислонившись к замершей как изваяние Звездочке.

– Что вы творите! – завопила Глаша. – Вы же ее убьете!

– Он ее убивает уже третий раз за месяц, – хмыкнул слуга, стоящий неподалеку.

– А ты заткнись! – оскалилась на него окровавленная вампирша, на которой раны заживали как на кошке. Она уже даже за плечи не держалась, да и рана на шее мгновенно стала затягиваться. – Ты хочешь сказать, что мой муж – мазила? Да Билли лучший стрелок во всем королевстве! Да Билли попадает белке в глаз с двадцати шагов!

– Билли? – фыркнула про себя Гликерия. Вампир по имени Билли – кому рассказать, не поверят!

– Билли – самый ловкий и смелый вампир в Кукуе! – продолжила нахваливать таланты мужа раненая красавица.

Билли тем временем нагнулся и подстрелил жену в пятку.

– Ну вот, что я говорила! – проскулила она, торжествуя глядя на привратника.

На крыльце появился высокий блондин, одним ловким движением обезоружил Билли и забросил оружие убийства на крышу сарая. Билли взвыл, выхватил из-за пояса шпагу, вонзил ее в бок блондина и, словно испугавшись того, что натворил, сделал шаг назад, оступился и кубарем скатился с крыльца. Шатенка пронзительно заверещала и бросилась к мужу. Блондин поморщился, стремительным движением вытащил шпагу из тела и бросил ее на ступени.

– Больше никогда так не делай, брат, – холодно сказал он, и его глаза угрожающе сверкнули. – Убить меня нельзя, а разозлить – просто. Ты испортил мою любимую рубашку.

– Прости, Нэд, – виновато пролепетал Билли, поднимаясь с земли.

– Милый, ты не ушибся? – зашебетала его жена.

Вместо ответа он залепил ей такую оплеуху, что бедняжка охнула и покачнулась, после чего довольный собой Билл притянул ее к себе, смачно поцеловал в разбитые губы и, подхватив на руки, потащил в замок.

– Молодежь,– снисходительно обронил блондин и обратился к гостям: – Не обращайтесь на них внимания, они женаты всего сорок лет. Через пару столетий страсти поулягутся. Простите, что заставил вас ждать. У вас ко мне какое-то дело?

То ли от звука его голоса, то ли от взгляда лошади вновь обрели способность двигаться и жалобно заржали и попятились.

– Вы герцог Батлер? – недоверчиво спросила Глаша, глядя на его светлые волосы и серо-голубые глаза. Герцог был красив, спору нет, но походил скорее на викинга из ирландских саг, нежели на вампира из готической сказки. Впрочем, его кудрявый и курносый братец Билли и вовсе смахивал на Леля из «Снегурочки».

– Вы можете называть меня просто Нэд,– промурлыкал он, подавая ей руку и помогая спуститься с лошади.

* * *

– А потом они заставили меня достать им соковыжималку, кофеварку, кухонный комбайн, микроволновку, стиральную машину, ноутбук, телевизор, домашний кинотеатр, музыкальный центр, холодильник, стеклокерамическую плиту, фен, гидромассажную ванну для ног, массажер для спины и даже сумку-холодильник,– жаловалась Лариса после возвращения домой.

– О боже! – выдохнула Настасья. – А сумка-холодильник им зачем?

– Степанида решила, раз даром дают, то она устроит в ней аптечку,– с мрачным видом сообщила уставшая волшебница. – А потом они так разошлись, что не отпустили меня до тех пор, пока я не материализовала все вещи, фотографии которых нашлись в той рекламной газете, будь она неладна.

– Ларка,– переполошилась Настя. – Ты с ума сошла! Да тебя под суд упекут!

– С какого это перепоя? – еще больше насупилась исполняющая обязанности Гасаныча.

– А с такого, душа моя, что надо иногда читать Магический кодекс,– укоризненно сказала подруга. – Материализация предметов разрешается только в случаях крайней необходимости, важнейшим из которых является опасность разоблачения или угроза для жизни.

– Да ну? – удивилась Лариса и беззаботно заметила: – Ну, тогда считай, что это как раз и был такой случай. Что это за джинн, который микроволновку из газеты добыть не сможет? Да Арина со Степанидой из меня бы душу вытрясли, если бы я им ее не предоставила!

– Лара,– простонала Настасья,– вот из-за таких безответственных сотрудников, как ты, наша организация и находится на грани разоблачения, а мемористы не сидят без работы! Законы же не просто так, из вредности, сочиняют!

– Правда? – проворчала Лариса. – А для чего же тогда?

– А для того, балда,– в сердцах воскликнула подруга,– чтобы не причинять вреда другим! Ты пойми, ведь ничего не берется из воздуха. И вся та техника, которую ты Нарышкиным щедро презентовала, тоже не из космоса прилетела.

– А из газеты,– деликатно подсказала Лариса.

– Дура! – рявкнула Настя. – Ты ее прямиком из магазинов или со складов умыкнула. А это, между прочим, воровство, хоть и магическое.

– Упс,– виновато улыбнулась волшебница, вспомнив «приватизацию» мороженого, тортика и тубика с мазью для Милы. Впрочем, последнее – такая мелочь, что и упоминать о ней не стоит.

– И это еще хорошо, если она со склада исчезла,– горячилась любовная фея,– а не испарилась с витрины магазина прямо на глазах у покупателей и продавцов. Ты представляешь, чего тогда в газетах понапишут? Еще и устроят журналистское

расследование, проведут опрос свидетелей да станут народ стращать таинственными исчезновениями!

– О, я так и вижу эти заголовки,– поддакнула Лариса,– «Куда испарился чайник?», «Вор-невидимка орудует в московских магазинах», «Инопланетяне скоммуниздили кофеварку среди белого дня».

– Лара! – чуть не плача простонала Настя. – Ты самая безголовая волшебница из всех, каких я только встречала. А ну возвращай все обратно, может, пока еще не поздно все исправить!

– Да Нарышкины меня потом голыми руками придушат! – ужаснулась та.

– Ничего,– злорадно сказала Настя. – Выкрутишься как-нибудь. Ты что же, думаешь, в суде тебя по головке погладят?

– Ну ладно, ладно! – испуганно воскликнула Лара.

– Значит, я сейчас уйду на кухню и, пока я буду разогревать ужин, чтобы все обратно переколдовала,– строго велела Настасья и удалилась, плотно прикрыв за собой дверь.

А удрученная Лариса отвернулась к стене и стала тихонько бормотать слова заклинаний, вспоминая каждый материализованный предмет.

Из дневника Арины Нарышкиной

20.15. Джинн оказался славный старик и наколдовал все, что мы попросили. Мы с бабулей только и успевали пальцами в газету тыкать да удивляться. Когда мы соковыжималку заказали, я, затаив дыхание, ждала результата. Помню же, как Хоттабыч телефон Вольке организовал. Вот бы был приколы, если и наша штука для соков из чистого золота оказалась! Но старик то ли пожадничал, то ли, наоборот, вредничать не стал и сработал как надо: соковыжималка выплыла из газеты, увеличилась на глазах, обрела объем и плавно опустилась на стол. Следом за ней шлепнулась и инструкция по эксплуатации. Пустячок, а приятно. Мы уже успели выжать на ней литр апельсинового сока и выдуть его. Так пить захотели, пока микроволновку с бабулей на кухню тащили да холодильник передвигали, которые нам джинн наколдовал. Утомили мы его, под конец он аж побелел от напряжения. Так что мы с бабулей его отдыхать отправили, сказали, чтоб завтра приходил. А сегодня нам и так будет чем заняться: надо все наши подарки проверять, подсоединять и инструкции читать. Пойду-ка феном воспользуюсь – давно мечтала проверить, что за штука этот диффузор.

P.S. Неужели наконец-то повезло? Неужели все это происходит на самом деле? Ну джинн, ну человечие! Есть все-таки чудеса на свете!

20.43. Старый хрыч! Этот плешивый крендель оказался подлым пройдохой. Так я и знала – не бывает на свете чудес! Не прошло и двух часов после его ухода, как его колдовские штучки стали испаряться. Сначала исчез фен – прямо у меня в руках! Я даже волосы досушить не успела. Стою перед зеркалом, как дура, с мокрой головой, не пойму, что случилось, а тут как бабуля с кухни завопит! Бегу туда, а там такое! Микроволновка на моих глазах исчезает – прямо с поджаривающейся в ней курочкой. Взлетает в воздух электрочайник – и пропадает. Следом за ним кофеварка, кухонный комбайн и тостер. А под конец холодильник вспыхивает каким-то зловещим сиреневым свечением, бац, и нету! Бабуля белугой воет – она в него уже успела половину продуктов переложить, а первым делом свой кефир с творогом туда засунула. Так что остались мы без ужина и без продуктов. Я сейчас в круглосуточный супермаркет – бабе Степе за кефиром перед сном и творожками на завтрак. Она о них сильней горюет, чем о пропаже всех джинновых подарков – они все испарились до последнего. «Не надо нам,– говорит,– деточка, чужого добра. Говорила я тебе – чудес на свете не бывает. Вон попались на происки беса окаянного и без собственного кефира остались».

Ну попадись мне этот бес на глаза!!!

* * *

– Конечно, дорогая, я отдам вам амулет,– ослепительно улыбнулся Нэд, когда Глаша изложила ему цель своего визита.– В ответ на небольшое одолжение... – Он выдержал театральную паузу.

– Родить вам ребеночка? – неловко пошутила девушка, процитировав героиню своего любимого «Секса в большом городе».

– Как вы догадались? – вскинул брови голубоглазый викинг.

– А если серьезно? – нервно хихикнула она.

– Выйти за меня замуж и родить мне наследника,– совершенно серьезно повторил белокурый Нэд.

У Гликерии аж голова закружилась, и она почувствовала себя героиней какой-то абсурдной комедии.

– Вы шутите?! – закашлялась она.

– Ничуть.– Улыбка на устах вампира поблекла, и голос его стал предельно сосредоточенным.– Мне крайне нужен наследник.

В ответ поклонница Кэрри Бредшоу выпалила то, что первым пришло в голову:

– И почему такая честь выпала именно мне?

– Видите ли, Глаша,– охотно пояснил герцог,– женщины моего рода крайне редко сохраняют способность к деторождению. Что же касается женщин человеческого происхождения, то они, к нашему глубочайшему сожалению, весьма суеверны на этот счет и подвластны молве... Была одна девушка, Белатрис,– голубые очи Нэда мечтательно затуманились,– которая почти согласилась на мое предложение... Но, к сожалению, ее сгубили амбиции. А что касается остальных, то людям невыгодно, чтобы численность нашего рода росла посредством их женщин, их вполне устраивает, что нас мало, а они в большинстве. Поэтому издавна распространился слух, что женщина, родившая ребенка от вампира, будет навеки проклята и ее душа не обретет спокойствия даже после смерти. Увы, даже последняя падшая женщина свято верит в этот бред. Но вы-то, женщина другого мира и нового времени, не станете прислушиваться к этим суевериям? Вы молоды, красивы, здоровы, находитесь в самом подходящем возрасте для деторождения и так некстати застряли в нашем мире. Если вы окажете мне столь ценную услугу и согласитесь задержаться у нас еще на девять месяцев, я гарантирую, что амулет станет моим подарком в день рождения нашего ребенка, и вы сможете воспользоваться им как пожелаете.

– И вы так просто отпустите мать своего ребенка? – недоверчиво спросила Глаша, отгоняя от себя назойливую мысль о том, что у нее с этим совершенным красавцем могли бы быть невероятно красивые дети. Интересно, какими они будут – светловолосыми ангелочками, как папа, или рыжими чертенятами, как их мать?

– Вампиру не нужна смертная мать. Она будет стареть, умрет на его глазах, это принесет ему лишь боль,– спокойно ответил Нэд.

– А как же материнское тепло, материнская любовь?– разочарованно протянула Глаша, уже представляя себе милашку-сыночка и лапочку-дочку. Быть может, в этом и есть ее предназначение, на мгновение подумала она и тут же ужаснулась своим мыслям.

– Тепла и любви у него будет в избытке, уж не сомневайтесь. Я подыщу ему достойную приемную мать из нашего рода, да и недостатка в любви родственников у него не будет. Разумеется, если вы передумаете и пожелаете остаться с ребенком и примкнуть к нашему клану, я не буду этому препятствовать...

– Я польщена,– только и вымолвила Глаша.

– Так вы согласны? – просиял Нэд.

– То есть я рожу вам ребеночка, а вы в благодарность сделаете меня вампиршей или отправите восвояси, вручив амулет? – уточнила она, справившись с замешательством.

– Именно так. Но то, что вы станете вампиром, я гарантировать не могу. Все зависит от вашей генетики и вашей крови. Я лишь могу сделать все от меня зависящее.

– Вы что-то еще и о женитьбе упоминали? – деловито уточнила девушка.

– А как же! – горячо воскликнул герцог. – Наследник повелителя должен родиться в законном браке, иначе его права на власть будет доказать крайне сложно.

– А ничего, если жена исчезнет сразу после родов? – ехидно поинтересовалась она.

– Что ж тут удивительного? – пожал плечами вампир. – Не пожелаете быть моей супругой и захотите вернуться в свой мир, так объяснить ваше исчезновение будет проще простого. Объявим, что вы умерли при родах. Обычное дело.

– Я смотрю, у вас все продумано, – хмуро сказала Глаша.

– Если бы вы только знали, сколько лет я лелеял этот план и все гадал, где взять подходящую женщину, – мечтательно закатил очи герцог.

«Откажусь – так, поди, силой заставит или чары свои применит, и все, Глашка, не успеешь опомниться, ты уже на пятом месяце!» – ужаснулась девушка.

– Увы, – грустно вздохнул вампир, не сводя глаз с ее лица, – решиться на это женщина должна по доброй воле, иначе ничего не получится.

– Извините меня, – с облегчением выговорила Глаша, – но, по представлениям моего мира, я слишком молода, чтобы пойти на такой серьезный шаг, как рождение ребенка.

– Я могу подождать, – вкрадчиво улыбнулся Нэд. – Я могу поселить вас в своем замке, окружить заботой и вниманием. Будет весело – обещаю. У нас постоянно устраиваются балы, маскарады, приемы, атмосфера вампирского замка полна магии и удовольствия... – провоцировал искушитель.

В воображении Глаши возникли блистательные балы из исторических кинолент, волнующие сцены карнавалов из вампирских фильмов, пронизанные страстью и чувственностью... Вспыхнули перед ее взором глубокие бархатные очи ее прекрасного собеседника, обещавшие так много, что на щеках вспыхнул румянец, а по коже пронеслись сотни мурашек... Возможно, он не сможет ее полюбить по-настоящему и всегда будет видеть в ней лишь тело, способное подарить ему ребенка, но разве она, окутанная его чарами, об этом узнает? Она будет купаться в любви, нежности, внимании и заботе этого великолепного, неотразимого, галантного и умного мужчины, за плечами которого вечность. Не об этом ли мечтает каждая девушка в семнадцать лет? Пусть это будет всего лишь иллюзия, но зато какая иллюзия! Перед глазами Глаши промелькнули танцующие искорки, и ее взору предстали сменяющие друг друга картины: маскарад, во время танца вампир увлекает ее на веранду и склоняется к ней, чтобы поцеловать; свадебный пир, такой долгий, такой томительный перед неизбежно сладкой брачной ночью; лепестки роз на освещенной лунным сиянием постели, спадающие с ее плеч кружева, поцелуи с привкусом опасности в шее и такие нежные – в губы; руки, освобождающие ее от плена кружев...

– Простите! – раздался откуда-то издалека голос Оливье.

– Я же сказал, никого не пускать! – в бешенстве рявкнул вампир.

– Прошу прощения, но девушка находится под моей опекой. Я и так дал вам время поговорить наедине. Глаша, Глаша! – тряс ее за плечи Оливье. – Да посмотри же на меня, очнись! Вы ее зачаровали!

– Никто меня не зачаровывал, – вяло отмахнулась Гликерия, – чего так кричать-то? Подумаешь, замечталась немножко.

– Немножко? Да на тебе лица нет! Уходим, немедленно. Или... ты хочешь остаться?

– Остаться? – Наваждение постепенно спадало, обрывки грез возвращались назад, наполняясь новыми жуткими подробностями. Кровавое содержимое бокалов на свадебном пиру, едва сдерживаемая жажда ее поклонника. Чью кровь он пил перед тем, как поцеловал ее? Сколько жизней угасло ради того, чтобы сохранить его красоту и молодость?

– Простите. – Глаша, смутившись, вскочила с кресла, стараясь не смотреть в глаза герцога. Она поверила ему, когда он сказал, что решиться на эту циничную сделку она должна по своей воле. А он принялся очаровывать ее, как паук, завлекая в паутину грез. Если

бы не вмешательство Оливье, он бы влюбил ее в себя, приручил как котенка, и она, глупая, была бы счастлива остаться с ним и родить ребенка от любимого мужчины. Какая разница, что эта любовь – иллюзия, ее желание было бы сознательным и подлинным. И ему не помешали бы никакие предрассудки, какие в местных жителях воспитывают с детства и которые наверняка сильнее вампирских чар. Иначе с чего бы Нэд за нее так ухватился? – Я не могу этого сделать.

– Услуга за услугу. Я предложил честную сделку.—Голос герцога, даже потерпевшего поражение, не стал холодным или озлобленным, а остался мягким и нежным, продолжал ласкать слух, словно ощутимо поглаживая кожу, как будто не терял надежды взять реванш.— И готов поклясться, мой вариант – наименее опасный и наиболее привлекательный из тех, что вам предлагали другие.

– Попробуем попытаться счастья у оборотней и магнетиков,— ответил за нее Оливье.

– Шутите? – Вампир рассмеялся, и его смех волнующим облачком окутал Глашу, подталкивая в объятия хозяина, стремясь привязать к нему, не дать уйти.— У оборотней сейчас сложные времена, они ни за что не расстанутся с амулетом. А магнетики уже давно исчерпали волшебство, вложенное в эту штучку. Еще сто лет назад их правитель предлагал выкупить амулет, принадлежащий нашему роду, и обещал весьма высокую цену. Разумеется, не настолько привлекательную, чтобы пойти ему навстречу. Что значит золото мира против возможности повернуть время вспять и исправить роковую ошибку?

– Спасибо за ценную информацию,— холодно отозвался маркиз,— и за теплый прием. Не смеем больше вас задерживать.

– Сделайте милость—задержите,— ослепительно улыбнулся Нэд, адресуя свою улыбку Глаше. Но та уже опомнилась от чар и пулей выскочила из кабинета.

* * *

– Ты расскажи мне хоть, как ты там в своем Кукуе живешь! – попросила тем же вечером Настя у Ларисы.— А то про себя так ничего толком и не рассказала!

– Ну ладно. С чего бы начать?

– Давай с начала,— посоветовала Настя.— Как туда попала, как обустроилась.

– Ну так и быть... – сказала волшебница, вспоминая события того дня, когда она явилась на распределение и дальнейшую транспортировку с чемоданчиком самых необходимых вещей в руках.

– А вам, Вольская, досталось королевство Кукуй,— объявил председатель комитета распределений Виктор Александрович Бражник, выдавая Ларисе бумагу с назначением.— Поздравляю!

– Спасибо,— машинально ответила она, принимая документ, и уставилась на председателя, ожидая комментариев и ценных указаний.

– Ну что же вы стоите? Недовольны назначением? Кукуй – милое средневековое королевство, примерно на уровне нашего пятнадцатого века, не самое опасное и нежизниактивное, там сейчас никаких войн и эпидемий, нечисти там всего двадцать два вида, из них только восемь опасны для людей. Поэтому ваша стажировка рассчитана на пять лет.

Лариса с жадностью внимала словам Бражника, составляя картину мира, в котором ей предстоит провести ближайшую пятилетку.

– У вас ко мне какие-то вопросы? – поинтересовался тот.

– Да, Виктор Александрович,— с волнением спросила она.— Какая у меня легенда?

– Легенда,— рассмеялся в усы председатель.— Вольская, вы волшебница, а не секретный агент Джеймс Бонд. Что это вы себе напридумывали?

– Но, Виктор Александрович,— непонимающе произнесла Лариса,— через полчаса я войду в портал, который доставит меня в... – она сверилась с бумагой,— в Кукуй. В качестве кого я там появлюсь, где буду жить и чем заниматься?

– Неужели вы думаете, что вы попадете туда на все готовенькое? – насмешливо приподнял брови Бражник. И, глядя на вытянувшееся лицо Ларисы, развеселился: – Вы действительно так думаете? Что выпускники попадают в другие миры, получая четкие указания, место работы, титул и собственный замок в придачу?

Лариса опустила глаза, чувствуя, как предательски заалели щеки и застучало в висках.

– Все зависит только от вас, – сообщил председатель. – И как вы там устроитесь, и какое место займете, и чем будете заниматься на благо королевства все эти годы.

– Это что же – игра на выживание? – холодно осведомилась выпускница, не ожидая такой подножки судьбы.

– Почему же? Это ваша проверка на профпригодность, – строго ответил Бражник. – Вот и покажите, на что вы способны. У вас будет на это целых пять лет! Следующий!

Лариса вывалилась из зала, где проходило распределение, как в полусне.

– Ну что? – набросились на нее ожидавшие своей очереди однокурсники.

– Отсталое королевство, – нервно пошутила она.

– Повезло! – улыбнулась Настасья. Она пришла на распределение первой и сильно расстроилась, что ее оставляют в Москве. Любовная фея грезилась другими мирами, благородными рыцарями и была не прочь примерить на себя роль прекрасной дамы. А в средние века отправились Ксюша, которая получила назначение прямо перед Ларисой, и сама Лариса.

– Да уж, повезло, – хмыкнула волшебница. – Представляешь...

– Вольская? – перебил ее строгий голос дежурного, который провожал выпускников к порталам.

– Да, я.

– Следуйте за мной.

– Что, прямо сейчас?

– Быстро!

– Ну ладно...

– Ларусик! – Настя порывисто прижала подругу к себе и передала ей туго набитый чемодан, который Лара оставляла ей на хранение. – Счастливо!

И выпускница Вольская зашагала за дежурным к portalу, ведущему в неизвестность...

Первое открытие ждало ее в зале транспортировки. Портал оказался обыкновенным лифтом, уходящим в подвал.

– Я точно попаду куда надо? – с недоверием поинтересовалась Лариса у похожего на робота дежурного. Сейчас, спустя три года, она даже его лица вспомнить не могла, настолько неприметной внешностью обладали эти сотрудники, занимавшие низшую ступень в коллегии магов.

– С точностью до миллиметра, – заверил ее тот и уставился на чемодан. – Это что? – наконец озадаченно произнес он.

– Мои вещи.

– Не положено, – покачал головой дежурный и вцепился в чемодан. – Надо оставить!

– Но почему? – возмутилась Лариса, не желая отдавать без боя чемодан, полный зубной пасты, шампуня, косметики и годового запаса конфет. Как знала, что ее в средневековую глушь отправят, и заранее все необходимое приготовила.

– Запрещено, – отрезал «робот» и потянул чемодан на себя.

После непродолжительной борьбы между студенткой и провожатым чемодан хрястнул, раскрылся, и его содержимое вывалилось на пол. Дежурный обалдело уставился на груды флакончиков, баночек и конфет, и на его бесстрастном лице мелькнуло что-то человеческое.

– Это что? – растерянно произнес он.

– Шампунь, кондиционер, маска для волос, пенка для укладки, – опустившись на колени, перечисляла Лариса, собирая все в чемодан.

– Не положено, – повторил дежурный.

– Ну пожалуйста, таможня! – горячо взмолилась выпускница. – Я же не пистолет туда

хочу пронести и не гранату. Я все понимаю, перемещение предметов из нашего мира в тот нежелательно, но это же только для личного пользования. Ну как я свои космы расчешу потом без кондиционера, а как уложу без пенки? А без конфет я и вовсе и дня не протяну!

– Положено прибыть в пункт назначения налегке, в одежде по местной моде, не вызывающей подозрения у населения,— заученно сообщил тот.

– Вот те на! – поразилась Лариса.— Где ж я эту одежду возьму?

Дежурный направился куда-то в угол, и только сейчас девушка заметила, что там стоит большой шкаф-купе во всю стену. Ее провожатый раздвинул дверцы, и она увидела длинную стойку, плотно увешанную костюмами.

– Вот! – Дежурный выдернул оттуда глухое темно-синее платье с воротником-стойкой и длинными рукавами.— Переодевайтесь! – велел он, приоткрывая дверь в стене, за которой обнаружилась примерочная.

Лариса с сожалением избавилась от своей удобной одежды. На случай, если ее отправят в средневековье— а ничего иного она и не ожидала,— на распределение она надела джинсы и просторную футболку, которые вполне могли сойти за брюки и рубашу, не вызывая особых подозрений у аборигенов, и кроссовки – в них и по лесу бродить удобно, и в горы подниматься. Откуда она знает, куда ее перенесет портал? Лара втиснулась в узкое платье, изрядно повозившись, застегнула крохотные пуговички на спине и придирчиво оглядела себя в зеркале во весь рост. Платье было идеально для первой вылазки в королевство. Оно не выдавало ни социального статуса, ни профессии, ни другой информации о своей хозяйке. В нем Лариса одинаково могла бы сойти и за служанку, и за монашенку, и за маркизу в трауре.

Выйдя из примерочной, она споткнулась о черные балетки.

– Обувь тоже смените,— скомандовал дежурный, со значением поглядывая на часы.— Да поскорей, скоро следующий стажер подойдет.

Балетки идеально подошли по размеру (недаром незадолго до выпускных экзаменов они заполняли анкеты, в числе вопросов которых был и пункт про размер одежды и обуви) и оказались мягкими, как чешки. Так что Лариса сразу перестала жалеть о том, что пришлось расстаться с кроссовками, и обернулась в поисках чемодана. И вот тут ее ждало второе неприятное открытие. Ее багаж исчез!

– Где чемодан? – взревела юная волшебница, представив себе жизнь в отсталом королевстве без «Мишек» и «Белочки».

Дежурный вздрогнул и перевел на нее очумелый взгляд.

– В случае, если стажер является на транспортировочный пункт с багажом, багаж следует изъять и отправить в хранилище,— отчеканил он.

Лара вздрогнула, как от пощечины, и губы ее задрожали. Лишить ее конфет – как это подло!

– Но ввиду особых обстоятельств,— тихо добавил дежурный,— я принял решение оставить багаж. При условии, что его содержимое будет использоваться только для личных целей.

– Конечно-конечно! – радостно вскрикнула Лариса.

– Вот, держите.

Дежурный протянул руку, и в ладонь девушки опустилась крошечная копия ее чемодана.

– Это что? – опешила она.

– Стажерам положено прибывать в пункт назначения налегке,— заученно повторил дежурный.— Минимизирующее заклинание будет действовать ровно сутки, за это время вы сумеете сориентироваться на местности и устроиться на постой. Затем этот предмет примет свои прежние размеры, и вы сможете воспользоваться его содержимым. Экземпляр Магического кодекса, который положено иметь при себе всем стажерам, я вложил в накладной карман. Обязательно ознакомьтесь, там много важной информации.

– Спасибо,— искренне поблагодарила Лариса, убирая мини-чемодан в кармашек платья.

Она поняла, что дежурный сделал для нее исключение и что обычно стажерам выдается только уменьшенный кодекс и никакого багажа.

– А это ваш обратный билет,— проводящий передал ей круглый серебристый медальон на цепочке.— Амулет перемещений. Достаточно представить место в Москве, куда вы хотите попасть, и он перенесет вас туда.

– Здорово! – обрадовалась волшебница, надевая амулет на шею.

– Но пользоваться им можно только в крайнем случае! – предупредил дежурный.— Подробнее прочитаете в кодексе.

Волшебница хотела еще что-то спросить, но в коридоре раздались голоса, и дежурный заторопился.

– Счастливого пути! – оттесняя ее к лифту и вталкивая внутрь, пожелал он.

Двери за Ларисой захлопнулись, и она с любопытством огляделась по сторонам. Лифт как лифт, только панель с номерами этажей отсутствует. Прежние пассажиры даже умудрились оставить корявые надписи на память о себе. «Антон Хорошун – Лантир – 2001—2005», «Альфия Султангареева, Нетландия, 2000—2006», «Саша Сиволапов. Лунный город, 1999—2001», «Наталья Помыткина, Темерик, 2001—2002». Из надписей выпускница сделала несколько выводов:

а) новый лифт установили в 2000 году,

б) из тех, чьи записи она прочитала, меньше всего повезло Помыткиной и Сиволапову. На короткие сроки отправляли только в опасные миры в состоянии войны или во время эпидемий.

Кабинка тем временем плавно двинулась вниз, увозя Ларису в неизвестное королевство со смешным названием Кукуй. Через мгновение двери раскрылись, выпуская ее в темную лесную чащобу.

– Эй, там, наверху,— неизвестно к кому обратилась она, выходя наружу и глаза на лифт, стоящий посреди леса, в то время как его трос просто обрывался в воздухе.— Вы ничего не перепутали?

Створки захлопнулись, словно наверху испугались, что Лара даст задний ход, и лифт поехал вверх, исчезая на глазах. Сперва пропал трос, потом – верх кабинки, а затем исчезло и доньшко, и только смятая трава напоминала о том, что только что здесь, посреди леса, стоял настоящий современный лифт.

Волшебница огляделась по сторонам и обнаружила, что это не ночь на дворе (а то было бы как-то совсем грустно начать знакомство с этим миром с прочесывания ночного леса. Мало ли какая тут нечисть после полуночи активизируется!), а просто лес такой дремучий, что деревья почти не пропускают солнца.

– А дубы-колдуны что-то шепчут в тумане, у поганых болот чьи-то тени встают,— тихонько напела она под нос, чувствуя себя одним из тех самых зайцев, волею судьбы заброшенных в чащобу и вынужденных косить траву. Но у тех хотя бы была вполне определенная цель, а вот что ей здесь предстоит делать и кого косить – пока совершенно непонятно.

Продолжая напевать про дубы-колдуны, Лариса наугад двинулась через чащу. Не такой уж и дремучей она оказалась! Несмотря на плотную стену леса, то тут, то там возникали просветы и обнаруживались широкие проходы, как будто сами деревья расступались перед ней, указывая верное направление. А когда Лариса вздумала своевольничать и хотела вместо очередного прохода свернуть в чащобу, откуда ни возьмись налетел ветер и закачал ветви ближайшего дуба, так что тот больно хлестнул ее по плечу и бросил на голову пригоршню желудей. И как раз вовремя! Не то бы волшебница на всех парах влетела в заросли высокой крапивы. И как только она их раньше не заметила? Чудно! Тут уж она решила не заниматься самодеятельностью, а идти куда глаза глядят и куда ноги ведут, положившись на свою интуицию. Хотя разве можно на нее полагаться, когда у нее по интуиции всегда тройки были? Ну да ладно, профессор Погребная всегда говорила, что в случае опасности или нестандартной ситуации даже самая плохонькая интуиция способна мобилизовать все свои

скрытые резервы и помочь своему хозяину. Так что остается надеяться, что первая прогулка в неизвестном параллельном мире – это как раз тот случай.

Лариса с интересом осматривала лес другого мира, выискивая какие-нибудь необыкновенные растения и выглядывая фантастических зверей и птиц. Но растительный и животный мир Кукуя не сильно отличался от родной ей флоры и фауны. Разве что елки здесь были повыше и попышнее, трава погуще, да Лариса обнаружила кустарник, на котором росли крупные, по форме похожие на клубнику, иссиня-черные ягоды. Отведать на вкус плоды этой полуклубники-получерники она не решилась, но зачем-то сорвала несколько ягод и сложила их в белоснежный платок, который случайно обнаружила в другом кармане платья. Не переставая вертеть головой по сторонам, волшебница вышла на полянку, вокруг которой росли деревья, а выйти с нее уже не смогла.

Что-то было не так с этим местом. Лара поняла это, как только ступила на выжженную мертвую землю. Воздух здесь был пронизан магией так, что у нее даже волосы наэлектризовались. Выпускнице захотелось бежать отсюда без оглядки, но деревья словно взяли ее в кольцо, сплели свои ветви в плотные узлы и отрезали от выхода. Она оглянулась, недоумевая, как ей удалось попасть сюда, и на ее глазах проход, в который она беспрепятственно вошла, зарос диким кустарником, а деревья словно склонились ближе, образуя сплошную стену леса.

Это куда же она попала-то? А вдруг эти безобидные на первый взгляд елки, сосенки, дубы и осинки – деревья-людоеды? А что, если лес с ними в сговоре и специально вывел ее сюда, чтобы обеспечить обедом своих подопечных? А уж то, что здесь нога человека не ступала уже много лет яснее ясного, и елки за это время жутко оголодали! Спокойно, осадил себя Лариса, не для того она три года изучала все аспекты магии, чтобы позволить каким-то елкам зеленым так просто сожрать себя. Деревья, будто довольные ее мыслями, согласно закивали верхушками. Бред какой! Да это же просто ветерок налетел. Этак сейчас еще покажется, что они ей что-то шепчут и пытаются сказать.

«Помогите нам...»

Ну вот, так и есть! Уже деревья с ней заговорили, хуже того – на незнакомом языке, но она его прекрасно понимает. Хорошо, что она тех подозрительных ягод есть не стала, а то бы еще и зрительные глюки начались.

«Посмотри на нас...»

А чего на них смотреть? Елки как елки – две зеленые, одна голубая, дальше дуб самый обыкновенный, разве что желуди размером с апельсин, и рядом с ним несколько дубов поменьше. Потом лиственницы – три штуки, держатся как будто особняком, все три – разные, одна полностью зеленая, другая – с вкраплениями оранжевых иголок, а третья – целиком рыжая, еще дальше осина дрожит... Осина! А ну как ее вырвать и стволом по соседям шибануть – если и есть какая в этих коренастых злая сила, мигом вылетит. Это если людским легендам верить. А она-то ученая волшебница, она эти мифы в курсе самых опасных заблуждений проходила. Понадеется маг на осину – и все, каюк. Потому что осина без магии – ничто, а с магией и простой лопух – страшная сила. Осина, как будто подслушав ее мысли, успокоилась и дрожать перестала. Что там еще? Деревце вроде черемухи, даже три, кажется. Только одно цветущее, другое – уже с ягодой, а третье – просто зеленое. Еще кедр, статный, высокий, красивый. Лариса даже им залюбовалась – было в нем что-то благородное, королевское. Как будто все деревья на полянке – лишь фон, оттеняющий его красоту и силу, а он – глава над ними над всеми.

И все-таки что-то с этими деревьями не так... Незнание особенностей местного леса затрудняло полет мысли, но девушка пришла к выводу, что деревья на полянке как будто переживают разные времена года. Взять хотя бы черемуху эту: одна цветет, другая плодоносит, а третья то ли уже отцвела, то ли и не собиралась. У дуба, в отличие от тех, что она видела по дороге сюда, листья бурые, как осенью, да и желуди вон какие огромные, не чета той горстке крошечных желудушек, которыми ее от души угостил по голове зеленый дубок, чтобы отвадить от зарослей крапивы. Да и лиственницы выглядят так, словно зеленая

лиственница – молодая, рыжая – старая, а с небольшим числом оранжевых иголок – среднего возраста. А с осины вон вообще половина листьев уже облетела, как будто на дворе не июнь, а октябрь. Хотя это в Москве июнь, а в этом мире наверняка календарь другой, и ей еще только предстоит с ним ознакомиться. К тому же у всех деревьев широкие стволы, в которых может уместиться человек, даже у тех, чьи стволы должны быть тонкими – у черемухи, у елок. Хотя кто их тут знает, чужестранные деревья, может, для них это обычное дело?

«Поторопись».

Они еще командовать ею вздумали?!

«Прошу...»

Последнее слово, ей показалось, произнес печальный мужской голос. Кедр? Лариса с интересом уставилась на дерево и попыталась сосредоточиться. Чем маг не шутит? Вдруг это дерево – заколдованный принц, а ей бы сейчас принц очень бы пригодился, тогда бы вопрос с жильем и финансами мигом решился. Цветущая черемуха, как ей показалось, взволнованно закачалась. Неужто невеста?

«Не отдам! Он мой!» – словно прошептал в ее голове звонкий девичий голос.

«Глупое дерево! Да что ты можешь?» – рассердилась волшебница.

«Ты меня слышишь, ведьма?» – как будто бы недоверчиво прозвучало в ответ.

– Да что ты себе позволяешь, мелкая? – сверля черемуху взглядом, вслух возмутилась Лариса, отчего-то тоже на чужом языке. Ну надо же – ведьма! Так ее еще никто не оскорблял! В голове вертелась ехидная мысль: «Ну вот, докатилась! Уже с деревом ругаешься!»

Черемуха словно пошатнулась, ее кора пошла рябью, будто вода в реке, и Лариса увидела заключенную в дереве девушку, невесту.

– Очуметь! – воскликнула она, разглядывая пленницу.

Роскошное подвенечное платье, фата, флердоранж и диадема в светлых волосах, убранных в высокую прическу, как будто блондинку заколдовали прямо во время свадьбы. Усталое, осунувшееся, но по-прежнему красивое лицо с темными кругами под глазами. Орехово-карие глаза, выплакавшие так много слез.

Услышав ее возглас, та словно на мгновение окаменела, в глазах заплескался ужас, надежда сменилась паникой. Лариса оглянулась, ожидая увидеть зловещую старушонку колдунью или трехглавое чудовище за спиной, но на поляне никого не было.

«Нет, только не это! Лучше убей, ведьма!» – донеслось ей вслед.

Да что она такого сделала-то?

«Лучше смерть, чем чума, – шептали бледные губы невесты. – Мало было отнять моего жениха, хочешь забрать и мою красоту?»

«О горе мне! – мысленно простонала Лариса словами Ивана Грозного из фильма Гайдая. – Я-то забыла, где я!» Дав себе команду быть осторожней в словах, она попыталась убедить заколдованную девицу в чистоте своих намерений.

«Не знаю почему, но я тебе верю», – осторожно ответила та.

Еще бы! Простенькое заклинание харизмы способно расположить к себе всех и вся.

«Меня зовут Аделина. Помогите мне!»

Лариса протянула руку, но нащупала только шершавый ствол коры.

– Кто это сделал?

«Ведьма».

– Где она сейчас?

«Во дворце, с моим женихом, принцем».

Интересная история получается...

«Ты сможешь?»

– Да, – с сомнением протянула волшебница, покосившись на стену деревьев, взявших ее в кольцо и не оставивших возможности выбора.

«Что ты будешь делать?»

Хотела бы она знать! Попытаться срубить дерево? Так у нее и топора нет.

«НЕТ! – взревело множество голосов. – Иначе мы погибнем».

Кора других стволов пошла рябью, и Лариса увидела остальных пленников. Внутри кедра томился статный мужчина с седыми висками и короной на голове. В склонившейся к нему черемухе с тяжелыми ягодными ветвями находилась красивая белокурая женщина, похожая на Аделину, – мать, королева. Увядаящая черемуха отразила пожилую даму с гордо поднятой головой – вероятно, бабушку или родственницу. В осинке тряслась бледная, совсем юная девочка в форменном платье служанки – наверное, горничная или камеристка. Три ели отразили трех знатных дам разного возраста, должно быть, из королевской свиты, а в трех лиственницах притаились их кавалеры. В кусте шиповника был заключен круглолицый бородатый мужичок со стрижкой под горшок, вероятно кучер, а внутри дубов Лара увидела крепких молодых мужчин, одетых в одинаковые темно-зеленые походные костюмы. Похоже, это охрана... Ведьма что, заколдовала весь свадебный кортеж со стороны невесты?

– Кто-нибудь из вас владеет магией? – безо всякой надежды поинтересовалась она.

«Нет».

Отлично. Помощи ждать неоткуда, как расколдовывать людей, превращенных в дубы и осины, Лариса понятия не имеет. Как бы ей сейчас пригодилась парочка «Мишек на Севере» – лучшее средство активизировать мозги в заведомо стрессовой ситуации. Пока же единственное, что крутится в голове, убить ведьму, которая навела заклятие, и тогда ее колдовство потеряет силу. Это одно из тех знаний, что, будучи известно и людям, не является заблуждением. Но как же не хочется начинать практику в средневековье с убийства, пусть даже и злой колдуньи!

«Ты убьешь ведьму?»

Конечно, какие вопросы, делов-то – только пальцами щелкнуть!

«Правда?» – обрадовались пленники. Лариса никак не могла привыкнуть к тому, что они слышат ее мысли. Остается надеяться, что половину из них они не понимают, а то вся маскировка насмарку.

– Мне надо попасть во дворец? – кисло поинтересовалась она.

«Мы можем вызвать ее сюда».

Ну конечно, так они ее и отпустят!

– Каким образом?

«Она чувствует нас. Если мы одновременно обратимся к ней, она явится сюда».

А ей останется только пришить старую каргу. Интересно только, как!.. Задушить злодейку голыми руками? Или окатить ведром воды в надежде, что она растает, как старушка Гингема? Курса ликвидации злых волшебниц в их Школе магии предусмотрено не было. А зря, сейчас бы они ей оченьгодились...

– У нее есть какие-нибудь слабые места? – с надеждой спросила Лариса.

«Не знаем», – посовещавшись, ответили пленные.

– Вызывайте, – обреченно сказала девушка. – Только я боюсь, как бы моя участь не постигла. Мне надо сперва присмотреться к ней со стороны, а потом уже решить, что делать.

«Я прикрою», – замахал ветками шипастый кустик, внутри которого томился кучер принцессы.

– Мне лезть в этот терновник? – испугалась Лара.

«Я шиповник, – обиделся тот. – Не бойся, своих я не колю».

Пришлось волшебнице поверить ему на слово и влезть в колючие заросли. Шиповник не обманул – отвел ветки, освобождая местечко для Ларисы, а затем осторожно сомкнул их над ее головой, стараясь не поцарапать девушку и оставив ей щелочку обзора. Теперь она была надежно укрыта.

«Белатрис, Белатрис, Белатрис!» – зашумели ветвями деревья.

Прошло несколько минут заунывных стенаний, и на поляне появилась гостья.

– Зачем вы меня вызвали? – недовольно поинтересовалась ведьма.

Выглядела она точной копией заколдованной принцессы – только цветущей копией, с

сияющей кожей, нежным румянцем, блестящими глазами и розовыми, распухшими от поцелуев губками. Судя по растрепанным волосам и небрежно наброшенному пеньюару, ее вытащили прямоком из королевской постели. Принцесса, похоже, подумала так же и вздрогнула, как от пощечины, при виде соперницы, обманом занявшей ее законное место.

«Тут проходили дровосеки,— подал голос заключенный в кедре король.— Мы испугались за свою жизнь».

— За свою жизнь?! — расхохоталась ведьма, фамильярно похлопав по его стволу.— Вы называете свое древесное существование жизнью и боитесь его потерять? Занятная шутка, ради этого стоило на минутку оторваться от принца. Что такое, Аделина? — обратилась она к побледневшей принцессе.— Ты еще надеешься вернуть его себе? Как забавно. Мне надо будет как-нибудь привести его сюда, чтобы ты посмотрела, как нежно он меня любит. Быть может, тогда ты утратишь свои напрасные иллюзии.

«Скажи „да“,— мысленно просигнализировала принцессе Лариса.— Пусть она приведет принца. Я знаю, как ее победить».

«Так зачем же медлить? — услышав ее сигнал, спросила Аделина.— Приведи его сейчас».

— Сейчас? — надменно улыбнулась ведьма.— Ты надеешься, что он узнает тебя в цветущем кусте, глупышка? Что ж, это будет весьма занятно, весьма...

Ведьма исчезла, и деревья взволнованно зашептались.

«Надеюсь, ты знаешь, что делать»,— обратилась к Ларисе принцесса.

«Чем мы можем помочь?» — оживились остальные.

— Постарайтесь отвлечь ее внимание, когда я дам знак. Хотя бы на несколько мгновений.

«Хорошо, мы сделаем все возможное».

Деревья замерли в ожидании решающего поединка за свою свободу. Замерла и Лариса. Ей нужна была всего пара секунд для того, чтобы открыть принцу истинное лицо самозванки, и замешательство ведьмы, когда принц от нее отшатнется. В это мгновение станет уязвима и она сама, и то заклинание, которое держит пленников внутри деревьев, главное тогда надавить на нее посильнее и довести начатое до конца. Как именно, Лариса пока еще не понимала.

Ведьма отсутствовала недолго и вернулась, держа за руку красивого русоволосого юношу лет двадцати. Они были красивой парой — колдунья в обличье прекрасной принцессы и ничего не подозревающий прекрасный принц. Принц растерянно огляделся по сторонам.

— Где мы? Что происходит?

— Я удивлена не меньше, чем ты,— ответила ведьма звонким голосом Аделины.— Вероятно, это сон.

Наивного принца такое объяснение, похоже, удовлетворило.

— В таком случае здесь достаточно уединенно и нам никто не помешает,— прошептал он, притянув к себе свою возлюбленную.

Цветущая черемуха покачнулась так, словно ее срубили под корень. Застонало дерево, беспомощно забилась заключенная в его ствол принцесса.

«Я убью тебя, ведьма!»

«Ты бессильна, принцесса».

— Что это? — Принц оторвался от уст самозваной Аделины и обернулся к черемухе. Ведьма напряглась, принцесса в дереве в надежде подалась вперед, протянув руки-ветви к своему любимому. Но тот уже отвернулся к своей спутнице.

— Тебе что-то показалось, любимый? — вкрадчиво спросила та.

— Пустяки. Всего лишь ветер... — произнес он.

«Даниэль!» — простонала принцесса.

«Ведьма! — хором взвыли деревья, не дождавшись сигнала Ларисы, и зашумели кронами так, словно по ним пробежался вихрь.— Обманщица! Самозванка!»

Даже у Лары зазвенело в ушах от их скорбного воя, чего уж говорить о самой ведьме!

Она побледнела и пошатнулась, так что даже принц испугался за здоровье своей возлюбленной и кинулся поддержать ее. Не успел. Великан-дуб взмахнул ветками, бросив в ведьму тяжелыми желудями, а принца оттолкнув на другую сторону поляны. Не сводя глаз с принца, волшебница зашептала заклинание, раскрывающее личины. Только бы все получилось, тогда он увидит ту, кто скрывается под видом его невесты, теперь уже– жены!

– Аделина! – надрывно позвал он, стараясь перекричать порывы ветра и стон бесновавшихся деревьев, которые сплели свои ветви в каком-то бешеном хороводе.

– Что бы ни случилось, помни, что это всего лишь сон,– выкрикнула в ответ ведьма.– Порублю! В щепки! Спалю заживо! – зло выругалась она, обращаясь к деревьям, и поднялась с земли.

Лариса прошептала последние слова заклинания и велела пленникам: «Хватит!»

Ветер мигом стих, ветки опустились, на полянке воцарилась мертвая тишина. Принц Даниэль не сводил глаз с ведьмы и не спешил кидаться к ней, чтобы заключить в пыльные объятия.

«Получилось, получилось!» – возликовала Лариса.

– Любимый? – вопросительно произнесла Белатрис и сделала шаг к юноше.

– Ты не она. Где Аделина? – отрывисто проговорил юноша, бросился к ней и схватил за плечи.– Отвечай, ведьма, где она?!

«Я здесь!» – забила в дереве принцесса.

Принц не должен был ее услышать. Но он услышал.

И ослабил хватку.

И ведьме хватило одной секунды, чтобы воспользоваться этим. А Лариса не успела. Ее соперница была опытной колдуньей с богатой злодейской практикой, а студентка Вольская только вчера получила диплом об окончании Школы магии, и все ее знания в основном ограничивались теорией. Поэтому, пока она только собиралась найти слабое место в магии ведьмы и нанести удар, та уже успела опомниться и закричала слова неведомого Ларисе страшного заклинания, с силой оттолкнув принца к краю поляны, к деревьям. Принц споткнулся, и его ноги словно приросли к земле. Деревья закачались, оглашая поляну горестным криком. Ведьма подскочила к юноше, растопырила пальцы, вцепилась в голову принца и стала вдавливать его в землю. Все произошло в какие-то секунды. Принц ушел по колено в землю, его туловище стало стремительно покрываться корой, руки превратились в ветви, и вот уже в кругу деревьев появился новый обитатель – молодой кедр.

«Ни хрена себе спецэффекты»,– похолодела Лариса. И что ей теперь делать с этой Медузой Горгоной? Попытаться очаровать ее заклинанием харизмы или явиться пред ней в виде демона и потребовать расколдовать людей обратно? Вряд ли эта прожженная бестия купится на такие штучки.

– Как глупо! – пробормотала тем временем ведьма, разминая руки.– Как глупо, дурачок! Разве тебе было плохо со мной? Разве я недостаточно пылко тебя любила, малыш Даниэль? Чем я хуже твоей кисейной принцессы, этой неженки-белоручки? Разве я некрасива? Посмотри на меня!– Белатрис трянула руками, подняв их над головой, и с ее ладоней пролился мерцающий дождь, смывая облик принцессы и обнажая истинное лицо колдуньи.

Лариса ахнула. Ведьма не была старой каргой, она была совсем юной девушкой, ровесницей Аделины, и будь она принцессой, она могла бы стать ей серьезной соперницей. Колдунья была прекрасна той чувственной красотой, которая не оставляет равнодушной даже самых верных мужей и монахов и рождает зависть у самых прелестных красавиц. Она была великолепно сложена, и изгибы ее фигуры, которых не скрывала прозрачная вуаль пеньюара, были пленительно женственны. Длинные ноги, высокая полная грудь, узкая талия, округлые бедра, белые плечи, по которым рассыпались густые темные, цвета горького шоколада волосы, коралловые губы и глаза темно-синие, словно небо перед грозой. Такой бы девушке не в Куке прозябать, а Голливуд покорять – по сравнению с ней даже Анджелина Джоли и Моника Белуччи выглядят простушками.

Красота ведьмы была яркой, эффектной, кричаще-женственной, в то время как красота Аделины была нежной, девичьей и даже блеклой. Не для того ведьма воспользовалась ее обликом, чтобы принца очаровать – с ее собственной красотой это было бы несложно, а для того, чтобы во дворце закрепиться. Негоже принцам жениться на простушках без роду, без племени, а Белатрис была создана для дворца. Королевский дворец был естественной оправой для ее завораживающей красоты, жаль только, что покорять его пришлось в облике бледной принцессы, которая на фоне ее смотрелась обыкновенной серой мышью, хорошенькой, но мышью. Даже заколдованный принц не мог отвести от нее взгляда, и в его глазах, которые Лариса видела, как через стекло, сквозь кору молодого кедра, читалась гремучая смесь самых разных чувств – потрясение, ужас и восхищение.

От накала страстей, казалось, нагрелся воздух. В какую-то секунду Ларисе показалось, что ведьма искренне любит принца, что вся ее подлость и обман – лишь средство завоевать любимого, быть с ним рядом, обрести свое женское счастье. Что она простит его, убедит отказаться от короны и уведет в уединенную хижину в лесу, где они будут жить в своем маленьком раю для двоих до самой смерти и принц никогда не вспомнит принцессу, предназначенную ему в жены еще с рождения...

– Глупый-глупый принц, – печально пробормотала прекрасная колдунья. – Ты сам выбрал свой путь... Придется что-то придумать, чтобы объяснить королю твое исчезновение, когда я вернусь обратно.

Наваждение развеялось. Не принц был нужен юной ведьме, а его корона, не рай в шалаше, а роскошная жизнь во дворце. Не собиралась она его расколдовывать, а жаль. Значит, Ларисе все-таки придется вмешаться. Но как? В голове кружилась какая-то позабытая лекция про то, как победить мага, который находится в окружении объектов, несущих часть его колдовства. С одной стороны, они питают его магию, но с другой – каждый из них можно направить против хозяина, чтобы выкачать часть его силы. Что же это за лекция-то такая? И в этот момент шиповник, уставший ненавязчиво подталкивать ее к активным действиям, деликатно покалывал руки и шею, взмахнул ветками и дал юной волшебнице такого пинка колючками под зад, что та взвыла и с ревом вылетела на полянку, едва не сбив с ног удивленную ведьму и приземлившись носом в землю.

– Так-так, – ласково поинтересовалась та, справившись с изумлением. – Кто это у нас тут – новая вишенка или, может, ёлочка?

Лариса с трудом подавила желание назваться туристкой, отставшей от группы, и малодушно попросить пощады, как вдруг в кармане ее платья что-то громко хлопнуло, и оттуда повалил дым.

– Ай! – подпрыгнула она, выуживая оттуда тлеющий платочек с неизвестной ягодой и зачем-то поспешно развязывая его. Одна из ягод упала на землю и с громким хлопком разлилась по ней лужицей огня.

Ведьма побледнела и растерянно оглянулась по сторонам, словно собираясь бежать.

«Взрывника», – обрадованно зашептали деревья.

– Она что, взрывается? – взвизгнула Лариса, собираясь запульнуть узелок с оставшимися ягодами куда подальше. Но меткостью выпускница школы магии никогда не отличалась, платок успел прогореть в нескольких местах, так что при броске ягоды из узелка брызнули в разные стороны, загораясь в воздухе, словно фейерверк. Лариса с ужасом глядела, как вспышки пламени разбиваются о кору деревьев и поджигают листья, – она умудрилась попасть в каждое из семнадцати заколдованных деревьев. Теперь они все погибли по ее вине! Надо срочно вызывать дождь, а заклинание, как всегда, испарилось из ее дырявой головы!

Ведьма тем временем с визгом металась в круге огня, который уже объел деревья. Пытаясь потушить его, она бросалась на огонь и погружала руки в синее пламя. То не жгло ее, но Белатрис кричала так, как будто каждое прикосновение огня доставляет ей страшные страдания. Потом случилось и вовсе странное: кора деревьев, по которой пробегали язычки огня, стала лопаться, словно скорлупа, освобождая пленников. Будто бы не чувствуя огня, те

переступали через него и выходили на поляну. Целые, невредимые, усталые, довольные. Принцесса, ее родители, свита, охрана, слуги. Они окружили ведьму, которая и не пыталась сопротивляться, лишь обреченно смотрела на недавних пленников, словно загнанный зверь. Палач стал жертвой, жертвы стали палачами. Лариса никак не могла понять, что происходит, и стояла как во сне. Пока Аделина не протянула ведьме ягоду, которая каким-то чудом не взорвалась, как другие, и Белатрис с горькой усмешкой не сказала: «Ты выиграла, принцесса», после чего послала воздушный поцелуй принцу и, подкинув опасную ягодку высоко вверх, поймала ее ртом. И тут Лариса закричала. Потому что самая красивая женщина из всех, каких она когда-либо видела, пошатнулась, как от удара током, и как подкошенная рухнула на землю...

Настя, все это время слушавшая Ларису раскрыв рот, подалась вперед и ахнула:

– Она умерла?

– Умерла. Взрывника оказалась редкой ягодой, которая способна разрушать колдовство, а ее пламя лишает волшебников силы. Вот почему, когда я так удачно махнула рукой и раскидала взрывнички по деревьям, заклятие спало, а Белатрис оказалась пойманной в замкнутый круг огня и сделалась беспомощной.

– Она от этого умерла? – допытывалась Настасья.

– Нет, пламя только забрало ее силу. Ее убила та ягодка, которую она съела, – тихо сказала волшебница и предупредила: – И лучше не спрашивай, как действует взрывника на человеческий организм и что случается, если ее надкусить.

– Значит, ее убила Аделина... и все остальные? Но это же самосуд! – возмутилась Настя.

– В Кукуе свои законы. Белатрис была ведьмой, она похитила и заколдовала принцессу и ее семью, не говоря уже об остальных пленниках и других ее заклятиях. Ее бы ждал костер, так что ее смерть была еще гуманной.

– Но почему...

– Почему они не стали ждать костра? Белатрис была бессильна, только пока горел огонь взрывники. Если бы король и свита не тронули ее, она бы вновь обрела силу и заколдовала их. Белатрис была очень сильной ведьмой. И очень жестокой. Король потом рассказал, что она была проклятием королевства последние два года. Белатрис творила страшные дела, и не было ни одной семьи в Кукуе, кто не потерял кого-то из близких по ее вине.

– А мне почему-то все равно ее жалко, – грустно вздохнула Настя, – хоть она и ведьма.

– Ты знаешь, мне тоже. Хотя я видела заключенных в деревья людей – и это было по-настоящему жутко. И уж Белатрис, попадись ей на пути я или ты, вряд ли пожалела бы кого-то из нас. – Лариса вспомнила слова прекрасной ведьмы, обещавшей превратить ее в ель или вишню, и вздрогнула.

– Да, можно сказать, тебе повезло, что ты нарвала этой взрывники, – тихо сказала Настя.

– Не то слово! Не представляю, как бы тогда все обернулось.

– А что было потом? Ну когда Белатрис... – Подруга запнулась.

– Что было, что было! Стали все обниматься да радоваться, что все закончилось, и меня благодарить. Я, правда, не поняла, за что – взрывнику я по глупости раскидала, а на поляну меня шиповник вытолкнул. Кучер там все пытался рассказать о своей заслуге да к моей славе примазаться, но король его и слушать не стал.

– Ты себя недооцениваешь! – возразила Настя. – Все-таки ты показала принцу, что та, кого он принимал за Аделину, ведьма.

– Ну показала. И после этого принц едва дуба не дал, точнее, в кедр превратился – велика заслуга! Но король решил, что операция по освобождению пленников была тщательно спланирована, что из кустов я вовремя и по своей воле выпрыгнула и взрывнику преднамеренно разбросала. Я его величество разубеждать не стала – неприлично выпускницам школы магии с настоящими королями спорить. Король на радостях меня

произвел в официальные волшебницы Кукуя, презентовал рубиновое ожерелье, шкатулку драгоценностей, позолоченную карету и замок в придачу.

– Настоящий замок! – восхищенно ахнула Настасья.

– Да уж не игрушечный, – не без гордости ответила Лариса. – Только он заброшенный был. В нем раньше какая-то фаворитка короля жила, а после ее смерти замок пустой стоял. Но король мне столько драгоценностей дал, что хватило и слуг нанять, и замок в жилой вид привести, и даже фасад в розовый цвет выкрасить.

– Класс! Какая ты молодец! В первый же день стажировки и короля спасла, и ведьму одолела, и главной волшебницей королевства стала! – восторженно заявила Настя.

– Только что с этого толку, – взгрустнула Лариса, – если теперь меня могут из коллегии выгнать? И не посмотрят ведь на все предыдущие заслуги.

– Да ладно тебе киснуть, – приободрила ее подруга. – Все будет хорошо! Ты у нас девочка талантливая, со всем справишься.

– Да уж, талантливая, – окончательно приуныла волшебница. – Даже с Глашей этой никак связаться не могу...

– Кстати, – Настя глянула на часы, показывавшие полночь, – пошли спать. Вдруг сегодня повезет?

Но надежды Настасьи не оправдались: в свои сны в ту ночь Глаша Лару так и не пустила...

* * *

Замок оборотней находился в одном дне пути от вампирской резиденции, о чем за завтраком на холме поведал Оливье своей спутнице. От любезного предложения герцога заночевать в «замке Дракулы» они решительно отказались и эту ночь провели как настоящие герои фэнтези – под звездным небом, полным комаров, радостно звенящих от счастья при виде сытного ужина.

– Замок? – недоуменно переспросила Глаша, отхлебывая из фляги кофе со сливками, который хоть как-то мог примирить ее с суровой действительностью в виде ожерелья из комариных укусов на шее и россыпи зудящих точек на лице. Ну как, как она могла забыть о противных кровососах и не попросить у травницы средства от этих крылатых гадов? – Разве оборотни живут не в лесу?

– Почему в лесу? – возразил Оливье. – В домах, как и обычные люди. Простолюдины – в деревнях, аристократы – в замках.

– Как же они живут бок о бок с простыми людьми? – удивилась девушка, смачно почесывая кончик носа. – Они же опасны!

– Опасны только молодые оборотни, – поправил ее маркиз. – Но ты права, с людьми они не живут. Предпочитают держаться вместе и селятся рядом с себе подобными.

– Это что же, есть деревни оборотней и замки, населенные сплошь вервольфами? – недоверчиво спросила Глаша.

– А что тут такого?

– Впервые о таком слышу! – призналась она.

– Что – в ваших книгах такого не прочитаешь? – усмехнулся маркиз, собирая в сумку остатки завтрака.

– Да здешняя жизнь по фантастичности не сравнится ни с одной книгой, – признала Глаша, вскакивая с земли.

– Вот и наслаждайся, – насмешливо отозвался Оливье, пристегивая сумку к седлу и запрыгивая на свою Звездочку.

– Аж плющит от удовольствия, – проворчала в ответ девушка, забираясь на Слона и предвкушая десять часов дорожной скуки...

До замка оборотней оставалась примерно половина пути, когда путники въехали в лес: темный, холодный и какой-то зловещий. И действительно, не прошло и десяти минут, как

Глаша, чутко прислушивавшаяся к каждому шороху, услышала в стороне от дороги какой-то надрывный плач. Кто-то жалобно скулил в чащобе, от этого звука у Гликерии мурашки по коже побежали, и она остановила коня.

– Похоже, раненый зверь,– успокоил ее Оливье.– Едем дальше.

– Да это человек,– возразила она, прислушиваясь к стону.– Слушай, мы должны ему помочь!

– А что, если это ловушка и нас там ждет засада? – предположил маркиз.

– Какой ты бессердечный! – поразила Глаша.– Человеку плохо, мы не можем проехать мимо.

– Почему? Так положено в твоих книгах? – саркастически поинтересовался Оливье.– У нас свой путь и другая миссия.

– Ты как хочешь, а я так не могу.– Девушка спрыгнула с коня и протиснулась сквозь кустарник.

Маркиз вздохнул, спустился со Звездочки, привязал коней у дороги и последовал за своевольной спутницей, прорубая себе путь мечом, который он приобрел взамен скушанного гарпией в придорожной деревеньке.

Первой страдальца увидела шедшая впереди Глаша и аж вскрикнула от ужаса.

– Кто там – зверь или человек? – раздался позади нее голос Оливье, и мгновением позже он оказался рядом.

– Посмотри сам,– прошептала потрясенная девушка.

И было от чего потерять самообладание!

На траве между деревьев, прижавшись спиной к стволу дуба, корчился израненный полумедведь-полуюноша, образ которого мог привидеться только очень эксцентричному художнику. У несчастного была покрытая бурой шерстью звериная спина и голая мужская грудь, шея и лицо были чуть тронуты шерстью, и на этом бледном, искаженном нечеловеческой мукой лице метались вполне человеческие глаза. Бедняга катался по земле, словно отбиваясь от невидимого врага. Одной рукой, звериной до плеча и человеческой от локтя, он держался за рану в боку, из которой хлестала кровь, а другой, медвежьей с острыми когтями, махал перед собой. Нижняя часть туловища у него была полностью звериной.

– Оборотень,– ахнул маркиз, опуская меч.

– Что это с ним? – слабым голосом спросила Глаша.

– Похоже, что его ранили, когда он был в человеческом облике,– предположил ее спутник.– Он решил перекинуться, так как оборотни быстрее исцеляются в своей звериной ипостаси, но к тому моменту потерял уже много сил, и трансформация не смогла завершиться. Бедняга.

– Что с ним теперь будет? – обеспокоенная тоном Оливье, спросила Гликерия.

– Медведь будет из всех сил цепляться за жизнь и оттягивать конец, а парень будет страшно страдать, потому что раны смертельные. Он уже не жилец.

– Живчик! – воскликнула Глаша, вспомнив о подарке дриад.– Мы сможем ему помочь!

– Придется истратить весь флакон,– с сомнением сказал маркиз.

– Но это ему поможет? – пытливо спросила девушка.

– Если повезет, опасные раны закроются и он сможет завершить трансформацию,– задумчиво проговорил ее спутник.– В этом случае начнется регенерация, и он исцелится.

– Тогда мы так и сделаем! – Глаша бросила сочувственный взгляд на оборотня, в беспамятстве метавшегося по земле.

– Но эликсира может и не хватить,– предупредил Оливье.– Он наполовину зверь, и его масса больше человеческой, а раны очень глубокие.

– Ты хочешь оставить его умирать? – поразила Глаша, которая страшно сопереживала бродячим собакам и всем животным и потому просто не могла допустить, что они бросят бедолагу без помощи. К тому же, несмотря на пугающий облик, шерсть на лице и смертельную бледность, незнакомец был необыкновенно красив и чем-то похож на Сергея Лазарева из «Smash!!!», плакат с изображением которого висел в туалете Глаши уже три

года.

– Я хочу убраться отсюда прежде, чем здесь объявится кто-то из его сородичей, – признался маркиз. – Представь, как мы им объясним, что просто проезжали мимо!

– А по-моему, это наш шанс, чтобы завоевать их доверие и наладить контакт! – не терпящим возражения тоном объявила девушка и, ломая ветки, понеслась обратно, за настойкой живчика, лежащей в седельной сумке. Вообще-то в тот момент она меньше всего думала о доверии оборотней и шансах на получение амулета. Ей просто было очень жаль красивого юношу с лицом ангела и телом медведя, который, поскуливая, как побитый щенок, умирал от ран в лесу.

– Нет, я не имею ничего против благотворительности, – покачав головой, пробормотал Оливье, – но кто поможет нам, когда живчик понадобится нам самим? Уникальный эликсир дриад! – с досадой добавил он. – Истратить на какого-то неизвестного оборотня!

Оборотень внезапно замер, остановил на нем осмысленный взгляд и четко сказал:

– Мой отец вам это с рук не спустит, – после чего опять забился в агонии.

– Ну спасибо, – проворчал маркиз, – хороша благодарность.

Через минуту явилась запыхавшаяся Глаша с драгоценным флакончиком в руках.

– Ты мне поможешь? – Она покосилась на лихорадочно мечущегося зверя. – Одна я не справлюсь.

Следующие полчаса они кружили вокруг отбрыкивавшегося оборотня. Когда Оливье удавалось отвлечь его внимание на себя или на мгновение обездвигнуть, Глаша осторожно влила несколько капель в раны. После первых капель они стали меньше кровоточить, после следующих вливаний прекратили вообще, а с новой порцией живчика стали потихоньку затягиваться. Из-за глубины, обширности и многочисленности ран (казалось, бедного юношу рвала на клочья свора собак) требовалось значительное количество эликсира, поэтому девушка и оглянуться не успела, как на дне флакона осталась последняя капля. Помедлив одно мгновение, она влила ее в раскрытые губы юноши-медведя. Тот глубоко вздохнул, закашлялся и весь прогнулся в зверином рыке. Спутники отскочили в стороны, и тело оборотня пронзило судорогой. Человеческий торс стал стремительно покрываться шерстью, захрустели кости, грудная клетка выгнулась, превратившись в широкую звериную. Глаша зажмурила глаза от ужаса и держала их закрытыми до тех пор, пока не задрожала земля и не раздался крик Оливье, за которым последовал глухой удар и хруст веток. Девушка так и обмерла на месте: тело отказывалось слушаться, веки словно налились свинцом. Лицо обожгло горячим дыханием со вкусом малины, она вздрогнула и открыла глаза. Перед ней, покачиваясь, стоял медведь. В стороне валялся неподвижный маркиз. Медведь приблизил морду к Гликерии и глубоко вдохнул ее запах, а потом ткнулся влажным носом в щеку спасительницы и рухнул к ее ногам. Вернее, рухнул бы прямоком на ноги, если бы до смерти перепуганная девушка не успела отскочить в сторону.

Первым делом она бросилась к маркизу. Тот был жив, дышал, но находился в полной отключке. Глаша похлопала его по щекам, но тщетно. Он не шевельнулся даже тогда, когда она со всей силы залепила ему оплеуху. Озадаченная Гликерия вытащила фляжку у маркиза из-за пояса, сделала большой глоток текилы, которая показалась ей водой, после чего переключила фляжку на режим ледяной колодезной водицы и с наслаждением вылила ее на Оливье. Тот тихо застонал и поднял голову.

– Где он? – слабо спросил маркиз.

– Отдыхает, – доложила Глаша, кивнув на неподвижную тушу.

В глазах ее спутника мелькнуло уважение.

– Чем это ты его?

«Надеюсь, что не запахом пота», – хмыкнула про себя Глаша, некстати вспомнив рекламу «Рексоны», и загадочно промолчала, изобразив смущение.

По поляне разнесся громкий храп.

– Похоже, с ним все в порядке, – констатировал Оливье, осторожно осмотрев спящего медведя. – Отоспится и полностью восстановится.

Возле деревьев, там, где земля впитала в себя кровь раненого оборотня, что-то ярко блеснуло, обратив на себя внимание Глаши. Она подошла к смятой траве и выудила оттуда запутанную золотую цепочку с квадратным кулоном.

– Похоже, наш друг не простолудин,– с гордостью сообщила она.

– Кому друг,– проворчал Оливье,– а кому он кости намял ни за что ни про что. И у нас теперь нет ни капли живчика, чтобы облегчить мои страдания!

– Да ладно, он тебя даже не поцарапал,– отмахнулась девушка, с любопытством разглядывая плоскую золотую пластинку.– Смотри-ка, здесь выгравирована корона! Или это буква W? Похоже, нашего медведя зовут Вольфганг или Вольдемар,– предположила она, глядя, как играет солнце на поверхности подвески.

– Что? – вскрикнул маркиз.– Не может быть!

– Ну это всего лишь предположение,– забавлялась Глаша,– возможно, он Вергилий, Виссарион или Вахтанг.

– Это Варис,– выдохнул Оливье, бросив один лишь взгляд на находку спутницы.– Наследник властелина оборотней.

И судя по тому уважительному взору, которым он окинул тушу спящего медведя, он не шутил.

* * *

Сны Глаши по-прежнему были закрыты для Ларисы. Волшебница уже не знала, что думать самой и как оправдываться перед магистрами, к которым в тот день шла со своим первым отчетом по делу Нарышкиной. Отсутствие результатов с Ариной старшие волшебники восприняли спокойно, лишь Маргарита с Иваном перекинулись многозначительными взглядами. Кажется, Грозин был уверен в ее скором успехе и огорчен неутешительными известиями, а вредная Маргоша явно злорадствовала. А вот сообщение о том, что связаться с Глашей Ларе так и не удалось, вызвало бурю эмоций, главными из которых были недоверие и досада.

– Как же так? – поражался Бессмертин.– Это простейшая магия, не понимаю, почему она не сработала.

И Лариса послушно повторила последовательность своих действий, вызвав еще большее недоумение магистров: да, все верно, так и нужно, но почему же тогда от магии нет никакого толку? Не придя ни к какому удовлетворительному выводу, комиссия отпустила Ларису восвояси. Напоследок Бессмертин выразил надежду, что Ларе все-таки удастся связаться с девочкой и узнать, как у нее обстоят дела и стоит ли рассчитывать на ее возвращение. Он сообщил, что родители Глаши сейчас в отъезде и о пропаже дочки пока не подозревают, так что было бы идеально уладить проблему до их появления в Москве.

– Но разве они еще не в курсе? – удивилась та.– Ведь прошло уже больше недели. Они что, ни разу не звонили домой?

– Звонили,– кивнул головой магистр.– Мы установили переадресацию звонков, посадили у телефона «соловья», и тот, точнее, та, отвечала на звонки голосом Гликерии.

«Соловьями» называли одних из низших волшебников, единственный талант которых заключался в умении копировать чужие голоса. Пользы от них коллегии было мало, поэтому к магической службе «соловьи» привлекались редко, а большую часть времени вели обычную жизнь. Самые талантливые выступали с концертами и обретали популярность как пародисты, менее искусные демонстрировали свои удивительные способности к подражанию узкому кругу друзей. А добыть образец голоса Глаши при наличии волшебных способностей было не так сложно. Достаточно было заполучить хотя бы одну кассету из домашнего видео.

Не зная, чем убить день, Лариса до вечера просидела в библиотеке, проштудировав учебники по сновидениям и так и не найдя оснований для своей неудачи.

У Насти, между тем, денек тоже не задался.

– У нас катастрофа,– трагически шепнула она, впуская подругу в квартиру.
– Настюшечка, кто там? – прозвенел из кухни высокий женский голос.
– Тетя Вася приехала,– чуть слышно пояснила Настасья и, повысив голос, ответила тетке: – Это Лариса вернулась.

После чего она наклонилась к девушке и умоляюще прошептала:

– Ларчик, только, умоляю тебя, не ругайся с тетей Васей!

– Да с чего мне с ней ругаться? – удивилась та.

Настя только трагически взглянула на нее, но ничего не сказала. Через тридцать секунд Лариса Вольская предстала критическому взору Василисы Суворовой.

Мадам Суворова была на редкость некрасива и могла похвастаться разве что крупной бородавкой, вольготно расположившейся на правой щеке. Она была худощава и поджара, словно гончая, да и во всем ее облике было что-то хищное, а цепкий взор густо подведенных черных глаз сканировал собеседника, как рентген. Тонкие губы, щедро намазанные ярко-красной помадой, были плотно сжаты. Волосы этой дамы, вплотную приблизившейся к шестидесяти годам, были иссиня-черны, слегка волнисты и собраны в высокий хвост на затылке. Шею обвивали три ряда золотых цепочек, уютно разместившихся в глубоком декольте молодежной майки. Тонкие ножки были заключены в модные бриджи с завязочками. «Баба-яга, версия 2006 года»,– от души развеселилась Лариса, внешне изобразив полное почтение к Настиней тетке.

– Василиса Филимоновна,– с достоинством представилась та и царственно кивнула на долговязое и худое существо лет сорока, робко жавшееся в углу кухни.– А это мой сын Вениамин.

– Очень приятно,– любезно проворковала девушка.– Лариса.

– Вы, Лариса, тоже волшебница? – надменно поинтересовалась тетя Вася, окинув собеседницу таким скептическим взором, словно она не Василиса Суворова, а сам Великий Мерлин, познавший все тайны магии и теперь со снисходительностью взиравший на несмышленища, делающего первые шаги на ниве чудес и волшебства. Но не этот взгляд взволновал Ларису.

– Что-то в этом роде,– уклончиво пробормотала она, отыскав взглядом отводившую глаза Настю. С какой стати деревенская тетка подруги в курсе их настоящей деятельности?!

– Я так и думала,– высокомерно произнесла Василиса, мигом потеряв к ней интерес, и повернулась к племяннице.

Разговор зашел о каких-то общих знакомых и дальних родственниках. Настя рассеянно кивала, а Василиса со смаком пересказывала последние сплетни и перебивала косточки неизвестным Ларисе дядям Митям-Федям-Пашам, тетям Груням-Дусям-Дашам, их неблагодарным детям, невыносимым соседям и даже невоспитанным псам, котам и козам.

– А дядю Костю помнишь? – наседала она на племянницу, с шумом отпивая налитый в блюдце чай.

– Нет,– качала головой растерянная Настасья.

– Да как же! – громко восклицала Василиса.– Вспомни, в восемьдесят пятом году он ехал проездом через Саратов и останавливался у вас. Он еще подарил тебе балалайку, и ты ему на ней играла. Помнишь? – требовательно вопрошала она.

– Помню,– покорно кивала головой Настя.

«Как же не помнить, мне тогда как раз только два года исполнилось»,– потешаясь про себя, продолжила за нее Лариса и тут же схлопотала укоризненный взгляд подруги, подслушавшей ее мысли.

– Трень-брень, так смешно было! – закатывала глаза удовлетворенная тетя Вася.

– Вы тоже тогда у нас гостили? – недоуменно спрашивала Настя.

– Я?! – удивилась тетка, едва не поперхнувшись чаем.– Нет, конечно. Мне рассказывали! Так вот, этот Костя чего учудил-то – вставил себе челюсть! Ха-ха-ха!

«Помереть со смеху можно»,– комментировала про себя Лара, ободряюще улыбаясь пригорюнившейся подруге.

– И устроил по этому поводу пьянку,– отсмеявшись, продолжала Василиса.– Нагнал самогонки, созвал всех своих собутыльников отмечать, значит, это дело. Представляешь? Повод нашел! И вот наотмечался, значит, до такой степени, что худо ему сделалось, пошел в туалет во дворе, а там его так выворачивать стало, что эта челюсть в отхожую яму улетела. Представляешь! – давясь со смеху, тоненько взвизгнула тетя.

Тут уж даже Настя с Ларисой не выдержали, расхохотались, представив себе эту картину.

– А потом что? – спросила Лариса.– Достал он ее?

– Сразу видно, что ты, деточка, в деревне не жила,– ухмыльнулась тетя Вася.– И с удобствами на улице дела не имела. Разве там что достанешь! Теперь Костя новую челюсть заказал. Только вот не знаю – будет ли отмечать или нет. А тетю Мусю помнишь? – вновь вцепилась она в Настю.– Как? Не помнишь тетю Мусю?..

И разговор опять зашел о тете Мусе, которую Настя видела однажды в пятилетнем возрасте, про сына тети Муси, который, неблагодарная скотина, бросил старушку в деревне, потому что его жена, городская цаца, не пожелала жить среди коров и утащила Вадика в свою городскую хату со всеми удобствами, горячей водой и газовой колонкой...

Устав от этой болтовни, Лара поднялась с места и кашлянула, привлекая внимание увлеченной собственным монологом тети Васи и пребывающей в прострации Настены:

– Ну я пойду...

– Что, даже чаю не попьете? – язвительно поинтересовалась Василиса.

– Предпочитаю кефир,– скромно потупила глаза волшебница, вспомнив наказ подруги не ругаться с вредной теткой.

– Я постелю тебе в моей комнате,– засуетилась Настя, поспешно выскакивая в коридор.

– Спокойной ночи,– любезно распрощалась Лариса и выскользнула из комнаты.

– Понаедут тут всякие! – донесся ей вслед недовольный голос Василисы.– Стеснят! А родной тетке с племянником потом в одной комнате жаться приходится.

– Да ладно тебе, мам,– робко прошелестел Венечка.

– Веня! Не спорь с мамой! – прогремел суровый рык мадам Суворовой.– За свои права надо бороться!

– Ничего себе – жаться,– тихо фыркнула Лариса, обращаясь к Насте.– Ты им отдала самую лучшую комнату! Да в ней банкеты можно устраивать.

– Типун тебе на язык,– жалобно проскулила подруга, вталкивая ее в свою крошечную спальню.– Как бы и в самом деле до банкетов не дошло!

– Насть, объясни мне срочно, что происходит,– потребовала удивленная Лариса.

– Тетя Вася – ведьма,– горестно вздохнула Настасья.

* * *

– Я спасла наследника рода, я спасла принца оборотней,– припевала довольная собой Глаша, кружась по поляне.– Как ты думаешь, он теперь обязан на мне жениться как честный медведь? – огорошила она Оливье, с размаху плюхнувшись рядом с ним на бревнышко.

– Оборотни женятся только на оборотнях,– осадил ее маркиз, в чьи планы вовсе не входило, чтобы спутница задерживалась в его мире,– и у Вариса наверняка уже есть невеста, какая-нибудь прекрасная красотка-лиса или девушка-рысь.

– Главное, чтоб не ежиха,– заявила Глаша.– Представляешь, как им будет трудно в семейной жизни?

– Ты хоть понимаешь, во что мы вляпались? – тихо сказал Оливье.

– Мы спасли наследника,– с готовностью сообщила девушка.– Точнее, это я спасла наследника, а ты едва не дал ему умереть. Так что заслуга в его спасении – моя целиком и полностью. Ура-ура! Я совершила первый настоящий подвиг! Я не так безнадежна! И, быть может, о моих деяниях еще напишут настоящий роман!

Но взгляд маркиза, обращенный на спутницу, был столь мрачен, словно она только что

подписала смертный приговор себе и ему заодно.

– Оливье, ну не строй ты мне козью морду,– взмолилась Глаша.– Чем ты недоволен? Или у вас какие-то личные счеты с этим Варисом? В детстве вы не поделили лопатку, а в юности он, быть может, приударял за Клариссой?

– С такой фантазией тебе только романы писать,– холодно заметил маркиз.

– Ты думаешь? – польщенно спросила Глаша.– Вообще-то я хотела стать актрисой или журналисткой.

– Жур-кем?

– Ну как тебе объяснить,– запнулась она,– это тоже такой писатель, только пишет он про то, что было на самом деле.

– Летописец, что ли?

– Ну если корреспондент, то можно сказать, что и летописец,– согласилась Гликерия.– И он ничего не придумывает, а пишет только правду. Ну почти правду. Вот, например, из сегодняшнего происшествия с Варисом можно было сотворить и новостную заметку, и криминальную хронику, и интервью со спасенным, и даже удалось бы развить целое журналистское расследование.

– Вот именно,– свирепо отозвался Оливье,– расследование! Об этом ты совершенно не думаешь!

– О чем? – округлила глаза девушка.

– О том, что случившееся с Варисом – не несчастный случай, а наверняка тщательно спланированное нападение. А мы, появившись здесь, смешали все планы заговорщиков.

– Ты думаешь, это покушение? – помрачнела Глаша.

– А ты видела его раны? – хмуро заметил маркиз.– Конечно, покушение!

– И ты думаешь, преступники где-то рядом? – поежилась она.

– Да уж наверняка! И вряд ли они позволят нам уйти отсюда живыми и сдать наследника на руки отцу,– обреченно заявил ее спутник.

– Мамачки! – перепугалась Глаша и бросила взгляд на спящего медведя.– Но ведь Варис силен в своем зверином облике, разве он не сможет защитить нас и себя?

– Не сомневаюсь, что они позаботятся о численном превосходстве. Особенно если Варис видел, кто за этим стоял.

– Надеюсь, что нет! – поспешно воскликнула девушка.– В таком случае мы безо всяких приключений доведем его до замка, сдадим на руки отцу и получим свое законное вознаграждение в виде амулета. Ведь правда, спасение наследника того стоит?

– Сейчас не об амулете надо думать, а о том, как самим уцелеть,– заметил Оливье.– Что ты ищешь? – поинтересовался он, увидев, как девушка перетряхивает сумку.

– Наше спасение,– буркнула та, перебирая склянки травницы. Но, как назло, кроме флакона освежина, пузырька растишки для зубов и двух склянок любовного зелья, ничего в запасниках не было.

– Жека! – умоляюще вскрикнула Гликерия, с силой тряхнув в руках книгу, не подававшую признаков жизни.

– Я вам что, служба спасения? – приоткрыла глаз та.– Сами заварили кашу, сами ее и расхлебывайте. Тем более,– ехидно намекнула она, скосив глазок на склянки,– средства для этого имеются. Остается только пораскинуть мозгами, как их использовать!

– Но как,– начала Глаша и запнулась при виде незваных, но ожидаемых гостей, словно тени бесшумно возникших по периметру поляны. Это были высокие мужчины в дорогих костюмах, вооруженные мечами и арбалетами, и в лицах каждого из них было что-то дикое, звериное.

Глаша охнула, поспешно сгребла с колен бутылочки, вскочила с бревна и отлетела в середину круга – это Оливье рывком притянул ее к себе и отгородил своей спиной от колющих взглядов (насколько это было возможно при его росте). Маркиз держал меч, готовый в любой момент принять бой. Но что же это за бой, когда на одного воина, беспомощную девицу и спящего медведя приходится около двадцати вооруженных

головорезов?

Из круга застывших фигур отделился мужчина с вытянутым непроницаемым лицом, похожим на маску, и двинулся к спящему Варису.

– А хорошо вы его заштопали,– безучастно произнес он, пнув медведя кончиком сапога.

– Не тронь мишку! – бодрясь изо всех сил, рявкнула Глаша.

– А то что? – равнодушно глянул на нее главарь.

– А то силы Гринписа тебя покарают, вот что,– страшным голосом сказала девушка.

– Да ты ведьма,– утвердительно произнес он, внимательно изучая ее колючими серыми глазами.

Если обычно глаза называют зеркалом души, то очи оборотня были бездонными колодцами, которые тщательно хранили тайны своего хозяина. От них веяло холодом, и Глаше стало совсем не по себе. Словно она заглянула в глаза мертвеца. Но спорить с этим невозмутимым длиннолицым она не стала – вдруг удастся запугать его и его банду возможной карой? А если нет, то она хотя бы немного потянет время.

– Но я тоже в некотором роде колдун,– сказал оборотень, неожиданно выхватив из-за пояса узкую пробирку, и вылил ее содержимое на спящего медведя. Его шкура вспыхнула сиреневым пламенем и стала таять на глазах, а внутри ставшей прозрачной фигуры зверя проступили очертания человеческой фигуры. Не прошло и минуты, как медвежья личина спала, как маскарадный костюм, а на земле остался лежать обнаженный спящий юноша. Глаша стыдливо отвела глаза.

– Так-то лучше,– удовлетворенно произнес главарь, отбрасывая пустую пробирку в кусты.

– Отойдите от него! – выкрикнул Оливье, размахивая мечом и делая шаг к длиннолицему.

– А то что? Твоя милая подружка меня заколдует или ты поразишь меня смертельным ударом? – надменно поинтересовался тот и сделал короткий знак своей свите.

Спустя мгновение меч маркиза лежал на земле, а сам он бился в руках четырех заговорщиков, державших его смертельной хваткой.

– Ну а ты, девчонка,– повернулся к ней негодяй с колючими глазами,– на что способна?

«Запустить бы тебе склянкой с освежином – она самая большая – в наглую рожу,– зло подумала Глаша.– Да вдруг еще пригодится». Вот же жека, предательница, пожалела для них заклинания. «Сами расхлебывайте!» Да что же теперь делать-то?»

– Что там у тебя в руках? – холодно произнес оборотень, делая шаг вперед.– Настойка таинственного Гринписа? Воспламеняющийся эликсир? Дурманное зелье? Что-то не похоже на арсенал боевых магов. Ого, розовый цвет! – Он прищурил глаза, разглядывая бутылочки травницы.– Не может быть! – усмехнулся он мгновением позже.– Приворотное зелье, черт меня возьми!

Свита загоготала. Глаша залилась краской и сжала кулаки.

– Красотка,– выступил из круга оборотней развязный юнец со скользкими покрасневшими глазами и блудливой улыбкой,– я готов оказать тебе всю свою благосклонность и безо всяких зелий. Иди сюда, сладенькая...

Глаша еще больше стиснула кулаки, и тонкое стекло треснуло, выплеснув заключенное в него приворотное зелье на куртку девушки. В воздухе разлился дразнящий аромат клубники. От неожиданности Глаша всплеснула руками, тяжелая баночка с освежином и пробирка с растишкой упали на землю и укатились в кусты. Она машинально попыталась поймать вторую склянку с приворотным зельем, подскочившую вверх, но та скользнула в руках, оставив ей лишь пробку, и дождем пролилась на ее волосы, вызвав новый приступ гоготания у бандитов.

Пока девушка отфыркивалась, совершенно забыв о том, что, по словам травницы, одна лишь капля приворотной настойки творит чудеса, хохот смолк, и над поляной повисла зловещая тишина. Когда Глаша вытерла глаза, практически умыв лицо зельем, откинула

мокрые волосы, пропахшие клубникой, и с опаской глянула на притихших заговорщиков, то ее поджидал удивительный сюрприз. Злоумышленники, подавшись вперед, таращились на нее с таким благоговением, что Глаша почувствовала себя Дженнифер Лопес, у которой на церемонии вручения «Грэмми» в момент нахождения на сцене слетела не только одна бретелька, но и все платье целиком.

– Миледи,– пролепетал главварь, стремительно срываясь с места и подскакивая к ней.– Возьмите платок. Позвольте, я сам,– не дожидаясь разрешения растерянной девушки, он дрожащей рукой приложил платок к ее щекам и осторожно стер их. Да так увлекся, что спустился ниже, стал поглаживать шею и запустил руку с платком аж в ворот куртки.

– Вы что себе позволяете! – в бешенстве вскричала Глаша, отскакивая сторону.

Главварь поднес платок к лицу и с жадностью вдохнул его запах. Его глаза затуманились.

– Извращенец! – потрясенно пискнула Гликерия, ища поддержки у публики. Но публика сверлила ее возбужденными взглядами, и даже Оливье, безвольно повиснув в руках врагов, не сводил с нее ословелого взора.

– Моя королева,– сдавленно прошептал главварь, бросаясь к ней с явным желанием заключить в объятия и утащить в кусты. От его равнодушия и безучастности не осталось и следа, теперь мужика просто колбасило от переполняющей душу страсти.

– Сэр, вы не джентльмен! – выпалила Глаша, уворачиваясь от его лап.

– Искусительница! – простонал тот, пускаясь в погоню за девушкой.

– Оливье, спаси меня от этого маньяка! – проверещала она, наворачивая круги по поляне. Главварь не отставал.

– Чаровница! – продолжал восхищаться он.

Свита с живейшим вниманием взидала на происходящее.

– Сударь, я юная невинная девушка! – вопила чаровница, перепрыгивая через безмятежно посапывающего Вариса.– Пощадите меня!

По рядам свиты пронесся восторженный вздох.

– О моя целомудренная роза! – вскричал главный оборотень, прибавив скорости, и выронил платок, который до сих пор держал в ладони.

Платок белым лепестком упал на землю, и зрители рванули с мест, затеяв возню за право обладания им. Раздался треск ткани, грязные ругательства, посыпались тумачи. Глядя на это, Глаша на мгновение замешкалась, и тут преследователь сгреб ее в охапку.

– Ах ты, бродяга, смертный прыщ! – гневно взвизгнула «роза», одним кулаком двинув пылкому поклоннику в лоб.

Тот лишь сдавленно пискнул, но хватки не ослабил, а, напротив, даже умудрился приложиться мокрыми ледяными губами к ее шее.

– Ах, сударь! – всхлипнула она, обращаясь к ближайшему оборотню из свиты, долговязому брюнету с бородкой-эспаньолкой, отхватившему свой кусок драгоценного платка и теперь с нежностью поглаживавшему огрызок ткани в руках.– Что же это такое делается! Что же вы стоите и смотрите-то? Ах, спасите меня скорее!

Тот как будто только и ждал ее призыва – тут же вылетел вперед и пронзительно взвизгнул, обращаясь к главварю:

– Милорд, вы негодай! Я вызываю вас на дуэль!

– Ты, Каспар? – поразился тот, нехотя отрываясь от любования Глашиными прелестями, открывающимися в вырезе куртки.– Ты бросаешь вызов мне, своему хозяину?

– Сейчас же отпустите миледи! – вскипел Каспар.

– С удовольствием избавлю прекрасную леди от такого досадного поклонника,– процедил главварь, отпуская Глашу и вынимая меч.

Дуэлянты закружились по поляне, кто-то нежно тронул девушку за плечо.

– Месье,– прозвенел тут же высокий мужской голос.– Оставьте даму в покое!

– Ах, вы, месье, негодай!

– Вы ответите за свои слова, подлец! – И минутой позже по поляне закружила вторая

пара дуэлянтов.

– Сударь! – оскорбленно вскричала Глаша, начинающая наслаждаться этой неожиданной заварушкой, обращаясь к тощему блондину, не сводящему с нее мутных глаз.– Ваши взгляды для меня оскорбительны!

Тут же трое бросились с побоями на бедного блондина.

Гликерия, забавляясь, носилась по поляне, уворачиваясь от желающих ее потрогать, потискать, заключить в объятия и осчастливить любым другим способом, сея зерна раздора и натравливая тех, кто еще недавно были союзниками, друг на друга, и обещая победителю свою глубочайшую признательность, нежнейшую благосклонность и любовь до гроба.

– Ах, сударь, врежьте ему хорошенько! – звонко командовала она.– Он на меня косо посмотрел! Да, вот так, так! Ах, вы мой герой! Милостивый государь, проучите этого вульгарного гоблина, и я вас обязательно поцелую... Потом!

«Дубиной по лбу, если станете настаивать»,– добавляла она про себя.

Двойная доза любовного зелья превзошла все ожидания. Забыв про свои преступные намерения, коварные заговорщики воспылали страстью к Гликерии и ревностью друг к другу и устроили бой не на жизнь, а на смерть. Спустя полчаса поляна была завалена трупами и ранеными. Несколько человек, спотыкаясь и перепрыгивая через тела своих недавних товарищей, продолжали выяснять отношения с помощью мечей, кинжалов и кулаков, а прекрасная дама, устало сидя на краю полянки, не уставала подбадривать их кричалками, вопилками и обещаниями станцевать победителю танец живота. Оливье со спящим Варисом угрюмо отсиживался в кустах. Еще в самом начале заварушки Глаша приказала ему оттащить наследника оборотней в сторонку и караулить его безмятежный сон. Маркиз, подпавший под влияние убойного любовного зелья, нехотя послушался и теперь страдал, мучаясь завистью к своим соперникам, ловко порхающим по трупам под внимательным присмотром девушки.

Гликерия не была кровожадной по своей природе, ей даже было жаль глупых оборотней, истреблявших друг друга под влиянием любовных чар. Но она прекрасно понимала, что, кабы не зелье травницы, которое она, умница, прихватила украдкой от Оливье, оборотни, решившиеся убить наследника рода, живыми бы их не отпустили. А потому она решила относиться к происходящей на ее глазах бойне как к компьютерной игрушке, чтобы не принимать все близко к сердцу и не раскваситься раньше времени.

Наконец последние из оставшихся в живых порубили друг друга в капусту, и раненый и изможденный победитель, на редкость уродливый крепыш с низким лбом и глазами навыкате, пошатываясь на каждом шагу, двинулся к девушке за обещанным призом. Та, ласково улыбнувшись, приказала ему закрыть глаза и достала из-за спины увесистый булыжник, который заранее присмотрела для награждения победителя. Герой, изумленно охнув, рухнул к ее ногам. А Гликерия, отбросив оружие премиривания, с чувством выполненного долга и с тяжелым сердцем покинула поле брани и направилась на журчание ручейка, чтобы смыть с себя убийственное зелье.

* * *

– Да то, что она ведьма, я уже поняла,– кивнула Лариса,– а конкретнее?

– Куда уж конкретнее? Говорю же тебе, она – ведьма! – в отчаянии сказала Настя и сокрушенно добавила: – И законопослушная к тому же. Состоит в магическом профсоюзе у себя в области.

– И что с того? – не поняла Лариса.

– А то, что она в курсе того, кто я такая и чем занимаюсь! – панически всхлипнула любовная фея.

– Ты имеешь в виду...

– Именно!

– Чего-то я тебя не пойму, Насть, и в чем тут трагедия-то?

– Она требует, чтобы я ей помогла! – убитым голосом сообщила Настасья.
– Тетя Вася хочет найти себе жениха? – хихикнула Лариса.
– Хуже! Она вознамерилась женить своего Венечку! – драматически провозгласила подруга.

– Похвальное намерение, – заметила волшебница.
– Убиться метелкой! – буркнула несчастная Настя.
– Понятно, Венечка – классический маменькин сыночек, и его мамаше не так просто угодить с невесткой? А твоя задача – подобрать ему такую кроткую, умную и нежную красавицу из богатой семьи, которая и в Веню бы влюбилась без памяти, и Василису стала бы звать мамой? Да уж, задачка не из легких...

– Ты недооцениваешь тетю Васю, – мрачно сказала Настя. – Невесту она ему уже подобрала сама, мне она в этом вопросе не доверяет. Моя задача – организовать встречу голубков и сделать так, чтобы избранница была без ума от Венечки.

– Да, непростая задачка, – ухмыльнулась Лариса, вспомнив его крысиную мордочку с мутными глазками. – И кому же выпало такое счастье?

– Камилле Полонской, – глухо поведала Настасья и пояснила причины своей мировой скорби.

Камилла Полонская была юной красавицей-актрисой, прославившейся на всю страну благодаря участию в двух популярных сериалах. Вероятно, созерцание Камиллы в роли безропотной сиделки деспотичной старухи-миллионерши (разумеется, бедняжка сиделка страдала от любви к старухиному сыну и потому стремилась выполнять все безумные прихоти его мамы) и навело тетю Васю на мысль о том, что актриса с таким кинематографическим опытом – идеальная кандидатура на роль собственной невестки.

– М-да, – крикнула Лариса, – с тетей Васей не соскучишься.
– Да уж, она еще та затейница, – горестно вздохнула подруга.
– Ты ей, конечно, объяснила, что это невозможно? – спросила Лариса.
– Ты не знаешь тетю Васю, – хмуро ответила Настя.
– Мое счастье, – поспешно признала волшебница.
– Тетю Васю переубедить невозможно, – обреченно произнесла Настасья.
– Но совместимость людей – это твоя компетенция, – возразила Лариса.
– Она ничего не хочет слышать, – с несчастным видом сказала фея и умоляюще воззрилась на подругу. – Ларчик, я никогда в жизни у тебя этого не просила, но тут просто другого выхода нет, иначе Василиса меня запилит! Ларунчик, спаси меня, побудь Камиллой на один вечер! – взмолилась она.

– Ты, моя лучшая подруга, недогнувшей рукой отправляешь меня на свидание к этому недоразумению с глазками-бусинками? – не поверила Лариса.

– Ларусик! – горестно пискнула Настя.
– Ну ладно-ладно, – смиловилась волшебница редкой специализации. – А что, это даже будет забавно... Можешь сказать своей тете Васе, что Камилла будет ждать Венечку завтра вечером.

– Фух, – с облегчением выдохнула Настасья. – Спасибо, Ларчик! Ты – настоящий друг!

* * *

Оливье и Варис, надышавшиеся любовным эликсиром, собачились между собой всю дорогу до замка оборотней и соревновались друг с другом в искусстве изысканного комплимента.

– Твоя кожа прекрасна, как лепестки свежей розы, – мечтательно закатив глаза, признавался наследник, гарцуя на вороном жеребце, найденном Глашей вместе с другими конями заговорщиков у того самого ручья. А вот одежду Варис подобрал себе сам, сняв с одного из оборотней, так что по возвращении на полянку она застала прекрасного юношу уже в пристойном виде.

– Розы! – в негодовании фыркнул Оливье. – Все розы мира меркнут в сравнении с красотой Гликерии. Уж если с чем и сравнивать ее нежные щечки с цветущим румянцем, так это с плодами персика.

– Персики – кислятина, – парировал оборотень. – А дыхание Гликерии сладкое и легкое, как вкус спелой земляники.

– Земляника – дикая ягода, которой кормятся звери и бродяги, а Глаша – редкое растение, требующее непрестанной заботы и нежнейшего ухода. Уж если и сравнивать ее с ягодой, то она, вне всяких сомнений, малина! – настаивал жених Клариссы.

– Малина тоже бывает дикой, – возражал Варис. – Иногда в лесу встречаются целые заросли, – он мечтательно причмокнул, – малинника.

– Тебе виднее, – усмехнулся маркиз. – Но я говорю о той малине, которая растет в королевских садах и купается в солнце, а не произрастает в темных чащобах.

– Мальчики, не ссорьтесь, – привычно повторила Глаша, устало покачиваясь в седле на верном Слоне и скользя взглядом по поверхности реки Ледянки, вдоль которой они ехали уже который час. Первый час дороги она наслаждалась поэтичными комплиментами и трогательными попытками «мальчиков» завоевать ее расположение. Во второй стала горячо сочувствовать всем роковым красавицам и секс-бомбам, вынужденным выслушивать подобный бред изо дня в день. А к концу третьего, в начале которого ее пылкие кавалеры вздумали упражняться в сочинении сонетов, была готова придушить обоих. Если бы у нее с собой оказался антиэликсир, который бы мгновенно нейтрализовал действие приворотного зелья и отвратил от нее всех мужчин в радиусе километра, а лучше даже десяти, она бы с радостью им опрыскалась с головы до ног. И еще лизнула для верности. Но такого средства под рукой не было, и девушке оставалось только молиться, чтобы одуряющий аромат клубники выветрился прежде, чем они достигнут замка оборотней. К счастью, на исходе четвертого часа энтузиазм ее спутников в восхвалении достоинств «златокудрого ангела» стал потихоньку иссякать, всадники свернули с берега реки на дорогу, и когда Варис с интересом проводил взглядом хорошенькую крестьяночку с корзиной ягод, встретившуюся им на дороге, Глаша наконец-то с облегчением вздохнула. Пришел в себя и Оливье – если доселе он не сводил с попутчицы восхищенных очей, рискуя заработать себе косоглазие, а то и сломать шею, направляя лошадь практически вслепую, то теперь он избегал ее взгляда и сконфуженно молчал, очевидно гадая, какая муха его укусила.

Глаша, воспользовавшись паузой, расспросила Вариса о нападении, и тот охотно поведал, как все произошло. Юноша со своей свитой из четырех воинов направлялся в восточную часть королевства для знакомства с очередной невестой из знатной оборотничьей семьи, коих с изрядным упорством находил его отец, граф Эвиан Бейл. Варис с родителем не спорил, но из каждой поездки возвращался несолоно хлебавши, а почтенное семейство по неведомой Эвиану причине отказывалось от всех притязаний на руку и сердце завидного жениха. На этот раз Варис до невесты не доехал: примерно на середине дороги на них напал отряд вооруженных людей под предводительством барона Улисса. Барон был главой заговорщиков, мечтавших о свержении рода Бейлов уже почти сто лет, так что причины нападения были вполне прозаическими, особенно если учесть тот факт, что сам Эвиан в последнее время хворал, и в среде оборотней поговаривали, что вскоре его заменит сын. Зная, что в медвежьем облике Вариса одолеть будет непросто, сам Улисс, второй ипостасью которого был волк, плеснул на юношу зельем из уже известной Глаше пробирки. После чего юный Бейл потерял способность перекинуться в зверя, а свита Улисса, обернувшись сворой волков, загрызла его сопровождающих и набросилась на наследника. Убедившись в том, что его раны смертельны, волки отстали, а Варис кое-как сумел отползти в лес и попытался перекинуться. Вероятно, к тому времени действие противооборотного зелья ослабело, и ему удалось наполовину обернуться зверем. Юноша впал в беспамятство и появления Глаши с Оливье и последовавших за ним событий уже не помнил. Очнувшись ото сна он только тогда, когда Глаша смывала с себя остатки зелья в ручье. Маркиз поведал ему о происшедшем и отвел на поляну, где лежали поверженные оборотни.

Потом вернулась мокрая и мрачная Гликерия, ведя под уздцы черного коня, и велела собираться в путь, а Оливье, уже успевший надышаться зелья, с наследным оборотнем, обладающим отменным обонянием и потому учуявшим гремучую смесь пробуждающих любовь травок даже после того, как девушка трижды ополоснулась в ручье и благоразумно выкинула куртку, тут же затеяли ссору и чуть не подрались, выясняя, кому помогать ей сесть на лошадь. В результате парни чуть не оттоптали бедному Слону копыта. Глаша закусил губу, вспомнив эту уморительную картину, и погладила по холке бедолагу коня, пострадавшего ни за что ни про что.

Вскоре впереди показалась деревня, а за ней на холме – очертания замка, основательного, как Тауэр, но отнюдь не производящего мрачного впечатления.

– Дом, милый дом, – промурлыкал под нос Варис и пустил коня вскачь, вероятно, больше не в силах томиться разлукой с родными стенами.

Усталые путники, которым, в отличие от бодрого оборотня, продрыхшего всю лесную битву, поспать не удалось, приободрились при мысли об отдыхе и пришпорили своих лошадей.

После того как Варис рассказал своей семье о совершенном на него покушении, все семейство воззрилось на путников с безграничной благодарностью. Спасенный юноша так трагически описал нападение на него своры коварных оборотней, что на глаза женщин навернулись слезы, а красноречивый маркиз не менее живописно поведал, как крушили друг друга заговорщики, и мужчины громко сетовали, что пропустили такое представление. По договоренности с Глашей истинную причину бойни Оливье опустил, коротко сообщив, что во всем виноват эликсир раздора, который разлила его спутница. Известие о том, что гости не пожалели для спасения Вариса целой бутылочки живчика, сразу же произвело их в герои. И теперь, за праздничным ужином, все обитатели замка наперебой высказывали гостям свою признательность и заверяли в том, что отныне они их друзья навек и все для них сделают. Проницательный Эвиан, заметив взгляды, которыми обменивались спасители между собой, и то смущение, с которым рыжеволосая девушка отреагировала на его предложение о вознаграждении, решил отложить серьезный разговор до конца трапезы и после пригласил гостей в свой кабинет.

Рыжая с пристальным вниманием изучала развешенные на стенах портреты предков Бейлов: изображения богато одетых мужчин и женщин, у ног которых лежали самые разные звери: лисы, волки, медведи, рыси. Особенно задержалась она на портрете матери Эвиана Берники, рядом с которой грациозно восседала черная пантера, и его деда Филиппа, запечатленного на картине красивым тридцатилетним мужчиной, трепавшим по холке белого тигра.

– Это их вторые ипостаси? – робея, спросила Гликерия.

– Да, это традиция нашего рода – изображать на портрете оба лика оборотня, – с удивлением кивнул Эвиан. – Разве вы не знали?

– Нет, – ответила девушка.

– Странно, мне казалось, что об этом известно всем, – пытливо глядя на нее, сказал он и добавил: – Всем жителям королевства.

Рыжая вопросительно взглянула на своего спутника, словно спрашивая у него разрешения, и призналась:

– Я не из этого королевства. Я вообще не из этого мира.

– Чего-то подобного я и ожидал, – промолвил Эвиан и, поймав недоуменный взгляд госты, с усмешкой пояснил: – Только человек не от мира сего истратит весь запас живчика, редчайшего эликсира дриад, на неизвестного оборотня. Ведь вы не знали, кем является Варис? Или знали?

– Нет, не знали, – призналась та.

– Так я и думал, – с важностью кивнул граф Бейл. – Кстати, что вы делали у дриад?

– Мы... – Девушка запнулась, но, приободренная взглядом своего спутника, ответила: –

Мы искали амулет Ренара.

– Вот оно что,– задумчиво произнес Эвиан.– Вероятно, для того, чтобы вернуться в свой мир? А дриады амулет не дали и откупились живчиком и «глазом земли».– Он бросил пристальный взгляд на кольцо Глаши.

– Откуда вы знаете? – вспыхнула та и спрятала руку за спину. Колечка она не снимала и во время пути так и поглядывала, не изменил ли камень свой цвет – это хоть как-то оживляло дорогу. Но подарок дриад еще ни разу не указал на клад, так что Гликерия уже почти поверила в то, что обманщица-Цветлана опять их надула.

– Очень приметная вещица. Я бы не советовал демонстрировать ее так открыто,– дружески заметил граф.

– Так вы дадите нам амулет? – нетерпеливо встрял маркиз.

– Не так быстро, юноша,– осадил его старый оборотень.– Ваши заслуги перед нашим родом неопределимы. Я говорю – не только перед нашей семьей, но и перед всем родом. Потому что смерть Вариса и приход к власти Улисса ознаменовали бы конец золотого века, как называют правление моей семьи подданные, и стали бы началом страшных событий, которые бы коснулись не только нашего рода, но и всех жителей королевства. Я поясню, дорогая,– заметил он, обращаясь к ничего не понимающей Глаше.– Мой дед Филипп,– он бросил почтительный взгляд на портрет мужчины с белым тигром,– совершил великое дело для нашего рода. Это он собрал оборотней со всего королевства и расселил их по общинам, так на карте Кукуя появились деревни и замки оборотней. Разумеется, замки оборотней-аристократов существовали и раньше, но Филипп настоял, чтобы отныне и прислуга набиралась из числа оборотней, тем самым он пресек чудовищные слухи, которые распространяли слуги-люди о своих необычных хозяевах. Он же проследил за тем, чтобы оборотни со второй хищной ипостасью жили отдельно от оборотней-зайцев, оленей, енотов и им подобных мирных зверей. После реформ Филиппа Справедливого, как прозвали его наши подданные, прекратились гонения на оборотней и стихийные расправы. Мы зажили мирно и без забот в своем обособленном мире. Но род Улисса такое положение вещей не устроило. Они выступали с резкой критикой политики Филиппа и даже устроили заговор. К счастью, он был раскрыт прежде, чем случилось непоправимое. Заговорщики были изгнаны на север королевства, где жили почти сто лет и пытались привлечь на свою сторону других оборотней, но безрезультатно.

Однако с недавних пор до меня начали доходить слухи, что они, прознав о моем недуге, вознамерились взять реванш и уже сумели заручиться поддержкой сородичей со всего королевства, посулив им нечто вроде главенства оборотней в Кукуе. Понимаете, что это означает? Это крах всему тому перемирию с людьми, которое построил мой дед и которое укрепляли мой отец и я сам. Но наших союзников большинство, в случае моей смерти они поддержат законного наследника – моего сына, поэтому Улисс решил избавиться от Вариса, а затем, возможно, и ускорить мою смерть. Оставшись без главы, наш род примет первого же явного лидера, а им, безо всяких сомнений, и стал бы Улисс, если бы в ход событий не вмешались вы.– Граф благодарно глянул на своих гостей.– Вот почему спасение моего сына – заслуга не только перед моей семьей, но и залог благополучия всего нашего рода. Не вмешайтесь в события вы, это, безусловно, был бы тот самый случай, когда необходимо прибегнуть к помощи амулета, чтобы повернуть время вспять. Но вы вмешались, и ваша услуга, безо всяких сомнений, равноценна одному заряду амулета Ренара.

Глаша с Оливье замерли, не веря своей удаче. «Неужели все?» – с облегчением подумала девушка, уже по горло сытая приключениями и впечатлениями и мечтавшая о возвращении в свой мир, где ей не надо будет сутками трястись в седле, стравливать между собой жестоких оборотней и очаровывать вампиров. Как же она соскучилась по дому, по своей крошечной комнатке, по маминым блинчикам, по папиным шуткам... Даже по брюзжанию соседки-пенсионерки Евдоксии Митрофановны, всегда с неодобрением отчитывающей ее за чересчур вызывающий, по мнению старушки, внешний вид (а чего там вызывающего – короткая маечка, обнажающая полоску живота, и рваные джинсы – да так

половина ее ровесниц ходят!), даже по этому Глаша успела соскучиться. Не говоря уже о кино, попкорне, хот-догах, мороженом, телевизоре, компьютере...

Мысли Оливье были более лаконичны. «Неужели сегодня я увижу Клариссу?» – с ликованием думал он.

– Словом, – закончил свою речь глава клана оборотней, – если бы амулет у меня был, я бы, не раздумывая, отдал его вам. Но увы, – он помрачнел, – его у меня нет. Амулет был украден четыре дня назад.

– Как? – вскричал огорченный маркиз.

– Не может быть! – воскликнула разочарованная Глаша.

– Вы мне не верите? – вскинул брови граф и с горечью добавил: – Хотел бы я знать как! Кем, похоже, я уже догадываюсь. Улисс подготовился к покушению основательно и предусмотрел, что я могу переиграть события.

– Так амулет у него? – спросила девушка.

– У него или у кого-то из его союзников, – задумчиво проговорил Оливье.

– Нет, вы не знаете Улисса, – возразил Эвиан. – В деле, на которое он решился, нельзя доверять никому, кроме себя. После того как он получил амулет от своего сообщника, – он горько усмехнулся, – им, несомненно, был кто-то из обитателей моего замка, причем из самых близких ко мне... Так вот, после того как этот предатель передал ему амулет, Улисс наверняка спрятал его так, чтобы ни одна живая душа не догадалась.

– Может быть, он носил его с собой? – предположил Оливье, и Глаша вздрогнула, поняв, куда он клонит. Возвращаться назад, чтобы обыскать труп оборотня на поляне, усеянной телами его товарищей, – что может быть отвратительней!

– Исключено, – к ее облегчению, раскритиковал версию маркиза Эвиан. – Глупо носить столь ценную вещь при себе.

– Но тогда, – в отчаянии произнес Оливье, – получается, что эта тайна умерла вместе с ним...

– А вы уверены, что он мертв? – озабоченно поинтересовался граф.

– Никаких сомнений. Мы с Варисом позаботились о том, чтобы он упокоился навсегда, – коротко сообщил Оливье.

– Когда это вы успели? – удивилась Глаша.

– Пока ты занималась водными процедурами, – невозмутимо ответил он.

– Вы все правильно сделали, – с благодарностью заметил Эвиан. – Но, увы, вы правы. Теперь уже не узнать, куда Улисс спрятал амулет Ренара.

Разочарование ясно отразилось на лицах гостей.

– Я понимаю ваши чувства и надеюсь, что этот подарок хотя бы немного утешит вас и восполнит потерю эликсира дриад, – проговорил граф, вынимая из ящика стола тонкий серебряный браслет, украшенный рядом овальных зеленых камней. – В знак благодарности за спасение сына. От меня и всего рода, – добавил он, беря руку Глаши и надевая на нее украшение.

– Что это? – спросила она, с любопытством разглядывая запястье.

– Этот браслет делает своего обладателя неуязвимым, а надетый на раненого обладает способностью исцелять даже самые опасные раны в кратчайшие сроки, – пояснил он.

– Почему же вы не отдали его Варису, раз знали о заговоре? – удивилась Глаша. – Можно же было догадаться, что Улисс вздумает предпринять что-нибудь нехорошее.

– Мой сын – медведь, ему это не нужно, – усмехнулся Эвиан. – Он бы смог постоять за себя даже перед сворой волков, если бы не то противооборотное зелье, которое помешало ему перекинуться. А мертвому Варису браслет бы уже не помог – оживлять мертвых он не умеет.

– Что ж, спасибо, неуязвимость нам не повредит, – поблагодарила его Гликерия.

– Вы собираетесь продолжить поиски амулета? – любопытствовал оборотень, обращаясь к ней.

– Разумеется, – ответил за нее Оливье. – Вы не знаете, сохранились ли амулеты у

магнетиков и драконов?

– Остальных вы уже посетили? – осведомился граф. – Нет, я понятия не имею, как обстоят дела в этих кланах. Мы живем обособленно ото всех и стараемся не вмешиваться в чужие дела. Простите, но в этом вопросе вам ничем помочь не смогу.

Спутники удрученно переглянулись и стали прощаться.

– Куда же вы поедете на ночь глядя? – удивился Эвиан. – Я уже отдал распоряжение, чтобы вам приготовили лучшие комнаты в гостевом крыле. С утра и отправитесь.

– Но... – с сомнением начал Оливье.

– Ну Оливье! – одернула его девушка. – Что за глупости! Хоть одну ночь поспим на кровати как нормальные люди. Кстати, надеюсь, у нас будут разные кровати? – придирчиво уточнила она у графа.

– Разумеется, – немного обиделся тот. – И даже разные комнаты!

– Не терпится посмотреть! – воскликнула Глаша.

– Тогда не будем медлить, я сам вас провожу, – поднялся Эвиан.

– Ну что вы, не стоит! – смущенно отозвалась Гликерия.

– Я настаиваю, – улыбнулся оборотень.

– Ах, право, нам неловко... – кокетливо заметила девушка.

– Почту за удовольствие, – просиял граф и как-то подозрительно повел носом, приблизившись к ней.

«Вот щучья холера! – похолодела Глаша. – Неужели унюхал остатки приворотного зелья, будь оно неладно? Не хватало еще соблазнить главу оборотней в его собственном замке, в присутствии сына, жены и тещи и сотни прислуги!»

– Дорогая, – шепнул Эвиан, пропуская ее вперед, – я бы на вашем месте не увлекался так сильно парфюмом. Я старый лис, но я тоже не железный. Чего уж говорить об остальных мужчинах, – он кивнул на спину вышедшего в коридор Оливье.

– Спасибо за совет, милорд, – пробормотала сконфуженная Глаша.

– Можно просто Эвиан, – улыбнулся он, закрывая кабинет на ключ, и сделал знак следовать за ним.

Эту ночь Глаша провела как королева. Комната, которую выделил для нее граф, была просторной, по-настоящему роскошной и могла бы быть выставлена как музейная экспозиция богатого дворца. Пока проворные служанки таскали воду, наполняя лохань для банных процедур, стоявшую у окошка, девушка изучала обстановку, разглядывая гобелены и бархатный полог кровати, который был настоящим шедевром швейного искусства.

Все в интерьере гостевой комнаты напоминало о природе обитателей замка: и множество мелких деталей, и гобелены, на полотнах которых господствовала звериная тема, и бархатный полог, на котором вольготно расположились десятки животных и птиц. Этот полог мог бы претендовать на звание иллюстрированной энциклопедии животных со всего света – с удивлением для себя Глаша обнаружила здесь даже слона, зебру и кенгуру, попались ей и совершенно незнакомые звери. Даже подсвечники приковывали к себе внимание литыми позолоченными дужками, выполненными то в виде оленьих рогов или птичьих крыльев, то в форме двух перевернутых львов, сцепившихся в поединке, или пары медведей, трогательно и совсем по-людски держащихся за лапы. Да что там подсвечники! Ножки кровати в виде свернувшихся в клубок кошек (позолоченные, кстати!), зеркальце, отражающая поверхность которого была обрамлена распущенным павлиньим хвостом из серебра и драгоценностей, а ручкой его служило тело павлина, кубок с ножкой в виде вставшей на дыбы лошадки – все-все в этой комнате напоминало гостям, с кем они имеют дело. Глаша и не забывала ни на секунду, с тех пор, как они распрощались с Эвианом и Оливье прошипел, что это самоубийство – ночевать в замке оборотней, и строго-настрого наказал запереть дверь на все засовы и для верности забаррикадировать вход шкафом. Окна в дополнительном укреплении не нуждались: на них стояли массивные решетки, предназначение которых заставило девушку изрядно поломать голову: то ли они были

нужны, чтобы хозяева не покусились (в прямом смысле) на гостей, то ли чтобы гости не сбежали раньше времени.

Глаша над суеверным маркизом, конечно, посмеялась, но засовы, как только служанки наполнили лохань и пожелали ей легкого пара и сладких снов, задвинула. Правда, пришлось изрядно повозиться с заржавевшими запорами, видимо, гости в замке появлялись нечасто, а на ночлег оставались еще реже. Справившись с неподдающимися засовами, она с удовольствием избавилась от одежды и согрелась в лохани с теплой водой. Правда, долго поблаженствовать в ванне с травяными настоями не удалось. Глаша только разомлела в средневековой ванне и замурыкала себе под нос любимые песенки, только пропела парочку последних хитов и затянула старый шлягер про айсберг, любимую песню своей мамы, как вода в лохани стала стремительно охлаждаться.

Девушка с визгом выскочила из леденющей водицы – и как раз вовремя. На ее глазах горячая вода, в которой она плескалась еще минуту назад, превратилась в лед. Округлив глаза, Глаша с опаской ткнула пальцем в лохань и едва ноготь не сломала. Однако настоящее колдовство! Вот только кто это ей решил так напакостить? Укутавшись в простынку, которую ей выдали вместо полотенца, Глаша огляделась по сторонам, обошла всю комнату, ощупала стены и не нашла никаких потайных комнат, в которых мог прятаться злоумышленник, или подозрительных портретов, из-за которых он мог следить за ней. Потом еще раз заглянула в лохань и чуть не выпала в осадок – там снова плескалась вода. Правда, ледяная, но все-таки вода. Что за ерунда? Или у нее уже начались зрительные галлюцинации наряду с тактильными? Мысль, пришедшая ей в голову, была столь невероятной, что девушка даже рассмеялась. Но все-таки решила ее проверить и, не сводя глаз с лохани, запела куплет «Айсберга». К концу припева лохань вновь представляла собой тазик со льдом.

– О-чу-мель, – по слогам выдохнула Гликерия, припомнив комаров, которые разлетелись при звуках песни Миронова, и дождь, который ливанул над лесом, стоило ей затянуть песню про ливень, и абсолютно чистое небо без единой тучки, когда они выехали в поле.

Девушка подскочила к окну, напевая себе под нос ту самую песню про дождик, и через минуту по стеклу застучали первые тяжелые капли настоящего ливня.

– Это что же получается: я могу колдовать?!

* * *

Этой ночью Лариса видела Глашин сон. Она не видела саму Глашу, она словно была ею. Листала толстую старинную книгу, а потом в ее обложке прорезались глаза и рот, и диковинная книга рассказала ей легенду о колдуне, который сумел подчинить себе пространство и время... Ехала в седле рядом с Оливье и пересказывала книге, пристроившейся на коленях, сюжет «Десятого королевства». Дрожала от страха при виде деревьев в роще дриад, истерзанных мантикорой. Потом ожесточенно отбивалась от гарпии и самозабвенно танцевала в кругу русалок. Обрывки то ли снов, то ли реальности сменяли друг друга так быстро, словно торопились рассказать Ларисе все, что она пропустила за это время. И проснувшись утром, волшебница еще долго гадала, что это было: подлинные события, произошедшие с Глашей в Кукуе, или ее фантазии. И самое главное, существуют ли амулеты Ренара, которые искали во сне Глаша и Оливье, на самом деле?

А наутро тетя Вася, взяв под мышку безвольного Венечку, умчалась прихорашивать сыночка перед встречей с прекрасной Камиллой.

– Как ты думаешь, она его в салон красоты повела? – хихикнула Лариса, сооружая себе бутафорский брод.

– Надеюсь, не на экспресс-курсы пикаперов, – со смешком отозвалась Настя.

– А что, это было бы забавно, – заметила волшебница.

– Ну тебя!

– Злюка! Ты совсем не заботишься о том, чтобы я сегодня от души повеселилась, – надулась Лариса.
– Уверю тебя, ты и так сдохнешь со смеху, – убежденно заявила подруга.

* * *

Глаша проснулась ни свет ни заря: ей не терпелось скорее покинуть замок, чтобы устроить концерт под открытым небом и проверить, действительно ли некоторые песни обладают волшебной силой.

Хозяев, ведущих преимущественно ночной образ жизни, во время завтрака за столом не оказалось. Гости уже успели плотно перекусить и гадали, будет ли вежливо покинуть замок, не попрощавшись с Эвианом и его сыном, когда в зале появился Варис.

– Хомячите? – подмигнул он. – Ну-ну, дело хорошее.

Глаша чуть какао из чудо-фляжки не захлебнулась, услышав из уст оборотня любимое словечко своих одноклассников. «От меня, что ли, успел набраться? – удивилась она. – Или это у них такой оборотничий сленг? А что, интерьер в духе животного мира и лексикон со звериным отпечатком».

– Да мы, собственно, уже закончили, – отозвался Оливье, никак не отреагировав на чудную речь наследника. – Вот думали, как бы с тобой и Эвианом попрощаться.

– Прощайтесь! – ослепительно улыбнувшись, раскрыл объятия Варис. – Девушки вперед.

– Спасибо за оказанное доверие, но как-нибудь обойдусь, – со смешком ответила Глаша, закручивая фляжку и вручая ее спутнику.

– Что ж, – изобразил расстройство юный оборотень, – тогда и мужчинам придется отказать.

– Какая несправедливость! – сокрушенно воскликнул маркиз и с надеждой покосился на Вариса. – Может, сделаешь исключение?

– Ни за что! – расхохотался тот. – Что за непристойные намеки? Я честный медведь!

– Слушай, медведь, – поправляя серебряный браслет на запястье, спросила Глаша. – А отец твой где?

– Известно где. Спит! Будете ждать вечера, чтобы попрощаться?

– Не хотелось бы, – проворчал Оливье.

– Тогда я передам папане вашу бесконечную благодарность за оказанное гостеприимство и искренние заверения в глубочайшей симпатии и уважении, – с готовностью отозвался Варис.

– Отлично! – просиял маркиз, поднимаясь из-за стола. – Тогда мы, пожалуй, поедем?

– Жалую, – величественно взмахнул рукой юноша. – Езжайте! И даже провожу вас до крыльца и помогу прекрасной даме подняться на лошадку.

– Бедный Слон! – простонала Гликерия. – Пощадите коняшку!

– Слово дамы – закон, – с важностью признал оборотень, выходя с гостями на крыльцо, и подал знак конюху.

Через пять минут путники уже расселись по своим порядком отдохнувшим и набравшимся сил парнокопытным транспортным средствам и приготовились к отправлению с гостеприимного двора.

– Варис, – любопытствовала напоследок Глаша, – а почему на окнах в наших комнатах были решетки?

– Это чтобы никто не съел вас, – серьезно ответил юноша, щелкнув зубами, и заразительно рассмеялся. – Их еще при прадедушке поставили, чтобы гостям было спокойнее и чтобы соглядатаи, приехавшие в замок под видом дальних родственников, не шастали ночами.

– Ясно, – понимающе кивнула Гликерия, бросив красноречивый взгляд на смутившегося Оливье.

– Ну что, будем прощаться? – спросил наследник. – Я никогда не забуду того, что вы для меня сделали, – серьезно сказал он и, с лукавой улыбкой глянув на Глашу, добавил: – Как честный оборотень я бы непременно на тебе женился. Но мой отец, увы, чересчур консервативен в этом вопросе и категорически против смешанных браков...

– Боюсь, мои родители тоже не одобрили бы зятя-медведя, – горестно вздохнула та, – а счастье было так возможно!

– Дети мои, – кашлянул Оливье, – я не мешаю вашему трогательному объяснению? А то, право слово, чувствую себя в высшей степени неловко.

– Маркиз, вы – черствый человек! – с пафосом возвестила Глаша и послала оборотню нежный воздушный поцелуй: – Варис, вы навсегда останетесь в моем сердце!

– Какая злая судьба – родиться оборотнем и быть навеки разлученным с вами, мой ангел! – горестно взвыл тот и демонстративно забился лбом о дверной косяк замка.

– Какая ирония судьбы – спасти вас, чтобы сразу же потерять, – с готовностью подхватила Глаша, прижав руку к сердцу.

– Обещайте писать мне! – горячо потребовал оборотень.

– Не меньше трех раз на дню, – торжественно поклялась девушка.

– Так мало? – трагически вскричал он.

– Ну хорошо, пять! – смиловилась Гликерия.

– Десять – и ни письмом меньше. Иначе я зачахну с тоски! – предупредил пылкий юноша.

– Хорошо-хорошо, – вмешался Оливье, – я лично проконтролирую.

– Ах, маркиз! – уставился на него Варис. – Вы – счастливчик!

– Не жалуюсь, – сдержанно ответил тот.

– Вы – счастливчик, и сами не осознаете своего счастья, – в сердцах заявил оборотень и добавил: – Этого златокудрого счастья, которое всегда рядом с вами!

Гликерия горделиво приосанилась. Шутки шутками, а приятно!

– Ваша невеста – просто чудо! – продолжил он. – Берегите ее, Оливье! Окружите ее заботой вдвойне – и за себя, и за меня.

– Он меня замуж не берет, – плаксиво сообщила Глаша. – Ему другая милей.

– Глупец! – потрясенно вскричал Варис. – Слепец!

– Ну хватит уже паясничать, – возмутился Оливье. – Нам ехать пора!

– Прощай, моя любовь. – Гликерия послала оборотню еще один поцелуй.

– Пиши письма, – напомнил тот и замахал вслед платочком.

Всадники тронули лошадей.

– Стойте! – завопил Варис, когда они уже достигли ворот, и помчался вдогонку.

– Что еще? – заворчал недовольный очередной задержкой Оливье.

– Ты забыла оставить мне на память свой локон, – застенчиво сообщил оборотень.

– Ах, как я могла забыть! – патетически вскричала Глаша, от души забавляясь этим невинным спектаклем.

– Подожди минутку, я принесу ножницы, – и Варис унесся куда-то в сторону конюшни.

– Поехали уже, – поторопил ее Оливье.

– Я не могу лишиться юношу этой невинной радости, – заартачилась Глаша.

– Идиотизм! – пробурчал маркиз.

Наследник оборотней явился через три минуты, держа в руках садовые ножницы, и собственноручно срезал длинную прядь рыжих волос с Глашиного хвоста, после чего поклялся, что не расстанется с ней ни на мгновение, станет носить в нагрудном медальоне и женится только на оборотне, оттенок волос которой в точности совпадет с локоном «ангела». Гликерия взамен понесенной утраты потребовала компенсацию в виде платка с инициалами Вариса, который тот, сияя улыбкой, ей незамедлительно вручил. А потом он еще долго стоял в воротах и махал рукой вслед веселой рыжеволосой девчонке и ее занудному спутнику, пока они не исчезли за пригорком.

Свидание Венечки со звездой было назначено на семь вечера в модном ресторане неподалеку от Настиного дома.

Вениамин по такому случаю был торжественно втиснут во фрак, взятый напрокат в свадебном салоне, и чувствовал себя в нем крайне неловко. Камилла Полонская явилась в ресторан инкогнито и теперь, прикрываясь меню и темными очками, с интересом изучала своего визави поверх страниц. Пауза затягивалась, кавалер явно нервничал и скомкал уже три неповинных салфетки. Наконец он собрался с духом и приступил к самому главному.

– Спасите меня! – жалобно пискнул Венечка, обеими руками вцепившись в край стола и в страхе оглядываясь по сторонам.

– От чего? – изумленно воскликнула Лариса в образе кинодивы, приготовившаяся выслушать признание в любви и предложение руки и сердца.

– Меня хотят женить! – трагически поведал ее визави.

– На ком? – заинтересовалась она.

– На вас! – с ужасом воскликнул тот.

– Интересно, – расхохоталась «дива».

– Вам смешно, а мне жениться, – неловко улыбнулся Вениамин. – Помогите мне, Камилла! Понимаете, моя мама – она так просто не отступится. Она заставит бедняжку Настю навести на вас приворот или какие другие сильные чары, и тогда от свадьбы не отвертеться. Тут единственный выход – сделать вид, что вы готовы выйти за меня замуж, а потом сделать так, чтобы мама сама захотела расстроить свадьбу.

– Вы шутите? – «догадалась» Лара и томно взмахнула ресницами. – Это у вас такой способ кадрить девушек? Однако!

– Боже упаси! – перепугался Венечка и аж зажмурился, словно обороняясь от направленного на него кокетства. – Все очень серьезно, вы должны мне поверить. Моя мама – настоящая ведьма, – понизив голос, прошептал он.

– Сочувствую! Но, увы, это достаточно распространенное явление, – сыронизировала Ларочка, все больше входя в роль капризной актрисы. – Вот жена одного моего знакомого режиссера, Анфиса...

– Вы не понимаете! – с досадой перебил ее Вениамин. – Она – настоящая ведьма.

– Охотно верю, – кивнула волшебница. – Наверняка у нее даже имеется диплом об окончании курсов магов и чародеев, сертификат на ведение колдовской деятельности и собственный патент на какую-нибудь уникальную авторскую методику вроде обряда вечной молодости или возвращения блудного мужа путем магнетического приворота первой степени. Кстати, у Анфисы таких дипломов пять! – доверительно сообщила она.

– Пять? – растерянно моргнул редкими ресницами Вениамин.

– Пять, и шестой на подходе, – подтвердила Лариса. – Представляете, с кем приходится иметь дело?

– Да что вы мне рассказываете про какую-то шарлатанку! – вскипел Венечка. – Моя мать – самая что ни на есть настоящая ведьма. И у нее идея фикс: женить меня на вас.

– Мою кандидатуру подсказали ей карты Таро? – кокетливо поинтересовалась «актриса». – Или сами звезды?

– Вашу кандидатуру ей подсказал сериал «Хитросплетения судьбы» и ваша роль сиделки, – со вздохом поведал Венечка.

– Вот как? – польщенно выпятила выдающийся бюст Камиллы Лара.

– Моя мать – вылитая генеральша Тучина, только еще хуже, – шепотом сообщил Вениамин, очевидно намереваясь напугать собеседницу до полусмерти.

– Какая прелесть! – всплеснула руками потенциальная невеста. – Тогда мы с ней непременно подружмся!

– Надеюсь, вы не хотите с ней породниться? – с нескрываемой дрожью в голосе спросил жених на выданье.

– Разумеется, нет,– отрезала Лариса и капризно надула накачанные коллагеном губки.– И вообще, я не понимаю, зачем вы меня сюда позвали. Мне сказали, что придет влиятельный продюсер, который предложит мне главную роль в широкоэкранной комедии, а вместо этого являетесь вы и травите байки про свою маму-ведьму. Погодите, так вы мне пересказываете сюжет этой комедии? – «догадалась» она.

– Можете называть это комедией, если хотите, только помогите,– взмолился Вениамин,– иначе все это превратится в ужасную драму!

– Чем же я могу помочь? – любопытствовала Лариса.

– Приходите к нам на ужин,– выпалил Венечка.– Познакомьтесь с мамой, а там ведите себя так, чтобы она сама расхотела с вами породниться. Вы же актриса, у вас все получится,– заискивающим тоном произнес он.

Ларису так и распирало от смеха. Она-то голову ломала, как отворотить от себя Венечку, а тут все так удачно складывается, но соглашаться раньше времени было нельзя.

– Постойте, вы меня разыгрываете? – предположила Камилла.– Тут вокруг скрытые камеры? Это программа «Розыгрыш»?

– Поверьте, Камилла,– трагически взвыл Вениамин,– мне не до шуток. Я не режиссер и даже не сценарист. Вас ввели в заблуждение, чтобы вы согласились со мной встретиться...

– Какая глупая шутка,– обиженно надулась та.

– Мне страшно неудобно,– повинился Венечка.– Но моя мама, если уж ей что взбрело в голову, никогда не сдастся. Прошу вас, приходите к нам, познакомьтесь с ней и постарайтесь ей страшно не понравиться, и мы вас больше никогда не потревожим! Можете воспринимать это как шутку, как розыгрыш, как маленький карнавал!

– А что мне за это будет? – деловито поинтересовалась Полонская.– Вы мне заплатите?

– Заплатить? – растерялся Вениамин.– У нас и денег-то не хватит... Знаете что,– просиял он,– моя двоюродная сестра вам подскажет средство, чтобы все продюсеры к вам благоволили.

– Ваша сестра тоже ведьма? – выгнула бровь Камилла.

– Нет, она хорошая,– тихо возразил Венечка.

– Что ж, Вениамин,– улыбнулась его собеседница.– Я приду. Мне уже интересно посмотреть на вашу семью, вы так любопытно о ней рассказываете! И я сделаю все возможное, чтобы ваша мама как можно быстрее выставила меня за дверь и забыла о моем существовании.

– Жалко, что вы актриса, а не волшебница. Вот бы еще сделать так, чтобы она забыла и о моем существовании тоже,– горестно вздохнул Венечка.– Давайте я запишу наш адрес. Вы сможете подойти завтра?

– Я свободна только после семи,– заметила Лара.

– Отлично! – просиял Венечка.– Так что вы, Камилла, уж постарайтесь, а?

– Постараюсь,– заверила волшебница. А что ей еще остается? К Арине она после провала Гасаныча соваться не рисковала. Настя посоветовала взять два-три дня перерыва, чтобы хоть немножко усыпить бдительность подопечной. Все-таки когда к тебе каждый день ходят в гости то крестная фея, то внук легендарного Хоттабыча, это настораживает. Поэтому пока остается только развлекаться работой, которую ей подкинула Настена, а там можно будет и нового сказочного героя к Нарышкиной запускать.

* * *

– И в какой дремучий лес мы теперь направимся? – кротко поинтересовалась Глаша, когда замок оборотней скрылся из виду.

– В лес? – поднял брови Оливье.– Мы едем в столицу.

– В столицу? – Теперь настала очередь Гликерии удивляться.– Самые опасные магические существа этого мира живут в столице?

– А чего тут удивительного? Не в лесу же им волков да одиноких путников

очаровывать,— справедливо заметил маркиз.

— Действительно,— хмыкнула Глаша.— Вампиры с оборотнями, значит, живут в глуши и в столицу носа не кажут, а магнетики, потенциальную опасность которых ты оценил в два раза выше, спокойно разгуливают по улицам большого города?

— У них договор с королем,— пояснил Оливье.— Кроме того, магнетики приносят огромный доход королевской казне.

— Платят налоги с каждого разбитого сердца? — иронически осведомилась девушка.

— Скорее разбитые сердца раскошеляются сами,— ухмыльнулся ее спутник.

— Хватит изображать из себя сфинкса, объясни уже, что у вас там происходит,— потребовала Глаша.

— Магнетики — непревзойденные актеры, певцы и музыканты. Их выступления собирают сотни зрителей, они — желанные гости на балах и торжествах. Ведущие актеры театров и солисты оперы — по своей природе магнетики. Ведь их игра, их музыка и их голос никого не могут оставить равнодушными,— послушно растолковал Оливье.

— Мапочки! — обомлела она.— Так весь наш современный шоу-бизнес — потомки ваших магнетиков, что ли? То-то я по «Smash!!!» три года с ума сходила, на все концерты бегала, всю квартиру плакатами оклеила. Правильно мама твердила — околдовали они меня, как пить дать околдовали!

— По поводу ваших «смэшей» ничего утверждать не могу,— ответил маркиз,— но то, что по артистам-магнетикам половина женского населения Кукуя с ума сходит, а по артисткам-магнетичкам — все мужское, это факт.

— Как же мы с их боссом общаться будем? Ведь крышу снесет моментально,— приуныла Глаша.

— Может, жека нам какое противоманетическое заклинание подкинет? — с оптимизмом предположил Оливье.

— Как же, ждите! — крикнула книжица, вольготно развалившаяся на Слопе впереди Глаши.— Не придумали еще таких заклинаний, чтобы магнетикам противостоять сумели.

— А чтобы крыши удерживать? — скептически спросил маркиз.

— Хозяйственная магия не по моей части,— язвительно сообщила жека и показала шутнику язык.

— Вот чему учат книги подрастающее поколение? — сокрушенно покачал головой тот.— А потом еще удивляются, что дети невоспитанными вырастают.

— Детям такие книги, как я, читать не положено,— парировала жека.

— А то что? — заинтересовалась Глаша.

— А то повзрослеют раньше времени, вот что! — объявила книженция.

— Кое-кому тут повзрослеть бы не помешало,— со значением промолвил Оливье, насвистывая себе под нос.

Глаша пропустила его оскорбительное замечание мимо ушей: она представляла себе, как выглядят ослепительные магнетики. А потом принялась перебирать в памяти слова всех известных ей песен и проверять их на предмет магии.

Как Гликерия и подозревала, далеко не все хиты обладали волшебной силой. Вон какой концерт она на русалочьей полянке устроила, а ничего сверхъестественного не происходило. Может, дело в том, что она перевела их на кукуйский, а чудеса творят только оригинальные тексты песен? А может, в тех песнях ничего волшебного не было? Проанализировав и сравнив между собой песни с чудесной силой, Глаша пришла к выводу, что их объединяют или очень сильные эмоции, вложенные в стихи, или команды, сформулированные в повелительном наклонении и подкрепленные обращением. Так, из десяти песен про дождь осадки способна вызвать только песня Маршала со словами «Лей, ливень, не жалей». Поэтому из всего многообразия русских хитов, хранившихся в ее памяти, Глаша принялась отсеивать заведомо бесполезные шлягеры вроде «Лондон—Париж», «Белые розы» и «Плачет девочка в автомате». В результате к вечеру Глаша окончательно охрипла, а ее хит-парад волшебных песен пополнился только несколькими экземплярами, среди которых были гимн

программы «Народный артист» с говорящим названием «Зажигай» и колыбельная из «Спокойной ночи, малыши». Свои новообретенные умения она с гордостью продемонстрировала Оливье, подпалив пару кустиков у дороги и усыпив неугомонную жеку. На самом же маркизе Глаша опробовала песенку «Капитан, улыбнитесь!», которая обладала явно выраженным тонизирующим эффектом и улучшала настроение. Стоило напеть ее, не сводя глаз с затылка маркиза, как хмурый Оливье тут же стал хохмить, шутить и веселить Глашу историями из своей жизни и Клариссиной практики. Таким же эффектом обладала и песенка о хорошем настроении в исполнении Гурченко. А вот никакого по-настоящему убойного хита, который можно было бы использовать в качестве самообороны от взбесившихся гарпий, девушка так и не отыскала...

Дорога до города заняла больше суток, и к воротам обнесенного надежным забором средневекового мегаполиса всадники подъехали уже на закате следующего дня. Заплатив обязательную въездную пошлину, они беспрепятственно попали внутрь, и Глаша с интересом завертела головой по сторонам. Если им удастся заполучить амулет магнетиков, то уже сегодня или завтра ее приключения закончатся и она отправится домой. Но сегодня она еще на улице старинного города, похожего на столицу далекого-далекого королевства из «Шрека-2». Конечно, здесь не висят рекламные щиты с изображением сказочных героинь, и замка Спящей Красавицы не увидишь, но улочки такие же узкие, домики такие же невысокие, под ногами – мостовая из крупного булыжника, а над головой, куда ни глянь, безоблачное бирюзовое небо. Благодать!

Лошадей они сдали в городскую конюшню – верхом в городе дозволялось ездить только страже, а жители и гости могли воспользоваться наемными экипажами, коих здесь было в избытке. От экипажа Глаша решительно отказалась и теперь от души наслаждалась пешей прогулкой по улочкам сказочного городка. Маркиз плелся где-то позади нее, он не успевал за энергичной длинноногой москвичкой, привыкшей к темпу большого города. Заглядевшись на витрину кондитерской, в которой лежали румяные крендельки и пышные булочки, та на полном ходу влетела в парня, только что вырুলившего из дверей магазинчика с промасленным бумажным кулем в руках. От неожиданности он выронил сверток, по мостовой покатались булочки и бублики, распространяя дразнящий аромат ванили и корицы...

– Ой, простите! – пролепетала Гликерия, глядя на погубленную выпечку. – Что же я натворила!

На удивление, незнакомец, оказавшийся высоким привлекательным шатеном лет двадцати, лишь заразительно расхохотался и воскликнул приятным музыкальным голосом:

– Ничего страшного! Я сам виноват, – а затем обжег Глашу взглядом искристых янтарных глаз. И ее сердце забилось так часто, что она сразу поняла: это любовь!

Похоже, любителю бубликов она тоже приглянулась: тот не сводил с Гликерии глаз, тепло улыбался и, похоже, был уже готов пригласить ее отведать крендельков вместе. Но тут Глашу нагнал Оливье, и юноша ее мечты поспешно ретировался, а сама она чуть не свернула себе шею, провожая взглядом симпатичного сладкоежку.

– Поздравляю! – пробурчал маркиз. – Ты встретила своего первого магнетика.

– Это был магнетик? – вспыхнула девушка.

– А ты сама не поняла? – насмешливо спросил Оливье. – Или подумала, что встретила свою судьбу?

Не признаваться же зловредному маркизу, что так и было! Поэтому Глаша лишь напустила на себя равнодушный вид и зашагала вперед, пока запыхавшийся спутник не окликнул ее у здания театра. Обитель искусств от остальных домов отличалась только наличием радостно гудящей толпы у входа.

– Ишь, как люди театр любят, – восхитилась Глаша, возвращаясь к маркизу, застывшему перед афишей с изображением прекрасной полногрудой блондинки.

– Нам надо сюда, – объявил Оливье, поворачиваясь к ней, и решительно ткнул пальцем в афишу.

– Ты уверен? – насмешливо поинтересовалась девушка, проследив направление движения. Палец маркиза угодил прямоком в ложбинку глубокого декольте нарисованной блондинки. – Я еще понимаю, что там забыл ты, но мне-то с этого какой интерес? – язвительно уточнила она, и Оливье, обернувшись к афише, вспыхнул и поспешно убрал руку.

– Это наш шанс выйти на главу магнетиков, – пояснил он. – Не можем же мы бродить по городу, опрашивая прохожих? А ведущая актриса театра – одна из сильнейших магнетиков, и она уж наверняка подскажет, где его искать.

– Bravo, Шерлок Холмс, – снисходительно обронила Гликерия и подмигнула. – Так и скажи, что тебе охота поглядеть на ее прелести воочию!

– Глаша! – укоризненно воскликнул Оливье. – Да у меня и в мыслях не было!

– Ты уверен? – озабоченно спросила она, окинув оценивающим взглядом плакат. – Тогда с тобой определенно что-то не так.

– Ну как с тобой разговаривать? – посетовал маркиз, мученически возводя голубые глаза к бирюзовому небу.

– А чего со мной разговаривать? Я не имею ни малейшего представления о том, где живет хранитель амулета. Разговаривать надо с ней, – она кивнула на афишу.

Толпа у дверей радостно ухнула и рванула внутрь.

– Тогда пошли на представление, – потянул ее за руку Оливье. – Да быстрее, видишь, сколько желающих.

Желающих и в самом деле было предостаточно. Народ валил в театр с таким энтузиазмом, как будто сегодня вечером там ожидалась раздача слонов или первый в истории королевства Кукуй фестиваль стриптиза. Путники быстро нырнули в очередь, и через несколько минут уже входили в небольшой зал местного театра...

Если бы Глаше пришлось писать отзыв на представление под названием «Муки любви» в своем ЖЖ (который она, как истинная дочь своего времени, разумеется, кропотливо вела), она бы выразила свои впечатления так: «Пьеса – отстой, розовые сопли и полный бред. Аффтар, выпий йаду. А вот актеры – милашки, особенно тот, темненький, который так нежно мне улыбнулся перед тем, как задушить эту блондинистую дуру с афиши!»

После представления публика устроила продолжительные овации, а Оливье умчался в неизвестном направлении, велев спутнице ожидать его на улице.

Вернулся он слегка не в себе, всунул в руки Гликерии клочок бумаги с нацарапанным на нем именем и адресом и целиком ушел в себя, мечтательно улыбаясь себе под нос.

– Оливье! – затормошила его девушка. – Что за дрянь ты пил? Дышал? Нюхал?

– Не смей так говорить о ней! – горячо вскричал он. – Она – ангел, – нежно проворковал маркиз и вновь впал в транс.

– Все понятно, – ухмыльнулась Глаша. – Только почему этого ангела зовут Орландо Сеймур?

– Что? Нет! – с досадой возразил он. – Ее зовут Орнелла Леман, и она самая талантливая актриса на свете... – в полном восхищении выдохнул имя блондинки с афиши маркиз.

– А этот Орландо? – раздраженно напомнила девушка, потрясая запиской и распространяя в воздухе удушливый аромат яблок, которым была насквозь пропитана бумага.

– А это – глава ее прекрасного рода, – отмахнулся ее спутник и заторопился. – Ну я пойду...

– Куда? – вцепилась в него Глаша.

– Как куда? – искренне удивился он. – К ней! Она ждет.

– А к этому Орландо мне одной отправляться? – вскипела Гликерия.

– Отличная мысль! – просиял Оливье. – Ты иди, иди, – невежливо поторопил ее он и подтолкнул в спину.

Глаша аж похолодела. Если невозмутимого маркиза какая-то рядовая магнетичка до

такого полоумия довела, чего же с ней, впечатлительной девочкой, этот монстр, их главарь, сделает?

– Никуда я не пойду! – рассердилась она, повиснув у него на руке.

Маркиз скорчил страдальческую мину.

– Хочешь, я найму тебе экипаж? – с надеждой предложил он.

Глаша издала возмущенный вопль.

– Оливье, ты в своем уме?! Ты хоть помнишь, зачем мы здесь?

– Да что ты ко мне привязалась? – разозлился он.

– Я привязалась? – задохнулась от возмущения Глаша, отпустив руку Оливье.

– Вот и отлично, – обрадовался тот. – Тогда я пойду.

– А как же Кларисса? – крикнула Гликерия ему вслед.

Герой-любовник замер.

– Кларисса? – задумчиво проговорил он, обернувшись.

– Кларисса, твоя невеста! – возвала к его разуму Глаша.

– Что за чушь ты несешь, – рассердился маркиз. – Какая еще невеста? Я женюсь только на Орнелле. Она – чудо!

– Ну и топай к свой Дурнелле, Казанова несчастный! – вспылила девушка. – Подумаешь, Ромео выискался! Дон Жуан! Ловелас! Бабник! Кобель!

Маркиз нерешительно топтался на месте.

– Чего надо? – зло буркнула Глаша. – Вперед с песней!

– Я тут подумал, нехорошо как-то без подарка возвращаться. А время позднее, ювелирные лавки уже закрылись. Ты не отдашь мне свой браслетик? Его камушки так пойдут к Орнеллиным глазам! – И он мечтательно закатил голубые очи.

– Совсем с ума сошел! – опешила Глаша, пряча руку с браслетом оборотней за спину.

– Может, хотя бы перстенок? – с надеждой произнес Оливье, указывая на кольцо дриад на другой руке. – Ну что тебе, жалко? – вкрадчиво спросил он, приближаясь к спутнице и возбужденно сверкая глазами.

– Я сейчас стражу позову! – дрогнула Глаша, отступая назад.

– Хотя бы один перстенок! – умолял Оливье, неумолимо надвигаясь на нее.

– Стра... – завопила она.

И тогда одурманенный маркиз кинулся к ней, зажал рот рукой и насмешливо сказал:

– Хватит орать, глупышка. Совсем шуток не понимаешь?

– Ничего себе шуточки, – вскипела девушка и злорадно добавила: – Тебе так хорошо удастся играть роль влюбленного тельца, что я почти поверила.

– Почти? – усмехнулся Оливье. – Теряю сноровку!

– Дурак, – процедила Глаша.

– Ну и кто теперь зануда? – довольный собой, ухмыльнулся маркиз.

– Так что, мы идем к этому Орландо? – проворчала его спутница.

– Идем, – Оливье окинул ее критическим взглядом. – Только сперва тебя нужно подготовить к приему!

– Что, я недостаточно хороша, чтобы очаровать верховного магнетика? – вскинулась она.

– Можно сказать и так, – задумчиво проговорил он и взял ее за руку. – Идем.

– Куда это? – с опаской поинтересовалась Глаша.

– У меня здесь есть одна знакомая... – загадочно ответил маркиз и поволок ее по улочке.

* * *

А в квартире Насти меж тем царил переполох: будущая свекровь готовилась к торжественной встрече драгоценной невестки. Когда хозяйка вернулась домой после работы, то обнаружила на столе живописно разложенные на блюда домашние соленья, а в духовке –

противень с пирожками. Кроме того, квартира, которую аккуратная Настасья и без того всегда держала в отличном состоянии, буквально сияла чистотой и порядком. (Настя потом еще долго после поспешного отъезда тети Васи будет находить свои вещи в самых неожиданных местах.) По случаю приема дорогой гостьи Василиса обрядилась в бархатное бордовое платье, нацепила на себя все золотые украшения, завила волосы в крутые локоны и уложила их короной на голове. «Точь-в-точь королева-мать», – хмыкнула про себя Настасья. Королева-мать появлению хозяйки дома отнюдь не обрадовалась – вероятно, племянница показалась ей четвертой лишней в их идиллическом семейном треугольнике и даже вознамерилась услатить девушку с глаз подальше, чтоб не путалась под ногами. Но Настасья проявила невероятное мужество и право присутствовать за праздничным столом себе отстояла. Еще бы, Лариса-то предусмотрительно взяла с нее честное волшебное, что она ее на растерзание двум своим родственникам не бросит. Так что пришлось недовольной тетке выставить на стол, накрытый на троих, дополнительный прибор.

– Да надень свое лучшее платье, – процедила она, обращаясь к племяннице, – да кольца с сережками не забудь. Пусть Камилла видит, что родня у ее мужа – не голь перекатная.

– Что это? – шепотом поинтересовалась Лариса в образе Камиллы, когда Настасья при полном параде открыла ей дверь.

– Произвожу на тебя впечатление, – тихонько фыркнула подруга, облаченная в черное вечернее платье и обутая в туфельки на шпильках.

– Я потрясена, – оценила Лариса.

– Убью! – пригрозила Настя, пользуясь тем, что тетя Вася замешкалась в гостиной.

– Если я выживу после знакомства с родительницей, – ухмыльнулась волшебница и, отодвинув Настю в сторону, прошествовала к висящему на стене зеркалу, чтобы поправить прическу и изобразить томную красотку, любующуюся своим отражением в тот момент, когда Василиса выплывет в коридор.

К сожалению, Ларисе не удалось посмотреть ни одной серии «Хитросплетений судьбы», чтобы понаблюдать поведение героини Камиллы Полонской воочию, но Настя очень подробно описала ей безропотную сиделку Верочку, и девушки решили, что лучше всего будет, если Лариса сыграет эту роль с точностью до наоборот и изобразит барышню строптивую, капризную, надменную и нахальную. Чтобы разочаровать тетку наверняка, волшебница подробно выпросила у подруги все больные мозоли Василисы и взяла их на вооружение. Тетя Вася не выносила, когда ей напоминали о возрасте, когда ей возражали, когда игнорировали ее советы и когда ее критиковали. Но больше всего ее раздражало, когда кто-либо, кроме нее, осмеливался называть ее сына Венечкой. Для посторонних существовала только одна форма наименования Вени – Вениамин.

– Камиллочка, – провозгласила тетя Вася, направляясь к дорогой гостье. – Какая честь видеть вас у нас!

– А вы, должно быть, бабушка Венечки, – мило улыбнулась актриса. – Странно, он мне о вас не рассказывал! Где же ваша молодая дочь? Неужели та юная девушка, что открыла мне дверь? – Лара обернулась к Насте и незаметно для тети подмигнула ей.

Улыбку мадам Суворовой перекосило, но она справилась с собой и воскликнула:

– Ах, тут так темно, что нетрудно и ошибиться! Я и есть мама Вениамина, Василиса Филимоновна. А это Настя, моя племянница и двоюродная сестра Вениамина.

Настя с удивлением покосилась на яркие лампочки, освещавшие небольшой коридорчик так ясно, как солнце в тропиках, и тактично промолчала.

– О, простите меня! – смутилась Камилла. – Я слегка подслеповата и не разглядела, как вы молоды...

Василиса расцвела.

– Вам, должно быть, не больше шестидесяти пяти? – добавила Камилла.

Тетя Вася побагровела и сухо поправила:

– Мне пятьдесят три.

– Не может быть! – потрясенно воскликнула Камилла. – Серафиме Гуляевой, которая

играет мою бабушку в «Трех жизнях», исполнилось шестьдесят шесть, но она выглядит моложе вас!

Тетя Вася пошла малиновыми пятнами.

– Ах, простите мне мою бестактность,– повинилась нахальная девица.– Возраст актрисы так обманчив, мои коллеги обязаны выглядеть молодо и на что только не идут ради этого. Вот Серафима, например, сделала уже четыре подтяжки! – доверительно сообщила она.

– По ней заметно,– процедила мадам Суворова.

– Вам нравится? – с сомнением спросила Камилла.– Хотите, достану телефончик ее пластического хирурга? У вас все не так запущено, вам и трех подтяжек хватит.

– Спасибо за заботу,– обиженно ответила молодящаяся Василиса.– И за комплимент.

– Ах, что вы! Я вот все хочу сказать, какое милое у вас платье, Василиса Филимоновна! – оценила актриса.– Похоже, это винтаж!

Приободренная похвалой «модной штучки», какой, несомненно, являлась Полонская, мадам Суворова расправила плечи и выпятила грудь.

– Обожаю старые вещи! – продолжила Камилла и поинтересовалась: – Оно досталось вам от мамы или от бабушки?

– Что? – непонимающе захлопала ресницами тетя Вася.– В каком смысле?

– Ах, вы, наверное, купили его на блошином рынке? – понимающе улыбнулась Камилла-Лариса и обернулась к близкой к обмороку Насте, что-то отчаянно сигнализирующей ей глазами. «Похоже, Настя в восторге»,– самодовольно решила она и воскликнула: – Ну что же мы стоим в дверях! Давайте пройдем в комнату! Мне не терпится увидеть Венечку. Веня, где ты? Я иду! – И, отодвинув в сторону опешившую от такого напора и еще не пришедшую в себя после порции ледяного душа тетю Васю, она прошествовала внутрь, где ее уже ожидал тщательно выбритый и причесанный жених.

– Венечка! – радостно воскликнула Камилла, вызвав очередной приступ зубного скрежета у Василисы, и, подскочив к вжавшемуся в диван Вениамину, звонко расцеловала его в обе щеки. А затем, слегка покачнувшись, изящно приземлилась к нему на колени и обвила руками шею.– Ах, какая я неловкая! Веня, рядом с вами у меня земля из-под ног уходит,– кокетливо сообщила она.

Веня залился нервным пунцовым румянцем и еще больше вжался в диван, а Василиса аж закашлялась.

– Прошу к столу,– прохрипела она, изо всех сил изображая радушную хозяйку.

– Ах, как мило! – восхитилась Камилла, вскакивая с Венечкиных колен.– Соленья, пирожки – прям как у бабушки в деревне.

– Прошу прощения за наш скромный стол,– процедила мадам Суворова.– Виа-гра с ананасами не держим. Чем богаты, тем и рады.

– У Венечки проблемы с потенцией? – вскинулась Камилла, в то время как Лара внутри нее едва сдерживалась, чтобы не расхохотаться.

– Что?! – побагровела тетя Вася.

– Ну как же, вы же только что сами сказали про виагру!

– Я имела в виду не виагру, а виа-гра,– обиженно поджала губы тетя Вася, поправив нахальную девицу.

– Ах, вы имеете в виду фуа-гра,– с облегчением заметила Камилла, опускаясь на стул.– А то я уже испугалась. Я, знаете ли, так мечтаю о детях!

Лицо Василисы смягчилось, и она уже с теплотой взглянула на будущую невестку.

– Разумеется, в ближайшие десять—пятнадцать лет речь о них даже не идет,– добавила Камилла.– Я нахожусь в самом начале своей карьеры, и мне никак нельзя выпасть из процесса прежде, чем я достигну определенных высот.

– Но как же? – растерянно спросила тетя Вася, присаживаясь на стул напротив Полонской. Венечка как по команде плюхнулся за стол рядом с мамой. Настя села рядом с подружкой.– Я родила Венечку в восемнадцать лет.

«И горжусь этим» – было красноречиво написано на ее желчном лице.

– Бедняжка! – сочувственно воскликнула актриса. – Вы сгубили себе всю молодость!

– Как вы можете такое говорить? – вскипела тетя Вася. – Дети – цветы жизни, а Венечка – это мое счастье!

– Да, Венечка может составить счастье любой женщины. Я это поняла с первой же минуты нашего знакомства, – ласково пропела Камилла и окинула страшно смущенного Вениамина, готового провалиться сквозь пол к соседям, затяжным оценивающим взором.

Воцарившуюся тишину нарушил лишь скрежет зубов Василисы.

– Камилла, попробуйте моих пирожков, – изо всех сил выжимая из себя лицемерную улыбку, процедила тетка.

– Мне пирожки нельзя, я на диете, – грустно молвила актриса.

– Тогда салатик! – с готовностью схватила за ложку тетя Вася.

– С майонезом? Ни в коем случае, – отрезала та.

– Тогда нарезочку! – подвинула тарелочку радушная хозяйка.

– В ней канцерогены, это страшный вред для кожи лица! – испуганно вскрикнула гостья.

– А вот у нас еще сыр есть! – не сдавалась тетя Вася.

– В сыре жиры, а это страшный удар по талии, – покачала головой Камилла.

– А вот домашние соленьица! – предложила та.

– Соль – это белый яд, – поджала губы актриса.

– Что же вы едите? – не выдержала Василиса.

– У вас найдется бокал минеральной воды? – томно спросила Камилла, не сводя порочного взгляда с Вениамина, поспешно поедающего пирожок и упорно отводящего глаза. – Только обязательно без газа.

– И все? – неприятно уточнила тетя Вася.

– И все.

– Да вы завидная невеста, – пробормотала Василиса, поднимаясь из-за стола.

– Что? – вскинула синие очи коварная соблазнительница.

– Так мало кушаете, – пояснила тетя Вася, направляясь в кухню за минералкой.

– Надо же, таких комплиментов мне еще не говорили, – усмехнулась актриса и накнулась на несчастного Венечку. – Веня, что же вы молчите? Вы не рады меня видеть?

– Что за цирк вы устроили? – пролепетал тот, испуганно глядя на дверь, за которой скрылась мама.

– Все как вы заказывали, – передернула плечами актриса. – Чем вы недовольны?

– Вы оскорбили маму! – осуждающе воскликнул он. – И не раз!

– Хотите, я начну говорить ей комплименты? – вкрадчиво предложила Камилла. – Я очарую вашу маму в две минуты.

– Нет! – поспешно возразил Вениамин. – Уж лучше продолжайте... Только вы уж помягче. Помните, что мама – ведьма, она ведь на вас и порчу наслать может!

– В каких экстремальных условиях приходится работать! – скептически заметила Камилла.

– Я не шучу! – предупредил Вениамин. – Настя, подтверди.

Настя, с задумчивым видом застывшая за столом, даже не отреагировала.

– Настя! – ткнула ее в бок актриса.

– Да, что? – очнулась та.

– Правда, что Василиса Филимоновна, – Камилла округлила глаза и, понизив голос, спросила: – ведьма?

– Даже больше, чем ты, то есть вы думаете, – со значением произнесла Настя и снова впала в транс.

– Ваша сестра всегда такая странная? – иронически осведомилась актриса у Вениамина, подавшись к нему всем телом.

– Издержки профессии, – буркнул Венечка, вжимаясь в спинку стула.

– Воркуете, голубки? – натянуто улыбнулась Василиса, возвращаясь из кухни с бокалом минералки. – Пожалуйста, Камиллочка, ваша вода.

– Не пей, – чуть слышно шепнула Настя, воспользовавшись тем, что тетя Вася отвернулась, пока обходила стол.

Лариса спорить с подругой не стала и решила при первом же удобном случае опрокинуть бокал.

– Камиллочка, – пылливо спросила Василиса, сосредоточенно накладывая гору салата на тарелку Вени. – Вы, наверное, много работаете?

– О да! Пропадаю на съемочной площадке целыми днями, – с готовностью подтвердила Лара. Какой же свекрови понравится, что ее невестка редко бывает дома? – А все свободное время провожу в салонах красоты и фитнес-клубе. Это ведь так важно! – для верности добавила она.

– Наверное, трудно совмещать такой напряженный график с домашним хозяйством? – развила свою мысль тетя Вася.

– С чем, простите? – удивленно вскинула брови актриса.

– Ну там уборка, готовка, стирка, – любезно подсказала Василиса.

– Ах, это, – засмеялась Камилла. – Что вы, я совершенно не умею готовить и сто лет не держала в руках пылесос. Всем этим занимается домработница! Отличная женщина, тетя Шура, исполнительная, опрятная, трудолюбивая, но денег столько берет! На ее месячную зарплату можно купить пару туфелек «Маноло Бланик» из новой коллекции, – сокрушенно посетовала бездельница и окинула заинтересованным взглядом собеседницу. – А вы, Василиса Филимоновна, работаете?

– Как сказать, – замялась та, почуяв неладное.

– Я смотрю, вы любите готовить и дома у вас так чисто, – оценила актриса и настойчиво спросила: – Василиса Филимоновна, ведь когда мы с Веней поженимся, вы переедете ко мне? Шуре я дам расчет, а уж вы-то позаботитесь о том, чтобы в нашем с Венечкой гнездышке всегда было уютно, правда?

Веня, поперхнувшись пирожком, громко закашлялся. Василиса бросилась на выручку сыну и с грохотом обрушила на его спину костлявый кулак.

– Веня! – воскликнула Камилла, вскакивая со своего места. – Ах, Василиса Филимоновна, что же вы делаете! Разве так можно! Сейчас же перестаньте! Венечке срочно требуется искусственное дыхание рот в рот. Да не вы же его должны делать, – бесцеремонно отпихивая тетю Васю в сторону, вскрикнула она, – а я!

– Не надо, – сдавленно простонал Вениамин.

– Вот видите, – просияла Камилла, – Вене уже лучше! Венечка, ты уверен? – озабоченно поинтересовалась она. – Может, все-таки прийти к тебе на помощь?

– Все в порядке, – глухо прокашлялся Венечка.

– Вот и славно. Так о чем мы там говорили? – спросила Камилла у его матери.

– Вы рассказывали о своей работе, – поспешно вскрикнула та, радуясь возможности перевести беседу в нужное русло. – О своих ролях в кино. Расскажите нам о съемках в «Хитросплетениях судьбы» и о своей Верочке. Такая чудесная девочка, она так очаровала всех моих друзей!

– Эта вялая килька? – удивилась Камилла. – Эта безвольная мямля? Ужасный персонаж, отвратительная роль! Никогда бы за нее не взялась, если бы сериал не показывали по Первому каналу в самое рейтинговое время.

– Что вы! – вступилась за любимицу Василиса. – Она такая добрая девочка, такая терпеливая, так хорошо ухаживала за больной генеральшей!

– Да на этой больной генеральше пахать надо, – неожиданно заявила Камилла, – нашла себе козу отпущения! «Верочка то, Верочка се, Верочка, суп пересолен, Верочка, котлеты не прожарены», – передразнила она. – Смотреть противно! Знаете что, – призналась она, – будь я на месте этой Верочки, я бы этой несносной старухе ту тарелку с супом на уши надела, чтобы впредь не издевалась над людьми!

– Но ведь она любила Романа и потому старалась угодить его маме,– оторопело заметила тетя Вася, не готовая к такой реакции.

– Ну и дура,– фыркнула Камилла.– Роман-то ее не любил! Лучше бы за собой следила, чувырла, приоделась бы, причесалась, чем шляться перед ним по дому в переднике и со шваброй.

– Но ведь он на ней потом женился! – торжествующе вскричала Василиса.

– Так это же кино, чего вы хотите? – удивилась актриса.– А в настоящей жизни она бы до самой старости за ним полы мыла и носила кофе в постель, в то время как он нежился бы там с юной моделью с ногами от ушей,– Камилла эмоционально взмахнула рукой и задела бокал с минералкой. Вода брызнула на блюдо с пирожками, долетела до наполовину опустевшей салатницы и разлилась лужицей по белоснежной скатерти.

– Ах, какая я неловкая! – сконфуженно запричитала гостья.

– Ничего страшного! – вскочила со своего места Настя.– Я принесу тряпку и еще воды.

Тетя Вася проводила племянницу недовольным взглядом. Веня меланхолично дожевал пирожок и потянулся за следующим. «И куда только в него умещается?» – гадала Лариса, глядя за тем, с какой скоростью Венечка хомячит пироги.

– Сынок, хватит! – Василиса стукнула сына по руке и отодвинула блюдо в сторону.

– Почему? – искренне удивился тот, потянувшись за пирожками.– Такая вкуснятина!

– С твоим больным желудком нельзя есть столько жареного,– выкрутилась тетя Вася и, схватив в одну руку блюдо, а в другую – салатницу, умчалась на кухню.

– С моим больным желудком? – недоуменно пробормотал Венечка, огорченно глядя на опустевший стол, и потянулся к соленому огурчику.

«Ого, а водичка-то непростая,– подумала Лариса, глядя вслед Василисе.– Пожалуй, пора закругляться и уносить ноги, пока эта ведьма новую отраву не намешала».

* * *

Знакомая Оливье жила в низеньком домишке с вывеской «Волшебный салон Лауриты» и оказалась добродушной, пухленькой, как сдобная булочка, женщиной лет сорока пяти, что исключало любые намеки на какие-то романтические отношения с молодым маркизом.

– Оливье, мой мальчик! – просияла она и заключила смущенного маркиза в объятия.

– Моя кормилица Лаурита,– пояснил он Глаше, освобождаясь из ее хватки.

– Была кормилица, а стала кудесница,– лукаво улыбнулась та, приглашая их в дом.

– Надеюсь, добрая? – опасливо поинтересовалась девушка, глядя на черного кота, бросившегося им под ноги, и на метелку, стоящую на видном месте в прихожей.

– Добрейшая,– ответил за кормилицу маркиз.

– Оливье, представь мне свою очаровательную спутницу! – с улыбкой потребовала булочка, проводя их в приемную.

– Глаша... мм... моя подруга,– вывернулся он.

– Вот как? – пытливо глянула на него Лаурита.

– Не невеста и не жена,– поспешно открестился он ото всех возможных домыслов.

– Уж надеюсь, что не жена,– улыбнулась она, на этот раз с укоризной.– Неужели ты забудешь позвать на свадьбу свою верную кормилицу?

– Никогда! – торжественно поклялся он.

– Так вы в городе по делу? – спросила Лаурита.

– И по очень важному! – сообщил Оливье и поступил совсем не по-джентльменски: отвел кормилицу в сторонку и о чем-то очень оживленно ей зашептал. Та удивленно ахала, понимающе кивала и внимательно изучала Глашу, которая тем временем с безучастным видом разглядывала приемную городской волшебницы и всем своим поведением изображала, что она здесь совершенно ни при чем и просто случайно погадать зашла.

– Что ж, задача ясна! – наконец произнесла Лаурита и обратилась к девушке: – Пойдем, моя дорогая!

Хозяйка, как выяснилось по дороге на чердак, была Оливье не только кормилицей, но и няней. Она жила в замке до тех пор, пока маленькому маркизу не исполнилось семь. Тогда ему наняли гувернеров, и необходимость в услугах Лауриты отпала. Оставшись без работы, молодая женщина подалась в город. Семьи у нее не было, с заработками было туго.

— У меня был только один выход — податься в ведьмы,— со смешком поведала она. Подъемных, которые заплатил ей отец Оливье, хватило бы на год безбедной жизни, но предусмотрительная Лаурита решила позаботиться о будущем и открыть свое дело.

С тех пор уже семнадцать лет она успешно приторговывала целебными травками, предсказывала будущее по картам, промышляла любовными приворотами, иллюзиями и процедурами, продляющими молодость и придающими красоту — пригодился опыт, полученный в детстве в доме бабушки-знахарки.

Сообщение о таком солидном послужном списке Гликерию значительно приободрило, и когда добродушная Лаурита с улыбкой сообщила, что подготовит ее ко встрече с самым главным магнетиком в лучшем виде, та отдалась в руки чародейки со спокойной душой. Следующие полтора часа булочка колдовала над ее лицом и прической, щедро втирая в кожу пахучие мази и взбивая волосы не иначе как в Вавилонскую башню. В завершение косметических экзекуций Лаурита вознаградила Глашу сполна, выудив из сундука, на котором она все это время сидела, милое и скромное светло-розовое платье. Девушка с радостью сбросила походные бриджи и рубашку и позволила волшебнице облачить себя в платьице, которое на удивление пришлось ей впору, и даже в длину было в самый раз. Лаурита одним отточенным щелчком пальцев разгладила все складочки на одежде, придав наряду товарный вид, а затем приукрасила его с помощью иллюзии, добавив рюш, кружева, сделав более пышной юбку и более ярким цвет.

— Вот теперь ты готова,— удовлетворенно произнесла она, подводя девушку к занавешенному зеркалу, и ловким жестом фокусника сорвала с него материю.

Глаша глянула в зеркало и обомлела. Нет, она была бы рада сказать, что после произведенных над ней магических манипуляций она страсть как похорошела, и теперь щеки ее сияли нежным румянцем, глаза зеленели, как изумруды, а губы алели, как лепестки роз. Притом еще и волосы были уложены в столь изысканную прическу, что хоть прям сейчас замуж выдавай, чтобы такое произведение парикмахерского искусства даром не пропало... Но ничего этого не было и в помине!

Напротив, вредная тетка сделала все возможное, чтобы придать ей наиболее отталкивающий вид. Теперь Глаша, несмотря на все подростковые комплексы, считавшая себя довольно привлекательной особой, выглядела как уродливая китаянка с улыбкой Щелкунчика. Ее кожа стала болезненно-желтой, глаза сузились в мелкие щелочки, нос при этом вырос до размеров картошки, претендовавшей на попадание в Книгу рекордов Гиннеса аж в двух номинациях — как самая большая и самая корявая картофелина в мире. Вот разве что губы — те стали точь-в-точь как у Анджелины Джоли, но как же вызывающе-неуместно они смотрелись на фоне всего лица! А ее волосы? Глаша аж застонала при виде того осинового гнезда из колтунов, которое соорудила у нее на голове коварная тетка. Но хуже всего было то, что порошок, который девушка посчитала отбеливающим, превратил ее зубки в улыбку Бабы-яги, и теперь они были желтыми, неровными и крупными, как у кролика. К счастью, ощутив зубы кончиком языка, близкая к обмороку Глаша поняла, что последние два качества были лишь иллюзией, но такого превосходного качества, что никто бы не усомнился в ее реальности.

— Вы что со мной сотворили? — слабо пролепетала она, глядя на зубастую уродину в зеркале. Такой подлости от милой женщины с улыбкой на устах, к тому же вскормившей маркиза своим молоком, она никак не ожидала. Единственное, что было привлекательного в ее облике, это платье— воздушное и розовое, как сахарная вата, с женственными оборочками и расширяющейся книзу длинной юбкой, оно бы больше подошло современной невесте или сказочной Золушке, нежели этой желтолицей образине, которая отражалась в зеркале.

— Как, Оливье тебя разве не предупредил? — совершенно искренне огорчилась злодейка.

– Нет,– стиснув зубы, сообщила образина, и коварной Лаурите аж поплохело от этой жуткой картины.

– Наверное, не успел,– взяв себя в руки, вступилась за несносного маркиза она.

– Вы что, хотите сказать, что все и было так задумано? – оторопела Гликерия, ткнув пальцем в узкоглазую монстрицу в зеркале.

– Конечно,– подтвердила ее дикое предположение Лаурита.

– Но зачем? – обомлела девушка.

– Для встречи с Орландо необходимо придать тебе наименее привлекательный облик, чтобы у него и в мыслях не было с тобой флиртовать,– пояснила волшебница. – Иначе Орландо примется тебя очаровывать, а ты потеряешь голову, и до серьезного разговора у вас дело не дойдет.

– Ну спасибо за комплимент,– проворчала Глаша. – Чего ж тогда Оливье один не сходит, не поговорит с ним по-мужски?

Видимо, подобная мысль Лаурите и ее молочному сыну в голову даже не пришла, потому что она аж замерла на месте, прослышав о таком простом решении.

– М-да,– удрученно резюмировала Глаша. – Хоть бы со мной сперва посоветовались, стратеги. А к чему тогда такая роскошь? – Она потрясла подолом платья. – Наколдовала бы сарафан из половой тряпки – и дело с концом.

– Без платья никак. Иначе к Орландо не пустят! – всплеснула руками няня.

– Что с вами делать,– вздохнула жертва волшебства. – А потом-то мне как все обратно вернуть?

– Чары сохраняют свое действие только до полуночи,– успокоила ее Лаурита. – Потом твоя красота к тебе вернется.

– Угу,– хмуро кивнула Глаша, разглядывая себя в зеркале,– я-то чуть не забыла, что в сказку попала. Антизолушка, блин! – и так громко расхохоталась, что кудесница аж в смятении метнулась к двери, вероятно приняв ее за сумасшедшую.

– Стойте-стойте,– сквозь смех остановила ее девушка. – Я в порядке. Просто не каждый день со мной такие удивительные метаморфозы случаются. Кстати, куда вы собирались идти?

– Звать Оливье,– доложила та.

– Не надо звать. Я к нему сама спущусь,– гордо объявила Гликерия, на цыпочках подкралась к двери и неслышно юркнула в коридор, намереваясь устроить маркизу шокирующий сюрприз.

* * *

А тем временем на кухне тетя Вася, поджав губы, сухо сообщила племяннице:

– Знаешь, Настя, даже хорошо, что Камилла оказалась полной противоположностью своей героини. Венечке не нужна тихая и покорная жена, он привык, чтобы я им руководила, и жена ему нужна такая же, как я. А Камиллочка – точная моя копия в молодости.

«Что?» – чуть не вскричала пораженная Настасья.

– Но, увы, двух Василис в нашей семье быть не может,– вздохнула та. – А я пока не готова отойти в сторону и делить Венечку с посторонней женщиной, пусть и похожей на меня по характеру.

– Вы хотите сказать... – поторопила ее Настя, которой не терпелось услышать из уст злобредной тетки о ее полной капитуляции и прекращении поисков невесты.

– Именно так,– подтвердила Василиса. – Я поняла, что Вениамину пока рано жениться. Он же у меня такой ребенок,– с умилением добавила она.

– Вот Камиллочка расстроится,– не удержавшись, заметила Настя, наполняя бокал минеральной водой. – По-моему, вы ее просто очаровали!

– Неужели? – с сомнением спросила тетя Вася. – Что-то я ничего подобного не заметила. Вот Вениамин – да, девочка просто не сводит с него глаз! – с гордостью за сына

сказала она.

– Это точно, – с серьезным видом поддакнула Настасья.

– Они были бы прекрасной парой, – задумчиво произнесла тетя. – И Камилла такая красивая, знаменитая... Наверняка и богатая к тому же.

«Что-то тетю не туда понесло», – испуганно подумала племянница.

– Она могла бы бесплатно рекламировать мой салон. А из-за съемок она появляется дома нечасто... – продолжила свою мысль Василиса.

– Да, зато в газетах она частая гостья, – вмешалась Настя прежде, чем тетя вздумает наделить Камиллу всеми мыслимыми и немыслимыми достоинствами, а там того и гляди передумает и даст свое согласие на брак с любимым сыночком. – Будете собирать вырезки и показывать подругам и соседям. Вот в газете «Жизнь» я недавно видела статью про то, как Камилла потеряла трусы на Кинотавре в Сочи, а потом журналисты их целой толпой искали...

– Нет! – вскричала тетя Вася, изменившись в лице. – Не нужны нам такие вырезки, и невеста нам не нужна. Рано нам невесту.

– Вам виднее, – поддержала ее Настя и, довольная собой, вернулась в гостиную, где Венечка о чем-то доверительно шептался с Ларой-Камиллой. Как только вошла Настя, они отпрянули друг от друга и заговорщически перемигнулись.

– Держи, – Настя протянула подруге бокал.

– Пожалуй, я воздержусь, – хмыкнула та. – Да и вообще, загостилась я у вас, пора и честь знать.

– Как, вы уже уходите? – трагическим голосом воскликнула тетя Вася, застыв в дверях, в то время как ее глаза не скрывали радости.

– Меня ждет косметолог, а после – занятия йогой в фитнес-клубе, – пояснила свой поспешный уход Камилла.

– Надеюсь, вы зайдете к нам еще? – пытливо поинтересовалась тетя Вася.

– Не знаю, у меня столько дел, завтра я улетаю на съемки в Ялту, – поспешно открестилась Полонская, стараясь не встречаться взглядом с Венечкой.

– Надеюсь, вы не забудете моего Веню? – едва скрывая злорадство, спросила Василиса. Гостья ничего не ответила и пулей выскочила за дверь.

– Камилла, я вас провожу! – кинулся ей вслед Венечка.

– Не надо! Я на машине! – сдавленно вскрикнула актриса уже из коридора.

– Ну что вы, я провожу! – рвался к ней Вениамин.

– Не надо, Венечка, – остановила его мама. – Помогите мне лучше убрать со стола.

Веня, повесив голову, покорился, собрал бокалы и вышел из комнаты. В коридоре хлопнула дверь.

– Похоже, она все-таки глотнула минералки, – удовлетворенно заключила тетя Вася, нежно вытирая пятно на скатерти.

* * *

Сюрприз удался на славу. Оливье, успевший задремать в кресле у камина, аж кресло перевернул, со спринтерской скоростью и непередаваемой игрой слов улепетывая из комнаты. А Глаша всего-то его ласково за плечо тронула и томно прошептала: «Просыпайтесь, маркиз!»

Довольная произведенным эффектом, она подняла кресло и устроилась у огня. Оливье осмелился подойти только спустя пять минут, когда Гликерия уже заскучать успела.

– Тебя не узнать, – осторожно сообщил он, вглядываясь в ее преобразившееся лицо.

– Да уж, спасибо твоей кормилице, – ухмыльнулась Глаша, – родная мать теперь не признает. Ну как, – она раздвинула мясистые губы в кошмарной улыбке и посетовала, что не видит себя в зеркале, – хороша?

Оливье аж передернуло.

– Не то слово! – с чувством произнес он.

– О чем вы только думали? – попеняла ему жертва экспериментов. – Разве меня с такой образиной теперь в апартаменты Орландо пропустят?

– А мы на тебя вуаль накинём, – с энтузиазмом сообщил маркиз. – А потом снимем.

– Изверг! – ужаснулась Глаша, представив себе реакцию главы магнетиков, когда тот увидит истинное лицо своей загадочной гостьи.

– А то иначе у нас ничего не выгорит, – возразил Оливье.

– К тому же вуаль защитит тебя от чар магнетиков, – вмешалась Лаурита.

– А мне вот одна знакомая говорила, что заклинаний от магнетиков нет, – протянула девушка, вспомнив слова жеки, которая сейчас тихонько посапывала в сумке.

– Заклинаний нет, а вот средство имеется, – с улыбкой сказала волшебница, вручая ей кусок плотной вуали. – Только о нем мало кто знает.

– Средство, говорите? – проворчала Гликерия, накидывая вуаль на голову. – Иначе ничего не выгорит? А так выгорит? Думаешь, он мне амулет тут же и вручит, лишь бы я вуаль обратно натянула и его дом покинула? – усмехнулась она, обращаясь к маркизу.

Судя по сконфуженному виду Оливье, такие мысли, хоть и в неосознанной форме, его посещали.

– Может, ты еще надеешься, что он и сверху приплатит? – язвительно поинтересовалась она.

– Нам главное выяснить, есть ли у него амулет и заряжен ли он. А там что-нибудь еще придумаем!

– Нет уж, ты свое на сегодня уже придумал, – отрезала Глаша. – Дальше лучше буду думать я одна.

Маркиз, чувствуя свою вину, перечить не стал, только предупредил:

– Не забывай, что это наш предпоследний шанс.

Часы пробили девять. Медлить не стали, и спустя сорок минут симпатичный аристократ и его загадочная спутница, голову которой покрывала густая вуаль, входили в особняк главы магнетиков.

Орландо скучал. Этот город был определенно мал для его горячей натуры. Да что город, ему было бы мало целого мира, а приходилось довольствоваться крохотным королевством, в то время как его кузен Нуво возглавлял целую Эврипию! Говорят, о его похождениях слагают легенды и один резвый борзописец даже роман вздумал написать – вот это жизнь! А что Кукуй? Кукуй – это балы, похожие один на другой, спектакли, в которых блистают его подданные, и бесконечная череда свиданий с первыми красавицами, которые готовы из платья выпрыгнуть, лишь бы обратить на себя его внимание. Тоска! Хотя без влюбленности этих глупышек он бы не сохранился так хорошо для своих семидесяти лет, как-никак это их чувства питают его привлекательность и молодость.

– Милорд, к вам посетители, – церемонно доложил дворецкий.

– Кто там? – оживился Орландо.

– Маркиз Беруши и леди Гликерия, – сообщил верный слуга.

– Зови! – велел господин и радостно присвистнул. Имя дамы ему было незнакомо, а значит, можно было рассчитывать на приятный вечер в компании прелестной леди.

Главное, чтобы она не оказалась старой кошелкой или юной дурнушкой, уточнил про себя Орландо. Впрочем, он уже и забыл, когда последний раз видел откровенно непривлекательных девиц. С бурным развитием косметической магии дурнушки вымерли как класс, чему во многом способствовало их увлечение красавцами-магнетиками, толкавшее девиц на решительные меры по облагораживанию фасада. А старые девы его своим вниманием не жаловали: старые девы обожали своих избалованных котов, и им не было никакого дела до привлекательных мужчин. Так что – Орландо удовлетворенно потер руки и пригладил кудри – можно было с большой вероятностью рассчитывать на то, что неизвестная Гликерия окажется юной красоткой с оливковыми глазами и пшеничными

волосами. Или чаровницей с каштановыми кудрями и ореховыми очами. Орландо был всеяден и не отдавал предпочтения клану блондинок или клану брюнеток. Тем более, он мечтательно прикрыл глаза, на свете существовало еще множество красоток, не относящихся ни к тем, ни к другим: шатенки, каштанки, рыжие...

Леди Гликерия, уверенно вошедшая в зал вместе с молоденьким маркизом, была именно рыжей. Яркого цвета ее волос не скрывала даже плотная вуаль, брошенная на лицо.

«Кокетка! – повеселел Орландо. – Ну мы еще посмотрим, кто кого». Вообще-то он настороженно относился к женщинам в вуали – обычно к ее помощи прибегали покинутые им возлюбленные, желавшие во что бы то ни стало попасть к нему в дом. А так как дворцовому на их счет были выданы вполне конкретные инструкции, иного способа проникнуть в дом своего кумира, кроме как обманом, у бедняжек не было. Но рост леди Гликерии исключал любые возможности подлога. Она была девушкой статной и видной (в любой толпе) настолько, что ее менее удачливые соперницы наверняка за глаза называли ее колокольней или куда более обидными прозвищами. Уж на что Орландо считал себя мужчиной достаточно высоким и привык смотреть на всех сверху вниз, но гостья оказалась вполне ему под стать и не уступила бы ни сантиметра роста.

– Леди Гликерия, – своим чарующим медовым голосом промурлыкал магнетик, делая шаг навстречу. – Я счастлив познакомиться с вами.

Орландо протянул гостье ладонь, собираясь запечатлеть поцелуй на ее прелестной ручке.

– Взаимно, – проворковала незнакомка и, проигнорировав его грациозный жест, сделала шаг назад и присела в почтительном книксене. Маркиз, едва доходивший своей спутнице до подбородка, учтиво склонил голову.

– Ах, оставьте эти церемонии, – благодушно махнул рукой Орландо, – присаживайтесь, будьте моими гостями. Я распоряжусь, чтобы подали щербет и десерт.

Увы, к принесенным лакомствам таинственная гостья проявила необъяснимое равнодушие и, вопреки ожиданиям хозяина, чтобы полакомиться сладостями, вуали с лица не откинула. Зато прожорливый маркиз опустошил полведерка пунша и смел со стола половину угощения, при этом умудряясь болтать с Орландо о моде, о погоде, о спектакле, о непревзойденной игре Орнеллы и изысканном интерьере жилища самого Орландо. Его спутница тем временем молча отсиживалась в сторонке, скромно сложив руки на коленях и наверняка прожигая его пламенным взором сквозь густую вуаль.

А сама Глаша тем временем и в самом деле сверлила верховного магнетика взором, вот только не пламенным, а недоуменным. Орландо был красив – спору нет! Тонкие, но мужественные черты лица, искрящиеся сапфировые глаза, загнутые девичьи ресницы, чувственные вишневые губы, красиво подстриженные густые каштановые кудри – звание главного секс-символа Кукуя он оправдывал на все сто процентов. К тому же магнетик был высоким, что в королевстве считалось редкостью. И все же Глаша пребывала в недоумении – где знаменитая харизма, о которой ей все уши прожужжал Оливье, где те самые чары магнетиков, о коварстве которых ее предупреждала Лаурита и которые она сама испытала на себе на пороге кондитерской? Пока Глаша видела перед собой лишь вальяжного красивого нарцисса и ловеласа, распустившего перед ней хвост в надежде завоевать очередную легкую победу над женским сердцем. Верховный магнетик был обыкновенным бабником, каких в ее мире пруд пруди, и девушка совершенно не понимала, о каких таких чарах ей твердил маркиз всю дорогу до дома Орландо. Вдобавок она чувствовала себя полной дурой. Понадеялась на авось! «Будем действовать экспромтом, – убеждал ее Оливье. – Только ты сиди и помалкивай». И что теперь? Она сидит как каменная статуя, а маркиз без умолку мелет языком, при этом ни на йоту не приблизившись к интересующей их теме. Глаша как раз подыскивала благоразумный предлог, чтобы вклиниться в монолог своего спутника и попытаться расколоть Орландо, как тот обратился к ней сам:

– А что это у нас леди Гликерия ничего не ест? – обворожительно улыбнулся он.

– Ах, милорд,– Глаша взволнованно сжала в руках платочек,– боюсь, после того, что со мной случилось, я навеки потеряла аппетит. Уж лучше умереть с голода, чем жить так.

Ее расчет был верен – на прекрасном лице магнетика мигом нарисовалось любопытство.

– А что случилось?– живо заинтересовался он.– Быть может, я смогу помочь прелестной даме?

– Увы,– трагически всхлипнула Глаша,– прелестной меня теперь может назвать только безнадежно слепой.

– Да не может такого быть! – воскликнул Орlando.

– Может! – упрямо возразила Гликерия.

– Не может! – протестуяще вскричал он.

– Еще как может! – настаивала девушка.

– Да вы на себя наговариваете! – не верил магнетик.

– Ах так, судите сами! – И девушка молниеносным движением фокусника, невзирая на все запрещающие знаки Оливье, сбросила вуаль.

А потом случилась катастрофа.

Орlando отшатнулся от нее в ужасе, а Глаша потянулась к нему всем телом, каждой его клеточкой, ощутив страстное желание прикоснуться, потрогать, погладить, стать его... «Мне большего не надо – коснуться только взглядом, до кончиков ресниц твоих на несколько секунд» – пронеслась в голове строчка навязчивой песенки из ее мира. Как она могла быть такой слепой и не видеть его совершенства? Смотреть на эти черты лица и не замечать их пленительности? Смотреть на его зовущие губы и не желать ощутить их вкус? Вглядываться в его глаза и не замечать их влажного блеска и мерцающих золотых искорок, которые сейчас ослепили ее, словно огнем? Перед ней стоял самый прекрасный, самый чудесный, самый нежный мужчина на свете, и от него исходила такая волна обаяния и тепла, что Гликерия вдруг ясно поняла: никогда, ни с одним мужчиной, ни в одном из миров она не будет так счастлива, как с этим высоким брюнетом с глазами цвета вечернего июльского моря. И в то же мгновение она сделалась самой несчастной девушкой на свете, потому что этот совершенный мужчина, эта ожившая мечта из ее грез взирал на нее с таким отвращением, что Глаша вспомнила, как она выглядит в этот момент, и захотела провалиться сквозь землю.

Весь этот вихрь эмоций она ощутила за какие-то несколько секунд, затем подскочивший к ней Оливье накинул на ее лицо вуаль, и мир снова перевернулся. Перед глазами Глаши заплясали разноцветные точки, по щекам потекли слезы, а когда она вытерла их и через вуаль отыскала взглядом свою потерянную мечту, своего недостижимого принца, тот показался ей жалкой копией того, кем она любовалась минуту назад. Не веря своим глазам, девушка вглядывалась в его лицо, стараясь отыскать в нем следы того блеска, который ослепил ее мгновение назад, и хотя бы частичку того тепла, в которое ее окунуло стремительной волной, но ничего этого не осталось и в помине. Казалось, с Орlando мигом стерся весь лоск, и он стал таким... обыкновенным, что у Глаши защемило сердце.

– Сочувствую,– наконец произнес он, справившись с замешательством, в которое его повергла демонстрация прелестей Гюльчатай.– Клянусь, я готов сделать все, что в моих силах, чтобы помочь вам. Что я могу сделать для вас?

«Поцелуй меня, чтобы лягушка превратилась в красавицу»,– грустно усмехнулась Глаша про себя, а вслух ответила:

– Я стала жертвой коварного заклятия, и ни один волшебник королевства не в силах снять его...

– Увы, я не волшебник,– развел руками магнетик.

– Не волшебник,– согласилась она и с намеком добавила: – но вы обладаете тем, что способно повернуть время вспять и исправить то, что со мной случилось.

– Что же это? – Орlando удивился так искренне, что сердце Глаши екнуло: неужели и этот шанс оказался тупиком?

– Амулет Ренара,– сказала она в ответ, и на лице магнетика отразилось недоумение.–

Амулет, с помощью которого можно вернуться в прошлое или попасть в другие миры,— пояснила она.

— Ах это! — проговорил он.— Миледи, я понимаю все степень вашего отчаяния и, будь у меня возможность помочь вам, я непременно бы сделал это, но неужели вы верите в эти сказки про амулет, который способен вернуть прошлое?

— Это была моя последняя надежда,— дрогнувшим голосом произнесла Глаша.— Так амулета у вас нет?

— Нет и никогда не было,— сообщил Орландо.— Мой предшественник что-то рассказывал о волшебном амулете, с помощью которого он спас наш род от какой-то страшной опасности, но я ему никогда не верил.

— Проклятье! — вырвалось у Глаши. Вампир их все-таки не обманул — амулет магнетиков был давным-давно разряжен. Оливье мужественно стерпел удар, превратившись в каменного истукана.

— Ну-ну, не стоит так убиваться,— добродушно сказал Орландо, с интересом взирая на Гликерью.— Вы молодая женщина, для вас еще не все потеряно...

— Не смейтесь надо мной, милорд,— с досадой ответила та.— Кому я такая нужна? Теперь мне два пути: или в петлю, или в монастырь.

— Ну зачем же так кардинально,— мягко возразил магнетик, гипнотизируя ее глазами через вуаль.— У меня есть связи среди ведущих магов, я бы мог попросить их поискать средство от вашего недуга получше, в конце концов, существуют иллюзорные чары... А пока не желаете ли прогуляться со мной вокруг пруда, полюбоваться на лилии и рассказать мне, как это с вами произошло? — с ласковой улыбкой предложил он.

«Я сошла с ума, или он со мной заигрывает?» — в изумлении подумала Гликерия.

— Так как вам мое предложение? — вкрадчиво произнес Орландо.— Надеюсь, вы никуда не спешите?

«Определенно, заигрывает. Он что, с ума сошел?» — поразилась Глаша, а вслух ответила:

— Очень спешим. Мы проделали долгий путь, чтобы увидеть вас, и завтра же должны отправляться обратно.

— О нет! — воскликнул магнетик.— К чему такая спешка? Вы обязательно должны остаться у нас хотя бы на несколько дней.

— Но нам негде остановиться,— возразила девушка, желая поскорее от него избавиться.

— Вы можете пожить у меня,— с готовностью откликнулся Орландо, соблазнительно улыбаясь.

«Может, у него проблемы с кредиторами и он собирается приударить за мной в надежде на щедрое вознаграждение?» — предположила Глаша, все больше разочаровываясь в нравственных устоях магнетиков.

— Но у нас нет денег, чтобы оплатить вашу доброту,— подчеркнула она.

— Да что вы такое говорите! — с негодованием воскликнул тот и с намеком добавил: — Вы сами достойны самых роскошных драгоценностей за то мужество, с которым вы переносите свое несчастье.

«Теперь он собирается меня подкупить?» — опешила Глаша.

— Милорд,— рассерженно сказала она,— меня не спасут самые прекрасные драгоценности мира. Они лишь еще больше подчеркнут мое уродство!

— Не говорите так! — вскричал Орландо.— Вы — красавица!

— Вы больной? — вырвалось у Гликерии.

— Да, я болен! — патетически воскликнул магнетик.— Болен любовью к вам. Вы — самая прекрасная женщина из всех, каких я встречал, и ваша внутренняя красота с лихвой искупает все внешние изъяны.

— Что за вздор! — выпалила девушка.

— Ах, не отвергайте меня, мой ангел,— страдальчески взмолился Орландо и демонстративно пал на колени.— Останьтесь!

- Милорд, стыдно смеяться над чужим несчастьем,– осадила его Гликерия.
- Миледи, не лишайте меня надежды,– попытался поймать ее руку он.
- Ах, милорд, оставьте меня! – негодовала строптивка.
- Миледи, вы разбиваете мое сердце,– скулил отверженный магнетик.

Этот трогательный диалог мог бы длиться до утра, если бы часы не пробили полночь. Глаша остолбенела, вспомнив о словах Лауриты, а ловкий Орlando, пользуясь ее ступором, едва не откинул вуаль, что означало бы неминуемую катастрофу. Но тут, к счастью, наконец-то опомнился Оливье и бросился на выручку...

– Что это на него нашло? – дивился маркиз, когда они не без труда покинули приемную Орlando и уселись в лучший экипаж хозяина, который тот велел заложить для дорогих гостей.

– Ответ очень банален,– усмехнулась Глаша, откидывая душную вуаль.– Вероятно, у Орlando никогда не было уродливой любовницы, вот он и захотел испытать острые ощущения в объятиях страхолюдины. К тому же строптивой страхолюдины, которая посмела устоять перед его обаянием.

– Только благодаря тому, что я вовремя накинул вуаль,– с невинным видом напомнил маркиз.

Глаша вспомнила свой миг ослепления магнетиком, когда она готова была родную кошку Мурзилку придушить, лишь бы заслужить одобрение и ласку блистательного Орlando, и смущенно опустила глаза, придиричиво разглядывая себя в зеркальце. Лаурита не обманула. От кошмарных иллюзий не осталось и следа. Так же, как и от предпоследнего шанса на возвращение домой.

* * *

– Как все прошло? – открывая дверь машины, поинтересовался Илья, тот самый «идеальный мужчина», который вторым потерпел поражение в деле Нарышкиной. На почве постигших их неудач он и Настя так сдружились, что Илья легко согласился помочь девочкам и изобразить шофера Полонской.

– Отлично,– Лариса нырнула в салон и блаженно растеклась по креслу.– Правда, под конец меня пытались опоить отворотным зельем, но Настя меня спасла.

– Куда едем? – спросил Илья, с интересом поглядывая на девушку, которая по-прежнему пребывала в облике модной актрисы.

– На дорогу смотри,– устало улыбнулась Лара и скомандовала: – Заворачивай за угол, проедем метров двести, а там я быстренько выскочу и вернусь домой.

Пока Илья разворачивал машину да выезжал со двора, волшебница успела избавиться от глянцевого образа и вернуть свой обычный вид.

– Ну ты даешь,– присвистнул изумленный водитель, заметив изменения.– Когда успела?

– Профессионал! – усмехнулась она, ответив фразой из рекламного ролика и сосредоточенно почесывая макушку.

– Вне всяких сомнений,– восхищенно кивнул Илья, останавливая машину у обочины.– Что это с тобой? – обеспокоенно спросил он секундой позже.

– Чешется, зараза,– пожаловалась Лариса, отняла руку от головы и завизжала. На пальцах осталась густая прядь волос, на руках стремительно вылезали уродливые бородавки.

– ... – потрясенно выругался Илья, не сводя глаз с ее лица.

Перепуганная волшебница крутанула на себя машинное зеркало и застонала: лицо быстро покрывалось прыщами, на носу раздувалась бородавка, на веках зрели ячмени.

– Вот это порча,– выдохнул маг.– Первый раз такое вижу! Чего это она – вслед тебе наговаривает?

– Порчу можно только в глаза наговорить,– чуть не плача, пояснила Лариса.– Видно,

наговаривала она все время, но поскольку на чужом облике порча не отражается, то, как только я настоящий вернула, вся эта дрянь на мне и высыпала. Чего ж теперь делать-то? Звони Насте срочно!

– А она умеет снимать порчу в таких количествах? Сомневаюсь.– Илья потянулся к сотовому и набрал номер.– Изольда? Здравствуй, радость моя. Да-да, пропал, извини, работа... Что случилось? А как ты догадалась? Звоню, только когда мне от тебя что-то надо? Ну прости меня, свина. Ты сейчас свободна? Тут с одной хорошей девушкой беда стряслась, срочно нужна твоя помощь. Ты прелесть! Уже едем.

– Она поможет? – жалобно спросила Лара.

– Поможет. Держи,– Илья взял ветровку, лежащую на заднем сиденье, и протянул несчастной волшебнице,– прикройся.

Та послушно закуталась в куртку, пряча покрытые язвами руки, и, тяжело вздохнув, натянула на лоб капюшон.

– Настюха с тобой не расплатится,– покачал головой Илья, выезжая на оживленный проспект.

– Я ей это еще припомню,– мрачно пообещала Лариса.

Изольда, изящная белокурая девушка лет двадцати пяти, похожая на Снегурочку, оказалась настоящей волшебницей и вернула Ларисе здоровый вид всего за каких-то полтора часа.

– Спасибо,– от души поблагодарила волшебница, крутясь перед зеркалом.

– Спасибо в карман не положишь,– насмешливо ответила Изольда.

– Да, конечно, сколько я должна? – сконфуженно пробормотала Лара, вспоминая, что не захватила с собой ни рубля.

Изольда вытащила из ящика стола фотоаппарат и смущенно сказала:

– Всю жизнь мечтала увидеть живую Киану Ривза.

Лариса понимающе улыбнулась, приказала целительнице закрыть глаза и позвала томящегося в коридоре Илью. Должен же кто-то выступить в роли фотографа!

– Где ты была? – вскричала Настя, когда подруга вернулась домой за пять минут до полуночи.

– А где эта? – опасливо спросила Лара.

– Эта уже давно спит! Завтра они с Вениамином уезжают.

– Какое счастье! – искренне обрадовалась волшебница. – А то смертоубийства было бы не избежать.

– Да что случилось-то? А ну быстро топай в комнату и рассказывай! – велела Настя, подталкивая подругу по направлению к спальне.

После того как разъяренная Лариса поведала ей о своих мучениях по вине недоброй Василисы, Настасья, не перестававшая потрясенно ахать, воскликнула:

– Ну я же тебя предупреждала!

– Ты имеешь в виду эти дикие вращения глазами и зигзаги бровями? – хмуро уточнила подруга. – Я решила, что тебя просто плющит в присутствии Васи.

– Нельзя было так перегибать палку. Ты над ней так издевалась, что еще чудо, что в живых осталась. Василиса – страшный человек, на ее счету – масса загубленных душ,– тихо призналась Настя.

– Зачем же ты привечаешь это чудовище у себя дома? – возмущенно спросила Лариса.

– Она моя двоюродная тетка,– вздохнула Настасья.

– А куда смотрит коллегия? – негодовала волшебница.

– А что коллегия? К ней никак не подкопаешься. Представь себе, навела бы она такую порчу на обычную девчонку, которая с колдовством никогда в жизни не сталкивалась – да та бы с ума сошла в пять минут! Или руки на себя наложила! А спустя несколько часов порча развеется – никто и не поймет, что с девчонкой случилось. А если кто смекнет, то никаких

доказательств нет. Тетю Васю знаешь как в деревне бояться?

– Думаешь, она хотела Камиллу до самоубийства довести? – ахнула Лара.

– Не знаю, – пожалала плечами Настя. – Может, просто проучить хотела, через пару часов все бы и сошло. Она бы столько сглаза навешивать и не стала, если бы ты сразу стала прыщами покрываться. А поскольку эффекта не было, вот она и наслала на тебя все пакости, какие только придумала...

– Ладно, давай спать, – устало отозвалась волшебница. – Завтра нам предстоит мозговой штурм с целью создания новой легенды для Арины...

* * *

Вопреки представлениям Глаши, кукуйские драконы не были одиночками и не обитали отшельниками в пещерах, разбросанных по всему королевству. Местные горынычи предпочитали держаться вместе и жили большой дружной общиной в горах на западе королевства. В трех днях пути от города. Эту радостную новость сообщил девушке Оливье, разбудив ее на следующее утро.

– Изверг, – простонала Глаша, сверившись с часами. – Всего шесть утра! Слушай, – с надеждой предложила она, – может, ты съездишь к ним сам? Ну зачем я тебе нужна, а? Вдруг к тому же они людоеды и питаются юными девицами?

– Где ты набралась таких глупостей? – поразился Оливье. – Тоже в своих книгах? Драконы, конечно, создания опасные, но никакими девицами, кроме телок, они не питаются.

– А в чем разница между девицей и телкой? – не поняла спросонья Глаша.

– В том, что телка – это не девица! – закатил глаза маркиз.

– А кто? – удивленно спросила она.

– Корова, вот кто! – рассердился Оливье.

– То есть драконы предпочитают только хорошо откормленных девиц? – повеселела Глаша. – Что ж, тогда мои кости их не привлекут.

– Да при чем тут девицы? Я говорю о коровах, с рогами и копытами!

– Извини, – фыркнула Гликерия. – Что-то я спросонья не сообразила. Ну так, может, ты один справишься, а?

– Нет уж, собирайся.

– Тиран и деспот! – захныкала Глаша. – Три дня пути, лес с комарами, да они сожрут меня за это время!

– Ничего, возьмем у Лауриты что-нибудь от комаров.

– А может, у нее есть сапоги-скороходы, ковер-самолет или портал с выходом напрямик к горе драконов? – с надеждой поинтересовалась Глаша.

– Это вряд ли, – безапелляционно заявил Оливье. – Потому что она уже готовит нам провизию на неделю пути.

– Постой! Как на неделю? – испуганно вскричала девушка. – Ты же говорил, что отсюда всего три дня пути.

– Так и есть, – подтвердил маркиз. – Но Лаурита решила подстраховаться на случай непогоды, которая застанет нас в дороге и замедлит путь, а также нападения голодных разбойников, которые конфискуют у нас половину продовольственных запасов...

—И еще двадцати пяти страховых случаев подобного рода, – закончила за него Глаша. – У меня мама такая, – со смешком поведала она и тут же осеклась.

– Эй, не смей грустить, – заметив, как спутница изменилась в лице, ободряюще сказал Оливье. – Мы обязательно найдем способ вернуть тебя домой. Не сегодня так послезавтра.

– Правда? – жалобно спросила та.

– Конечно! – уверенно сказал маркиз. – Давай собирайся, а я пойду прослежу, чтобы Лаурита поумерила свой пыл, – сообщил он и направился к двери.

– Оливье! – окликнула его Глаша. – А нам обязательно выезжать так рано? Может, задержимся хотя бы до полудня?

– Ни в коем случае,– отрезал маркиз.– Кто знает этого Орландо? Вдруг он за ночь еще больше воспылал страстью к несчастной дурнушке?

– И что с того? – удивилась она.

– Как это что? Спросит у кучера, куда он нас вчера отвез, и вышлет сюда почетный кортеж.

– Да,– протянула Глаша, вспыхнув при мысли о магнетике.– Тогда нам и впрямь лучше поторопиться.

– Приятно слышать! Давай спускайся скорей.– И маркиз исчез за дверью, а девушка, с наслаждением потянувшись, нехотя спрыгнула с мягкой постели.

Когда одетая и готовая к отправке Глаша спустилась на кухню, то попала на самую кульминацию представления под условным названием «Гастрономические страсти». Заботливая Лаурита пыталась втиснуть в раздутую волшебную суму еще один каравай хлеба и головку сыра, а Оливье упорно сопротивлялся, тянул сумку на себя и заявлял, что тех пяти караваев и трех сырных голов, которые бывшая кормилица уже положила в дорожную сумку, будет вполне достаточно. На что Лаурита горячо возражала, что этот хлеб испечен из другого теста и содержит иные полезные ингредиенты, в частности проясняющие ум и повышающие сообразительность, в то время как те хлебцы лишь повышают выносливость и силу, а четвертый сыр совсем другого сорта, нежели предыдущие три.

– А он тоже обладает какими-нибудь полезными свойствами? – поинтересовалась Глаша, скорее чтобы разрядить обстановку, нежели из любопытства.

– Конечно! – чуть ли не со слезами на глазах воскликнула волшебница.– Это один из моих лучших товаров! Я добавляю в него частичку бодрящего зелья, и он улучшает настроение и придает сил.

– Я его возьму,– сообщила девушка, отбирая сыр у повеселевшей Лауриты.– Оливье, ты изверг! Мало того что поднял спозаранку, так еще и этого чудесного сыра, улучшающего настроение, меня задумал лишить. Может, хотя бы он примирит меня с необходимостью трястись в седле трое суток.

Оливье обреченно вздохнул и проворчал:

– Потщишь его сама.

– Да уж тебе не дам, не надейся,– весело огрызнулась она, намазывая маслом булочку и отпивая ароматный цветочный чай, заваренный Лауритой.

– Я и не возьму,– рассерженно заявил маркиз, крепко завязывая сумку и выходя за дверь.

Таким образом конфликт был улажен, мир восстановлен и, когда путники покидали гостеприимный дом, добродушная Лаурита крепко обняла Глашу и назвала ее дочкой.

* * *

– Плохо, что Арина рыбалкой не увлекается,– вздыхала Лариса на утро.

– А то что бы,– иронически поинтересовалась Настя, с энтузиазмом наворачивая обезжиренный йогурт,– ты бы ей улов из золотых рыбок обеспечила?

– Да хоть из бриллиантовых щучек, лишь бы помогло!– безнадежно сказала Лара и, не удержавшись, добавила: – Как ты можешь есть эту гадость?

– Очень даже вкусно,– пожала плечами Настя и воскликнула: – А что, щука – это идея! Волшебница недоверчиво уставилась на подругу:

– Издеваешься?

– Ничуть! Каждые выходные Арина ходит на продуктовый рынок и частенько берет там свежую рыбу! – сообщила Настасья.

– И что с того?

– Щуки там тоже есть! – торжествующе провозгласила Настя.

– Предлагаешь воспользоваться антифризом и оживить одну из них? – уныло осведомилась Лара.

– Балда,– ласково пропела любовная фея,– рыба там плещется в больших тазиках.

– Так она живая?

– Конечно, живая! Тебе только и надо, что последовать за Ариной, когда она пойдет на рынок, воспользоваться заклинанием для отвода глаз, чтобы она тебя не заметила, и заклинанием мысленной трансляции, чтобы щучьих слов никто, кроме Нарышкиной не слышал. Убедишь ее купить щучку, пусть притащит домой, выпустит в ванну, а там поговоришь с ней по душам и исполнишь ее желания.

– А заклинания укрощения щук в твоём арсенале не завалялось? – скептически уточнила Лариса.

– Это еще зачем? – удивленно моргнула Настасья.

– А если якобы волшебная щучка ей полруки оттяпает в процессе общения?

– Да, проблема,– призадумалась подруга.– Вот была бы здесь Ксюня, она бы ей мигом пострадавшие полруки обратно притяпала.

– Но поскольку Ксюши нет, то рисковать не станем,– поспешно вставила Лариса, которой страшно не хотелось плестись за Ариной на рынок, одновременно удерживать два не самых простых заклинания и изображать сказочную щучку, каким-то чудом втиснувшись вместе с Нарышкиной в крошечную ванную комнату.

– Слушай! – озарило неугомонную Настасью.– Помнишь, был такой фильм «Настя», как девушка помогла старушке, а старушка оказалась волшебницей и исполнила ее желание стать красавицей?

– Не напоминай мне про старушек,– мученически простонала Лариса.– Никак не забуду Гасаныхев радикулит и гипертонию крестной феи.

– Терпи, Ларчик,– сочувствующе произнесла подруга.– Похоже, это единственный не вызывающий подозрений вариант. Тем более что кассету с этим фильмом я у Нарышкиной среди сказок видела. Да и внешне они с героиней чем-то похожи – обе такие же невзрачные тетехи. Наверняка она себя с ней ассоциирует и в душе надеется на встречу с волшебницей.

– Тебе напомнить, почему старушка исполнила желание твоей тезки? – возразила Лариса.– Думаешь, наша Арина так и ринется на помощь неизвестной бабусе?

– А кто не так давно говорил, что мы недооцениваем Огрызкину и на самом деле она просто клад добродетелей?– насмешливо прищурилась Настя.

– Что-то я уже в этом сомневаюсь,– хмуро призналась Лариса.

Настя только ухмыльнулась, мол, что я говорила, а вслух сказала:

– Арина очень привязана к Степаниде, возможно, она не откажется помочь беспомощной старушке, которая напомнит ей бабушку.

– Мне что, теперь искать родственниц Степаниды? – безо всякого энтузиазма поинтересовалась Лариса.

– Зачем? – удивилась Настя.

– Чтобы изобразить фамильное сходство.

– Достаточно будет возраста с поведением,– убежденно заявила подруга.– Ну и, чтоб наверняка, добудем тебе какую-нибудь похожую деталь, такой же платок, как у бабули, или авоську.

– Ты думаешь, Арина это оценит? – недоверчиво спросила Лара.

– Не оценит сознательно, так заметит подсознательно,– оптимистично заявила Настасья.

– Где ж мы такую рухлядь найдем? – продолжила сомневаться исполнительница роли беспомощной бабули.

– Воспользуемся копиркой,– махнула рукой Настя.

Копирка была иллюзорным заклинанием, которая на основе похожей вещи позволяла создать видимость желаемого предмета на срок до десяти часов. Студентки школы обожали пользоваться копиркой для создания роскошных драгоценностей на основе бижутерии и улучшения вида одежды, которая после применения заклинания превращалась в изысканные туалеты светских львиц. Но на этот раз заклинание собирались использовать для прямо

противоположного эффекта...

В тот вечер, когда Глаша с Оливье подъезжали к финальному пункту своего путешествия, перед зеркалом в комнате Насти, критически оглядывая себя со всех сторон, вертелась юркая старушонка. Образ ее Лариса позаимствовала у школьной уборщицы. Одежду, доставшуюся волшебнице вместе с воспоминанием о прообразе, дополняли «обновки»: стильный летний френч Насти, который она пожертвовала ради благого дела, превратился в поношенный старушечий плащ а-ля Степанида Ильинична, модная пляжная сумка – в протертую тряпичную сумку времен коммунизма.

– Бабулька получилась – что надо, – восхищенно оценила Настасья, по такому случаю вернувшаяся пораньше с работы.

– Думаешь? – скрипучим голосом кокетливо поинтересовалась пенсионерка. – По-моему, я выгляжу недостаточно старо...

И, подхватив с тумбочки баночку с магическим гримом, зачерпнула оттуда пригоршню тягучей коричневой мази и щедро растерла по щекам и лбу. Мазь высохла на морщинистом лице пигментными пятнами – и старуха удовлетворенно улыбнулась.

– Вот теперь то, что надо! Осталось только придумать правдивую легенду о несчастной бабульке – и вперед. Скорей бы уж осчастливить эту Нарышкину по полной программе, а то уже сил моих нет!

– Рано сдаешься, – поддела ее Настя, – я с Нарышкиной три недели возилась, в одной квартире с сумасшедшей бабкой жила, такие притеснения терпела, а ты вон только маскарадами развлекаешься.

– Знала бы ты, как непросто даются эти маскарады, – прокряхтела старушка.

– То что бы? – любопытствовала Настя.

– То сливок мне бы побольше в чай доливала – за вредность! – объявила та.

– Ах, я тебе еще и сливок недоливаю, неблагодарная! – шутливо вскричала любовная фея, замахиваясь на подругу диванной подушечкой.

– Не бей бабульку! – жалобно прогундосила та и, довольная собой, еще разок крутанулась перед зеркалом. – Пожалуй, мне станет плохо... с сердцем, я упаду прямо в ноги Арине, которая будет идти навстречу, и у той не останется иного выхода...

– Как сделать тебе дыхание рот в рот, призвав на помощь проходящего мимо дедульку? – ухмыльнулась Настя.

– Брр! – Ларису аж передернуло от такой перспективы. – Надо будет выбрать какой-нибудь безлюдный переулок, безо всяких гуляющих дедулек, владеющих техниками искусственного дыхания.

– Что ж, желаю удачи. – Настя щелкнула пальцами и сопроводила пожелание простым заклинанием успеха.

– Спасибо, – с чувством поблагодарила волшебница. – Она мне понадобится. Ох!

– Что такое? – обеспокоенно кинулась к ней подруга.

– Сердечко у нашей уборщицы пошаливает, вот что, – со стоном произнесла та.

– Ты уж там поосторожней давай... А к уборщице Ксюню отправим, как она появится, – пусть полечит, хорошая же она бабулька.

– Хорошая, – кивнула Лара. – Ну я потопала.

И сгорбленная старушонка в потертом клетчатом пальто вышла из квартиры и поковыляла по лестнице.

А Настасья, заперев замки, прошла в комнату, вытащила из письменного стола фотографию светловолосой девушки с белесыми бровями и прошептала над ней еще одно заклинание, которое должно было усыпить подозрительность трудного объекта и помочь ее подруге.

Арина Нарышкина шла домой в прекрасном расположении духа. Такое случалось с ней нечасто, и тем более удивительно, что никаких серьезных причин на то не было. Арину не

повысили в должности, не дали прибавки, не вручили премию. Она не выиграла в лотерею, не сорвала джек-пот в казино (впрочем, это как раз и неудивительно – все лотереи Арина считала надувательством простаков, а казино – притонами по изыманию денег у лиц, заработавших их нечестным трудом, если в этом случае вообще уместно упоминание слова «труд»), не нашла чемодан денег на улице (что тоже неудивительно – она бы никогда не открыла подозрительного вида чемодан, непременно заподозрив в нем наличие бомбы). Мифические олигархи к ней в очередь на свидание не выстраивались, а прекрасный принц на «мерседесе» не появлялся с тех пор, как набил и увез полный салон пенсионерок и оставил ее мокнуть на остановке. Ее не пригласили на ужин Дмитрий Певцов, Андрей Соколов, Иван Ургант или Валерий Меладзе. Федор Бондарчук и Филипп Янковский не предложили ей главную роль в своем новом фильме. Словом, не произошло ничего выдающегося и ничего счастливого. Напротив, неуклюжая пенсионерка в метро проехала по ее ноге тележкой, злобная тетка, когда Арина на мгновение замешкалась в дверях, обозвала ее сонной коровой, а нужный автобус ушел прямо из-под носа. На удивление, эти досадные происшествия вызвали у нее только приступ смеха: в первом случае она попеняла себе на свою неловкость, во втором искренне пожалела злую на весь мир тетку, а в третьем углядела знак и решила пройти до дома пешком. Тем более что погода была прекрасная, а идти всего-ничего – пару кварталов.

Подходя к темной и пустынной арке рядом с домом и мурлыча себе под нос «Never Let You Go», Арина привычно нащупала в кармане ветровки баллончик с газом и шагнула под своды перехода. В то же мгновение из-за угла вывернула и нырнула в арку тощая фигурка. Девушка тут же напряглась, крепче сжала баллончик и песенку оборвала, но тревога оказалась ложной. Ей навстречу двигалась сухонькая старушка в клетчатом пальто, которую из-за этого знакомого наряда Арина даже на секунду приняла за бабушку Степу. Но Степанида была выше, коренастее и уверенно держалась на ногах, в то время как неизвестную старушку качало ветром. Арину отделяло от нее меньше двух шагов, когда бабулька пошатнулась, всплеснула руками с авоськой, стараясь удержаться от неминуемого падения, и рухнула в ноги девушке.

В тот самый миг, когда Арина Нарышкина наклонилась к упавшей старушке, появившийся откуда ни возьмись паренек в спортивном костюме вырвал из рук сотрудницы «Макдоналдса» сумку и так же стремительно скрылся за углом.

– Ограбили! – испуганно заверещала старушка, пока растерянная Арина таращилась вслед воришке. Тот умчался с такой скоростью, что у Ларисы возникло подозрение, что без магического ускорения тут не обошлось.

– Ты! – Нарышкина перевела взбешенный взгляд на жалкую старушонку, которая по-прежнему сидела на земле, и, больно вцепившись в локоть, рывком подняла ее с земли. Благодушное настроение мигом испарилось.

– Прости, внученька, – виновато зачастила та, – отвлекла тебя, остановила...

– Вот именно! – процедила Арина, продолжая мертвой хваткой держать бабульку за локоть. – Отвлекла! В таком возрасте – и сообщницей промышляешь!

– Да ты что, доченька, – обомлела старушка.

– Я тебе не доченька и не внученька, а ну вызывай своего подельника, пусть сумку возвращает, а то в милицию тебя сдам! – пригрозила Арина.

– Да что ты, милая, я понимаю, ты сейчас не в себе, беда-то какая, – заверещала старуха, – но я ведь тут ни при чем. Ой-ой, больно! Пусти бабушку!

– Я не шучу! – рывкнула Арина.

– Ох, горе мне! С ума сошла девка!

– Ах, так! Ну смотри у меня, считаю до трех. Раз...

– Дитятко, опомнись!

– Два...

– Не виноватая я!

– Два с половиной...

– Вот ты как! Ну хорошо. Давай-давай, вызывай свою милицию, сдавай бедную бабушку...

– Три, – отсчитала Арина и сделала то, чего Лариса от нее никак не ожидала, ибо в следующее же мгновение закашлялась от резкого запаха и залилась слезами. – Вот так, – сказала Нарышкина и убрала газовый баллончик, который всегда носила в кармане ветровки для защиты от хулиганов, воров, грабителей, насильников и прочих криминальных личностей. Она бы никогда не подумала, что придется воспользоваться им против беспомощной бабульки, но бабулька, состоящая в преступном синдикате по вырыванию сумок из рук незащищенных девушек, приравнивалась к исполнителям сего действия и лишалась права на снисхождение. Пособницу преступников следовало доставить в милицию и допросить с пристрастием. Впрочем, этим уже будет заниматься не Арина, а специально обученные лица...

Отскочив в сторонку от едкого дыма, она нащупала в другом кармане сотовый телефон и собралась уже вызывать «02», как ее внимание привлекли странные метаморфозы с лицом и телом старушки. Пока та ругалась, плевалась, чихала и терла руками обожженные глаза, темный старушечий плащ, такой же, как и у Степаниды, побелел, покрылся синими ромашками и превратился в модный френч, точь-в-точь, как у кокетки Верочки из первого подъезда. Затертая хозяйственная сумка, которую преступная бабулька держала в руках, чудесным образом преобразилась в яркую пляжную сумку с изображением шоколадной красавицы тропиканки. Со старушечьих рук исчезли морщинки и пигментные пятна, кожа стала нежной и белой, а на кончиках пальцев прорезались крашенные в розовый цвет ноготки. Пропал деревенский платок, и на плечи упали темные волнистые локоны. Бывшая старушка испуганно втянула голову в плечи, отняла руки от изменившегося лица, потрясенно взглянула на помолодевшие ладошки и перевела покрасневшие карие глаза на не менее ошеломленную Арину.

– Ты, – глухо сказала Нарышкина, во все глаза глядя на хозяйку потерянного паспорта.

– Я, – растерянно признала та и с досадой добавила: – это все газ и больные ноги уборщицы... Вот черт! Что же теперь делать? – произнесла она, обращаясь к себе самой.

– Только не вздумай колдовать! – предупредила Арина, вскидывая руку с баллончиком. Кто бы мог подумать, что простой газ так хорошо и от злых волшебников защищает?

– Нет-нет, ты только меня не бойся! – испуганно воскликнула ведьма. – Я тебе ничего не сделаю, я, наоборот, тебе только добра желаю.

– Так хорошо желаешь, что я своего собственного добра лишилась, – возмущенно заявила Арина.

– Ах, это! Извини. – Девушка обернулась в ту сторону, куда скрылся грабитель, что-то сосредоточенно забормотала себе под нос, и вскоре из-за угла вынырнула... спина воришки, который задом наперед мчался к ним. Казалось, ведьма прокручивает временные события назад. Паренек поравнялся с ними и застыл на месте, словно в видеомониторе включили паузу.

– Держи. – Девушка выдернула сумку из рук замершего грабителя и передала ее Арине. Мальчишка сразу отмер, безумными глазами взглянул на ведьму, потом на потерпевшую и с воплями умчался туда, откуда минуту назад появился.

– Так ты не с ним заодно? – с некоторым разочарованием спросила Арина.

– Конечно нет! – с досадой воскликнула ведьма. – Как тебе вообще такое в голову могло взбрести?

– Ну знаешь! – фыркнула Нарышкина. – Было куда проще предположить, что вы соучастники, чем представить себе, что ты и беспомощная старушка – одно лицо. Кстати, настоящая ты какая – молодая или старая? – пылливо поинтересовалась она.

– Такая, какая сейчас. Старушка была иллюзией, которую развеял газ, – пояснила странная девица.

– Постой-ка, постой-ка, – осенило Арину. – А до этого была крестная фея с твоим паспортом в сумочке, а потом этот джинн, наверное, твой сообщник... У вас что же – банда

волшебников-мошенников?

– Нет, какая там банда,– возразила ведьма и сконфуженно призналась: – Это все я одна.

– Джинном тоже была ты? – поразилась Арина.

Девушка лишь смущенно кивнула.

– Ну сильна... А от меня-то тебе чего надо? Я являюсь владелицей какого-нибудь магического амулета, который тебе позарез нужен, или будущей наследницей Рокфеллера, а ты, убрав меня, собираешься занять мое место? Ведь смена внешности, как я погляжу, для тебя – не проблема.

– Поверь, у меня и в мыслях не было причинить тебе зло. У меня совсем другое задание,– заверила темноволосая девчонка. – Но это долгая история. И это разговор не для улицы.

– Намечаешь на то, чтобы я пригласила тебя на чашечку чая? – язвительно спросила Арина.

– Это было бы замечательно,– просто ответила ведьма, упорно притворяющаяся доброй волшебницей.

– А потом я очнусь от гипноза и окажется, что из квартиры вынесли все, даже табуретку, на которой я сидела?– подозрительно прищурилась Нарышкина.

– Арина-Арина,– покачала головой девушка и укоризненно взглянула на нее,– надо же хотя бы иногда верить людям.

– А ты разве человек? – уточнила та на всякий случай. А то вдруг самый что ни на есть эльф или, упаси господи, вампир какой? Ха, так она и призналась!

– Ну не гoblin же! – удивленно воскликнула потенциальная вампирша. – Если хочешь знать, я выпускница Высшей школы магии, дипломированная волшебница. Зовут меня Лариса Вольская... Да ты же видела мой паспорт!

– И что с того? Может, у тебя таких паспортов семь штук! – сердито сказала Арина.

– Почему семь? – изумленно спросила Лариса.

– По одному на каждый день недели,– пояснила Арина.

– Арина, тебе бы криминальные романы писать,– улыбнулась подозрительная девушка.

– А я и пишу,– неосмотрительно ляпнула та и тут же осеклась.

– Да ты что? Дашь почитать? – загорелись глаза у ведьмы.

– Только чур без моего ведома не колдовать! – выдвинула условие Арина.

– Конечно-конечно,– поспешно согласилась Лариса. Быть может, даже слишком поспешно.

– Ладно уж, пойдем чай пить,– проворчала польщенная Арина, приняв озорной блеск в глазах новой знакомой за живое внимание к ее творчеству. – Говоришь, помогать мне должна? Может,строишь их в какое издательство. Вот бабулька за меня порадует!

Арина потом сама удивлялась, как все-таки она, такая осторожная и осмотрительная, решилась пригласить домой эту подозрительную девушку с колдовскими способностями, ведь не то что ограбить могла, в лягушку бы запросто превратила – с нее стало бы! Но факт был фактом – не прошло и получаса, как они уже сидели на кухне у нее дома и болтали по душам как лучшие подружки.

* * *

– Ну и тоска,– ныла Глаша, проезжая мимо редкой белоствольной рощицы, глядя на далекие горы и рассеянно поглаживая по переплету разомлевшую жеку. Нет, ну в каком это романе герои шляются три дня черт-те где – и с ними ничего, абсолютно ничего не происходит? «Фиговая из тебя героиня»,– радостно сообщил внутренний голос. «А из тебя – советчик!» – не осталась в долгу та.

– Хоть бы гарпия какая объявилась,– тоскливо протянула она, и книга тут же выпрыгнула из ее рук, шлепнулась на хребет коня и вытаращила свои кошачьи глазщи.

– Гарпия? Где гарпия? Зачем гарпия? – залепетала она, вцепившись звериными лапками

в седло.

– Да чего ты так переполошилась? – удивилась Глаша. – Нету никакой гарпии. И мантикоры. И грифа. И единорогов. И троллей с вивернами тоже нет. Хотя ты же сама мне говорила, что они у вас тут на каждом шагу встречаются.

– Вот только троллей с вивернами нам и не хватало! – закатила глаза жека.

– Скучно, – зевнула Гликерия. – Мало того что дриада так надула – и с амулетом, и с кольцом, так еще и ты туда же.

– Называешь меня врунью? – возмутилась книга.

– Врунья ты и есть. Я тут уже больше недели кукую, и хоть бы одна недоразвитая виверна на глаза попалась.

– Да я тут, понимаешь, стараюсь, каждое утро заклинание обновляю, чтобы всякая пакость нас стороной обходила, а ты на меня бочку катишь? – обиженно захлопала ресницами книженция.

– Так вот в чем дело, – поразилась Глаша. – Вот почему нас нечисть стороной обходит!

– А ты думала? – оскорбленно зыркнула на нее жека. – Разве вы с Оливье против нечисти охотники? Да если б не мои старания, ваше путешествие завершилось бы уже на второй день, и весьма плачевно. Вот только от гарпий я вас тогда не сберегла – они твари летучие, а мое заклинание только на земных рассчитано. Но я уж потом отыскала дополнительное заклятие и нашептала. Вот и перепугалась, когда ты про гарпию сказала, что перепутала что-то и оно не сработало. Ведь чудом тогда спаслись. Хорошо, сумасшедшая Люсинда вовремя на помощь явилась.

– Тетушка Гламурия, – поправила ее девушка.

– Ну и имечко, – скривилась жека. – Расскажи мне лучше, чем закончился поход Фродо и его товарищей...

Гликерия охотно начала рассказ: раз уж встреч с нечистью, стараниями умной книжки, не предвидится, хоть так дорогу скрасить. Когда на закате дня впереди показалось подножие гор с прилепившейся внизу деревенькой, Глаша на радостях чуть не сплясала сальсу на крупе Слона. Слон тоже был счастлив, когда его вместе с кобылой Оливье определили на деревенскую конюшню, а сами путники отправились искать ночлег, благоразумно решив в горы на ночь глядя не соваться, а лучше порасспрашивать местное население о быте и нраве огнедышащих соседей.

Деревенька с интригующим названием Лысая Балда оказалась наполовину безлюдной. Многие дома пустовали, брошенные своими хозяевами, их окна были заколочены досками, а за заборами виднелись зарастающие грядки с зеленью, словно люди сорвались из дома неожиданно, побросав все хозяйство. Первый же с пристрастием допрошенный чумазый мальчонка охотно сообщил, что драконы посходили с ума, сперва стали нападать на людей у озера, которое находится у подножия горы в стороне от деревни, а теперь и к самой деревне подбираться начали и людей утаскивать.

– И давно это случилось? – озадаченно поинтересовался Оливье.

– Да вот уже с весны. Хотя, может, и с осени, – почесал затылок мальчишка. – Рыбаки-то еще осенью пропадать стали. Потом на зиму все прекратилось, мы вздохнули спокойно, списали все на несчастный случай. А весной люди опять исчезать начали, тогда и дракона первый раз увидели, когда он Дина-мельника сцапал да под воду утащил.

– Под воду утащил? – нахмурился маркиз.

– Утащил, мой папаня сам видел, – доверительно сообщил паренек. – И мне потом рассказывал: большой серый дракон с длинной-длинной шеей и длинным хвостом из озера выпрыгнул и Дина сцапал! С тех пор эти гады и стали людей таскать, вон в деревне меньше половины народу осталось. Кто драконам на корм пошел, кто сам сбежал отсюда подальше.

– А вы чего же остались? – спросила Глаша.

– А мы-то чего, – задиристо глянул на нее мальчуган, – нам податься некуда, бабушка с дедушкой здесь всю жизнь прожили и родители мои. Да и не из боязливых мы! Главное ведь по ночам из дома не выходить, а днем не страшно. Днем на озере даже рыбаки продолжают

рыбачить. А если какой гад с гор задумает спуститься, так мы мигом по домам забиваемся, а мужики его бутылками с огненным зельем закидывают.

– За что? – поразились девушка.

– Известно, за что! За то, что людоед!

– И давно драконы людоедами стали? – подивился маркиз.

– Так как эта тварь в озере поселилась, так и стали, – заявил мальчонка. – До этого-то мы думали, они нормальные. Мы им коровок выращивали, а они нам платили хорошо за каждую, наша деревня поэтому не бедствовала никогда. Нечисти и дохляков ходячих у нас в жизни не водилось – все драконов боялись, как огня, так что жили мы не тужили, пока змеи эти зубастые не взбесились и людей в озеро таскать не стали.

– А с твоим папой можно поговорить? – задал вопрос Оливье.

– Отчего же нельзя, можно! – Паренек расценил его заинтересованность на свой лад. – У нас как раз комната есть свободная: чистая, просторная. И папаня недорого возьмет, не то что Рузанка. – Он неодобрительно кивнул головой на показавшуюся в конце улочки простоволосую бабу, которая со всех ног спешила к ним и размахивала руками. – Вон, видите, как заывает? А у ней в избе мыши, и обдерет вас, как липку, три цены стрясет.

– Тогда води скорей к отцу, – улыбнулся маркиз, потрепав мальчишку по плечу. Тот с радостным воплем понесся вдоль оградки, все время оглядываясь на неожиданных клиентов – не отстали ли. Вслед им донесся раздосадованный рев Рузанки.

* * *

– Ну рассказывай, – велела Нарышкина, разливая чай по чашкам, и утвердительно сказала: – Значит, джинном была ты...

– Ага, – призналась Лариса. – И не только. Когда к вам в кафе целый день звезды шастали – это тоже была я.

Арина потрясенно воззрилась на свою гостью:

– А зачем?

– Подружиться с тобой хотела, – призналась та.

– Ну и дура, – миролюбиво сказала Арина. – Сама представь, что бы ты подумала, если бы с тобой стал флиртовать какой-нибудь знаменитый мачо, от которого все девчонки млеют. Подстава?

– Подстава, – согласилась Лариса.

– Хотя с твоей-то эффектной внешностью это было бы не так удивительно, – заметила Арина. – Но кто я – и кто звезды! Я так и оглядывалась в поисках скрытой камеры и ждала возгласа: «Это была программа „Розыгрыш“! А теперь представь, что ты возвращаешься домой, а там сидит неизвестная старушка, которая выдает себя за крестную фею из сказки! Бред?

– Бред, – признала исполняющая обязанности феи.

– А Хоттабыч этот? – фыркнула подопечная. – Я его как увидела, не знала, куда и звонить. То ли в цирк, то ли в милицию, то ли в сумасшедший дом!

– Но разве ты в него хоть чуть-чуть не поверила? – обиженно спросила волшебница.

– Разве что капельку, – схитрила Арина, но, заметив, какой огорченный вид у ее гостыи, поправилась: – Если честно, я почти купилась. Очень правдоподобный получился джинн. Особенно когда он, то есть ты, банкноты с моими портретами наколдowała, у меня почти никаких сомнений не осталось в том, что джинн из сказки сбежал.

– Можно сказать, я и в самом деле сбежала, – невесело усмехнулась Лариса, но в подробности углубляться не стала.

И вот теперь приходится расплачиваться за этот своевольный побег возней с трудной девицей Нарышкиной. Хотя не такая уж она и вредная, если приглядеться. А ее подозрительность и угрюмость – лишь защитная маска, в чем Лара убедилась, выслушав ее рассказ о себе и соотнеся его с ее мыслями, лежащими на поверхности. Как ни странно,

Арина доверилась новой знакомой и расслабилась в ее обществе настолько, что волшебница даже смогла услышать то, что не было сказано вслух, и поняла причины перемены отношения девушки к ней. Во-первых, Лариса проявила искренний интерес к ее романам. Во-вторых, Арина верила в сказки, а Лара была настоящей волшебницей и продемонстрировала ей пару чудес. В-третьих, Лариса уже была ей знакома: и по паспорту, и по предыдущим ролям. А в-четвертых, Арина была очень одинока, и именно в тот вечер ее броня непреступности дала слабину...

Словом, Нарышкина сбросила свою маску вредины и буки и разговорилась. Волшебница выяснила, что подозрительность подопечной исходит от чрезмерного увлечения бабы Степы криминальной хроникой, которой та с детства запугивала внуку, а ее замкнутость – от разочарования в людях и предательства близких. Арина повторила судьбу киношной Людмилы Прокофьевны. Как и «мымру» начальницу из «Служебного романа», ее тоже обманула лучшая подруга, соблазнив ее молодого человека и разбив первую и самую сильную Аринину любовь. После чего потрясенная девушка замкнулась в себе, порвала связь со всеми приятельницами и решила больше никогда и никого не подпускать к себе так близко, особенно мужчин. Чтобы коллеги и незнакомцы на улице и в транспорте не досаждали ей с предложениями познакомиться, она старалась одеваться скромно и неприметно и держаться неприветливо. Для особо настойчивых Арина придумала легенду про олигарха и разыгрывала перед ними алчную, жадную и глупую девицу, лишь бы ее оставили в покое.

Что же касается ее подозрительности, леденящие кровь рассказы Степаниды о преступлениях не могли оставить равнодушной впечатлительную Арину. Дело усугублялось и тем, что однажды, в день зарплаты, у девушки украли кошелек. Она не успела дойти даже до метро, как кто-то оглушил ее по голове. Очнувшись бедняга с шишкой на макушке и пустой сумочкой. Сомнений в том, что ограбили ее свои же, у Арины не было. Через неделю она уволилась из офиса, где работала менеджером, – не смогла смотреть в глаза сослуживцам, подозревая в каждом из них вора, – и устроилась в «Макдоналдс». Ей были очень нужны деньги, Степанида в тот момент разболелась и нуждалась в дорогих лекарствах. Арине пришлось бросить юридический институт и трудиться в две смены, чтобы обеспечить бабушке необходимый уход.

Ничего удивительного в том, что девушка, работавшая не покладая рук, постоянно ожидавшая подвоха и предательства от окружающих, добровольно осудившая себя на одиночество и отсутствие личной жизни, проводившая все свободное время в сочинении детективных сюжетов и в разговорах с мнительной бабушкой, поклонницей «Дорожного патруля» и «Чрезвычайного происшествия», постоянно беспокоящейся о безопасности единственной внучки, пребывала в постоянной депрессии, была сердита на весь мир и искала утешения в своих фантазиях. В один из таких моментов случай и столкнул ее с директором школы магии. Пока тот с неприятным изумлением читал ее мысли, Арина, расценив его внимательный взгляд как попытку флирта, широко улыбалась этому благополучному, отлично одетому и лоснящемуся от хорошей жизни мужчине, и раздраженно пререкалась с ним в подсознании, придумывая, в какую бы опасную переделку его отправить в своем новом романе... Увы, директор этого не знал и принял все ее фантазии за чистую монету. Быть может, оно и к лучшему, иначе бы Арина и Лариса никогда бы не встретились. Сейчас же они сидели на уютной кухне, пили чай с бергамотом и болтали по душам. Арина как раз добралась до своего увлечения детективами, и волшебница внимательно слушала ее, машинально считывая лежащие на поверхности мысли рассказчицы.

Сожалений по поводу незаконченного образования ее подопечная не испытывала – к тонкостям юриспруденции она охладела еще в начале первого курса. Куда интересней ей было наблюдать за людьми. Она внимательно изучала покупателей, коллег и попутчиков в транспорте, стараясь понять их характер, угадать, как ведет себя человек в той или иной ситуации, придумывая им окружение, жизнь и в своем воображении отправляя их в головокружительные приключения и сталкивая с непростыми испытаниями с криминальной

окраской (сказывалось увлечение Степаниды «Дорожным патрулем» и ее страсть к детективам, которую она привила внучке). Самые яркие из своих фантазий Арина записывала на бумагу. Обычно это были захватывающие дух погони, в которых честных девушек, щедро наделенных чертами самой Арины, преследовали неотразимые мерзавцы, с лицом предателя Артема, ее первой любви. Погони перемежались с хитроумными преступлениями, которые совершали все те же неотразимые красавцы – в одиночку или в компании с подлыми легкомысленными девицами, похожими на разлучницу Любашу. Преступления непременно разворачивались вокруг честных девушек, и распутывали их благородные следователи с лицом Бена Эффлека, Джуда Лоу, Леонардо Ди Каприо, Сергея Безрукова и так далее, в зависимости от настроения автора. Постепенно фантазии обрастали подробностями, соединялись вместе, выстраивались в сюжет, дополнялись завязкой, кульминацией и развязкой. Как правило, в финале все действующие лица получали по заслугам. Подлая сообщница обычно погибала страшной смертью. Неотразимый преступник, припертый к стенке доблестным следователем, раскаивался и отправлялся под суд. А сам следователь робко запечатлевал горячий поцелуй на губах честной девушки – к радости Степаниды Ильиничны, с умилением читающей все творения своей одаренной внучки. Со временем ее романы избавились от былой наивности и схематичности, и Арина стала подумывать о том, чтобы показать их издателям.

Таких рукописей у нее набралось уже шесть штук, и половину из них она с волнением вручила Ларисе, вероятно ожидая, что в тот же миг, когда тетради с ее историями коснутся рук волшебницы, они самым чудесным образом превратятся в печатные книги с огромным тиражом, который незамедлительно распространится по всем книжным магазинам страны.

– Я посмотрю, что смогу сделать, – пообещала Лариса, наугад раскрыв верхнюю тетрадь и с сомнением покосившись на Ариныны каракули. «Для начала хорошо бы превратить их в печатный текст, – подумала она. – Надо будет узнать у Насти, не придумали ли еще такого полезного заклинания».

Девушка с надеждой улыбнулась, и Лара спросила:

– Я бы хотела сделать для тебя что-нибудь полезное.

– Почитай мои книги и скажи честно, что ты о них думаешь.

– Конечно, прочитаю. Я имею в виду что-то другое. Я могла бы помочь тебе наладить личную жизнь, точнее не я, а моя подруга Настя, она в этой области спец, и привлекательности тебе прибавит, и идеального спутника подберет.

– А она может поручиться, что он меня не обманет? – нахмурилась подопечная.

– Боюсь, гарантий в этом вопросе быть не может, – развела руками волшебница. – Но она найдет мужчину, который близок тебе по характеру и с которым не будет ссор – это уже немало. Нельзя же всю жизнь бежать от любви и ее бояться!

– Я подумаю, – нехотя пообещала Арина.

– Тут и думать нечего!

– Просто меня сейчас больше волнует здоровье бабы Степы, – поведала Нарышкина. – Вот бы ее от всех недугов исцелить. – Она с надеждой покосилась на Ларису.

– Лечить я не умею. Владею только элементарной лечебной магией, – призналась та. – Но есть у меня одна подруга – она твою бабулю мигом на ноги поставит.

– Да на ногах она и сама стоит, – заметила Арина. – Ей бы сердце подправить да язву желудка убрать...

– Сделаем, – заверила Лара. – Не объявится Ксюша, выпишем для твоей бабушки лучших целителей из нашей коллегии.

– Хорошо бы! – просияла Арина.

– Но я бы все-таки хотела сделать что-то для тебя, – сказала Лариса. – Что-то, что изменит твою жизнь и сделает ее лучше. Представь, что я твоя крестная фея и могу исполнить любое твоё желание.

– Кажется, у меня есть одно желание, – лукаво прищурилась Арина, и Лара с удивлением отметила, что, когда ее подопечная не хмурит лоб и не сканирует всех

подозрительным взором, она даже кажется хорошенькой. «Надеюсь, что это желание осуществимо,— подумала волшебница,— и она не потребует счет в швейцарском банке, виллу на Канарах, Брэда Питта в качестве мужа и исполнителя главной роли в экранизации ее нетленок, и Пола Верховена в качестве режиссера».

— Будешь моей подружкой? — робяя, попросила Нарышкина.

* * *

Разговор с Колином, отцом пацаненка, особых сенсаций не принес. Добродушный рыбак подтвердил слова сынишки: драконы всегда считались хранителями этих мест, жители Лысой Балды их побаивались, но уважали. Слава «драконьей» деревушки отваживала от их мест всякую нечисть, а стоило появиться в округе какому неразумному дикому волку или упырю, как местные мигом докладывали об этом своим огнедышащим покровителям, отсылая в дар пару хорошо откормленных буренок, и горынычи избавляли деревню от напасти. В остальное время драконы жили в горах, в дела жителей не вмешивались, а что каждые полчаса в небе над огородами взлетал или шел на посадку очередной дракон, так к этому местные уже давно привыкли: замечать замечали и всегда провожали чешуйчатого красавца взглядом, стараясь рассмотреть узоры на хвосте и на крыльях, но бояться не боялись никогда. По давней традиции, раз в неделю пастух отводил к подножию горы пару коровок, привязывал их в условленном месте и забирал щедрое вознаграждение — ларчик с золотом и самоцветами. Драгоценности стоили куда больше самих буренок, и на один такой гонорар целый год могла безбедно существовать крестьянская семья из семи человек. Поэтому все поголовно в деревне занимались разведением коров, и между жителями существовал особый график, в котором указывалось, кому, когда и в какой очередности вести коров драконам.

Все изменилось, когда в конце осени, с перерывом в несколько дней, пропали сразу шесть человек — четыре рыбака и два подростка, отправившиеся по ягоды. Рыболовные снасти были брошены на берегу, корзины обнаружили неподалеку от озера, а люди словно испарились. Местные бросились за помощью к драконам, те покружили над лесом и озером, но ничего подозрительного не обнаружили. С приходом зимы жизнь потекла своим чередом, страсти вокруг пропавших односельчан поутихли, а весной, как только сошел лед, оно сразу дало о себе знать...

— Почему же вы решили, что в озере живет дракон? — спросил маркиз.

— А кто же? — простодушно удивился Колин. — Не медведь же и не выдра! Только дракон до таких размеров может вымахать.

— А с теми, что в горах живут, вы почему не поговорили? — перебил его Оливье.

— Так это же одна порода! Чего с ними, убивцами, говорить-то? Их бить надобно, пока все не сгинут! — убежденно заявил хозяин. — Мы уже и прошение королю написали, чтобы воинов прислали всех драконов истребить, а пока вот своими силами обороняемся. Колдун наш местный готовит водицу, которая, если ее в бутыль или банку залить, да как следует стукнуть, в огонь обращается. Так мы этими банками сразу этих чудовищ забрасываем, если они надумают к нам спуститься.

— А они? — спросила Глаша.

— А они, поджав хвост, улетают! — с гордостью сообщил Колин.

— И даже не пытаются вас в ответ огнем опалить? Странное дело,— протянул маркиз.

— Чего ж тут странного? Мы их врасплох застаем, вот они и бегут,— самодовольно сказал хозяин.

— И так десять раз подряд,— скептически заметила Глаша.

— Чего? — не понял Колин.

— Отряд, говорю, у вас какой бесстрашный подобрался,— невинно отозвалась та и задала мучающий ее вопрос: — А почему ваша деревня называется Лысая Балда?

— Так это первые поселенцы так драконов прозвали,— осклабилась в улыбке хозяин.

– Хм, уже не терпится на них посмотреть,– пробормотала себе под нос Глаша и обратилась к Оливье: – Пойдем, прогуляемся?

– В общем, все понятно,– резюмировала девушка, когда они вышли за забор и уселись на завалинке. Уже темнело, так что осмотр достопримечательностей, включая «гиблое» озеро, как его в последнее время прозвали жители, и драконью гору решили оставить на завтра. – Если в озере и живет дракон, в чем лично я глубоко сомневаюсь, то он совсем иной породы, нежели горные. Скорее всего, в озере завелась какая-то тварь вроде лох-несского чудовища, только в отличие от безобидной Несси, радостно позирующей пьяным туристам, это чудище добротой души не отличается и туристов воспринимает исключительно в качестве хавчика. Откуда свалилось это чудо-юдо, непонятно, но объявилось оно аккурат в конце осени, и весьма голодное. Драконы, вызванные на подмогу, его не обнаружили, потому что искали на земле, а не под водой. Вскоре после этого озеро покрылось льдом, чудище оказалось запертым на дне, и люди пропадать перестали. А весной, когда лед растаял, оголодавшее страшилище вновь начало охоту, да так активно, что его заметили свидетели и, то ли на пьяную голову, то ли со страха, приняли за дракона. Жители деревни ударились в панику: вокруг одни горынычи, и те теперь опасны! Срываться с насиженного места не хотелось, отправляться на корм плавуче-летучим гадам – тем более, и местные решили выждать время. От набегов летучих драконов обороняться, а озеро с наступлением темноты обходить стороной. Но люди продолжали пропадать. Стали ходить слухи, что чудище уже подстерегает своих жертв не только в озере, но и все ближе подбирается к деревне. А тут еще горные драконы стали проявлять повышенный интерес к происходящему на земле: конечно, коров-то им поставлять перестали! Горынычи оголодали и явились узнать, что к чему, а тут их встретил обстрел огненной водицей, которую весьма кстати изготовил местный колдун. Если бы драконы и впрямь взбесились, они бы мигом всю деревню сожгли, а жителей слопали. Но они-то летели с добрыми намерениями, а их тут в штыки! А им обострять ситуацию не надо, поэтому и убираются восвояси, не причинив нападающим ни малейшего вреда, в еще большей растерянности. Они делают еще несколько попыток поговорить с людьми, но те по-прежнему закидывают их огненными снарядами, да еще и клязузу королю пишут: драконы-де совсем одичали и на людей кидаются, примите меры! В общем, что я тебе могу сказать? Мы явились как раз вовремя, чтобы выполнить примирительную дипломатическую миссию, поведать горынычам, что тут творится, натравить их на озерное чудище и тем самым восстановить мир, справедливость и честное имя драконов,– торжественно закончила Глаша. – Тебе не нравится моя идея? – спросила она, глядя на нахмурившееся лицо Оливье.

– Что? Нет-нет, идея отличная,– рассеянно произнес он,– просто...

– Просто что?

– Ничего, не бери в голову,– подозрительно быстро замаял тему тот и бодро поинтересовался: – Так, значит, завтра отправляемся к драконам?

– Я бы, конечно, предпочла магнетиков,– притворно вздохнула Глаша,– но раз выбора нет, то придется довольствоваться чудиками из юрского периода.

* * *

– Ах ты предательница! – ликующе воскликнула Настасья, когда Лариса пересказала ей свою встречу с «трудной девочкой». – Значит, ты теперь лучшая подруга Огрызкиной?!

– Если единственная – значит лучшая, то можно сказать и так,– улыбнулась та. – И не называй ее больше Огрызкиной.

– Нет, ну кто бы мог поверить,– покачала головой Настя. – Мы-то ее и так, и эдак, и как только не подбирались, а она-то, гляди, нормальная оказалась.

– А я тебе что говорила? – поддела ее Лара.

– Слушай, а чего она тогда тебя столько техники заставила наколдовать? Раз она, как

говоришь, нормальная?

– Я ей этот вопрос тоже задала. Арина смутилась и ответила, что о соковыжималке они с бабулей давно мечтали, ноутбук ей был нужен, чтобы книги набирать, холодильник они давно поменять хотели, потому что ему уже лет пятнадцать и он плохо морозит. А потом уж она в азарт вошла и решила всю бытовую технику обновить, а заодно и новыми полезными для хозяйства штуковинами обзавестись.

– Да, ее понять можно,– признала Настасья.– Еще неизвестно, чего бы я сама на ее месте с Хоттабыча запросила. Но все равно ты, Лариска, везунчик. С тобой вот она подружиться захотела, а я вон чего только ни делала, чтобы к ней в доверие вкратиться и в приятельницы набиться,– и фигушки! Видно, ты и в самом деле ей здорово понравилась, раз она с тобой так разоткровенничалась, что даже романы свои показала... Не понимаю, как наш ориентолог этот талант пропустил. Если только не такой уж это и талант... Ты ее детективы уже читала? – любопытствовала фея.

– Еще нет,– нахмурилась Лариса.– Представляешь, они написаны от руки!

– И что? – удивилась подруга.– Для тебя это проблема? Как же ты ведешь переписку и читаешь письма и рукописные книги в своем Кукуе?

– Да кому мне там писать-то? – пожала плечами волшебница.– Только Оливье признания в любви чуть ли не каждый день шлет, целая пачка набралась уже. А так, кому от меня чего надо – те сами приходят. А местные книги – такая скукота. Не хватало еще из-за них глаза портить! Вот, говорят, встречаются еще волшебные живые книги, которые и нужную страницу отыскивают, и сами текст вслух читают, и шрифт менять способны для удобства пользова... то есть читателя.

– Да ты что? – поразились Настя.

– А я что? Я только пересказываю, что мне сказали. Видеть я их не видела,– сказала Лариса, умолчав, что видела подобную книгу в недавнем странном сне.– Старый король объявил эти книги под запретом и приказал изъять их по всему королевству. Якобы опасные они, запрещенные заклинания и ритуалы содержат. Да не об них сейчас речь. Ты мне лучше скажи, как Ариныны закорючки в печатный текст переделать? Есть какое заклинание?

– Есть определенный ритуал,– загадочно улыбнулась Настя.

– Правда? – обрадовалась Лариса.

– Набор печатного текста называется,– приснула любовная фея.– В любой газете «Из рук в руки» этот ритуал предлагается. Кстати, не дорого. Рубля три за лист.

– Издеваешься?

– Ладно, не хмурься. Сейчас позвоню Славику.

– Славик – это кто?

– Славик – спец по технической и компьютерной магии. Наверняка у него есть какое-нибудь хитрое заклинание.

Через пять минут телефонных переговоров с гениальным Славикум Настя добыла текст необходимого заклинания.

– Только есть одна проблема,– предупредила она обрадованную Ларису.– Это заклинание копирует не весь объем текста, а только один разворот. Придется тебе возиться с каждой страницей.

– Ничего,– отмахнулась та.– Все лучше, чем набирать текст вручную.

Волшебница решила не тратить времени зря, побежала к компьютеру, прижала первый разворот тетради к монитору, прошептала чудесные слова и отняла тетрадку от экрана. На нем высветился заголовок «Курортный роман Синеи Бороды» и первая страница текста.

– Работает! – торжествующе воскликнула Лара, перевернула страницу и прижала ее к экрану...

– Ну как тебе сочинения Нарышкиной? – поинтересовалась на следующий день Настя.

– Ты знаешь, Березкина, я уже три года не читала детективов и никогда не являлась их поклонницей, так что авторитет из меня никакой, но мне нравится! – с удивлением признала

Лариса.— Читается легко, интрига закручена ловко, финал неожиданный, герои интересные, написано с юмором.

— Ты это серьезно? — недоверчиво протянула фея.

— Абсолютно.

— Думаешь, это напечатают?

— Почему нет? — лукаво улыбнулась Лариса.— Навесим на файл пару заклинаний удачи, чтобы письмо не затерялось, непременно попало в руки редактору и тот открыл его, будучи в хорошем настроении, а там уже дело за ним. Открывай «Яндекс», будем искать мейлы издательств.

Через час романы Арины Нарышкиной были разосланы во все крупные издательства, выпускающие детективную литературу, и волшебницы позаботились о том, чтобы к ним отнеслись с должным вниманием и особой симпатией.

Арина не оказалась злокой, стервой и неудачницей. Она была обычной девушкой, которой требовалась лишь капелька везения, чуточка веры в себя и немножко тепла от окружающих. В отчете, который Лариса написала при помощи Насти, она сообщила о литературном таланте подопечной, который ей удалось обнаружить, и выразила надежду, что Арина найдет свое место в жизни, став успешным автором детективов. Также она рекомендовала привлечь к устройству личной жизни Нарышкиной известную ей любовную фею и, помня о просьбе самой Арины, замолвила словечко и за Степаниду Ильиничну, посоветовав отправить к бабуле лучших целителей. Как только Лариса поставила последнюю точку и отправила документ на печать, зазвонил телефон. Иван Романович, безо всякого сомнения бывший в курсе успехов юной волшебницы, назначил ей встречу во дворе дома Насти.

* * *

На персонажей голливудского блокбастера местные динозавры были похожи так же, как Колобок на Чебурашку: в целом сходство имеется, но три десятка различий отыскать куда легче, чем три идентичные детали. Первого дракона путники встретили через полчаса плутания по горным тропинкам, а точнее говоря, Глаша в него просто влетела. Шла-шла по тропинке, засмотрелась на голосистую голубенькую птичку в ветвях высокого дерева и врзалась в ствол другого. Ствол на удивление оказался мягким и теплым...

— Упс! — сказала Глаша и уставилась в желтый с вертикальным зрачком глаз, который взирал на нее свысока из-за ветвей. К глазу прилагались маленькие ноздри, аккуратное ушко с золотой каемочкой и вытянутый, как струна, хвост с пушистой кисточкой, который Гликерия сперва приняла за веточку.— Мамашки, дракон! — завопила она.— Оливье, настоящий дракон! Смотри, какой милашка! Эй, ты чего тут прячешься, а ну-ка выходи!

Дракон только глазом моргнул: опустил веко и сделал вид, что он не дракон вовсе, а часть дерева.

— Чего это с ним, а? — удивилась Глаша.— Может, на него столбняк напал? Эй, не стой как статуя! — и она дернула динозаврика за хвост.— Мы пришли с миром.

Такие вольности объяснялись исключительно потешным видом дракона, его полной бездеятельностью («Раз сразу не слопал, то мы непременно подружимся»,— решила Гликерия) и его миниатюрными, вопреки опасениям девушки, размерами. Дракон, замерший на задних лапах и вытянувшийся вдоль ствола дерева, был ненамного выше самой Глаши, а потому никакой опасности по определению представлять не мог. Однако такого варварского покушения на свой хвост он уже не стерпел и чуть слышно прошипел:

— А ну отойди!

— Вот ты как, да? — расстроилась девушка и укоризненно заметила: — Я к тебе со всей душой, а ты козью морду строишь!

— Да откуда ты взялась-то? — простонал он.— Ну что тебе стоит... Отойди, а?

— Подумаешь,— оскорбленно сказала Глаша и отвернулась к Оливье, с удивлением

наблюдавшему за разговором спутницы с деревом.— Какой невоспитанный дракон! — фыркнула она и с интересом уставилась куда-то за спину маркизу.— Надеюсь, хотя бы этот окажется подружелюбней!

Оливье обернулся и увидел несущегося с горы небольшого серебристого дракона. Заметив людей, он резко затормозил, но прокатился по камням еще несколько метров, так что остановился всего в паре шагов от них и замер, вытаращив ярко-голубые глаза.

— Здравствуйте! — вежливо сказала Глаша, в свою очередь с не меньшим любопытством изучая нового представителя вида.

— Здравствуйте,— растерянно произнес тот и кокетливо взмахнул длинными густыми ресницами, искоса глянув на маркиза.

— Меня зовут Глаша, а это Оливье.

— Дафна,— улыбнулась дракониха и смущенно покраснела.

— А вот тот невоспитанный дракон, который делает вид, что он дерево, нам представиться не пожелал,— наябедничала Глаша и кивнула в сторону зеленого, продолжавшего маскироваться под деревце.

— Берти, пронира! — с ликованием вскричала Дафна.— Вот ты где! Уф, я тебя по всей горе обыскала, а ты, значит, здесь прячешься?!

— Ну вот, всю игру испортила,— с досадой сказал Берти, отлипая от ствола, и бросил на Глашу укоризненный взгляд.

— Нечего других винить,— осадил его Дафна.— Сам-то хорош! Мама тебе сколько раз наказывала — ниже векового дуба не спускаться... А ты куда забрался?! Вот узнает мамуля, устроит тебе хорошенькую взбучку!

— Но ты же ей не скажешь? — заискивающе произнес Берти.

— Не скажу,— глядя куда-то на небо, сказала его сестричка.— Она и без меня догадается.

— Дети! — раздался негодующий вскрик откуда-то свысока. Затем на землю упала тень, и на поляну спрыгнула большая серебристо-изумрудная дракониха с золотым обручем на шее, которая тут же закрыла малышкой своими перепончатыми крыльями, как наседка.— Что вы делаете тут с этими... людьми?!

— Мама, мама, это все Берти! — тут же сдала брата Дафна.

— Давай, вали все на меня,— обиженно проворчал тот.

— Я вам сколько раз говорила — сюда спускаться нельзя! — гневно прошипела мать и повернулась к людям, готовая ринуться в бой в любую секунду.

— Мы парламентареры,— пролепетала Гликерия, в панике взирая на рассерженного дракона размером с «кукурузник». По сравнению с мамашей, детишки казались просто лилипутами.— Мы пришли с миром.

— Наконец-то,— проворчала дракониха,— одумались! А то мы уж думали, вы там все с ума посходили.

— Кстати, жители деревни думают то же самое про вас,— вмешался Оливье.

— Что? — поразилась крылатая.— Вам надо обязательно рассказать все Кариму!

— Карим — это наш папа,— с гордостью пояснил Берти.

— Кому папа, а кому правитель,— строго одернула его мать.— Кстати, меня зовут Урсула.

— Очень приятно! — хором воскликнули путники, обрадованные знакомством с королевским семейством.

— Давайте, забирайтесь.— Урсула расстелила по земле искрящееся крыло.— Ну быстрее, пока я не передумала. Негоже, конечно, первой леди перевозками заниматься,— хмыкнула она,— но для вас сделаю исключение.

«Парламентареры» быстро взбежали по скользкому «трапу» и устроились у драконихи на шее, крепко вцепившись в золотой ободок-ошейник.

— А вы, шалопаи, давайте дуйте домой,— нарочито строго наказала мамаша детям.

И те, недовольно взмахнув своими пока еще недоразвитыми крылышками, повесив головы, потопали по тропинке наверх.

— Готовы к взлету? — проводив дракошек теплым взглядом, спросила Урсула.— Тогда

поехали!

Повелитель горынычей оказался красивым темно-синим драконом с искрящейся чешуей и таким же ободком на шее, как и у жены. Очевидно, ободок исполнял роль короны и был отличительным знаком правящей семьи. Внимательно выслушав доклад Оливье с комментариями Гликерии, он глубоко задумался.

– Да, ситуация,– проговорил он, склонив голову (назвать ее мордой у Глаши язык бы не повернулся) в сторону.– А мы-то уж не знали, чего и гадать.

– А теперь знаете,– бодро заметила Глаша.– Теперь гадать нечего, надо начинать действовать: уничтожить того озерного гада, и будут вам вновь мир, дружба и буренки.

Карим с интересом глянул на девушку и усмехнулся.

– Ты откуда такая взялась, советчица?

– Вообще-то я из другого мира,– не стала лукавить она,– но это сейчас к делу не относится.

– Да нет, как раз относится,– возразил дракон.– Любому жителю нашего мира с детства известно, что магия нашего племени основана на силе огня. Огонь – могущественная стихия, но она бессильна перед водой. Даже в простой дождь дракон становится беспомощным, как котенок. Вот почему мы живем высоко в горах, вдали от рек и озер и в стороне от людей, в надежных пещерах, укрывающих от дождей. Так что проблема куда серьезней, чем вы ее представили... Боюсь, кто-то задумал известить наш род, то ли опасаясь нас самих, то ли намереваясь разбогатеть на наших сокровищах. Поэтому нас решили подставить и объявить причастными к убийствам людей, а предлогом стал так называемый водный дракон, который поселился в озере у подножия горы.

Карим замолчал и задумался. Драконы никогда не подпускали к себе людей и тщательно охраняли свой замкнутый мир от вторжения извне – им было что скрывать. Но это были не страшные тайны и жестокие преступления, а правда о собственной уязвимости. Ведь настоящее добро всегда уязвимо. А в мире драконов царила доброта. Им были неведомы ревность и зависть, злоба и ненависть к себе подобным, клевета и подлость, предательство и вероломство. Они жили в полной гармонии с собой и миром, в то время как люди выставляли их чудовищами. Драконы, узнав об этом, только смеялись: пусть думают что хотят, лишь бы не вмешивались в их дела. И вот теперь их миру грозила страшная опасность...

– Стойте, я ничего не понимаю,– вмешалась Глаша.– Если всем, как вы говорите, известно, что драконы боятся воды, как же деревенские могли поверить в то, что в озере живет дракон?!

– Потому что кто-то заставил их в это поверить. Кто-то запустил в озеро чудовище, внешне похожее на нас, и пустил слухи, что мы смогли приспособиться к жизни в воде. А местные уже сделали свои выводы: водный дракон чувствует себя безнаказанным, он убивает людей, а тут еще горные начали проявлять невиданную активность и все чаще стали спускаться на землю и летать в деревню. Что это значит? А значит это только одно: драконы становятся опасны для людей. Жители деревни уже в это верят, а скоро заставят поверить и все королевство, и тогда король бросит армию на войну с нами. Ловкий план, ничего не скажешь,– горько усмехнулся правитель.

– Но почему бы вам не убить озерного монстра и не восстановить свое имя? – в недоумении воскликнула Глаша.– Стойте, вы хотите сказать... Вы не можете убить его? Потому что он живет в воде?

– Именно,– мрачно кивнул Карим.– Мы не можем приблизиться к озеру, а если приблизимся, то потеряем все свои магические силы. А если нападения на людей продолжатся, это может обернуться полным истреблением рода.

– Но разве вы не можете покинуть горы и укрыться в другом королевстве? – удивилась девушка.

– Увы, драконы учатся летать только к двадцати годам, и ни один взрослый дракон не

покинет своих детей ради того, чтобы спастись самому. В определенном смысле – мы заложники гор, и тому, кто затеял все это дело, это прекрасно известно.

– Интересно, кто за всем этим стоит, – потрясенно проговорила Глаша, за несколько минут общения уже успевшая влюбиться в этих удивительных существ.

Теперь, когда она увидела воочию все королевское семейство, да еще нескольких их соплеменников, которые с любопытством выглядывали из пещер, когда Урсула приземлилась на ровную площадку на вершине горы, – вот теперь она могла с уверенностью заявить, что на книжных и киношных драконов настоящие драконы похожи так же, как произведение искусства – на грубые копии неумелых мастеров. Красота драконов была завораживающей и потрясала воображение, а размеры взрослых особей придавали им монументальный вид. Дракон сам по себе был предметом искусства – от кончиков когтей до кончиков ушей, и, возможно, он был лучшим созданием природы, какое только можно встретить в этом мире. Лысой балдой назвать такого красавца можно было только с большого перепоя. И невозможно даже было представить, чтобы эти совершенные существа подверглись несправедливым гонениям со стороны людей, глупцов, которые считали их опасными и коварными.

– Колдун, – вдруг сказал Оливье. – Кто, как не он, мог создать озерное чудовище и придать ему сходство с драконом? Кстати, против вас местное население тоже он настроил и даже огненным зельем снабдил, чтобы вы не смогли пообщаться с жителями и разрушить его планы.

– А ведь верно, – признала Глаша и задала вертевшийся на языке вопрос: – А если ваша стихия – это огонь, то почему вы боитесь этого зелья?

– Огонь разным бывает, – усмехнулся Карим. – Этот, например, доставляет нам страшные мучения. Колдун все предусмотрел. Как бы то ни было, мы уже не сможем остановить его, – горько промолвил он. – К счастью для нас, у меня еще остался один заряд амулета. – Дракон запнулся, сообразив, что сболтнул лишнее.

– Нам известно об амулете Ренара, – заметил Оливье. – Именно поэтому мы здесь.

– Вам нужен амулет? – прищурился правитель.

– Это мой последний шанс вернуться домой, – сказала Глаша. – Мы обошли властелинов всех остальных пяти кланов, но тщетно.

– Сочувствую, – ответил Карим. – Но это единственная возможность спасти род от истребления.

– Не единственная! – встрял маркиз. – Мы можем помочь. Мы остановим колдуна, убьем чудовище и расскажем деревенским о том, как обстоят дела на самом деле. Мы можем восстановить мир между людьми и драконами. В обмен на заряд амулета.

– Оливье! – в ужасе простонала девушка, представив себе подобную перспективу.

– Что ж, – задумчиво произнес правитель. – Мне важен результат, а вам нужен амулет. Верните нам наше доброе имя, раскройте заговор, убейте монстра – и если вам это удастся, я отдам вам амулет Ренара в благодарность за оказанную услугу.

– Когда мы сможем получить его? – нетерпеливо спросил Оливье.

Дракон скрылся в прилегающей к залу пещере и вернулся оттуда с горстью плоских прозрачных голубых камней и перстнем с рубином, которые вручил маркизу.

– Рассыпьте их по берегу озера, чтобы я мог видеть все, что там происходит. Главная задача – убить чудовище, которое порочит наше имя. Как только вы его уничтожите, я телепортирую амулет на берег озера к тому из вас, у кого будет находиться перстень. Желаю удачи.

* * *

Грозин подъехал ровно к назначенному времени и пригласил волшебницу в салон своего изумрудно-зеленого авто.

– Лариса, у меня для вас отличные новости! – с улыбкой сообщил Иван-царевич. –

Кажется, мы нашли лазейку в Кукуй.

– Неужели? – обомлела девушка. Вот это удача! После стольких неудачных попыток связаться с Глашей и узнать, как у нее дела, она уже и отчаялась попасть обратно.

– Ужели, – улыбнулся Грозин. – Так вы готовы вернуться в свой замок?

– Прямо сейчас? – опешила она.

– А чего зря время тянуть? – подмигнул профессор. – К тому же Глаше наверняка там сейчас нелегко приходится, зачем подвергать ее жизнь опасности лишний раз?

– Да, – признала Лариса, – наверное, нелегко... Один раз мне удалось увидеть то ли ее сны, то ли ее воспоминания, и приятного в них мало.

– Тем более не стоит медлить, – поторопил ее Грозин.

– Но я ведь даже не попрощалась с Настей, – растерянно пробормотала Лара. Подружка убежала на работу сразу же после звонка Ивана-царевича и должна была вернуться только вечером.

– Лариса, я понимаю, что это все очень неожиданно, но вы сами должны понимать, что для жизни Глаши может представлять угрозу каждая лишняя минута, проведенная там.

– Да, конечно, – удрученно признала волшебница.

– Я рад, что вы меня поняли. Тогда не будем терять времени. – Профессор повернул ключ зажигания.

– Куда мы едем?

– Для ритуала перемещения нужно спокойное, уединенное место. Я предложил для этой цели свою дачу, и коллегия ее одобрила, – сообщил Грозин, выруливая со двора на дорогу.

Лариса в облегчении откинулась в кресле. Значит, у нее есть не меньше часа, чтобы побыть в родном городе и насладиться видами за окном. Когда знаешь, что тебе предстоит отправиться туда, где не увидишь знакомых улиц и сияющих витрин магазинов ближайшие пару лет, каждое здание, каждое дерево приобретает особую ценность и особый интерес. Девушка приклеилась к окну и спросила:

– Иван Романович, вы уже в курсе, что я закончила дело Арины?

– Да, Лариса, вы просто умница, – улыбнулся Грозин.

– Да нет, я растяпа. Едва все не испортила, когда Арина в меня баллончиком прыснула... Хорошо, что все обошлось, но ведь меня могли и из коллегии выгнать.

– Не выгнали бы, – отозвался профессор. – Вашей вины здесь нет. Вас просто подставили.

– Как это? – изумилась волшебница.

– Тот паренек, который вырвал сумку у Арины, его подослала Маргарита, чтобы испортить вашу затею, – сообщил Грозин. – Она все это время следила за вами и решила помешать.

– Так, значит, мне тогда не показалось... – расстроено протянула Лара. – Она применила к нему магическое ускорение?

– Именно так. Маргарита мечтала о том, чтобы вас исключили из коллегии.

– Но почему она ко мне так прицепилась? – опешила волшебница.

– Видите ли, Лариса, – помедлив, ответил тот, – Маргарита – моя бывшая жена.

– О, это многое объясняет, – только и вымолвила девушка. Ведьма Маргарита и Иван-царевич – просто уму непостижимо!

– Рите почему-то взбрело в голову, что вы моя... хм... – замялся Грозин.

– Протеже? – пришла на помощь Лариса.

– Любовница, – досадливо поморщился профессор. – Поэтому она настояла на вашем распределении в Кукуй, хотя мне почти удалось убедить комиссию в том, что ваш дар необходим здесь.

– Что ж, хорошо еще, что она не надумала отправить меня в какое-нибудь чумное королевство, – нервно пошутила волшебница.

– Это было ее заветное желание, – со вздохом признался Иван Романович. – Но

комиссия была против. Маргарита очень переполошилась, когда вы вернулись раньше времени. Это именно она убедила председателя в том, чтобы в качестве наказания вам дали Арину. А потом навесила на вас жучок, который сообщал ей обо всех случаях применения магии...

– Упс! – вырвалось у смущенной Ларисы.

– Маргарита завела список, в котором отмечала все ваши заклинания и метаморфозы. Должен признать, не всегда оправданные, – с укоризной добавил Грозин.

«Он знает!» – покраснела волшебница, вспомнив о материализованных тортиках, мороженом и куче техники для Арины.

– Да, знаю, – согласно кивнул Иван Романович. – Маргарита собиралась предъявить список злоупотреблений магией, которые вы совершили за это время, на ближайшем заседании комиссии и добиться вашего исключения из коллегии.

Лариса потрясенно ахнула.

– Но, к счастью, она не удержалась и показала этот список мне.

– И? – с замирающим сердцем спросила девушка.

– И мы уладили это досадное недоразумение, – ослепительно улыбнулся Грозин.

«Интересно, каким таким образом», – ехидно подумала спасенная Ларочка.

– Если вас так волнует этот вопрос, – насмешливо заметил Иван, – я лишь предупредил Маргариту, что в этом случае сообщу о ее вмешательстве с тем мальчиком.

– Перестаньте читать мои мысли! – вспыхнула Лариса.

– Простите, вы слишком громко думаете, – обезоруживающе рассмеялся профессор.

– А как же теперь быть с комиссией и с отчетом? – огорчилась девушка. – Я ведь даже его написала.

– Не волнуйтесь, я действую по поручению Бессмертина. Заседание проведут без вас, а отчет передаст Анастасия. Успех с Ариной занесут в ваше личное дело, и когда вы вернетесь в Москву, можете рассчитывать на хорошую должность в нашей организации.

Остаток пути Грозин травил байки из своей профессорской практики и рассказывал про несмышленных первокурсников, а Лариса в ответ развлекала его забавными историями из своей кукуйской стажировки.

Дача Ивана Романовича оказалась надежно укрытой от посторонних глаз стеной леса и стояла особняком в самой чаще. Девушку этот факт не удивил – среди студентов ходили слухи о том, что высшие маги строят виллы в безлюдных местах, чтобы предаваться там своим магическим изысканиям. Ничего необычного в том, что они оказались правдой.

С виду дача профессора ничем не отличалась от обычных дач. Кирпичный двухэтажный дом, окруженный забором. Разве что нормальному человеку не придет в голову строить «фазенду» в такой глуши.

– Мило тут у вас, – вежливо сказала Лариса, выпрыгивая из машины.

– Надеюсь, тебе понравится, – тепло улыбнулся Иван-царевич и пригласил ее в дом.

Но насладиться красотами интерьера девушка не успела: только она ступила на порог, как в глазах потемнело, и она без чувств упала в руки профессора...

* * *

– Одной удачи нам не хватит! – негодовала Глаша, когда они покинули пещеры драконов и спускались вниз. – Это самоубийство! Ладно еще малышка мантикора, но монстр размером с «Титаник», если верить очевидцам...

– А у страха, как известно, глаза велики, – невинно заметил маркиз.

– Ты мне зубы не заговаривай! – рассердилась она. – Как мы будем это страшилище изводить? Разбрасаем по поверхности озера куски железа и вызовем грозу в надежде, что в них ударит молния и это чудо-юдо сварится заживо? А может, подмешаем в озеро сто бочек мышьяка? А лучше – двести, чтоб наверняка? Или армию русалок вызовем, чтобы они его трезубцами на шашлык порубили?

– Не знаю,– честно признался маркиз.– Но это наш единственный шанс получить амулет!

– Шанс-то у нас весьма призрачный, учитывая условия, а вот способ пойти на корм этому водному упырю – верный на все сто процентов!

– Я вам помогу,– неожиданно вмешалась жека, до этого тихо сидевшая в сумке у маркиза – оставить в деревне ее не решились, побоявшись, что кто-нибудь вздумает полистать книгу, а та, не вынеся щекотки, выдаст себя с потрохами.– Случай очень трудный, и как-никак это последний шанс получить амулет, поэтому я дам вам необходимое заклинание...

– Поступила директива сверху? – удивилась Глаша.

– Я смотрю, ты не рада? – обиделась книга.

– Да что ты, еще как рада! Извини, нервы ни к черту...

– С этим я ничем помочь не могу,– язвительно ответила жека,– такие проблемы для меня слишком мелкие.

– А чем можешь?

Книжка запрыгнула на руки Оливье, распахнула обложку, и ее лапка ловко зашуршала страницами.

– Вот,– торжественно провозгласила она, отыскав нужную.– Заклинание абсолютной удачи и заклинание каждодневной удачи,– она ткнула кулачком в следующий лист.

– Вот это удача! – восторженно воскликнула Гликерия.– Мы должны выбрать одно из них?

– Я дам оба, но тебе одной,– сообщила книга.

– Мне? – удивилась девушка.– А почему оба?

– Абсолютная удача тебе понадобится, чтобы победить монстра,– терпеливо пояснила та.– А каждодневная будет тебе вознаграждением за пребывание в нашем мире в случае победы... или компенсацией в случае проигрыша, чтобы ты могла наладить свою жизнь здесь.

– Не каркай,– ужаснулась Глаша.– Конечно, мы его победим! С абсолютной-то удачей! Да этот монстр просто обязан будет свернуть себе шею, утопиться по доброй воле или навернуться со скалы в пропасть – нам останется только подтолкнуть его к этому шагу.

– Мечтательница,– проворчала книжка.

– Нет, я просто счастливица,– поправила ее Глаша.– Ну-ка давай сюда свои заклинания.

– Сейчас?!

– А чего тянуть-то?

– Нужно хорошо подготовиться, составить план, изучить местность,– педантично перечислил Оливье.

– Вот зануда! – поразила девушка.– Так мы это чудо-юдо озерное до Хеллоуина ловить будем.

– У тебя есть план получше? – оскорбленно поинтересовался маркиз.

– У меня есть план получше,– торжествующе провозгласила Глаша и не терпящим возражений тоном велела, чтобы Оливье спустился вниз и ждал ее там.

Маркизу с жекой в руках пришлось часа три шляться у подножия горы, прежде чем Гликерия окликнула их и велела подниматься. За это время она, напевая вслух все приходящие на ум песни, выискивала те, волшебные свойства которых наиболее близки к боевой магии, и записывала их слова в блокнот. А потом как следует попрактиковалась: подожгла пару осинок, разбила несколько камней, превратила в лед ручеек и заставила пробежавшего мимо зайца исполнить ламбаду. После того как ошеломленный заяц на всех парах умчался прочь, довольная результатами Глаша скомандовала маркизу подняться к ней и, потрясая блокнотом, с гордостью сообщила, что у нее в руках – мощное оружие для победы над озерным монстром.

Ее спутник настаивал на неделе подготовки, но Глаша, которой не терпелось испробовать заклинание абсолютной удачи в действии, объявила, что они не могут так долго

рисковать жизнями сельских обитателей, схватила в руки жеку и залпом прочитала заклинание абсолютной удачи.

– Вот балда! – сокрушенно воскликнула книжка. – Даже не дослушала меня до конца!

– А что такое? – улыбнулась Гликерия.

– А то, что заклинание действует только до полуночи, в какое бы время дня ты его ни прочитала, – с досадой пояснила жека. – А поскольку сейчас уже начало вечера, считай, что ты профукала полдня абсолютной удачи! Вот если бы ты прочитала его через минуту после полуночи, то у тебя были бы целые сутки везения, а так – всего половина.

– Ничего, успеем. Тут в восемь уже темнеет, так что до полуночи это чучело озерное точно не доживет, – оптимистично заверила Гликерия, прислушиваясь к новым ощущениям, и неожиданно свернула в кусты.

– Ты куда? – донесся вслед удивленный голос Оливье, поспешившего за ней.

– Кажется, я нашла клад, – удовлетворенно ответила девушка, любуясь красным сиянием перстня дриад, и ткнула пальцем в скалу, – вот в этой пещере! Сим-сим, я уже иду к тебе, – пропела она, ныряя в расселину между камнями, совершенно незаметную со стороны дороги.

Через пять минут она протиснулась обратно с кованным ларчиком в руках. Ларец был под завязку набит золотыми украшениями и драгоценностями. Страшно довольная Гликерия нацепила себе на шею кольцо из сапфиров с бриллиантами и украсила прическу изящной серебряной диадемой с изумрудами.

– Ну вот, теперь я богатая невеста, – торжествующе провозгласила она и лукаво подмигнула Оливье: – Может, ну ее, Клариссу и амулет этот? Поехали домой, свадьбу сыграем!

– Сними, – устало отмахнулся от нее маркиз.

– Тебе не нравится? Слышишь, жека, негодное у тебя заклинание – он на мне жениться не хочет, – надула губки Глаша. – Хотя, судя по твоим рекламным анонсам, сейчас только об этом умолять и должен.

– Украдут же, – пропустив ее слова мимо ушей, пояснил Оливье. – Видела, в каком бедственном положении деревня? А ты там бриллиантами сверкать собралась. Скормят нас озерному чуду – и глазом не моргнут, а драгоценности себе приберут.

– Ну вот, – расстроилась обладательница клада, убирая кольцо и диадему в ларец. – Полным полно коробочка драгоценностей, а их и надеть нельзя.

Но тем не менее душа ее ликовала – с таким ларчиком и дома показаться не стыдно. Изумрудов и рубинов с лихвой хватит на то, чтобы и учебу на факультете журналистики оплатить, и ремонт в квартире сделать, и себе обновок закупить, и маме с папой хорошие подарки выбрать. А если повезет, то еще и в Испанию на море можно слетать – они с мамой давно мечтают там побывать, а приходится довольствоваться дачей и бабушкиной деревней. Глаше вдруг отчаянно захотелось домой, и она почувствовала, что с лихвой сыта сказочными приключениями. Осталось только сделать последний рывок и выиграть самый главный бой, чтобы получить билет в свой мир...

– Ну что, для начала наведемся к колдуну и заставим сделать чистосердечное публичное признание? – предложила она и весело зашагала по тропинке вниз.

– Так он и признается, – скептически проговорил ей вслед Оливье.

– А куда он денется? – обернувшись, подмигнула ему спутница. – Признается, еще и повинную напишет, и сам свое чудище укокошит. Не забывай, у меня сегодня счастливый день!

– Полдня, – педантично напомнила жека.

– Целых полдня! – возразила Глаша. – Это же просто сотни счастливых минут!

– Но что ты собираешься делать с колдуном? – воззвал к ее разуму спутник. – Может, тебя он заколдовать и не сможет, а уж на мне-то сполна отыграется за твою везучесть.

– Не волнуйтесь, маркиз. – Девушка достала из кармана горсть иссиня-черных горошин. – Рядом с кладом я обнаружила заросли этой замечательной ягоды...

* * *

Лариса очнулась в темноте, освещаемой лишь тусклым светом фонарика, стоявшего на столе. И первое, что она увидела, было перекошенное лицо ведьмы Маргариты.

– Что вы со мной сделали? – прохрипела она, пытаясь шевельнуться, но не смогла. Из всего тела только шея не отказывалась ей повиноваться, и, покрутив головой во всех направлениях, Лариса обнаружила, что находится в подвале и в данный момент восседает на стуле. Никаких веревок и наручников на ней не было, и тем не менее двигаться она была не в состоянии.

– Что за черт! – выругалась она, адресуя гневный взгляд Маргоше. – Нет, вы-то понятно за что поплатились! – воскликнула она. – А я-то тут что делаю и где Иван Романович?

– Интересно, что он тебе про меня наплел, – возмутилась Маргарита, и только тут девушка заметила, что злобредная преподавательница сидит на стуле напротив нее такой же неподвижной статуей, как она сама.

– Что вы его жена.

– Бывшая, – с возмущением поправила профессорша.

– Что вы настаивали на моей отправке в Кукуй, хотя меня хотели оставить здесь.

– Было дело, – не стала отпираться Маргоша.

– Что это вы удружили мне с Ариной.

– Не буду отрицать, – усмехнулась ведьма.

– Что вы навесили на профессора прослушку, а на меня – магический маячок, чтобы быть в курсе всех его разговоров и моих поступков.

– И тут не соврал, – признала Маргарита.

– А еще что вы подослали ко мне того воришку, чтобы сорвать мои планы в отношении Арины, и потом собирались представить коллегии список моих злоупотреблений магией, чтобы меня исключили из коллегии, – зло бросила Лариса.

– А вот это уже полная чушь, – спокойно парировала профессорша.

– Чем докажете?

– Вольская, раскрой глаза и посмотри на меня, – устало сказала Маргоша. – Скажешь, это я сама себя засунула в подвал и приковала к стулу заклинанием обездвижения, чтобы мне было удобней признаваться тебе в своих злодеяниях?

– Что это за заклинание такое? – недоверчиво спросила Лариса. – Что-то мы такого в школе не проходили.

– Конечно, не проходили, – фыркнула преподавательница. – Это эксклюзивное изобретение моего бывшего муженька. И уж если в коллегии про такое узнали бы, по головке бы его не погладили.

– Стоп, – перебила ее девушка. – Давайте по порядку. Я так понимаю, сейчас вы будете катить бочку на Ивана Романовича и рассказывать мне, какая вы белая, пушистая и вообще здесь ни при чем? Так этот момент можете опустить и переходить сразу к делу. Что здесь делаю я и где профессор?

– Боюсь, сразу не получится. Придется начать издалека, с твоего появления в школе.

– Вот-вот, расскажите, с чего это вы на меня так взъелись с первого же дня! – потребовала Лариса.

– Я взъелась? – искренне удивилась Маргарита.

– А что, разве нет? Придирались ко мне из-за всякой мелочи, зачет по стихиям заставляли три раза пересдавать, – обиженно напомнила девушка.

– Вольская, если я к тебе была требовательна, это исключительно из-за того, что ты всегда беспечно относишься к магии, а управление стихиями – это не игрушки, – строго сказала Маргоша, и в ее голосе прорезались хорошо знакомые учительские нотки. – А зачет ты пересдавала из-за собственной лени и безалаберности, надо было готовиться лучше!

– Могли бы быть и поснисходительней, – уязвлено пробормотала Лариса.

– Нет, не могла,– отрезала Маргарита.– Твой дар столь редок, что и требования к тебе более строгие, чем к другим.

– Вот видите! – укоризненно заметила волшебница.

– Это для твоей же пользы было, чтобы ты смогла постоять за себя.

– Еще скажите, что и в Кукуй вы меня послали для моей же пользы, и маячок на меня навесили тоже за этим.

– Представь себе,– усмехнулась Маргоша,– как раз для твоей пользы. Чтобы уберечь тебя, балда ты такая,– с досадой добавила она.

– От собственной вредности? – съязвила Лара.

– От собственного мужа,– мрачно сообщила профессорша.

– А, ну да, опасаясь за мою нравственность и невинность,– хмыкнула девушка.

– Вольская,– опешила Маргарита.– Что он тебе наговорил?

– Что вы меня невзлюбили, потому что думали, что я его любовница,– призналась Лариса и с вызовом спросила:– А что, разве не так?

– Конечно нет! Бред какой! – искренне поразились Маргоша.– Это все из-за Ивана. Он помешался на тебе, как только ты появилась в школе. Еще бы – первый юный маг с таким даром к перевоплощению за всю его десятилетнюю практику. Одна на миллион.

А вот это – что есть, то есть. Лариса если бы могла, то гордо приосанилась бы, а так просто задрала нос. Взрослых магов с таким талантом на всю многолюдную Москву не больше десятка, а в школе она за все время была одна-единственная.

– Мы с ним тогда еще женаты были, и он делился со мной своими невероятными замыслами,– поведала Маргарита.– Все время изобретал какие-то заклинания, обещал мне, что будет любить вечно и обязательно придумает способ, чтобы я никогда не старела. Я сначала смеялась и соглашалась, а потом он стал мне всерьез представлять свои дикие проекты: то омоложение через донора-человека, который после такого сеанса мгновенно постареет, то вытяжка жизненных сил из студентов. Тут уж мне не до смеха стало, мы с ним даже поругались страшно, но потом помирились, и Иван при мне больше о своих идеях не упоминал. Однако, как оказалось, затея эта его увлекла так, что стала смыслом жизни. Теперь уже ему самому захотелось сохранить молодость и продлить жизнь. Я как-то заглянула в его записи, которые он от меня прятал, и ужаснулась. Все надеялась, что пройдет со временем, любила его сильно, но он с каждым днем от меня удалялся, маниакально выискивал у себя все новые морщинки... А потом морщинки стали пропадать, а Иван – молодеть.

– Как – молодеть? – перебила ее удивленная Лариса. Для своих сорока Грозин выглядел на все сорок.– Вы же с ним ровесники?

– Иван старше меня на двадцать лет,– горько улыбнулась Маргарита.– Это я с годами не молодею, а вот он – очень даже. Когда я первый раз заметила изменения, я с ним еще раз поговорила. И мы развелись. Он кричал, что мои подозрения нелепы, а в его глазах плескался страх. Иван страшно боялся разоблачения и поспешил избавиться от меня. Для любопытных он распустил слухи о том, что его внешний вид – результат дорогостоящей иллюзии, но я-то знала, что на самом деле он экспериментирует с запрещенной магией. К несчастью для него, я продолжала работать в школе и не переставала следить за ним. В тот же год появилась ты, самородок с редким даром, и я заметила, как он на тебя смотрит. Как смертельно больной на спасительное лекарство. И я сразу все поняла. Способность менять внешность по своему желанию, помноженная на силу взрослого мага, каким к тому времени уже был Иван, плюс омолаживающие заклинания дали бы ему возможность и молодость сохранить, и от наказания коллегии скрыться. Он еще давно говорил мне, если бы у него был дар к перевоплощению, найти средство вечной молодости было бы куда проще. Но с опытным личником он бы совладать не смог, а тут подвернулся такой удобный случай в твоём лице...

– Я вам не верю,– потрясенно прошептала Лариса.– Уж не хотите же вы сказать, что...

– Хочу,– жестко сказала Маргарита.– Он мечтает изъять твой дар.

– Но это невозможно!

– Иван – очень сильный маг, гораздо сильнее, чем кажется на первый взгляд. Он постоянно изобретает какие-то новые заклинания, так что научиться забирать чужие способности для него только вопрос времени. Поэтому я, как могла, пыталась уберечь тебя от Ивана. Гоняла на своих уроках, чтобы ты в совершенстве освоила навыки и могла себя защитить. Настояла на твоей отправке в Кукуй в надежде, что Иван за это время одумается и забудет свою безумную затею, а ты сможешь набраться хотя бы немного опыта вдали от него. Оставшись в Москве, ты бы оказалась в большей опасности, чем там. Ты же знаешь, гибель выпускников на стажировке – обычное дело...

– Но почему вы не сообщили о его намерениях коллегии, чтобы она его остановила?

– У меня не было доказательств. А за такие серьезные обвинения можно и из коллегии вылететь.

– И вы решили услатить меня подальше.

– Я думала, что так будет лучше. Но получилось – хуже некуда. За время твоего отсутствия Иван познакомился с этой страшной женщиной, которая разделила его безумную затею, и вдвоем они сумели серьезно продвинуться в своих экспериментах. Однако когда ты неожиданно вернулась, он еще не успел завершить их. Все переполошились. Коллегия, потому что в результате перемещения пострадала невинная девочка, я из-за того, что ты снова оказалась в опасности, а Иван, так как ему нужно было время, чтобы довести свои разработки до конца. Ясное дело, на заседании тебя как следует отчитали, дали наказание потрудней, но тем и ограничились. Магистрам было прекрасно известно, что в таких случаях пострадавшего человека вернуть обратно практически невозможно. Пока ты копалась с Ариной, Иван в срочном порядке доделывал последние приготовления для обряда и вызвал свою сообщницу. Чтобы не терять тебя из виду и быть в курсе всех твоих продвижений, Иван установил между тобой и ним особую связь, и, когда ты была максимально близка к успеху, он поставил тебе подножку.

– Это вы о чем?

– О воришке в подворотне.

– Но его же подослали вы!

– Это он тебе так сказал. На самом деле его подослала не я, а мой бывший муженек, – покачала головой Маргарита.

– Но зачем он это сделал? – в недоумении спросила Лариса.

– Чтобы досадить мне и продлить твои мучения с Ариной.

– Вот именно что мучения, – проворчала волшебница. – Зачем вы настояли на кандидатуре Арины? Или опять скажете, что это не вы?

– На этот раз я. Я верю в твой потенциал, Лариса, и не сомневалась, что это трудное задание, с которым не справились уже несколько взрослых магов, станет для тебя триумфом и покажет, что ты готова к серьезной работе.

– В жизни бы не догадалась, – хмыкнула Лара.

– А Иван из вредности мешал тебе.

– А вы откуда знаете? – недоверчиво поинтересовалась девушка.

– Я навесила на него прослушку, которую невозможно обнаружить даже при помощи магии, и была в курсе всех его действий. Когда он позвонил тебе, я поняла, что он задумал, и приехала сюда, чтобы остановить его.

– Но почему вы не предупредили меня?

– А ты бы мне поверила, Лариса? – усмехнулась Маргарита.

Волшебница смущенно потупилась. Разумеется, нет. Ни за что и никогда. Ей и сейчас-то, сидя в подвале и будучи плененной заклинанием, в злые намерения Ивана-царевича с трудом верится.

– Почему же вы тогда не обратились в коллегию, чтобы опергруппа не сцапала его с поличным?

Теперь уже Маргарита опустила голову. Все понятно, чего ж тут непонятного?

Профессорша до сих пор питает чувства к своему преступному мужу и до последнего надеялась, что ей удастся его перевоспитать и обратить на путь истинный. Все-таки бабы – дуры, даже самые мудрые волшебницы.

– Что же теперь с нами будет? – прошептала Лариса.

– Ничего приятного и веселого – это точно.

– Вы совсем не можете колдовать?

– Ни капельки. Подвал непроницаем для любой магии, кроме магии самого Ивана. У нас нет шансов.

– Но вы же такой сильный маг, особенно в стихии огня!

– А на огонь здесь стоит тройная заглушка, – мрачно поведала Маргарита.

– Остается надеяться, что его заклинание окажется недоработанным и не подействует.

В противном случае я не завидую нам обоим.

– Вольская, ты оптимистка. Даже если заклинание не сработает, свидетелей Иван оставлять не станет. Уж я-то его характер знаю. Десять лет промучилась.

В этот момент заскрежетал люк подвала и наверху показался сам профессор Грозин.

* * *

Жители деревни Лысая Балда пребывали в полнейшем недоумении. Среди бела дня колдун Сертако взобрался на крышу общественной конюшни и, сверяясь с бумагой, которую держал в руках, под испуганное ржание лошадей во всю глотку вопил:

– Свободу драконам! Драконы – друг человека! Дракон – не роскошь, а средство обогащения! Драконы – добряки! Драконы – цветы жизни. Если драконов не любить, то зачем на свете жить?

Когда Сертако был готов к тому, чтобы сорвать голос, а жители уже серьезно подумывали вызывать неотложку в лице кузнеца, который всегда эффективно и с одного удара успокаивал буйных и припадочных, из толпы зевак выступила рыжеволосая дылда и звонким голосом объявила:

– Достаточно. Теперь вопросы буду задавать я. В озере живет дракон?

– Нет, – взвыл Сертако, в отчаянии зажимая себе рот руками.

– А кто? – строго спросила рыжая.

– Морской змей, – прорычал колдун.

– Откуда он взялся в озере? – продолжила допрос девушка.

– Это я переместил его, воспользовавшись пространственным заклинанием, – проскулил колдун, с досадой дергая себя за бороду.

– Громче, – потребовала рыжая.

– Это я, я его туда перенес из моря! – повинился Сертако.

– Почему именно его? Потому что он кровожаден и похож на дракона?

– Да!

– Зачем ты его переместил? Чтобы опорочить драконов? – сурово сдвинула брови рыжая.

– Да!

– Повтори.

– Я сделал это, чтобы очернить этих тварей! – взревел колдун.

– Зачем?

– Они могли помешать мне завоевать королевство.

– Что? Уточни.

– Я, великий колдун, вынужден прозябать в этой дыре и играть роль деревенского знахаря, лечить подагру и понос. Я достоин лучшего! – пронзительно выкрикнул он.

– Поподробнее, – велела рыжая, но ответы Сертако потонули в ропоте толпы.

– Так это ты вызвал эту тварь, чтобы она убила наших родных? – закипая от гнева, выкрикнул круглобокий пожилой староста.

– Это по твоей вине мои дети остались без отца, колдун?– забилась в истерике изможденная молодая женщина, окруженная четырьмя детишками от мала до велика.

– Это из-за тебя погибла моя Минна? – взвыл кузнец, крепыш со светлыми кудрями, и бросился поднимать лестницу, чтобы взобраться на крышу.

Все жители деревни как будто только и ждали этого знака и рванули к стенам конюшни, намереваясь добраться до злодея-чародея. Тот заметался по крыше, не зная, как укрыться от народного гнева, но кузнец уже птицей взлетел наверх и одним ударом уложил его так, что, Глаша готова была поспорить, вышиб из него душу. Если у этого черного человека она вообще была.

– Ну вот,– грустно заметила девушка, глядя, как на крышу влезает все больше людей, жаждущих принять участие в расправе над колдуном,– теперь мы никогда не узнаем, каким образом этот дохляк планировал покорить королевство и чем ему помешали драконы.

– Разве это важно? – пожал плечами маркиз.– Главное то, что зло наказано.

– Но в книжках так не бывает, чтобы злодей умер, не сообщив во всех подробностях о своих преступлениях и их причинах,– с досадой возразила Глаша.– В нормальных книгах исповедь главного плохиша занимает с десятков страниц, а у нас что получится – три жалких абзаца и тайна, покрытая мраком?

– Ну так соври что-нибудь,– улыбнулся маркиз,– когда найдешь автора, который согласится написать роман о твоих приключениях.

– Да, такого дурака еще поискать надо,– удрученно признала Глаша, глядя на заходящее солнце.– Пойдем готовиться к встрече с морским гадом? А ведь как здорово было бы, если бы он сдох со своим хозяином.

– Сертако не был его хозяином, потому что змей не его создание, он взял уже взрослую особь и лишь перенес ее в озеро,– заметил Оливье.

– В этом и вся проблема. Даже у колдуна не было средства воздействия на эту зверушку, иначе он бы нам его непременно сообщил в приступе неконтролируемой словоохотливости.

– Кстати, Глаша, что это было?

– Да так, я обнаружила одно эффективное заклинание,– загадочно ответила она.

Не признаваться же маркизу, что все время, пока длился допрос Сертако, она напевала себе под нос «Скажи мне правду, атаман», чудодейственную силу которой она украдкой проверила на Оливье сегодня утром. «А что, с таким полезным репертуаром и в средневековье можно задержаться»,– довольно заметила про себя Глаша, но тут же отругала себя за такие мысли. Хватит с нее сказок, она уже соскучилась по будням. Надо только как следует подготовиться к встрече с морским змеем...

Девушка вытащила из кармана свой блокнот и принялась повторять слова песен, которые должны были стать для чудовища зауспокойной молитвой. Сегодня ей невероятно везло: рядом с кладом обнаружили заросли взрывники, колдуна даже искать не пришлось – тому взбрело в голову прогуляться на въезде в деревню, где они на него и наткнулись. Более того, он сам им представился и любезно предложил свои услуги и зелья на продажу. От такого предложения они, разумеется, отказаться не могли и с радостью завернули в избушку Сертако, где Глаша рассыпала ему под ноги горсть антиколдовской ягодки и, одним взглядом выхватив на полке зелье с этикеткой «Для полного повиновения», заставила выпить содержимое бутылки до дна. После этого колдун сделался покорным, как теленок, сознался в своих злодеяниях и смиренно проследовал за ними к конюшне. Первым наверх забрался маркиз и разбросал по крыше остатки взрывники, а после уже влез и сам Сертако, которому девушка вручила листок с переделанными лозунгами и призывами и велела читать погромче. Пребывавший под действием своего же отвара покорности, тот не посмел отказаться.

Потом Глаша и Оливье только лесенку в сторону отодвинули, а там уже колдун сам стал созывать народ своими звучными воплями и публично каяться... Жалко, что они его в избушке толком не расспросили. Тот и рад был стараться, да Глаша поторопила: мол, расскажешь все при честном народе. Все-таки время уже было к вечеру, а им помимо

разоблачения Сертако еще предстояло его зверушкой заняться. А теперь ей уже никогда не узнать, какие такие причины толкнули колдуна на травлю драконов. В чем там было дело? Драконы могли в один момент испепелить его армию из живых мертвецов, с помощью которых он планировал поработить Кукуй? Или в их горах находится сильнейший источник магии, который был необходим колдуну? А может, через горы проходит подземный ход, ведущий к троллям, а их Сертако планировал привлечь в союзники, вот только, пока в горах жили драконы, никакой речи о вербовке новобранцев у них под носом быть не могло? Или была совсем иная причина? Теперь этого не узнать... Только романы пишутся по правилам, а жизнь вносит свои коррективы – в этом Глаша убедилась лишний раз.

– Готова? – Голос Оливье прервал ее размышления, и девушка увидела, что они уже прошли большую часть пути и впереди показалось озеро.

– Всегда готова, – бодро отработовала она.

На пустынном берегу, покрытом мелкой галькой, маркиз разбросал прозрачные голубые камни, которые передал ему Карим, а перстень с рубином надел на палец Глаше.

Та лишь мельком глянула на кольцо, не сводя внимательного взгляда с глади озера. Но поверхность воды была спокойной и безмятежной, как будто и не затаилось на дне страшное чудовище, унесшее жизни более двадцати сельчан. Глаша отыскала большой, нагретый за день камень и забралась на него с ногами, обхватила руками колени и стала перебирать в памяти строчки чудодейственных песен. А Оливье принялся прохаживаться по берегу, не сводя глаз с воды.

* * *

– Иван Романович! – возмущенно вскрикнула Лариса. – Что здесь происходит? Почему вы меня тут заперли?

Профессор быстро сбежал по лесенке вниз.

– Вас разве не удовлетворил рассказ моей жены? – удивленно спросил он.

– Бывшей! – протестующе прошипела Маргарита.

– Спасибо, дорогая, что избавила меня от ненужных объяснений и сэкономила мое время, – с усмешкой обронил Грозин и обернулся к Ларисе. – А теперь я могу вплотную заняться этой юной леди...

Девушка уже успела пробормотать про себя несколько заклинаний и убедиться в том, что ее магия здесь совершенно не действует. Да если и действовала бы, много ли у нее шансов против опытного профессора? Поэтому она мужественно выдержала его взгляд и не стала паниковать, молить о пощаде или обвинять Грозина в безумии, решив действовать по обстоятельствам.

– Лариса, ты мне необычайно симпатична, – с обезоруживающей улыбкой признался Иван. – Вот и сейчас ты ведешь себя как очень умная девушка. Ты должна понять, что этот ритуал очень важен для меня.

– Да-да, конечно, – заверила его волшебница.

– Вот и хорошо. Не знаю, что тебе тут наговорила Маргарита, но я не собираюсь тащить тебя на алтарь и приносить в жертву кровавым богам. Ты мне нужна как самый ценный компонент для моего опыта.

– Иван Романович, вы – мой кумир, – потупив глазки, сообщила девушка, – и я бы никогда не посмела сорвать ваши планы и помешать вам осуществить дело всей жизни. Я восхищаюсь вашим талантом, и мне страшно жаль того, что я не смогу увидеть его результат...

– Ах, Лариса, знали бы вы, как мне жаль, – притворно вздохнул Грозин.

– Иван Романович, вы позволите мне последнее желание? – решив, что вылила на профессора достаточно меда, умоляюще прошептала Лариса, приняв по возможности самый умильный вид.

– Последнее желание? – удивленно моргнул тот. – Что же, я думаю, ты его заслужила...

Я исполню то, что ты пожелаешь. За исключением, конечно... – Он многозначительно замолчал.

– Конечно-конечно,– заверила его волшебница.– Об этом не может быть и речи. Я говорю лишь об одной сигарете.

– Вы курите? – поразился Грозин.

– Иногда, в особых случаях,– виновато потупилась Лариса.

Профессор бросил взгляд на люк под потолком. Лара рассчитала правильно: ради того, чтобы позволить ей выкурить сигарету, Грозин не станет снимать заглушку от огня с подвала. Скорее он позволит ей выйти наружу, ненадолго, конечно. Но ей этого хватит.

– Что ж,– решил Иван,– идемте со мной.

Ларисы он не опасался, зная, что его сила намного превосходит возможности практикантки. Вот Маргарита была достойным противником, и ей бы он ни за что не позволил высунуть нос из зачарованного подвала. А Лариса – что она против него?

В ту же секунду тело девушки вновь обрело способность двигаться и отозвалось ломотой во всех конечностях. Она неторопливо встала и последовала за профессором в дом.

Грозин помог ей выбраться, а затем закрыл люк, встав на него ногами, и, вынув из кармана джинсов пачку «Парламента», взял одну сигарету себе, а другую протянул пленнице.

Лариса осторожно прикурила, стараясь не вдыхать дым, чтобы не закашляться. За свою жизнь она выкурила одну-единственную сигарету и с тех пор на дух не переносила эту гадость. Но никак нельзя, чтобы Иван догадался об этом раньше времени.

– Скажите, Лариса,– добродушно спросил он, с наслаждением затягиваясь,– вы считаете меня безумцем?

«Безумец – слишком красивое наименование для такого сумасшедшего, как ты»,– подумала волшебница, пряча глаза и опасаясь, что профессор прочитает ее мысли. Но похоже, что Грозину не было никакого дела до ее мыслей и он ни о чем не догадался.

– Всех гениев их современники считали безумцами,– уклончиво ответила она.– Бросить вызов законам природы и совершить то, что считается невозможным,– всегда безумие.

Иван довольно расхохотался и воскликнул:

– Тонко подмечено!

Лариса окинула его неприязненным взглядом и отметила, что негодяй хорошо сохранился для своих шестидесяти лет. Интересно, зачем ему вечная молодость? Она бы еще поняла, если на этой почве снесло башню у стареющей Маргариты, но уж Грозин ей всегда казался умным и адекватным мужчиной. Конечно, его излишняя щепетильность в одежде и ухоженность до кончиков ногтей наводила на определенные мысли, но кто бы мог подумать, что профессор натурально сбрендил?

– Быть может, меня даже когда-нибудь оценят по достоинству,– задумчиво произнес Иван, выпуская облачко дыма.

– Да, ритуал вечной молодости – несомненно, важнейшее магическое достижение,– поддакнула Лариса.

– Ритуал вечной молодости? – удивился профессор, да так натурально, что Лара от неожиданности даже дым вдохнула и глухо закашлялась.– При чем тут это?

– Но как же,– растерялась она,– разве вы планируете использовать мой дар не для этого?

Грозин непонимающе посмотрел на нее и захохотал:

– Вот ведь люди! Мне она не нужна,– отсмеявшись, пояснил он.– Она у меня уже есть благодаря магии вампиров. Так же, как магия дриад, русалок, драконов, магнетиков и оборотней,– поведал профессор, самодовольно загибая пальцы.– Вот только дара к перевоплощению в людей у меня нет. Пока.

– Постойте! – в смятении воскликнула Лариса.– Но это невозможно... Я слышала только про одного мага, которому это удалось... Его звали Ренар, и он родом из Кукуя.

– Так ты все-таки смогла проникнуть в сны этой Глаши? – удивленно промолвил

Грозин.— Странно, я поставил хорошую заглушку, чтобы помешать вам увидаться. Неужели закон, который связывает вас, оказался сильнее?

— Так это из-за вас у меня ничего не получалось? — ошеломленно спросила Лара.— Но зачем вы это сделали?

Идеализированный образ Ивана-царевича таял на глазах. Мало того что профессор все это время мог создать новый амулет и вернуть ее в Кукуй, а он этого не сделал, так он еще и мешал ее общению с Глашей.

— Как зачем? Чтобы ты не могла ей ничем помочь с возвращением, чтобы ты осталась здесь. По какой-то неведомой причине мой родной мир оказался для меня закрыт. Я могу попасть в любые миры, а туда — нет. Наверное, на распределении я каким-то образом выдал себя, среагировав на название родного королевства, и Маргарита заметила это и убедила комиссию направить тебя именно туда.

Лариса потрясенно смотрела на Ивана-Ренара. Просто невероятно, чтобы чародей такой силы и таких возможностей прозябал на вторых ролях в коллегии и ходил на работу по расписанию! Видимо, ее мысли были такими очевидными, что маг не мог их не заметить.

— Тебя это удивляет? — усмехнулся он.— Действительно, за эти годы я кем только не успел побыть. И вождем революции, и полководцем-завоевателем, и писателем-пророком, и правителем-тираном, и великим любовником, и гениальным актером... Я прожил несколько интересных жизней, и как только мне надоедала одна из них, я просто переходил в другой мир и начинал новую. Иногда мне кажется, что я прожил не двести лет, а намного больше, ведь по насыщенности событиями моя жизнь превосходит десятки других. То, к чему многие идут всю жизнь, я получал за несколько месяцев. Но все в мире надоедает. Я решил отдохнуть от великих свершений и устроить себе каникулы, тогда я временно поселился в этом мире, где магия стала профессией, а волшебство — ежедневной работой. Такой организации магов, как здешняя, я не встречал ни в одном из миров, и было очень забавно познакомиться с этой системой изнутри, стать, так сказать, одним из ее винтиков. Я даже женился наконец, и это был мой первый опыт семейной жизни. Раньше как-то недосуг было. Рита оказалась необыкновенной женщиной, смелой, дерзкой, с сильным характером,— разоткровенничался он.— В чем-то она была даже моим отражением. Но это отражение, к сожалению для меня, со временем стало стареть. Мне было больно видеть это. Я мог контролировать свое старение благодаря магии вампиров, но был не в состоянии передать этот секрет Маргарите. К тому времени я так привязался к ней, что стал мечтать, что однажды я расскажу ей про себя все без утайки, а она станет моей верной спутницей в путешествиях между мирами. Но для этого надо было придумать, как сохранить ей молодость и остановить старение. Я стал экспериментировать с магическими формулами и заклинаниями, но мои идеи вызвали резкий протест у Риты, и она запретила мне даже думать об этом. Она стала подозрительной, несколько раз я замечал, что она копалась в моих записях, а однажды она устроила скандал из-за того, что не обнаружила у меня своей любимой морщинки в уголке рта. Я не стал объяснять, что раз в пять лет активизируется магия вампиров и стирает следы времени с моего лица. Она подумала, что я применяю запрещенные заклинания для омоложения. Мне надоели ее истерики и подозрительность, и я подал на развод. Я хотел было уже закончить эту жизнь и отправиться в другой мир, когда в школе появилась ты. Девочка с редчайшим даром. Что может быть привлекательнее для старого чародея, владеющего сильнейшими магическими секретами и мечтающего о приобретении новых?

— Так вы коллекционируете редкие сверхъестественные способности? — догадалась Лариса.

— Можешь называть это моим хобби.

— Но зачем это вам? Вы и так могущественнейший маг!

— Мне скучно,— с подкупающей улыбкой признался Иван.— Сама подумай, Лариса, если бы ты двести лет водила машину, тебе бы наверняка надоело крутить баранку и захотелось бы сесть за штурвал самолета? Так и я. Твой дар — для меня новые возможности.

«Мой дар для вас – новая игрушка», – подумала Лариса, а вслух спросила:

– Но неужели за эти годы никто в коллегии не догадался о вашей подлинной силе?

– Почему же, Стелла, – Иван назвал имя погибшей директрисы, – оказалась не по годам проницательной волшебницей. Она спровоцировала меня на применение запрещенной магии и убедилась в своих подозрениях. Вот только сообщить о них уже никому не успела.

– Это вы убили ее? – потрясенно прошептала Лара.

– Не совсем, – признал Грозин. – Я убил только тело, но ее душа каким-то образом вселилась в школьную кошку, которая в тот момент находилась рядом. С тех пор она меня недолюбливает и все время крутится под ногами.

Вот теперь Ларисе стало по-настоящему жутко. Она помнила Стеллу, волевою, умную красавицу с сильным характером. Директрисе было лет тридцать, но ее уважали самые опытные магистры. Она погибла в середине учебного года, Лариса и Настя тогда учились на первом курсе.

Если Грозина не смогла остановить даже мудрая Стелла, что сможет сделать она? Но и не попробовать было бы глупо...

– Иван Романович...

– К чему эти формальности? Можешь звать меня просто Иван.

– Не могу, Иван Романович, вы мой кумир, – с придыханием произнесла волшебница. – Разве можно к кумиру на ты?

– Как тебе удобнее, – милостиво разрешил тот.

– Иван Романович, я вижу, вы любите экспериментировать с заклинаниями. Вот подвал, например, запечатан от любой чужой магии, – поразительное изобретение! – восхитилась девушка. – Впервые с таким встречаюсь! Как вам это удалось?

– Заглушить чужую магию? – иронически усмехнулся Грозин. – Проще простого, это даже в школе проходят.

– Нет, я имею в виду, как вам удалось сделать так, что вашу собственную магию заклинание распознает и пропускает? У вашего колдовства есть какая-то особая характеристика?

– Ничего подобного. Ты ищешь сложные пути решения проблемы, так же как и многие наши штатные изобретатели, поэтому многие их эксперименты неудачны. В то время как решение лежит на поверхности, – уклончиво ответил Иван.

Неужели? От волнения сердце Ларисы даже биться перестало. Неужели секрет так прост? Но тогда у нее есть шанс...

– Иван Романович, – охрипшим голосом произнесла она, отбрасывая в сторону потухшую сигарету, – я давно хотела признаться вам...

– Да-да? – рассеянно откликнулся Грозин.

– Я не курю.

В следующую секунду точный удар головой в живот опрокинул профессора навзничь. Пригодились навыки боя, которые ей показывал Оливье. Неожданность – лучший рецепт против самой сильной магии. Замешательство Ивана дало Ларисе долю секунды преимущества, но этого хватило, чтобы вырубить сознание профессора простым, но верным заклинанием мгновенной отключки. Теперь у нее есть около минуты на то, чтобы вытащить Маргариту из подвала. Быть может, вдвоем они придумают что-нибудь получше.

Мгновение – и рядом с лежащим на полу мужчиной стоит его двойник. Еще секунда – и он уже тянет на себя люк, ведущий в подвал. Короткий луч света сканирует руку, и доступ открыт. Получилось! Слишком сложно настраивать систему защиты на распознавание нюансов магии, куда проще сделать ее по принципу внешней идентификации. Профессор все рассчитал правильно: другого такого Ивана на свете нет. Но он не принял во внимание существование Ларисы...

Мужчина скатился по лестнице вниз, шепча заклинание отмены, и женщина, получившая способность двигаться, вскочила на ноги, приготовившись защищаться. Не магией, так руками, ногтями, зубами.

– Маргарита, это я, Лариса! Быстро наверх! У нас нет времени!
Еще секунда, и они уже наверху.
– Что с ним? – коротко спросила Маргарита, переводя взгляд с неподвижного Ивана на его двойника.
– Мгновенная отключка, – доложил тот, на глазах превращаясь в девушку. – Не знаю, сколько у нас еще времени.
– Иван, что здесь происходит? – раздался позади знакомый надменный голос, и, обернувшись, Лариса увидела спускавшуюся со второго этажа Василису.

* * *

Монстр появился примерно через час. Дрогнула поверхность воды, побежали по ней круги, и примерно на середине озера вынырнула крупная вытянутая морда с торчащими ушами и стелющимися по воде длинными усами. С настоящими динозаврами этого уродца можно было спутать или с большого бодуна, или со страшного перепуга.

– Ну и чучело, – пробормотала Глаша, вскакивая и глядя на стремительно поднимающегося из воды монстра.

Тот медленно крутил головой в поисках ужина и наконец заметил две фигурки на берегу, застывшие от ужаса и даже не собиравшиеся бежать. Змей удивленно повел головой из стороны в сторону и хлестнул по поверхности воды длинным и тонким, как струна, хвостом. Казалось, холодный душ привел людишек в чувство, те задержались и что-то пронзительно закричали. Особенно усердствовала долговязая девица с волосами цвета осенней листвы... Змей удовлетворенно фыркнул и рванул к берегу.

– Ледяной горою айсберг из тумана вырастает, и несет его течение по бескрайним по морям, – дурным голосом взывала Глаша, глядя на надвигающуюся на них громаду.

Через мгновение ее окатило водой с ног до головы, а над озером разнесся протяжный вой. Это змей со всей силы врезался в появившуюся откуда ни возьмись гору льда.

– Рекламная пауза, – отфыркиваясь, объявила Гликерия.

Эффект превзошел ее ожидания. Девушка уже убедилась в том, что песня охлаждает воду, и лишь планировала слегка взбодрить монстра ледяной ванной. В глубине души она, конечно, надеялась, что в холодной воде тот долго не протянет и скоростно скончается от пневмонии, но внутренний голос язвительно подсказывал, что это лишь мечты. Так что появление в озере айсберга, который своими размерами мало уступал льдине, ставшей причиной гибели «Титаника», стало для нее приятной неожиданностью. Чего не скажешь про змея, гирей ушедшего на дно...

– Вот это да, – восхищенно выдохнул Оливье, отряхиваясь от воды. – Это его оглушит на пару минут. А что потом?

– После рекламы – еще интереснее, – сообщила она, сверяясь со шпаргалкой. – Впереди нас ждут самые убойные мелодии и самые зажигательные песни нашего специального хит-парада.

Когда змей показался из воды во второй раз, его ждал еще более коварный удар.

– Э-эх, дубинушка, ухнем, эх, родимая, сама пойдет, – взывала Гликерия, сверля глазами макушку монстра, и в воздухе прямо над ней возникла... гигантская дубинка, которая с грохотом обрушилась на голову не ожидавшего такой подлости змея и принялась с чувством мутузить ее.

– Исполинская дубина, – одобрительно присвистнул Оливье, пока его спутница на совесть выводила слова песни.

Наконец змей изловчился и перекусил дубинушку надвое. Та мигом потеряла все свои убойные свойства и камнем упала на дно. Морской гад довольно облизнулся, отыскал глазами строптивый ужин и рванул к берегу...

– Сиреневый туман над нами проплывает, над тамбуром горит полночная звезда, – запела Глаша, концентрируя взгляд на своем противнике, и над головой монстра возникли

клубы фиолетового дыма.

Змей глухо закашлялся, приободренная певица продолжила свою вокальную партию, и к середине второго куплета надо всей поверхностью озера клубился густой сиреневый туман, в котором беспомощно барахталось чудовище. У волшебного тумана был едкий запах и сильнейший слезоточивый эффект, поэтому монстру, со всех сторон окутанному тошнотворным дымом, не оставалось ничего иного, как спастись бегством и залечь на дно.

– Ты его отравила? – с надеждой поинтересовался маркиз, глухо откашливаясь.

– Вряд ли, – ответила Глаша, не сводя глаз с поверхности озера, над которой рассеивался дым.

– А что ты с ним сделала? – продолжил допытываться напарник.

– Как следует разозлила, – призналась она.

– Но зачем? – поразился Оливье.

– Хотела бы я знать, – рассеянно отозвалась девушка, глядя, как монстр в третий раз выныривает из воды.

Ошеломленное чудище пришло в себя и приготовилось отомстить за жестокие издевательства над собой, но тут его постигла очередная напасть. На этот раз его конечности сами собой пустились в бешеный пляс и отказались ему повиноваться.

– Танцуй, пока молодой, мальчик, танцуй, пока молодой! – весело распевала Гликерия, и змей послушно крутился вокруг своей оси, высоко подбрасывая лапы и смешно дергал мордой, как танцовщицы в индийском кино. – Ну где же ручки, ну где же ваши ручки, давай поднимем ручки и будем танцевать! – продолжила танцевальную тему девушка, угорая над уморительным зрелищем. – Танцы на воде-е, и-е, и-е, такого я не видал нигде, – под конец добила она чудище, но, несмотря на то что в процессе аквадискотеки оно потеряло немало сил, желания перекусить «строптивым ужином» у него не поубавилось. И стоило Глаше замолчать, как монстр снова рванул к берегу. – А ты не сдерживай слез, реви-реви, – затянула она на свой страх и риск. Но, как оказалось, ничто человеческое змею было не чуждо, и тот забился в истерику, молотя лапами по воде и исторгая из себя такие протяжные завывания, что, будь в Кукуе представители Гринписа, они бы непременно упекли Гликерию под стражу за измывательство над бедным животным.

– Чего это с ним, оно плачет? – в изумлении спросил маркиз, подбегая ближе к воде и вглядываясь в рыдающего монстра. А затем простодушно предположил: – Может, змей – это заколдованный человек, и теперь он вспомнил себя и раскаивается в своих преступлениях?

За свою доброту Оливье и поплатился: бьющийся в судорогах змей выбросил в маркиза тонкий и острый хвост и, насадив его, как на копьё, поднял в воздух и принялся молотить им по земле.

– Оливье! – взывала Глаша, оборвав песню на полуслове и бросаясь на выручку.

Монстр мгновенно пришел в себя и раззявил зубастую пасть, явно намереваясь закусить ее спутником. Девушка подхватила с земли выпавший меч маркиза и с ожесточением прокричала продолжение песни. Змей, снова потеряв контроль над собой, зашелся истерикой, а Глаша, не прекращая своих волшебных завываний, изо всех сил саданула его по хвосту. Хвост дернулся, сбросил Оливье на камни и стремительно исчез под водой. Дрожа от страха за жизнь своего спутника, девушка подскочила к нему и с ужасом разглядела глубокую рану, из которой ручьем хлестала темная кровь. Из глаз посыпались слезы, Глаша машинально прижала руки к лицу, и ее пылающие щеки обожгло ледяное прикосновение серебра. Браслет оборотней! Продолжая извлекать из монстра крокодильи рыдания и преодолевая свои собственные, она рванула его с запястья и поспешно натянула на руку метавшегося в беспамятстве Оливье. После чего схватила с земли камешек поувесистее и, с ненавистью уставившись на уродливую морду змея, страшным голосом проорала:

– Зажигай, чтоб горело ясно, зажигай, чтобы не погасло, зажигай, звезды в небе синем, зажигай, сделано в России, – и хорошенько размахнувшись, запустила булыжник в противника. Тот загорелся в полете и звездочкой упал в воду, которая тут же запылала синим

пламенем. В одно мгновение огонь охватил все озеро, монстр, пойманный в кольцо пожара, с ревом заметался по горящей воде.

Словно в гипнотическом трансе, Глаша продолжала выкрикивать слова песни и неотрывно следила за противником. Змей корчился в колдовском пламени, как бумажный кораблик, и быстро уменьшался в размерах. Последний яркий всполох озарил поверхность озера, и монстр рассыпался фейерверком искр по воде, вновь ставшей синей и безмятежной. Только угасающие искорки, опускаясь на дно, освещали ее изнутри, делая озеро похожим на звездное небо. Часы показывали без одной минуты двенадцать, и стрелка начала отсчет последних секунд ее абсолютной удачи. К счастью, она успела уложиться вовремя и победить... Вот только какой ценой? Больше всего в книгах она не любила, когда в финале умирал кто-то из героев, и вот теперь ее собственная история оказалась далекой от хеппи-энда.

Девушка бросилась к своему раненому спутнику, и тот со слабым стоном приоткрыл глаза.

– Оливье, – глотая слезы, прошептала она. – Как ты?

Тот, покачнувшись, приподнялся на локтях и задрал окровавленную и продырявленную рубаху.

– Кажется, жить буду, – ошеломленно сообщил он, глядя на нетронутую кожу и проверяя целостность ребер. – Это браслет оборотней? – Он с удивлением перевел взгляд на серебряную полоску на запястье.

Глаша лишь кивнула и с облегчением расплакалась. Кажется, ей все-таки повезло попасть в сказку.

Сквозь радугу слез она увидела, как в нескольких шагах от нее в воздухе вспыхнул круг серебристого сияния, и в этом круге покачивается амулет Ренара. Ее пропуск домой, конец сказки.

* * *

– Ты?! – поразилась Василиса, увидев Ларису, и вытаращила глаза.

– Вы знакомы? – удивилась Маргарита, с удовольствием запустив сгусток огня прямоком тетке в лоб. Тот, как теннисный мячик, отскочил в сторону и стал лупить Василису, то подпаливая волосы, то целясь в нос. Ведьма завертелась на месте, пытаясь отмахнуться от него, как от назойливой пчелы, но не тут-то было.

– У нас свои счеты, – прошипела Лариса, вспомнив, что ей пришлось пережить по вине любезной тети Васи.

– Тогда ты займись ею, а я – Иваном, – велела Маргарита, бросаясь к своему супругу.

Лара мстительно улыбнулась и приняла эстафету из рук преподавательницы, взяв на себя управление карающим огнем. Потушить его нельзя, можно только остановить, попросив искреннего прощения у того, кого обидел. А поскольку такое простое решение вряд ли придет в голову деревенской ведьме-вредительнице, от карающего огня она отделается не скоро.

Василиса крутилась на месте, как волчок, но при этом умудрялась сыпать проклятия со скоростью пять штук в минуту. Так что Ларисе тоже несладко пришлось: и солонка, из кухни прилетев, ей все свое содержимое в лицо бросила, и табуретка под ноги кинулась, все колени отбив, и топор над головой просвистел, на всем лету врезавшись в дверь, да так там намертво и застрял. При этом Василиса оставалась верна и своему репертуару, и Лариса, наученная горьким опытом, едва успевала перехватывать на лету обращенную к ней порчу, которую волшебница сейчас, подключив особое заклинание, распознававшее магию, видела как темные дымчатые кляксы. Казалось, ничто не могло остановить разошедшуюся тетю Васю. Разве только... Мгновением позже Лариса разминала безвольные Венечкины руки и осваивалась в его тщедушном и дряблом теле. В физическом плане не самый лучший вариант для схватки с поджарой Василисой, а вот в психологическом...

– Сынок! – пронзительно заголосила ведьма, замерев на месте, за что тут же поплатилась ударом огонька в ухо. – Ты что здесь делаешь? Я же сказала тебе сидеть в гостинице и не высовываться! Никто не должен знать, что мы в городе!

Сынок подслеповато прищурил глазки, растерянно улыбнулся и выбросил руку вперед, пригвоздив Василису к стене заклинанием магнита.

– Ах ты дрянь! – проверещала она. – Думаешь, тебе это поможет? Да я тебя уничтожу, мерзавка!

Пока Лариса и Василиса сыпали друг в друга всеми известными разрушительными заклинаниями, не щадя окружающей обстановки, Маргарита и Иван стояли на расстоянии нескольких шагов и не двигались. Несмотря на полное внешнее бездействие и отсутствие спецэффектов, воздух между ними раскалился от столкновения двух магий, и в этой молчаливой схватке женщина явно проигрывала мужчине. Наконец она с бессильным стоном отскочила назад и отгородилась стеной огня, который плескался ровной линией, не перекидываясь на другие участки дома. Ее противник склонил голову набок, прицокнул языком и внезапно присел на пол. Мгновение – и крупный серый волк перемахнул через забор огня и опрокинул женщину, навалившись на грудь тяжелыми лапами.

– Почему ты не со мной, Р-рита? – прорычал он. – Почему ты пр-отив меня?

– Потому что ты меня пугаешь, – выдохнула волшебница, подпалив зверю кончик хвоста.

Но тот даже не шелохнулся: огонь и вода были не властны над магом, которому русалки и драконы открыли свои секреты. Маргарита растерянно взидала на пламя, пробежавшее по холке волка и охватившее все его тело, но совершенно не причиняющее ему вреда. Волк по-собачьи встряхнулся, и пламя исчезло, не оставив на серебристо-серой шкуре ни единой проплешины.

– Что все это значит, Иван? – с ужасом прошептала женщина.

– Р-рита, Р-рита, – по-человечески усмехнулся волк, – ты меня совсем не знаешь, хоть мы и пр-рожили вместе десять лет.

– Да, я тебя совсем не знаю, – в смятении пробормотала она и, изловчившись, ударила зверя коленом в живот. Никакой магии, сплошная физиология. Но волк с воем отлетел в сторону, а Маргарита успела вскочить на ноги и броситься прочь по коридору...

А Василиса тем временем продолжала бомбардировать Ларису своими фирменными заклинаниями. Девушка в образе Вени едва успевала нейтрализовывать летящие в нее кляксы из черного дыма, выдававшие сильнейшую порчу. Ведьма была сильнее, карающий огонь, продолжавший усердно лупить ее, давал юной волшебнице лишь немного форы, и ее силы уже были на исходе. Силой тетю Васю не возьмешь, в какой-то момент поняла Лара, она опытнее и подкованнее, а вот хитростью извести можно. Лариса отбила три новых кляксы и зашептала заклинание иллюзии, навешивая на облик Венечки несколько наиболее эффектных уродств, коими ее щедро осыпала мамаша прототипа: ожог в пол-лица, язвы на руках и шее. Пусть посмотрит на результат своего колдовства на мордочке любимого сыночка.

– Мама, – жалостливо провыл Венечка, – зачем ты это делаешь? Ты меня убиваешь! – пролепетал он и шмыгнул носом. Да так правдоподобно, как один только он умеет. И Василиса опустила руки, на мгновение поверив в то, что перед ней ее родной сын.

Ларисе только это и надо было. Она бросилась к ведьме, с разбегу заключив ее в объятия, и прижала к себе. Для заклинания, которое она собиралась применить, был необходим полный телесный контакт. Василиса заверещала, замолотила руками, но Лариса держала ее крепко, и ведьма обмякла в ее хватке и осела на пол, стремительно покрываясь язвами и коростой. Лара возвратила Настиней тетке не только ту порчу, которую ведьма направила на нее, но и все то зло, которое она причинила другим в своей жизни. Такому в школе не учат, этот способ она переняла у кукуйских ведуний. И судя по тому, как тетя Вася беспомощно корчилась на полу, превращаясь в прокаженную из фильма ужасов, порча эта была несовместима с жизнью.

– Иван, – прохрипела она, обращаясь к подскочившему сзади волку, – помоги...

– Дур-ра, – прорычал тот, – я же сказал – девчонку не трогать.

Лариса, увидев воочию опасность куда более серьезную, чем вредная Василиса, понеслась влево к подвалу, туда, где из-за угла о чем-то отчаянно жестикулировала Маргарита. И пока волк, уверенный в своем превосходстве, неторопливо трусил за ней следом, она споткнулась о крышку люка и поняла суть Маргаритиной пантомимы. Шанс на спасение у них был, оставалось уповать на удачу.

Удержавшись на ногах, Лариса развернулась лицом к оборотню, и тот увидел свое собственное лицо, лицо Ивана-Ренара. Разозленный волк в прыжке бросился на дерзкую девчонку, посмеившую украсть его индивидуальность, желая повалить двойника наземь и сбить с нахальной практикантки свою личину. Но та, не меняя облика, успела наклониться, дернуть на себя крышку люка и отскочить в сторону. Приземлился волк уже в подвал, и секундой позже люк над его головой захлопнулся.

– Повезло, – выдохнула Лариса, избавляясь от образа Ивана и с дрожью опускаясь на пол. – Или нет? – Она пытливо уставилась на вышедшую из-за угла Маргариту.

– Я немного подкорректировала траекторию прыжка, – признала та, присаживаясь рядом и опасливо глядя на люк.

Судя по тому, что тот так и не раскрылся, выпуская волка наружу, Иван стал заложником своего же изобретения. Заглушка, не признав хозяина в зверином обличье, не позволила ему ни перекинуться в человека, ни применить магию.

– Что будем делать? – тихо спросила Лариса.

Маргарита молчала. Волшебницы понимали, что, стоит Ларе обернуться Иваном и открыть подвал, маг вырвется наружу, и его не остановит даже армия высших волшебников. А, оставшись в подвале, волк просто погибнет с голоду, и никто, кроме Ларисы, способной принять его человеческий облик и открыть люк, не сможет выпустить его оттуда...

– Ничего, – наконец проговорила Маргарита, поднимаясь с пола. – Идем отсюда.

– А что мы скажем остальным? – поинтересовалась девушка.

– Ничего не скажем, – строго сказала преподавательница, направляясь к выходу из дома. – Нас здесь не было, мы ничего не знаем, и к исчезновению Ивана Грозина не имеем никакого отношения.

– А... – Лариса с отвращением покосилась на подпирающую стену мумию, в которую превратилась Василиса.

Маргарита даже головы поворачивать не стала, лишь взгляд бросила – и та запылала в синем пламени, не оставив после себя даже горсти пепла.

Насте Лариса рассказала всю правду. Как-никак подруга знала, что она отправляется на встречу с Грозиным, и могла сболтнуть лишнее, когда в коллегии стало бы известно об исчезновении профессора. Да и тетя Вася ей была не чужая...

Похоже, истинной причиной появления ведьмы в городе были тайные делишки с Иваном, а заодно уж она решила наладить и Венечкину личную жизнь и напрячь племянницу.

Как только вопрос с сыном разрешился, Василиса съехала в гостиницу, сообщив Насте, что возвращается домой, чтобы в случае чего ни одна живая душа не догадалась о ее причастности к запрещенному обряду. С Ларисой их свел случай, и ведьма даже не догадывалась о том, что именно ради этой девушки ее срочно вызвал Грозин, до тех пор, пока не увидела ее на даче...

На смерть Василисы Настя отреагировала достаточно спокойно, даже с каким-то облегчением, а вот сообщение о тайной жизни Ивана-царевича привело ее в полное замешательство. Как и все студентки, Настя была чуточку влюблена в неотразимого профессора, щедро источавшего флюиды магии магнетиков, и известие о том, что его харизма – результат волшебства и что на самом деле Грозину больше двухсот лет, просто потрясло любовную фею.

Девчонки весь вечер проплакали, как-то сразу повзрослев на несколько лет. А на следующее утро, когда Настя пришла разбудить Ларису, то обнаружила постель подруги пустой...

* * *

Жизнь Кукуя вернулась в свое обычное русло. С возвращением Клариссы жители вздохнули спокойно и с прежним рвением ринулись атаковать замок волшебницы в часы приема. Насытившаяся шоколадом и сладостями Лариса больше не роптала на свою участь, не отваживала посетителей волшебным дождем, а добросовестно исполняла свои обязанности оставшиеся два года. В том числе приструнила старого короля, вернула свободу жекам и реабилитировала их доброе имя.

Между жителями деревни Лысая Балда и драконами установились мир и согласие. Селяне продолжили снабжать огнедышащих соседей буренками, а те щедро отсыпали им свои сокровища.

Салон тетушки Гламурии не знал отбоя от клиентов, и бывшей сумасшедшей травнице, как и предрекала Глаша, пришлось расширяться. Люсинда стала первой в истории Кукуя руководительницей сети магических салонов, а имя, данное ей Глашей, сделалось самым прибыльным товарным брендом королевства.

Семейство Коротоножко переехало в новую просторную квартиру. Оставшихся после продажи драгоценностей денег хватило на то, чтобы оплатить учебу Глаши на журфаке и отложить значительную сумму на будущее. За счастливые билеты, выпадавшие Гликерии на экзаменах, стабильные выигрыши в лотерею и постоянное везение сокурсники прозвали ее везунчиком.

Исчезновение Ивана Грозина стало еще одной неразгаданной тайной школы магии.

Детективы Арины Нарышкиной быстро завоевали популярность у любителей жанра, и Арина стала одним из самых успешных и востребованных авторов в этой области. Будущий муж, с которым она познакомилась благодаря Насте, искренне гордился невестой.

Роман Ларисы и Оливье закончился свадьбой. Маркиз женился на хорошенькой фрейлине Аделины, а Лариса в тот же день отправилась в Москву и вскоре приступила к работе в опергруппе магов. Но это уже совсем другая история.